Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1926. ИЮНЬ 6

ИЗД. ГОСПЛАНА СССР МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 6

ИЮНЬ

1926 г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ принимают участие:

Ай-Квак (Голланд. Индия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Бер (Англия), Бернацкий Л. Н., Бессонов С. А., Богданов П. А., Боголепов Д. П., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Брон С. Г., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишеров Л. А., Владимирский М. Ф., Гавен Ю. П., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дзержинский Ф. Э., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И. Каменев Л. Б., Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Красин Л. Б., Кравец В. П., Крицман Л. Н., Кржижановский Г. М., Круг К. А., Кукель С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лауэстон (Америка), Лежава А. М., Лосицкий А. А., Людвиг (Германия), Мак-Манус А. (Англия), Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Мотылов В. Е., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осинский В. В., Первушин С. А., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Прянишников Д. Н., Пятаков Г. Л., Раевский Я. Г., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рольф (Германия), Рой (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Фалькнер С. А., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Хренников С. А., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Чиликин М. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шателен М. А., Шейн С. Д., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А., Юр и др.

Главлит № 62434. Типография изд-ва „Правда и Беднота“. Москва, Серебр. наб., д. 23-а. Тираж 6.050

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

С. Г. Струмилин. К вопросу о денежной инфляции и дефляции 7
В. Г. Громан. Обзор народного хозяйства СССР за первое полугодие 1925/26 г. 21
С. М. Киселев. Оценка текущего состояния денежного обращения 38
В. А. Базаров. «Кривые развития» капиталистического и советского хозяйства 51
В. М. Смирнов. Вопросы кредита 95
Г. Гордеев. К проблеме индустриализации сельского хозяйства 112

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Е. Варга. Южная Америка 127
Л. Эвентов. Мировое хозяйство в первом квартале 1926 г. 138

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

В. А. Гайдук. Состояние, задачи и перспективы дорожного строительства в СССР. 153
С. И. Кричевский. Значение фабрично-заводских теплоэлектроцентралей текстильных предприятий 170

ОТДЕЛ IV

По районам

Гр. Гринько. Плановые проблемы украинской экономики 179
Г. Черданцев. Проблемы хозяйственного строительства национальных автономных республик и областей (АССР и АО) 194
Н. Козловский. Экономико-географические данные о национальных автономиях. 200

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Арсан. Двойная бухгалтерия коммуноидов 215
М. Б. Рубанов. Л. Н. Юровский. 1) Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. 2) Современные проблемы денежной политики 224
И. Браславский. Б. Гольдшмидт. Очерк хозяйственной и социальной политики Соединенных Штатов 226
С. Коидрашев. П. Д. Крутиков. Состояние ирригации Узбекистана и ее перспективы. Н. И. Бельков. Содоклад по ирригации Сельскохозяйственного отдела Узбекхлопка. 228
Г. Шуб. бюллетень Биржевой статистики 230
П. Горшечников. Журнал «Народное хозяйство Центрально-Черноземной области» 232

ОТДЕЛ VI

Статистика

Н. Вишневский. Продовольственный и кормовой балансы зерновых культур на 1925/26 г. 237
Динамика народного хозяйства. Бюллетень № 18 251
Динамика мирового хозяйства. Бюллетень № 5 (15) 263

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

С. Г. Струмилин

К вопросу о денежной инфляции и дефляции

I. Постановка проблемы и определения

В практике обсуждения кон'юнктурных обзоров и построения кредитно-эмиссионных планов последних лет выяснилось отсутствие общепризнанных критериев для суждения о наличности в стране инфляции или дефляции. Одни и те же кон'юнктурные признаки истолковывались представителями одного ведомства, как признаки угрожающей инфляции, в то время как представители других ведомств видели в них несомненное доказательство уже наступившей дефляции.

Конечно, давно уже было сказано, что даже такая элементарная истина как дважды два—четыре, если бы она больно задевала чьи-либо групповые интересы, не получила бы и доныне общего признания. Кредитные же планы, проектируемые под влиянием идеологии инфляционистов или дефляционистов, настолько остро задевают целый ряд существеннейших ведомственных и общегосударственных интересов, что ожидать полного единогласия при их разрешении было бы чистейшей утопией. Тем не менее можно и должно добиться взаимного понимания хотя бы среди той группы исследователей и общественных деятелей, которые чужды тем или иным специальным ведомственным интересам и способны подняться до общегосударственной точки зрения в этом вопросе.

Вот почему Госплан организовал недавно специальную комиссию с привлечением в нее заинтересованных ведомств и специалистов для того, чтобы совместно проанализировать существо спорных моментов в этой чрезвычайно для нас важной проблеме и приблизиться к возможно об'ективному разрешению затяжного спора наших советских инфляционистов и дефляционистов.

В комиссии по изучению признаков инфляции мы прежде всего попытались установить точно содержание понятий „инфляция" и „дефляция", при чем сразу же выяснилось, что даже в этом вопросе не так просто добиться единомыслия. А именно, в комиссии выдвинуто было целых три определения.

По одному из них инфляцией следует считать всякий новый выпуск денежных знаков в обращение, а дефляцией—из'ятие их из оборота независимо от каких-либо иных привходящих обстоятельств. Филологически это, повидимому, вполне безупречное истолкование приведенных слов, но экономически—столь же бессодержательное,

как и всякая иная тавтология. Выпуск денег в обращение при всяких обстоятельствах есть выпуск, а не из'ятие. Это бесспорно. Но такое „углубление" в проблему денежного обращения отнюдь еще не может помочь нам в наших затруднениях, когда мы стоим перед проблемой о степени насыщения оборота денежными знаками и решаем вопрос о том, на какую сумму можно и должно увеличить или сократить наличную денежную массу за ближайший месяц, квартал или год.

Другое определение, предложенное в комиссии, называет инфляцией такое состояние денежного обращения, когда покупательная сила денег падает, а дефляцией такое, при котором она растет.

С формальной стороны и это определение не хуже всякого другого. Но практически и оно в достаточной степени бесплодно. Можно условиться понимать данный термин—„инфляция"—и в предложенном смысле. К тому же оно подкупает своей простотой. Никаких затяжных споров о том, наблюдается ли у нас инфляция или дефляция в тот или иной момент, при таком определении не возникало бы. Достаточно было бы лишь обратиться к показаниям товарных индексов и посмотреть, растут или падают товарные цены по отношению к предыдущему моменту, и задача решалась бы „в два счета". Если цены растут, значит у нас „инфляция", если падают—стало быть, „дефляция". Но, увы, такие решения ни на шаг не подвинули бы нас к цели, ибо показания индекса цен отнюдь еще не отвечают нам на вопрос, нужно ли выпускать или изымать из обращения денежные знаки в данный момент.

В самом деле, возьмем хотя бы наш довоенный опыт эмиссии. После пережитой нами последней промышленной депрессии, т.-е. с 1909 по 1914 гг., мы наблюдаем в течение 5 лет почти непрерывный рост денежной массы в обращении при столь же непрерывном возрастании товарных цен и, стало быть, падении покупательной способности золотого рубля. Но если бы мы даже назвали этот процесс инфляцией, то можно ли было бы упрекнуть Госбанк в том, что он напрасно допустил ее, выпуская деньги в обращение в то время, когда надо было изымать их из него.

Конечно, нет. Мы знаем теперь отлично, что после 1909 г. мы вступили в полосу промышленного под'ема, и денежная масса росла в лучшем случае лишь в меру потребности возрастающего товарооборота, ибо она дала номинальный прирост с 1 января 1909 г. за 5 лет всего на 30%, в то время как учтенный товарооборот за 1908—1913 гг. возрос на целых 42%.[1] И если все же покупательная сила рубля упала за это время процентов на 6, то причина этого явления лежала вовсе не в том, что все товары за это время дорожали, а скорее в том, что один из них, а именно золото, заметно подешевел.

[1] См. С. Г. Струмилин. Наши эмиссионные возможности, сборн. „На хозяйств. фронте" М. 1925 г., стр. 184—187.

Рост товарного индекса без анализа причин этого роста и отчетливого уяснения—на стороне денежной единицы или товаров лежат эти причины—вовсе не дает нам еще ответа на вопрос, много или мало у нас денег в стране и какой эмиссионной политики нам следует держаться. Практически же только в этом и лежит основной стержень всех наших споров об инфляции или дефляции. А потому его следует включить в самое определение этих понятий.

В таком случае инфляцией придется назвать такой *процесс*, когда в каналах обращения создается избыток денег по сравнению с нормальной в них потребностью наличного оборота, а дефляцией, наоборот, мы назовем процесс сокращения их по отношению к той же потребности.

Конечно, такое определение не содержит еще в себе готового рецепта, как отличить практически инфляцию от дефляции в каждый данный момент. Но оно ставит интересующую нас проблему во всей ее широте. Для ее разрешения недостаточно будет простой арифметической справки о движении тех или иных индексов, ибо здесь каждый раз потребуется не только статистический, но и экономический анализ всей хозяйственной обстановки страны. А для того, чтобы не разойтись уже в исходных пунктах этого анализа, мы должны прежде всего указать, на какой теоретической базе мы собираемся его строить.

2. Теоретические предпосылки

Чтобы не плодить излишних теоретических контроверз, заявим сразу же, что мы стоим на точке зрения теории денег, изложенной в свое время Карлом Марксом и доныне никем еще не опровергнутой, а если наши противники держатся иной, то на них и будет лежать бремя, прежде всего, доказать несостоятельность этой теории.

К интересующей нас теме наиболее прямое отношение имеют следующие положения теории Карла Маркса.

Прежде всего, чтобы избежать денежного фетишизма, который ничуть не лучше фетишизма товарного, необходимо себе усвоить, что деньги не вещь, а общественное отношение людей.[1] „Деньги—это кристаллизация меновой ценности товаров, кристаллизация, которую они сами производят в процессе обмена". Общественные отношения людей представляются в этом процессе в форме специфических свойств вещи, именуемой деньгами, но это превращение представляет собою, по выражению Маркса, ту „прозаически-реальную мистификацию", которая характеризует собою все общественные формы труда, создающего меновую ценность. „В деньгах эта мистификация выступает только ярче, чем в товаре".[2]

[1] Мы очень извиняемся перед читателями-марксистами в том, что нам приходится говорить о таких элементарных и известных даже рабфаковцам вещах. Однако, горький опыт убедил нас в подобной необходимости.

[2] К. Маркс. К критике полит. экономии, пер. П. П. Румянцева. СПБ. 1907 г., стр. 31.

Формы, в которых функционируют деньги, многообразны. Мы различаем, например, деньги как мерило ценности, как орудие обращения товаров, как платежное средство в кредитных сделках и как орудие накопления.

Чтобы служить орудием накопления, деньги должны быть извлечены из каналов обращения, обращаясь в сокровища, они не участвуют в товарообмене и, стало быть, уже поэтому не могут никак влиять на товарные цены.

Иначе обстоит с той частью денежной массы, которая функционирует в роли орудия обмена. По общепринятым воззрениям количественной теории денег товарные цены при прочих равных условиях должны расти или падать прямо пропорционально этому количеству денег, вступающих в оборот на товарном рынке. Но Маркс отвергает эту концепцию в корне. И, поскольку речь идет о золотом обращении, устанавливает диаметрально противоположное положение. По Марксу „цены высоки или низки не потому, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а наоборот, в обращении находится больше или меньше денег потому, что цены выше или ниже. [1]

В самом деле, мы знаем, что меновая ценность, а стало быть, в последнем счете и рыночные цены всех товаров, не исключая золота, определяются уже в общественном процессе их воспроизводства.

Конечно, различное строение капитала в разных отраслях создает возможность известных отклонений рыночных расценок отдельных товаров от их трудовой ценности. Но поскольку речь идет о всей товарной массе, противополагаемой золоту в качестве всеобщего эквивалента ценности,—а для теории денежного обращения только такое противоположение и возможно,—то частные отклонения цен от общего закона ценности для нас не представляют никакого интереса.

Что же произойдет, если в тот или иной момент золота—при данной его расценке по отношению к другим товарам на рынке—окажется больше, чем его требовалось бы для реализации наличного запаса товаров?

На это может быть два ответа. Согласно вульгарной теории—по „закону спроса и предложения"—изменится относительная расценка золота и товаров. Согласно же теории Маркса, поскольку речь идет о всей товарной массе, обмен произойдет на основе эквивалентности овеществленных в товарах и золоте трудовых затрат, а избыток золота будет попросту извлечен из каналов обращения и использован в роли средств накопления, сокровищ. Само собою разумеется, что стоя на базе теории трудовой ценности, мы можем принять только это второе решение.

[1] Там же, стр. 95.

Таким образом, при золотом обращении количество денег в обороте не влияет на цены уже потому, что оно всегда автоматически выравнивается по потребности в деньгах самого оборота. „Окостенение обращающихся денег в сокровища и приливы сокровищ в обращение,—говорит Маркс,—это постоянно изменяющееся колебательное движение. Следовательно, сокровища являются каналами прилива и отлива обращающихся денег, так что всегда обращается только такое их количество, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей обращения". [1]

Иными словами, для денежной инфляции или дефляции в принятом нами смысле,—при золотом обращении,—нет и не может быть места. И если индексы обнаруживают все же и в странах золотого обращения непрерывные колебания уровня товарных цен или, что то же, покупательной силы денежной единицы, то об'яснять их можно меняющимися условиями производства золота и других товаров, временными колебаниями кон'юнктуры рынка на те или иные группы товаров, входящих в состав индекса, или из каких-угодно других изменений экономики данной страны, но только не за счет общей денежной инфляции или дефляции.

Все сказанное относится, однако, лишь к золотому обращению со свободной чеканкой золота или к банкнотному, обеспеченному свободным разменом на золото по указанному паритету. В этом последнем случае избыточный выпуск бумажных денег тоже не может создать никаких инфляционных затруднений для оборота, ибо весь избыток бумажек автоматически будет вытолкнут из оборота путем пред'явления их в случае нужды к размену в эмиссионные учреждения. [2]

В случае бумажного обращения, не обеспеченного свободным разменом на золото по фиксированному курсу, создается иная ситуация. Так как бумажные деньги имеют принудительное хождение,

[1] Там же, стр. 130. Курсив наш.

[2] ..„От произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен размен их на деньги"... „Всякий избыток обращения превратится в вклады и, таким образом, примет иную форму". „Следовательно, влияние на количество обращающихся денег—банкнот и золота—оказывают лишь потребности самого торгового оборота" (Капитал, т. III, ч. II, стр. 63—65).

Здесь кстати будет отметить, как Маркс расценивал золотые банковские резервы с точки зрения потребностей банкнотного денежного обращения. „Обращение банкнот, не завися от воли английского банка,—говорит он,—является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает размен этих банкнот". Что касается пользы этого разменного золотого фонда, святость и неприкосновенность которого для нужд обращения диктуется законом, то она характеризуется у Маркса следующей цитатой: „Эти деньги... с таким же успехом можно было бы бросить в море" (там же, стр. 65 и 102).

Что же тогда можно сказать о „святости и неприкосновенности" нашего золотого фонда Госбанка, не призванного пока служить даже целям размена?

то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольное количество билетов, дав им произвольные монетные названия: червонец, 5 червонцев, 10 червонцев. „Билеты, раз попавшие в обращение, нет возможности выбросить из него, потому что пограничные столбы страны ограничивают их движение, а вне обращения они теряют всякую ценность—как меновую, так и потребительную. Оторванные от своей функции, они превращаются в ничего не стоящие клочки бумаги".

Такие бумажные деньги не имеют собственной ценности, они являются лишь символическими знаками ценности и, поскольку они заменяют в обороте золото, они не могут представлять собою в общем итоге большую сумму, чем та реальная ценность, которую они собою заменяют. „В том самом отношении, в котором увеличилась бы общая сумма знаков ценности, уменьшилось бы количество золота, представляемое каждым из них".

В этом случае инфляция в нашем смысле этого слова, стало быть, вполне возможна. Она сопровождалась бы при прочих равных условиях прямо пропорциональным избытку денежных знаков обесценением их или, что то же, соответствующим повышением общего уровня товарных цен. При чем здесь „возрастание цен было бы,—по замечанию Маркса,—только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки ценности тому количеству золота, вместо которого они обращаются".

„Возрастание или падение товарных цен, с увеличением или уменьшением суммы бумажных денег,—если последние составляют единственное орудие обращения,—является, таким образом, только насильственным осуществлением в процессе обращения закона, механически нарушенного извне,—закона, в силу которого количество обращающегося золота определяется ценами товаров, а количество обращающихся знаков ценности—количеством золотых монет, которое они заменяют в обращении". [1]

Опыт такого обращения неразменных денежных знаков мы имели в продолжение целого десятка лет, начиная с об'явления мировой войны до денежной реформы 1924 г. Это была эпоха все возрастающей денежной инфляции. И в эту эпоху обесценение денежных знаков шло таким бешеным темпом, что никаких иных, более тонких измерителей перенасыщения оборота деньгами не требовалось. Степень денежной инфляции получала вполне достаточное отражение в индексах возрастания цен, хотя и в то время не все возрастание индекса можно было отнести за счет одной лишь денежной инфляции.

Более точным измерителем степени инфляции, согласно выше изложенной теории, было бы прямое сопоставление количества денежных знаков, фактически выпущенных в обращение, с тем количеством одноименных золотых монет, какое в каждый данный изучаемый момент был бы достаточным для нормального обслуживания наличного оборота.

[1] Там же, стр. 111—113.

Как известно, эта норма, согласно теории Маркса, определяется прежде всего,—при прочих равных условиях,—суммой подлежащих реализации товарных цен, исходя из данной расценки товаров в отношении золота, во-вторых, суммой платежей по кредитным и всяким иным обязательствам и, в-третьих, скоростью обращения денег в в качестве орудия обмена и платежного средства. При этом первые две величины связаны с количеством денег в обращении прямой пропорциональностью, а третья—обратной.

Конечно, при этом из валовой суммы товарных цен и платежей подлежит вычету та их часть, которая реализуется без участия денег в монете, т.-е. прежде всего путем взаимного зачета обязательств, а в таких странах полунатурального хозяйства, как Россия, и путем натурального обмена или оплаты натурой разного рода услуг и обязательств. Точно так же ясно, что в понятие „суммы товарных цен, подлежащих реализации",—поскольку некоторые товары по дороге от производителя к потребителю реализуются не один раз, а два—три раза и больше,—мы должны включать не однократную сумму товарной массы, а сумму товарного оборота, т.-е. товарную массу, умноженную на среднее число ее оборотов на пути от производителя до потребителя. Но эти оговорки не меняют общего закона, сформулированного Карлом Марксом в следующих строках:

„При данной быстроте оборота денег, как орудия обращения или как платежного средства, общая сумма денег, обращающихся в данный период времени, определяется общей суммой имеющих быть реализованными товарных цен плюс вся сумма расплат, приходящихся за это время, минус сумма расплат, взаимно погашающихся". [1]

Исходя из этих положений, взаимозависимость интересующих нас величин можно было бы выразить следующей элементарной формулой:

$$X = \frac{k\,(T-t)\,J}{n} + \frac{P-p}{n_1} \quad \ldots\ldots\ldots \quad 1),$$

где X—денежная масса, потребная обороту, в золоте, T—вся товарная масса, подлежащая реализации за данный период, в количественном выражении, [2] t—та доля товаров, которая реализуется безденежно, k—коэффициент обращаемости реализуемых за деньги товаров, J—средняя взвешенная цена в золоте за единицу товара или товарный индекс цен, если физический об'ем товарной массы

[1] Там же, стр. 142.

[2] При изучении динамики оборота здесь могут быть использованы коэффициенты роста „физического об'ема" товарной продукции.

выражен, скажем, в довоенной оценке, P — общая сумма денежных платежей и p — та доля платежей, которая осуществляется безденежно путем зачета и т. п., а n и n_1 — число оборотов денежной единицы за данный период в качестве орудия обращения товаров и платежного средства.

Все элементы, входящие в состав приведенной формулы, поддаются статистическому учету. За прошлое время необходимые коэффициенты могут быть исчислены по отчетным материалам, а для текущих нужд регулирования денежного обращения можно было бы организовать кон'юнктурные наблюдения за динамикой тех же коэффициентов. И, стало быть, не только факт наступления инфляции или дефляции, но и числовую меру нарастания инфляционных или дефляционных процессов, исходя из вышеизложенных теоретических предпосылок, возможно установить с полной об'ективностью. Задача же регулирования денежного обращения при наличии таких наблюдений сведется, говоря словами Маркса, просто к тому, что „выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото". [1]

3. Индексы цен и скорость обращения

Анализируя общую формулу денежного обращения, нетрудно установить, динамика каких величин может быть использована в качестве наиболее достоверных и точных показателей инфляции и дефляции.

Начнем хотя бы с индекса цен. В нашу формулу входит только индекс товарных цен, выраженных в золоте. И это вполне понятно. Лишь золото, представляя собою овеществленное рабочее время, может служить мерой общей ценности товарной массы, подлежащей реализации. И если золото по отношению к товарам дешевеет, то его требуется больше для целей обращения, а если дорожает, то денежная масса должна сократиться. Но, поскольку мы перешли после 1913 г. от золотого рубля к бумажному и у нас все цены выражены в бумажных рублях, равных по покупательной своей силе, скажем, $^1/_2$ одноименной золотой единицы 1913 года, то для приведения к золотым ценам этого года обе части равенства в нашей формуле пришлось бы лишь разделить на этот коэффициент покупательной силы бумажного рубля по отношению к золоту или, что то же, умножить их на индекс цен, выраженных в бумажной валюте, по отношению к ценам 1913 г. Само собою разумеется, что на такой общий множитель можно сократить обе части равенства без всякого ущерба для значимости нашей формулы. Вот почему мы и не вводим его в эту формулу.

Тем не менее, динамика индекса цен при известных условиях, несомненно, является одним из важнейших показателей инфляционных или дефляционных процессов. Так, например, если скорость обращения денежной единицы заведомо не изменилась, а цены все же растут, то, значит, количество денежных знаков по отношению к величине товарного и платежного оборота велико, и мы вступили в полосу инфляции. Но и в этом случае показательны только изменения индекса и покупательной силы рубля, а не абсолютная его величина. В самом деле в 1895/96 г. до девальвации бумажный рубль достигал едва двух третей золотого рубля, но он приближался к нему возрастая, а не падая, и потому мы имели здесь скорее дефляционный, чем инфляционный процесс.

Но мыслимы условия, при которых колебания индекса цен вовсе не могут служить показателем инфляции или дефляции. Таковы, прежде всего, условия золотого обращения, при котором, согласно теории Маркса, вообще не может быть инфляции или дефляции, ибо излишек золота автоматинески выпадает из обращения, а недостаток столь же автоматически покрывается приливом золота из резервуаров накопления „сокровищ". Но и в условиях неразменной бумажной валюты, когда инфляция и дефляция вполне возможны, показания индексов цен далеко не всегда могут их обнаружить. Типичный в этом отношении пример представляет как раз наше червонное обращение, при котором покупательная сила денежной единицы поддерживается, прежде всего, регулированием цен на продукты государственной промышленности.

Связанные прейскурантом Наркомвнуторга отпускные цены наших синдикатов не могут произвольно колебаться, следуя за каждым изменением бумажно-денежной массы в обращении. А между тем бумажное обращение не обладает, подобно золоту, свойством автоматического саморегулирования количества денежных знаков в каналах обращения. Что же должно воспоследовать в этом случае при внедрении в оборот излишка денежных знаков по сравнению с потребностью в них оборота?

В схеме Маркса нет прямого ответа на этот вопрос, ибо капиталистическое общество не знает государственного регулирования цен, и Марксу не было нужды специально рассматривать такой случай. Но его формулировки закона денежного обращения заключают в себе все элементы, необходимые для ответа на этот вопрос. В самом деле, если, анализируя формулу 1), мы допустим, что сумма обращающихся товарных ценностей и платежей есть для нас заранее данная величина, не подлежащая изменению, а сумма денежных знаков меняется, при чем покупательная сила этих знаков закреплена определенным прейскурантом цен и потому не может изменяться в обратном отношении к количеству денежных знаков, то для сохранения равенства обеих частей формулы останется только одно допущение: за каждым увеличением покупательной силы денежной массы по отношению к сумме подлежащих реализации товаров и платежей в стране будет следовать соответствующее уменьшение средней

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. Госиздат, 1923 г., стр. 95.

скорости обращения денежных знаков и, обратно, всякое сокращение денежной массы по отношению к товарно-платежной массе возможно только за счет соответствующего ускорения оборачиваемости денежных знаков. [1]

Таким образом, вместо отказывающегося служить этой задаче индекса цен мы получаем здесь новый показатель перенасыщения оборота деньгами или денежного голода в стране. И, как явствует совершенно недвусмысленно из формулы, показателем денежного голода или дефляции будет ускорение оборота бумажных денег выше средней оборачиваемости денег при золотом обращении, а показателем инфляции будет, наоборот, соответствующее замедление скорости их обращения.

Скорость обращения денег в виду сказанного заслуживает нашего специального изучения. До последнего времени даже среди марксистов этому моменту не уделялось должного внимания. Находились даже такие экономисты, которые вообще пытались игнорировать этот основной элемент в учении о денежном обращении. Тем больше оснований будет нам обратиться здесь непосредственно к первоисточнику этого учения и посмотреть, что было высказано по этому вопросу в свое время еще самим Марксом.

Понятие „скорости“ или „быстроты“ обращения денег, по Марксу, измеряется числом оборотов монеты в единицу времени. Оборотом монеты при этом считается всякий переход ее из одних рук в другие или из одной кассы в другую в результате акта купли-продажи или иной сделки. Конечно, одни монеты совершают больше оборотов за данное время, другие меньше. Но в общем процессе обращения каждая данная монета становится, так сказать, „ответственной“ за остальные, и если одна ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой. „Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных монет дает, однако, среднюю скорость обращения денег“. [2]

„Значение монеты в процессе обращения,—замечает Маркс в другом месте,—равняется заключенному в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов“. „Поэтому, если растет число оборотов монет, то уменьшается масса их, находящаяся в обращении. Если уменьшается число их оборотов, то растет их масса“. „Следовательно, быстрота оборота золота может заменять его количество“. [3]

[1] В более обобщенной формулировке мы находим эту мысль в следующих словах К. Маркса: „При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает быстрота их обращения“ (Капитал, т. I, стр. 83, курсив наш).

[2] Капитал, т. I, стр. 87—88.

[3] К критике полит. экономии, стр. 98 и 94; Капитал, стр. 88.

Вообще говоря, по Марксу денежная масса в обращении определяется тремя основными фактами, среди которых находит свое место и скорость обращения. „Эти три фактора—движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег—могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях, поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения варьирует в очень широких пределах“ (Капитал, т. I, стр. 89). Но в условиях простого денежного обращения (золотого), не осложненного обращением банкнот или иных кредитных денежных знаков, на долю изменчивости третьего фактора, т.-е. скорости обращения, падает очень ограниченная доза влияния. „Внешний и формальный характер простого денежного обращения,—говорит Маркс,—проявляется собственно в том, что все моменты, определяющие количество орудий обращения, как масса обращающихся товаров, цены, повышение и падение их, количество одновременных актов покупки и продажи, быстрота оборота денег,—зависят от процесса метаморфоз в товарном мире, а этот процесс зависит, в свою очередь, от общего характера производства, от населенности, с гношений между деревней и городом, от развития средств перевозки и сообщения, от кредита и т. д., словом от условий, которые все находятся вне сферы простого денежного обращения и которые—в ней только отражаются“ (К критике, стр. 95).

Но поскольку скорость обращения зависит от столь медленно изменяющихся об'ективных производственных условий, ее можно было бы принять за данную для целого ряда месяцев или даже лет и исключить из сферы кон'юнктурных наблюдений текущего момента.

Не таковы, однако, условия бумажно-денежного обращения. Здесь уже мы сами по своему произволу можем изменять, в особенности при фиксации цен на определенном уровне, и общую сумму денежной массы в обращении и самую скорость этого обращения, при чем по сравнению со всеми остальными факторами, независящими от нашего произвола, скорость обращения денег является наименее устойчивой и постоянной. И, стало быть, в наших условиях она как раз особенно пригодна в качестве об'екта кон'юнктурных наблюдений.

Как показал нам опыт совзначной эмиссии за время до денежной реформы 1924 г., количество денежных знаков, которое может быть втиснуто в оборот, не имеет определенных пределов. Но то была эпоха безудержного падения цен. И, собственно говоря, денежная масса в реальном ее значении вовсе не росла за этот период, а даже падала. Она падала при этом, даже обгоняя в своем темпе падения сокращение товарной массы в стране, что уравновешивалось, однако, соответствующим ускорением оборота падающего совзнака. Таким образом, в эту эпоху процесс денежной инфляции сопровождался одновременным ускорением обращаемости сов-

знака. А первым результатом перехода к червонной валюте было замедление обращаемости денежных знаков.

На первый взгляд эти факты противоречат нашему выводу из формулы денежного обращения о том, что ускорение обращаемости денег является признаком дефляции, а не инфляции. Но не надо забывать того условия,—устойчивости цен и покупательной силы рубля,—которое является предпосылкой нашего вывода.

При быстро падающем рубле мы не имеем этого условия, но зато имеем определенный стимул каждого держателя денег возможно скорей избавиться от них во избежание потерь на курсе обесценивающегося рубля. Там, стало быть, двигающей причиной является этот стимул хозяйственного расчета, ускоряющий оборот денег, а естественным последствием такого ускорения было соответствующее снижение реального значения денежной массы. Но при фиксации товарных цен причины и следствия меняются своими местами. И когда, как это делается за последние месяцы, мы насильственно сокращаем путем из'ятий денежную массу в обращении, не считаясь с потребностями оборота, естественным последствием этого является ускорение обращаемости червонного рубля.

Конечно, когда мы говорим об устойчивости цен, как предпосылке того или иного вывода, мы можем разуметь только относительную их устойчивость. Абсолютно неподвижных цен не бывает и быть не может и при золотом обращении. Изменяющиеся условия производства помимо всяких иных причин непрерывно изменяют соотношения товарных цен между собою, а стало быть, и в отношении любого денежного измерителя ценности, какой бы собственной устойчивостью он не отличался. Устойчивыми ценами мы, стало быть, можем считать уже такие, колеблемость которых по отношению к избранной нами денежной единице не больше обычной колеблемости их в условиях золотого обращения, т.-е. вне специфических влияний инфляции или дефляции. При такой нормальной колеблемости цен мы не в праве предполагать тех специальных стимулов к обмену денег на товары во избежание их обесценения, какие наблюдаются в периоды острой инфляции, а стало быть, не имеем основания ожидать и соответствующих им последствий в области ускорения или замедления обращения денег.

Имеются ли какие-либо пределы возможного расширения и сжатия реального, т.-е выраженного в товарах, значения бумажно-денежной массы в связи с ускорением и замедлением оборота денег или эти величины могут изменяться при известных условиях от нуля до бесконечности?

Ответить на это не трудно. Конечно, высший и низший пределы реальной денежной массы, а равно и возможной скорости обращения денег имеются. И при том, судя по опыту прошлого, даже при бумажном обращении эти величиины, повидимому, могут изменяться лишь в довольно узких пределах.

Увеличивать слишком широко эмиссию в расчете, что избыток денег при наличии твердых цен на товары покроется автоматически замедлением оборота денег в стране—весьма рискованно. Ведь по сути дела это замедление оборота означает остановку и, стало-быть, накопление в кассах все большего количества „безработных" червонцев. И если эти безработные червонцы превысят ту норму, которая требуется по условиям нормального оборота в качестве повседневного монетного резерва, то им останется только два исхода—либо оседать в качестве сокровищ в банковских резервуарах, либо увеличивать спрос на предметы личного и производственного потребления и давить на цены. И если первый путь не грозит нам еще большими опасностями, то второй—в условиях товарного голода—чреват весьма серьезными последствиями. Незабытый еще никем из нас опыт эмиссионного хозяйства при падающей валюте служит, однако, достаточным предостережением против всяких рискованных шагов в этом направлении.

Но не следует перенапрягать наши эмиссионные регуляторы и в обратном направлении. Конечно, из'ятие денег из оборота пока что уравновешивается ускорением их оборота. Но велики ли пределы упругости нашей системы в этом отношении?

В самый разгар инфляции в конце 1923 и начале 1924 гг. обращаемость совзнака превышала нормальную обращаемость рубля всего в 3—4 и максимум в 6—8 раз. Скорость обращения денег может заменить их количество только до некоторой степени, определяющейся количеством одновременно совершающихся сделок и платежей. [1] Если, например, у нас в 1925/26 г. ежемесячно в одних и тех же числах производится одновременная выплата зарплаты рабочим и служащим в сумме около 400 милл. черв. рублей, то мы очевидно, ни в коем случае не смогли бы уже обойтись меньшей денежной массой в обращении, хотя несколько лет тому назад при натуральной оплате труда и падающем совзнаке мы опускались до обращения и ниже сотни миллионов черв. рублей по всей стране. А ведь кроме выплат заработной платы одновременно совершаются и другие сделки.

Значит, итти очень далеко на сокращение реальной денежной массы в обращении в расчете, что возрастающая скорость обращения автоматически исправит наши дефляционные ошибки в этом отношении—весьма рискованно. Какое расстройство оборота может наступить в результате дефляции, мы имели уже случай отчасти наблюдать во время того „разменного голода", который у нас имел место весной 1924 г. с переходом от совзначной к червонной валюте.

Конечно, было бы очень поверхностным смешивать явления денежного голода с недостатком реальных капиталов в стране или с тем понижениемо реального платежеспособного спроса, какое на-

[1] Ср. «Капитал», т. 1, стр. 88.

блюдается нередко в периоды перепроизводства и кризисов сбыта. „Но, – скажем мы по поводу таких кризисов словами К. Маркса,— если об'яснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то отсюда отнюдь еще не вытекает, что действительный недостаток в средствах обращения вследствие, например, официальных махинаций в области регулирования средств обращения, не может со своей стороны вызвать застоя" («Капитал», т. 1, стр. 90).

Это предостережение Маркса особенно уместно было бы ныне принять к сведению многим из наших дефляционистов.

В. Г. Громан

Обзор народного хозяйства СССР за первое полугодие 1925/26 г.

При формулировке общих экономических критериев оценки хозяйственной эволюции Советского Союза в Комиссии по контрольным цифрам Госплана тов. В. А. Базаров обобщил происходившие прения следующей формулой: экономическую эволюцию мы должны рассматривать синтетически с трех точек зрения: а) развития производительных сил, б) развития социалистических форм хозяйственных отношений и в) роста благосостояния трудящихся масс. Нет никакого сомнения, что предустановленной гармонии между этими тремя критериями не существует: они так же, как и другие явления противоречивы, но несомненно и то, что для каждого данного момента можно найти оптимальное их сочетание.

В нашей переходной хозяйственной системе отыскание оптимального сочетания трех указанных моментов представляет величайшие трудности. Эти трудности усугубляются еще следующими обстоятельствами: изменчивыми условиями связи с мировым хозяйством, зависимостью от стихийных условий урожая, сложной классовой структурой самого крестьянства, хозрасчетными соображениями государственных предприятий и отсутствием резервов, растраченных в период империалистической и гражданской войн. Нельзя, наконец, упускать из виду и тот крупный факт, что мы имеем молодую неокрепшую валюту, поддержание устойчивости которой в условиях описанной сложной обстановки представляет труднейшую задачу, особенно по той причине, что уровень цен в нашем Союзе, если мерить нашу валюту по паритету на золото, стоит выше всех других стран, при чем мы за отсутствием „невидимого экспорта" должны сводить наш торговый баланс, по крайней мере, „так на так".

При исследовании нашего хозяйства необходимо помнить, что в 1925/26 г. мы переживаем последние этапы восстановительного процесса и уже приступаем к реконструктивным преобразованиям хозяйства.

Все эти предварительные замечания необходимы нам, чтобы правильно поставить задачу полугодового обзора. Что касается метода, то полезно вспомнить следующие слова Маркса во „Введении к критике политической экономии": „Определенные формы производства обусловливают определенные формы потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу". „Конечно,—продолжает далее Маркс,—и производство в его односторонней форме, с своей стороны, определяется

другими моментами, например, когда расширяется рынок и сфера обмена, возрастает размер производства и углубляется его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капиталов, с различным распределением населения между городом и деревней". „Наконец,—говорит Маркс,—запросы потребления определяют производство". „Между различными моментами,—заключает Маркс,— происходит взаимодействие, как это бывает во всяком органическом целом".

Эти методологические принципы, наложенные на описанную выше среду советского хозяйства, побуждают нас в нашем полугодовом обзоре осветить следующие моменты в их взаимодействии: 1) условия развития производства, улучшение техники производства, его дифференциации (изменение удельного веса различных отраслей производства); 2) условия распределения; 3) процессы обмена; 4) изменение потребления.

Состояние эволюции хозяйства в каждый данный момент времени прежде всего обусловливается тем наследством, которое мы получили от предшествующего периода. Каково же это наследство для первого полугодия 1925/26 года? В годовом обзоре за 1924/25 год (см. „Плановое Хозяйство" и отдельные издания) мы указывали, что „недород 1924 года создал резкий рост хлебных цен, который повлек за собою рост и общего индекса и, что то же, падение покупательной силы денег; то же явление привело к отрицательному внешне-торговому балансу. Рост хлебных цен вызвал тенденцию к общему росту цен, препятствуя продолжению политики понижения отпускных промышленных цен".

На основании этих фактов мы указывали, что к новому хозяйственному году мы имеем три труднейшие задачи: 1) приостановить дальнейший рост общего индекса; 2) преодолеть отрицательный торговый баланс; 3) понизить отпускные цены на промизделия в соответствии с падением себестоимости, вызываемым ростом промышленной продукции и улучшением организации производства.

База нового хозяйственного 1925/26 года казалась нам прочной и здоровой, благодаря хорошему урожаю и ясно выявившейся обеспеченности предусмотренного темпа развития промышленной продукции. Мы выразили надежду, что 1925/26 год при соблюдении принципа соразмеренности в движении отдельных элементов народного хозяйства будет новым крупным шагом вперед в развитии нашего хозяйства. Прошло полгода. Поставленные задачи не осуществлены полностью. Все дальнейшее изложение вскроет причины этого неуспеха.

Руководясь указанными выше методологическими принципами, мы обратимся к сфере производства, но будем рассматривать его не изолированно, а в связи со всеми остальными элементами—именно: моментами распределения, обмена и потребления.—поскольку это необходимо для уяснения самого процесса производства.

В то же время мы не должны упускать из виду одну важную особенность нашей хозяйственной эволюции. Эта особенность состоит в том, что на ряду с общим восстановительным процессом мы имеем изменение соотношения между различными хозяйственными

формами: изменяется соотношение между обобществленной и необобществленной частями нашего хозяйства; происходят перемещения внутри обобществленного сектора хозяйства.

Возникает вопрос, представляет ли из себя хозяйственное полугодие подходящий об'ект для научного изучения хозяйственных процессов. На этот вопрос приходится дать положительный ответ.

Каждое полугодие представляет из себя своеобразное сочетание динамических и кон'юнктурных факторов, определяемых, во-первых, результатом урожая и, во-вторых, размахом того шага вперед, который делает наша индустрия в своем восстановительном процессе.

После этих необходимых предварительных замечаний мы должны были бы приступить к изложению самого процесса нашего хозяйственного развития и тех вопросов и проблем, которые он выдвигает. Но мы должны осветить еще один момент—это условия познания наших хозяйственных процессов, состояние наших показателей. При изложении самих материальных показателей придется указать на двойственное и тройственное значение тех или иных измерений, проделанных различными органами, наблюдавшими за нашим хозяйственным процессом. В качестве иллюстрации к этому я остановлюсь на вопросе о состоянии материалов по движению розничных цен и розничных накидок. Как известно, еще осенью был опубликован приказ тов. Дзержинского по вопросу о борьбе с розничными накидками и были учреждены весьма авторитетные комиссии для изучения этого вопроса и для принятия соответствующих мер. Как будто бы должны были быть данные, которые бы отобразили существующее положение с розничными накидками. Мы попытались собрать все данные, какие есть. И вот самым тщательным образом исследуя их, мы не видим в наших показателях никакого отображения этого явления.

Далее, фактический переход промышленности к работе на заказы, к запродаже чуть ли не годовой продукции вперед совершенно не учитывается существующими способами регистрации сделок по реализации промышленных товаров трестами и синдикатами и дает даже ложное представление об уменьшении оборотов, тогда как на самом деле мы имеем лишь следствие осуществления ранее заключенных сделок на длительный срок.

Данные о розничных накидках находятся в резком противоречии с данными соотношений оптового и розничного индексов, что, конечно, обусловливается различным составом товаров и различными весами отдельных товаров, входящих в системы обоих этих индексов. Исчисление продукции промышленности от месяца к месяцу дает нуждающийся в последующих поправках процент роста. Данные продукции сельского хозяйства противоречат данным о потреблении товарной массы сельскохозяйственных продуктов и допускают лишь приближенное исчисление путем балансового метода.

Если при всех этих обстоятельствах мы все же пытаемся изучать наше народное хозяйство, то лишь при том условии, что нам удастся собрать огромное число данных, взаимно сопоставить их друг с другом и, опираясь на теоретическую экономику, на систему статических

Динамика на

йства СССР

Показатели кон'юнктуры	1923/24 г. [1]				1924/25 г. [1]				1925/26 г. [1]	
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV	кв.	II кв.
Все производство	100	105	105	108	122	129	132		161	164
Вся промышленность (промышлен. продукция)	100	78	77	81	105	105	98		141	136
Все сельское хозяйство (продукция сельского хозяйства)	100	128	131	132	136	151	163		180	191
Валовая продукция крупной госпромышл. (ЦОС)	100	85	84	91	117	122	115		165	163
Продукция на 1 рабоч.	100	84	84	85	104	104	96		114	107
Зарплата 1 рабоч.	100	108	116	128	132	122	124		151	148
Доля зарплаты в прод. 1 раб.	100	128	139	150	126	118	128		139	137
Реализац. промтоваров (обороты 162 госторг.)	100	114	121	139	196	167	173		193	206
Биржев. оборот (общий)	100	115	115	159	224	205	213		277	256
Грузооборот (ср. сут. погр.)	100	95	96	107	120	121	123		164	174
Денежная масса	100	97	136	165	216	209	213			337
Вклады и текущие счета по 5 банкам	100	126	157	168	199	237	249		245	347
Учетно-ссудные операции по 5 банкам	100	104	136	164	204	221	249		307	408
Госбюджет (включая отчисл. в местн. средства)	100	86	92	100	142	113	102		146	154
Покупательная сила червонца										
По общему индексу										
Оптовый	100	84	90	90	92	85	80		87	80
Розничный	100	85	81	78	32	85	77		76	73
Бюджетный	100	84	81	82	86	84	78		84	76
По промышленному индексу										
Оптовый	100	107	117	118	121	124	125		121	119
Розничный	100	100	104	102	104	109	112		102	100
Бюджетный	100	102	108	108	108	116	119		115	113
По сельскохоз. индексу										
Оптовый	100	65	69	68	70	59	51		62	54
Розничный	100	70	62	58	64	58	51		56	51
Бюджетный	100	68	62	63	69	62	54		62	54
По оптовому индексу	(В то	варных	рубля	х)	Об	щий,				
По розничному индексу										
Общий	100	100	100	100	100	100	100		100	100
Сельскохозяйственный	100	122	131	134	132	140	152		176	143
Промышленный	100	84	78	77	79	74	68			72
По бюджетному индексу										
Общий	100	100	100	100	100	100	100		100	100
Сельскохозяйственный	100	124	138	131	132	137	144		173	143
Промышленный	100	82	75	76	80	72	66			68
По оптовому индексу										
Сельскохозяйственный	100	127	131	131	131	145	157		172	148
Промышленный	100	78	76	75	76	68	63			67

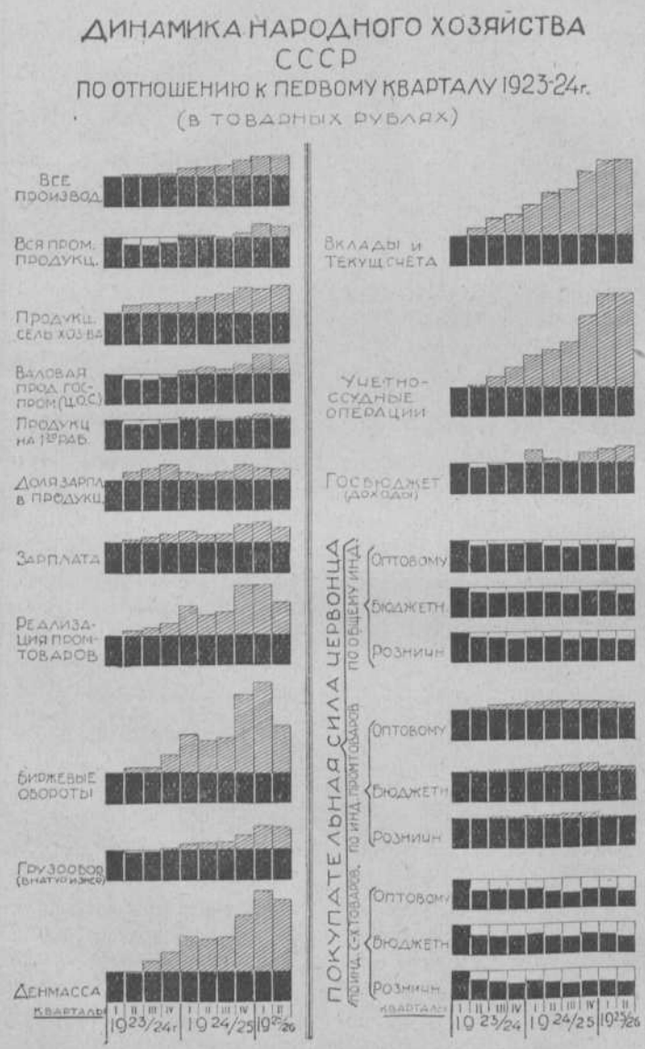
Показатели кон'юнктуры	1923/24 г. [2]				1924/25 г. [2]				1925/26 г. [2]	
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.
Все производство	2.746	2.864	2.879	2.856	3.332	3.537	3.627	4.120	4.414	4.506
Вся промышленность (промышлен. продукция)	1.300	1.020	997	1.056	1.368	1.360	1.277	1.480	1.829	1.762
Все сельское хозяйство (продукция сельского хозяйства)	1.440	1.844	1.882	1.900	1.964	2.177	2.350	2.640	2.585	2.744
Валовая продукция крупной госпромышл. (ЦОС)	635	541	532	576	750	762	731	841	1.058	1.038
Продукция на 1 рабоч.	445	375	372	379	466	465	429	456	515	480
Зарплата 1 рабоч.	18,19	19,68	21,19	23,23	24,06	22,24	22,49	28,12	29,26	26,92
Доля зарплаты в прод. 1 раб.	12,3	15,7	17,1	18,4	15,5	14,5	15,7	18,4	17,0	16,9
Реализац. промтоваров (обороты 162 госторг.)	162	185	196	225	317	270	280	422	424	373
Биржев. оборот (общий)	360	415	415	573	808	737	768	1.263	1.415	922
Грузооборот (ср. сут. погр.)	12,6	12,9	15,1	14,5	16,3	16,4	16,6	20,2	24,1	23,6
Денежная масса	193	188	262	318	417	403	411	556	702	650
Вклады и текущие счета по 5 банкам	176	221	276	296	350	417	438	535	607	611
Учетно-ссудные операции по 5 банкам	276	287	374	454	564	609	686	928	1.124	1.125
Госбюджет (включая отчисл. в местн. средства)	322	278	295	321	467	363	328	430	469	497
Покупательная сила червонца										
По общему индексу										
Оптовый	1,542	1,839	1,717	1,722	1,670	1,806	1,935	1,768	1,782	1,917
Розничный	1,609	2,00	2,09	2,17	2,05	2,10	2,20	2,12	2,21	2,33
Бюджетный	1,689	2,013	2,076	2,052	1,956	2,021	2,159	1,946	2,021	2,217
По промышленному индексу										
Оптовый	2,383	2,218	2,032	2,016	1,964	1,916	1,901	1,915	1,970	1,998
Розничный	2,51	2,50	2,42	2,47	2,41	2,30	2,23	2,25	2,47	2,50
Бюджетный	2,651	2,603	2,450	2,453	2,456	2,290	2,219	2,165	2,313	2,346
По сельскохоз. индексу										
Оптовый	0,998	1,524	1,452	1,470	1,420	1,702	1,969	1,632	1,611	1,839
Розничный	1,10	1,57	1,78	1,89	1,73	1,91	2,17	1,99	1,96	2,16
Бюджетный	1,151	1,688	1,863	1,825	1,675	1,871	2,122	1,825	1,858	2,145
По оптовому индексу				принят		за 100				
По розничному индексу										
Общий	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельскохозяйственный	0,65	0,79	0,85	0,87	0,86	0,91	0,99	0,94	0,89	0,93
Промышленный	1,49	1,25	1,16	1,14	1,18	1,10	1,01	1,06	1,12	1,07
По бюджетному индексу										
Общий	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельскохозяйственный	0,68	0,84	0,90	0,89	0,86	0,93	0,98	0,94	0,92	0,92
Промышленный	1,57	1,29	1,18	1,20	1,26	1,12	1,03	1,11	1,14	1,06
По оптовому индексу										
Сельскохозяйственный	0,65	0,83	0,85	0,85	0,85	0,94	1,02	0,92	0,90	0,96
Промышленный	1,55	1,21	1,18	1,17	1,18	1,06	0,98	1,08	1,11	1,04

[1]) В процентах к первому кварталу 1923/24 г., принятому за 100.
[2]) В тыс. товарных рублей.

и динамических коэффициентов, приближенно характеризовать условия равновесия нашего хозяйства и его развития.

Мы должны теперь приступить к самому изложению. Мы избрали два пути: с одной стороны, путь описания процесса и, с другой стороны, путь выявления итогов.

В серии диаграмм, помещенных нами в № 4 „Планового Хозяйства", нанесены помесячные итоги всех основных элементов.



В настоящей статье мы помещаем сводную диаграмму и таблицу, (см. стр. 24– 25), в которых приведены поквартальные данные как в абсолютном выражении, так и в процентном отношении к I кварталу 1923/24 г.

Взяты — вся продукция, продукция сельского хозяйства, валовая продукция крупной и всей промышленности, продукция на одного рабочего, зарплата, доля зарплаты в продукции, реализация промышленных товаров, биржевые обороты, грузооборот, денежная масса, вклады и текущие счета, учетно-ссудные операции, госбюджет. Все они измерены в товарных рублях (кроме грузооборота, который дан в вагонах суточной погрузки), чтобы освободиться от колеблющейся покупательной силы червонца и вместе с тем учесть те сдвиги в соотношении цен, которые произошли в нашем хозяйстве, ибо соотношение цен есть совершенно необходимый элемент исследования хозяйства. В соотношении цен и выражается прежде всего изменение дифференциации производства, о котором говорит Маркс, т.-е. изменение взаимных соотношений развития отдельных отраслей хозяйства. Для того, чтобы показать изменение самой покупательной силы денег, здесь нарисована кривая, характеризующая покупательную силу червонца как на рынке сельскохозяйственных товаров, так и на рынке промышленных товаров. Здесь взято три индекса: оптовый — Госплана, бюджетный — Статистики Труда и розничный—Кон'юнктурного Института. Здесь принято за 100 состояние явления в первом квартале 1923/24 г. На этой диаграмме можно складывать и вычитать. Все то, что дает прирост над основанием, изображается штриховкой. Все то, что дает убыль, оставлено без штриховки.

После этих технических замечаний перейдем к описанию существа самого процесса. Начнем с сельскохозяйственного производства. Здесь мы процессуальной кривой вывести не можем. Приходится оперировать квартальными итогами, при чем условно делить годовое производство на четыре части, начиная с июля месяца. Урожай, напр., 1924 г. мы делим на четыре части, и первая часть будет четвертым кварталом 1923/24 г. Даже при таком делении вы видите в товарном выражении — в товарных рублях — непрерывно растущую ценность сельскохозяйственной продукции. В общем, этот рост почти равен самому основанию, т.-е. мы имеем удвоение ценности сельскохозяйственной продукции за это время.

Производство. Приведенная таблица говорит нам о непрерывном росте ценности нашего производства, при чем указывает на растущую роль сельскохозяйственного производства. За рассматриваемый нами период ценность промышленной продукции выросла на 36%, ценность сельскохозяйственной продукции на 91%. С другой стороны, таблица говорит о наибольшем росте крупной промышленности: по сравнению со всей промышленностью первая возросла на 63%, а вся промышленность только на 36%. При этом приходится отметить, что были периоды, когда ценность промышленной продукции благодаря падению относительных цен не только не росла, а падала. Такими периодами были второй и третий кварталы 1923/24 г.,— периоды резкого понижения отпускных цен, — третий квартал 1924/25 года вследствие высоких сельскохозяйственных цен и, наконец, второй квартал текущего года вследствие этой же причины. Ценность всего производства в товарных рублях дает непрерывный рост, а именно: 100, 105, 105, 108, 122, 129, 132, 150, 161, 164.

Чрезвычайно важно решить, за счет чего росла продукция: за счет ли числа рабочих или за счет продукции одного рабочего? На этот вопрос отвечает сопоставление кривых продукции одного рабочего и валовой продукции крупной промышленности, с одной стороны, и сопоставление сельскохозяйственной продукции с числом сельского населения—с другой. Продукция на одного рабочего крупной промышленности представляет из себя колеблющуюся величину, но все же с тенденцией к росту: в первом квартале 1925/26 года мы видим рост этой величины на 14% по сравнению с первым кварталом 1923/24 года, но во втором квартале рост снизился до 7%. Ценность сельскохозяйственной продукции росла настолько быстро, что даже при интенсивном росте населения мы видим огромный рост продукции на одного рабочего (вероятно, не меньше 75%).

Если отвлечься от изменения ценностных соотношений и приблизиться к количественным измерениям, т.-е. если будем учитывать продукцию в довоенных рублях, то мы получим, что крупная промышленность в первом квартале 1923/24 г. дала 354 милл. руб. при числе рабочих в 1.231 тыс. чел. и при продукции на одного рабочего в 387 руб., то во втором квартале 1925/26 г. мы имеем валовую продукцию крупной промышленности в 885,5 милл. руб. при числе рабочих в 1.924 тыс. и продукции на одного рабочего в 461 руб. или же в процентах число рабочих возросло на 56%, продукция на одного рабочего на 61%, а сама продукция возросла на 150%. Таким образом, мы видим, что в количественном выражении продукция на одного рабочего росла сильнее, чем число рабочих, а в ценностном измерении благодаря падению промышленных цен мы видим наоборот, меньший рост продукции на одного рабочего, чем рост числа рабочих.

На вопрос о взаимоотношении роста продукции рабочего и заработной платы отвечают следующие данные: в товарных рублях заработная плата возросла к первому кварталу этого года на 61%, ко второму кварталу прирост уменьшился до 48%, а доля заработной платы в продукции поднялась в первом квартале текущего года на 38%, а во втором квартале на 37%, а именно: с 12,3% в первом квартале 1923/24 г. она дошла до 17% в первом квартале этого года и 16,9% во втором квартале. В довоенных ценах заработная плата с 14 руб. 98 коп. в первом квартале 1923/24 г. поднялась до 24 руб. 05 коп. в первом квартале текущего года и до 22 руб. 40 коп. во втором квартале, а доля заработной платы в продукции с 15,6% понизилась до 15,5% в первом квартале и до 14,6% во втором квартале текущего года, т.-е. мы видим здесь, наоборот, падение доли заработной платы в продукции. Характерно, что в последнем квартале мы видим дальнейшее понижение этого коэффициента, свидетельствующего об улучшении в организации производства.

Таким образом, перед нами ясно выраженный процесс роста продукции при одновременном улучшении организации производства и под'ема реальной заработной платы рабочих. Но благодаря различному движению цен на промышленные и сельскохозяйственные товары при ценностном измерении нельзя не видеть слишком быстрого роста заработной платы по сравнению с ростом продукции, что особенно имело место в четвертом квартале прошлого года и в первом квартале текущего года. Но это уже вводит нас в проблему распределения, на которой мы остановимся ниже.

Теперь мы укажем на следующую особенность в развитии нашего производства. В начале восстановления народного хозяйства сильно росли отрасли промышленности, вырабатывающие средства потребления. В последнее же время наибольший рост, считая к довоенных ценах, дают отрасли, вырабатывающие средства производства, вследствие приступа к пополнению изношенного оборудования во всех отраслях народного хозяйства.

Распределение. Если восстановительный процесс начался с момента, который, по выражению В. И. Ленина, характеризовался

параличом производительных сил и изнеможением населения, то естественна была тенденция потребления к росту. И в деревне и в городе мы наблюдаем чрезвычайно бурный рост потребления, благодаря росту заработной платы в городе и все бóльшей и бóльшей выгодности для крестьянства условий обмена его продукции с городом.

На пороге текущего года мы имели резкий скачок роста заработной платы в сентябре и в октябре, а в деревне условия распределения характеризуются тем, что при повышенном урожае и при росте цен на сельскохозяйственные товары налоговое бремя было существенно сокращено.

Вместе с этим в городе продолжалась практика классовой квартирной платы, которая для рабочих сводила расходы на жилище к ничтожным размерам, чем увеличила спрос на предметы потребления. Если учесть и расходы на квартиру, то заработная плата в настоящее время стоит выше довоенного уровня, вероятно, не меньше, чем на 10%. Точно также и деревня, освобожденная от платежей помещикам, выплачивая менее косвенных налогов, особенно благодаря самогону, также имеет возможность повышать свое потребление, хотя эквиваленты обмена ее продукции на промтовары еще гораздо менее выгодны, чем до войны. В том же направлении роста платежеспособного спроса деревни действовал и происходивший до недавнего времени рост цен на продукты сельского хозяйства. Отсюда атмосфера товарного голода, борьба за распределение продукта между городом и деревней и между различными классовыми прослойками, неизбежный при таких условиях рост цен как оптовых, так и розничных.

Таким образом, условия распредения сами в себе таят факторы повышения цен. Эта тенденция усиливается диспропорцией между отдельными отраслями производства как между сельским хозяйством и промышленностью, так и между отдельными отраслями промышленности. Находящаяся в минимуме строительная промышленность была поставлена в условия, при которых она развивалась или очень медленно или, как лесопильная, даже стояла на месте.

Условия обмена. Товарооборот. Наиболее выразительным показателем товарооборота является грузооборот, рост которого находится впрямой зависимости от роста производства и измеряется очень близкими коэффициентами, при чем характерно, что сначала коэффициент роста грузооборота несколько отставал от роста продукции, а в текущем году он стал превосходить его, что свидетельствует о развитии товарности хозяйства.

Поквартальные коэффициенты роста грузооборота таковы: 100, 95, 96, 107, 120, 121, 123, 149, 177, 174.

Показатели торгового оборота по указанной в методологическом введении причине недостаточно характерны, так как они не улавливают всю сумму сделок по реализации продукции трестов и синдикатов.

Мы в ряде наших цифр не видим изменения размеров реализации, так как при практике генеральных договоров помесячные или даже поквартальные цифры оборотов отражают на себе одновремен-

но и размеры текущего спроса и величину остатков свободной и незаконтрактованной продукции. Но в годовом разрезе эти цифры сохраняют за собою материальный интерес. И в этом отношении нельзя не указать, что в то время как в 1923/24 году реализация промтоваров трестами и синдикатами колебалась от 100% и до 125% начальной величины, в следующем году мы имеем уже колебание от 167% до 261%, а в текущем году от 306% до 262%.

Точно также биржевые обороты в первом из названных лет колебались от 100 до 159, во втором году—от 205 до 251, а в текущем году—от 256 до 393. Рост розничных оборотов очень энергичен, и лишь редкие месяцы характеризуются понижением спроса, что, впрочем, неизбежно при росте продукции и при росте материального товарооборота даже в атмосфере товарного голода. Накопление товарных запасов у нас или совсем не происходит или происходит в ничтожных размерах.

Условия обмена. Денежное обращение и кредит. Денежная масса вплоть до второго квартала текущего года энергично росла и росла почти в два раза быстрее, чем продукция и материальный товарооборот, идя параллельно с биржевым оборотом. В этом выражалось развитие денежности хозяйства и образование денежных капиталов в стране. В последнем квартале мы видим снижение реального значения денежной массы с коэффициента 364 до 357.

Несколько отставая от денежной массы, росли вклады и текущие счета, при чем последний квартал характеризуется не падением их, а лишь стабильностью (345—347). Наиболее сильно росли учетно-ссудные операции, которые в первом квартале текущего года дошли до коэффициента 407 и оставались во втором квартале на том же уровне (408).

Кредит финансировал наш восстановительный процесс, играя направляющую роль и даже толкая его вперед. Но последний квартал характеризуется уже системой рестрикции кредита, что отобразилось и на денежной массе и на вкладах. И, несомненно, это отразилось на замедлении темпа роста нашей промышленной продукции, которая в товарном выражении даже упала с первого квартала ко второму кварталу. Вся промышленность с коэффициента 141 упала до 136, а продукции крупной промышленности с 165 понизилась до 163.

Несомненно также, что рестрикция кредита на ряду с указанной выше причиной (контрактовые сделки) обусловила собою падение биржевых оборотов с коэффициента 393 до 256 и реализации промтоваров с 262 до 206.

Интересно, что цифры госбюджета не дали понижения во втором квартале, а, наоборот, поднялись с 146 до 154, тогда как в прошлые годы второй квартал давал всегда понижение против первого квартала, при чем коэффициент роста госбюджета уступает коэффициенту роста продукции, что говорит вообще об облегчении бремени государственного обложения, если смотреть с общей динамической точки зрения. Но сравнение двух последних кварталов говорит об усилении напряжения госбюджета.

Условия обмена. Покупательная сила червонца и соотношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров. За все истекшие десять кварталов преобладала тенденция к падению покупательной силы денег, прерывавшаяся повышением ее лишь в первом квартале 1924/25 г. и в четвертом квартале того же года. Особенно резкое снижение покупательной силы денег мы имеем, не считая второго квартала 1923/24 г., т.-е. момента агонии совзнака, в третьем квартале 1924/25 г. и во втором квартале текущего года. При этом характерно, что в третьем квартале прошлого года падение покупательной силы происходило исключительно на рынке сельскохозяйственных товаров при под'еме покупательной силы на рынке промышленных товаров, а во втором квартале текущего года мы видим падение покупательной силы и на рынке промышленных товаров и на рынке сельскохозяйственных товаров.

Моменты под'ема покупательной силы денег происходили в первом квартале 1924/25 г. одинаково на рынке обеих групп товаров, а в четвертом квартале того же года исключительно благодаря под'ему покупательной силы на рынке сельскохозяйственных товаров, цены на которые под влиянием прекрасных видов на урожай резко упали.

Падение покупательной силы денег в последнем квартале вызвало особую тревогу и привело к системе сжатия денежной массы и рестрикции кредита.

Преобладало мнение, что мы вступили в полосу инфляции и что мы перекредитовали наше хозяйство, что мы эмитировали слишком много средств обращения. Некоторые прибавляли к этому указание, что деньги перестали играть роль орудия сбережения и все хлынули на рынок товарный или валютный.

Перед нами стоит задача ответить об'ективно на такой вопрос: лежит ли причина роста цен на стороне товаров или на стороне денег? Если мы посмотрим годовую эволюцию цен по отдельным группам, то увидим нижеследующее: оптовый индекс поднялся за год на 0,9%, бюджетный—на 7,1%, розничный Кон'юнкт. Института—на 11,4%. Это, как будто, указывает на рост розничных накидок при стабильности оптовых цен, преимущественно у нас регулируемых.

Всмотримся сначала в движение цен отдельных групп товаров, а затем обратимся к непосредственному движению розничных накидок. Состав товаров в разных индексах и вес их совершенно различны. Непосредственное сопоставление движения индексов поэтому невозможно. Можно искать между ними лишь корреляционных связей. Оптовый индекс Госплана выделяет семнадцать групп товаров. Из них шесть товаров дали понижение, а именно: зерно и фураж на 22%, мука и крупа на 11%, табачные изделия на 4%, хлопчато-бумажные изделия на 3,4%, шерстяные на 8% и химические товары на 2,7%. Остальные 11 товаров дали повышение. Из сельскохозяйственных товаров мясо возросло на 32%, масло и яйца на 25%, сельскохозяйственное сырье на 8%. Из промышленных товаров минеральное топливо выросло на 5%, дрова выросли на 34%, черные металлы на 2,5%, цветные на 16%, льняные и пеньковые изделия на 21%, строительные материалы на 38%.

Посмотрим, нет ли достаточных оснований к об'яснению эволюции цен причинами, коренящимися в условиях производства. Наиболее резко пала цена на зерно и фураж, что, несомненно, стоит в связи с удовлетворительным урожаем этого года и неурожаем прошлого года. Несколько замедленный темп падения цен на муку обусловливается тем, что в прошлом году соотношение цен на муку и зерно было неблагоприятно для муки—зерно слишком сильно выросло благодаря недороду. Обратно: рост цен на мясо, масло и яйца, т.-е. на продукты животноводства, обусловливается как тем обстоятельством, что в прошлом году именно под влиянием неурожая, когда приходилось усиленно реализовать скот и его продукцию, цены резко падали, так и обратно, что под влиянием нового урожая хлеба и технических культур крестьянство могло заняться пополнением своего стада и задерживать реализацию продуктов животноводства. Рост цен на сырье обусловливается, несомненно, крупным шагом вперед в развитии нашей промышленности и потребностью форсирования экспорта. Рост цен на дрова, почему то относимые к промтоварам, обусловливается тем, что мы не только не форсировали заготовку дров, но применив систему сдачи лесосек с торгов и сжав финансирование лесозаготовок, мы всячески сократили их и вряд ли за полгода мы выполним более 60% падающего на этот период плана дровозаготовок. Рост цен на минеральное топливо, сравнительно умеренный, обусловливается топливным напряжением в стране, вызываемым ростом промышленной продукции и усиленной работой транспорта. Рост цен на металлы, и особенно цветные, вызван явным недостатком производства по сравнению с требованиями восстановительного процесса. Рост цен на кожевенные товары связан с ростом цен на продукцию скотоводства по указанным выше причинам. В области текстильных товаров мы видим одновременное падение по двум группам, наиболее важным—хлопчато-бумажной и шерстяной—и рост цен на льняные и пеньковые изделия, при чем последние обусловливаются явным недостатком мешков, а возрастающий товарооборот при ухудшенном качестве вагонов требует перевозок в таре. Особенно резко поднялись из промтоваров строительные материалы, при чем, главным образом, за счет лесоматериалов, что вызвано тем, что производство лесопильной промышленности не только не развивалось по сравнению с прошлым годом, а даже упало на 2% при колоссальной нужде народного хозяйства как в промышленной и в транспортной сферах, так и в сфере жилищного строительства на этого рода материалы.

В общем и целом, сельскохозяйственные товары на оптовом рынке дали падение против прошлого года на 3,6%, промышленные товары—под'ем на 5,8%. В общем, можно указать, что оптовый индекс вырос на 0,9%, поэтому анализ оптовых цен не дает ни малейшего повода говорить о каких-либо инфляционных явлениях.

Обратимся теперь к розничным ценам. Но индексу Кон'юнктурного Института, который учитывает восемнадцать групп товаров, мы имеем падение лишь по пяти товарам. По хлебным товарам падение на 5,2%, на овощи—6,2%, соль—11,1%, чай—7,5% и сахар остался стабильным. Из сельскохозяйственных товаров мы имеем

под'ем на мясные товары на 36,4%, на молочные товары на 14,5%. Из промтоваров мы имеем под'ем на сельди в 23,6%, масло растительное—34,7%, мануфактуру—19,3%, обувь—18%, металлические товары—15,3%, посуда—7,7%, химические товары—11,1%, бумага—4,4%, керосин—2,1%. Лишь дрова, также относимые к промтоварам, дали рост на 48,1%, т.-е. почти в полтора раза. Таким образом, из сельскохозяйственных товаров—два дали понижение и два дали повышение. Причины нами об'яснены выше. В общем, розничный сельскохозяйственный индекс поднялся на 5,8%, тогда как оптовый, как мы видели, упал на 3,6%. Это, как будто, указывает на то, что розничные накидки резко увеличились. Но когда мы обратимся к непосредственным данным о розничном индексе, то подтверждения этого мы не найдем. Очевидно, перед нами игра цифр, вызываемая различным составом и весом товаров, а также различным весом отдельных территорий—в частности, мы имеем в розничном индексе огромный вес Москвы. В промышленных товарах мы видим, что поднялись цены на товары недостаточные. На товары достаточные цены или пали, или остались стабильными, или же поднялись совершенно ничтожно. Таких товаров пять: соль, сахар, чай, керосин, бумага. Рост цен на остальные промышленные товары,—на товары, в которых испытывается особый голод,—не требует также привлечения к своему об'яснению моментов денежного обращения, а обусловливается лишь условиями производства и распределения, об'ясненными выше, т.-е. диспропорцией развития различных отраслей производства, и условиями распределения, не соответствующими темпу роста производства.

Наконец, обратимся к всесоюзному бюджетному индексу. Здесь мы имеем сводку лишь в очень суммарной схеме. Общий индекс поднялся на 7,1%, на промышленные товары на 8%, на сельскохозяйственные на 6,6%, при чем предметы питания сельского хозяйства поднялись на 1%, предметы питания промышленные на 9,8%, одежда и обувь на 11,3%, а отопление и освещение, очевидно, за счет дров на 48,2%. Цифры эти более или менее гармонируют с данными розничного индекса и в особом об'яснении не нуждаются.

Обратимся к данным о накидках. Накидки на промтовары, учитываемые НКТоргом, характеризуются такими данными: в течение полутора лет, с октября 1924 г. по март 1926 г., в среднем по восьми промышленным товарам они в октябре 1924 г. равнялись 37,1%, затем мы видим медленное падение этой величины в течение трех месяцев, далее слабый под'ем в течение двух месяцев и, наконец, новое падение в течение пяти месяцев, и, начиная с сентября 1925 г., под'ем до декабря того же года. Далее, мы видим медленное снижение ее в течение двух месяцев—января и февраля—и ничтожный под'ем в марте.

Низшая накидка имела место в августе 1925 года и равнялась 29,9%, декабрьская высшая накидка в 1925 году равнялась 35,3%, февральская 1926 года выразилась в 33%, а мартовская в 33,3%. Рассматривая состав восьми товаров, мы видим, что накидка уменьшилась по сахару с начальной даты до конечной с 24,3% до 9,4%, по махорке с 30,4% до 22,9%, на спички с 52,6% до 21,5%, по керо-

сину с 30,2,% до 25,6%. По соли накидка осталась стационарной—76,2% и 76%, а поднялась по гвоздям с 41,2% до 46,1%. Особенно сильный под'ем по ситцу—с 25,2% до 48,2%.

Недостаток в хлопчато-бумажной ткани, и особенно ситце, чрезвычайно острый. Наша продукция вряд ли достигает 80% довоенного уровня. При этом мы лишились огромного притока тканей из Польши, который имел место до войны, следовательно, наши рессурсы вряд ли превышают 70% довоенных, между тем, как потребность в одежде является второй потребностью после питания. Кроме того, надо иметь в виду, что розничный торговец покупает мануфактуру вовсе не по оптовым ценам, а покупает ее по розничным ценам в государственных магазинах или у кооперации.

Надо отметить, что максимум накидок лежит уже позади и по ситцу, а именно: в декабре месяце был коэффициент накидок 54,9%, в феврале спустился до 46,4%, в марте несколько увеличился, поднявшись до 48,2%, и даже по гвоздям, рост накидок на которые имел место в течение почти всего текущего года, максимум его приходится на год назад, когда накидка в марте 1925 г. составляла 52%,—в марте 1926 г. мы имеем накидку в размере 46,1%. Данные особого обследования, производимого по 52 городам СССР Статистикой Труда, также говорят нам, что по промышленным товарам мы имеем по сахару снижение накидок с 40,4% в первом квартале 1924/25 г. до 9,8% в марте этого года, при чем в течение текущего полугодия накидка имеет тенденцию падать. По керосину мы также имеем падение с 33,1% в первом квартале 1924/25 г. до 26,69% в марте этого года, при чем и здесь мы видим падение этой величины в течение последнего полугодия. Накидки же по ситцу дают резкий рост с 23,8% в первом квартале прошлого года до 45,5% в марте этого года, но средняя накидка второго квартала все же меньше средней накидки первого квартала текущего года, когда она равнялась 59,8%; в течение второго квартала наблюдается некоторый рост накидки с 41,3% до 47,5%. По данным ВСНХ мы видим рост накидок также по ситцу, гвоздям, кроме того, по галошам, по подсолнечному маслу и падение накидок по соли, сахару, махорке, спичкам и керосину. Следовательно, по большей части мы имеем падение накидок. В среднем накидки по данным ВСНХ в общем стационарны, с небольшим колебанием около 50% по избранным 9 группам товаров. Средние накидки марта равняются 52,1%, немного превышая накидки февраля, когда они равнялись 50,3%, и все-таки не превышают уже ранее имевшегося максимума в декабре 1925 г., когда накидка была равна 52,9%.

Но такие данные мы получаем, если берем Москву с ее товарным ажиотажем и с ордерами, выдаваемыми профсоюзами на мануфактуру. Обратимся к СССР без Москвы и увидим, что в течение полутора лет накидки даже уменьшились. В октябре 1924 г. средняя накидка была 49,3%, а в марте текущего года она равнялась 48,9%, даже уступая февральской накидке, равнявшейся 49,3%. Максимум и здесь лежит позади, а именно—в ноябре 1924 г., когда накидка равнялась 54,9%. Что касается накидок на сельскохозяйственные товары, то они также в общем стабильны: мука ржаная дает тенденцию к понижению накидок, пшено к повышению, овес стабилен, говядина дает понижение накидок, масло топленое рост накидок, а масло подсолнечное падение. В среднем, накидка, по этим товарам с 23,6% в октябре 1924 г. упала к июлю 1925 г. до 16,8%, затем поднялась к октябрю 1925 г. до 23,7% и затем имела тенденцию удержаться на этой высоте, при чем март месяц показал даже некоторое падение до 22,9%. В среднем, по 14 сельскохозяйственным и промышленным товарам по данным НКТорга накидки с 31,3% в октябре 1924 г. падают до 25,4% в июне 1925 г., затем поднимаются к декабрю 1925 г. до 29,6% и с той поры слабо падают, упав к марту до 28,8%. По данным Статистики Труда о 52 городах накидка на муку ржаную падает с 13,8% в первом квартале прошлого года до 10,6% в марте этого года, на мясо накидка падает с 38% до 22,5%. Накидка на яйца колебалась от месяца к месяцу, но в общем стабильна. То же самое приходится сказать о накидке на картофель. Определенную тенденцию к повышению дает накидка на коровье масло. Если сравнить накидку марта этого года с мартом прошлого года, то мы получим по данным о 52 городах уменьшение накидки на муку ржаную, на картофель, мясо, масло коровье, яйца и керосин. Мы имеем устойчивую накидку по сахару и рост накидки только по ситцу.

В области внешней торговли мы имели отрицательный торговый баланс в текущем полугодии в размере 65 милл. руб. при отрицательном торговом балансе за прошлый год в сумме около 160 милл., и лишь последний месяц дал небольшое активное сальдо. При этом все же происходил процесс усиленного расхождения союзных цен с мировыми, что делало экспорт нерентабельным.

И та и другая причина влекла за собой тенденцию к утечке золота за границу, что несмотря на затрату крупных средств на интервенцию на валютном рынке привело фактически к утрате паритета на валютном рынке.

Общие выводы

I. В области производства мы констатируем крупный рост производства при отсутствии повышения производительности рабочего в отношении к стоимости рабочей силы по сравнению с соответствующим полугодием прошлого года. Но в течение самого полугодия мы видим рост производительности на одного рабочего. В частности, март месяц показал крупный рост продукции и дальнейший рост продукции на одного рабочего.

Соотношения отраслей промышленности характеризуются большим ростом отраслей, вырабатывающих средства производства, что особенно ярко опять-таки сказалось в том же марте месяце.

Крайне отрицательное значение имеет замедление темпа строительной промышленности и даже падение лесопильной.

Капитальные затраты производятся пока в суженных размерах, и наблюдаются случаи перезаготовки материалов, что уже оказало отрицательное влияние на рынок строительных материалов, послужив одной из причин повышения их цен.

Отрицательное значение имеет и переполнение рабочими кадрами, особенно недостаточно подготовленными, некоторых отраслей промышленности.

Жилстроительство не развивается, и перспективы здесь благодаря слабому развитию строительной промышленности и благодаря ненормальному кредитованию—неблагоприятны.

II. В области распределения мы должны констатировать несоответствующий росту производства и производительности труда под'ем зарплаты в конце прошлого полугодия и в начале текущего.

В деревне высшая группа крестьянства благодаря росту цен на с.-х. товары смогла заняться перекупкой у средних и беднейших слоев деревни их продукции и реализовать ее по повышенным ценам, чем усиленно подняла свою покупательную способность.

III. В области товарообмена мы констатируем переход промышленности к реализации продуктов по долговременным контрактам, фактический рост отпускных цен при напряжении созданного условиями распределения потребительского спроса. Мы видим рост розничных оборотов при росте розничных цен. Идет борьба за продукты между городом и деревней и различными группами последней.

IV. В области транспорта, как производственного организма, замечались явные признаки недостаточной пропускной способности, для расширения которой до сих пор было сделано очень мало. И на второе полугодие выдвигается актуальнейшая задача расширения пропускной способности. Провозоспособности пока хватало, но на второе полугодие также необходимо усиленное строительство вагонов.

V. В области денежно-кредитных отношений первый квартал характеризуется сравнительно нормальным их развитием. Второй же квартал характеризуется сжатием денежной массы и рестрикцией кредита, которая задерживает процесс развития производства и образования товарных запасов.

Благодаря отрицательному торговому балансу политика поддержания паритета оказалась нецелесообразной и окончилась неуспехом.

Март месяц принес с собой обострение в области розничного спроса и рост розничных цен, осложненный потерей червонцем его паритета и сведениями о возможности сокращения промышленной продукции. В столицах создалась определенная паника, которой поддались и некоторые организации, как профсоюзы, раздававшие ордера и тем усилившие спрос.

Но тот же март месяц принес и признаки оздоровления, а именно: положительный торговый баланс и крупные хлебные заготовки при понижающихся к концу периода ценах на хлеба вопреки весеннему сезону.

VI. В области потребления мы видим рост потребления и в городе и в деревне, и притом слишком энергичный рост, не соответствующий требованиям производства, вступившего на путь капитальных затрат в целях реконструкции.

VII. Директивы экономической политики должны заключаться в содействии под'ему производства, улучшению его организации, в усовершенствовании товаропроводящей цепи, образовании товарных запасов, в сжатии потребительского спроса (квартплата и понижение накидок на зарплату) и инвалюту и в переходе к регулированию валютного рынка в соответствии с реальным движением товарных цен в Союзе и на мировом рынке.

Политика сжатия денежной массы и рестрикции кредита должна быть оставлена, как угрожающая обострением товарного голода в момент перед реализацией урожая.

Гармоническое или, вернее, оптимальное сочетание развития производительных сил, поднятия благосостояния трудящихся масс и укрепления социалистических форм хозяйства—эта формула должна стать основным регулятивным принципом экономической политики.

С. М. Киселев

Оценка текущего состояния денежного обращения

Явления денежной инфляции представляют собой последствие перенасыщения оборота платежными средствами, которые, не находя соответственного прироста в обращении на рынке реальных товарных ценностей, вызывают разрыв между рыночным спросом и предложением, что приводит в конечном итоге к росту товарных цен и падению покупной способности денежных знаков. Самое состояние денежного и товарного рынка, получающееся в результате инфляции, характеризуется различными признаками в зависимости от степени развития инфляционного процесса или, другими словами, от степени дезорганизации процессов обращения на основе систематического перенасыщения оборота платежными средствами.

Первая стадия инфляции наступает в тот момент, когда выпуски в обращение новых денежных знаков не сопровождаются достаточно быстрым под'емом процессов производства и обмена товарных ценностей в стране или же, иначе говоря, деньги перестают стимулировать соответствующий темпу эмиссии хозяйственный под'ем страны. Этот первый момент инфляции характеризуется поэтому заметным увеличением денежной наличности в банках, в торгово-промышленных предприятиях и у потребительского населения, при чем получившееся на почве усиленной эмиссии обилие платежных средств в обороте начинает постепенно давить на товарный рынок, стимулируя повышение потребления наличных товарных ценностей. Однако, рост цен в этих случаях еще недостаточно велик, хотя и стремится быть всеобщим; кассовая наличность продолжает возрастать, что при развитой кредитной системе регулирования денежного рынка особенно рельефно сказывается в интенсивном увеличении банковских вкладов и текущих счетов, вкладов сберегательных касс, в повышении спроса на фондовые ценности и т. д. Вместе с тем, обилие денег в обороте начинает сказываться и на уровне спроса на кредит: учетно-ссудные операции имеют в это время определенную тенденцию к сокращению темпа их развития и даже к абсолютному падению. Как образец такого состояния денежной инфляции к концу первой стадии ее развития, можно привести данные, характеризующие положение кредита в России в 1915 году (в милл. руб.). (См. табл. на стр. 39).

Таким образом, уже в 1915 г. при росте вкладов на 1.607 милл. руб. банкам удалось разместить их в учетно-ссудные операции только на 298 милл. руб. В следующее полугодие—с 1 января по 1 июля 1916 года—остаток вкладов в коммерческих кредитных учреждениях дает еще более резкий прирост на 1.327 милл. руб., а их учетно-ссудные операции увеличиваются всего на 165 милл. руб.

Вторая стадия инфляции характеризуется дальнейшим усилением дезорганизующего ее влияния на процессы денежного и товарного обращения. Если в первый период избыток платежных средств в обороте встречает хотя уменьшающееся, но все же еще

	Остатки вкладов и текущих счетов на 1 января					Задолжен. по уч.-ссуд. опер. на 1 января				
	Госуд. банк	Коммер. банки	Об-ва взаимн. кред.	Город. банки	ВСЕГО	Госуд. банк	Коммер. банки	Об-ва взаимн. кред.	Город. банки	ВСЕГО
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1915	478	2.917	511	216	4.122	1.123	3.051	706	243	5.123
1916	934	3.968	557	250	5.729	1.236	3.315	632	238	5.421

достаточное товарное предложенне со стороны рынка, то при дальнейшем развитии денежной эмиссии наступает время, когда товарные запасы рынка истощаются и он оказывается не в состоянии удовлетворять дальше в полном об'еме пред'являемый спрос. Почти одновременно с этим совершается и психологический перелом в отношении рынка к денежному знаку: доверие населения в прочность его падает, стремление к денежному накоплению ослабевает и заменяется обратным стремлением к товарному и валютному накоплению; в силу этого дальнейший приток денег во вклады кредитных учреждений прекращается, и кредитный аппарат лишается реальной возможности дальнейшего активного регулирования денежного рынка; вместе с тем резко сокращается и карманная денежная наличность населения. Все это приводит к значительному и еще более резкому под'ему потребительского спроса, идущего уже не только по линии удовлетворения повышенного текущего потребления, но и за счет роста потребительских запасов. В силу этого скорость обращения денежных знаков увеличивается, и прежний плавный под'ем рыночных цен, характерный для первой стадии инфляционного процесса, сменяется прогрессивно растущим обесценением денег, свойственным второй стадии инфляции. Так, например, в 1923 году номинальная денежная масса увеличилась кругло в 150 раз, уровень же оптового индекса возрос за этот же срок в 300 раз.

Если вторая стадия инфляции не способна вызвать какие бы то ни было сомнения в своей сущности, так как признаки ее слишком наглядны, то определение начальных моментов инфляции (первая стадия) является в высшей степени затруднительным. Особенно осторожным приходится быть в тех случаях, когда страна переживает значительный хозяйственный под'ем, когда потребности оборота вызывают необходимость усиления в обращении платежных средств, которые ассимулируются по всей линии товарооборота не сразу, в силу чего в процессах денежного и товарного обращения обычно получается ряд более или менее длительных перебоев. В таком положении находится в настоящее время хозяйственная кон'юнктура Союза ССР.

Огромный хозяйственный под'ем, рост денежности товарооборота и денежных накоплений вызвали усиленное развитие денежно-кредитной системы и потребовали значительного увеличения денежной массы; наблюдая при этом параллельно развивающиеся явления товарного голода и роста товарных цен, необходимо очень тщательно анализировать все эти явления, прежде чем выносить какое-либо окончательное суждение о том, насколько они имеют действительно инфляционный характер. Наконец, необходимо помнить и о тех особенностях хозяйственного строя нашего Союза, которые создают для условий товарного и денежного обращения специфическую обстановку, мало известную капиталистическим странам.

Экономисты последних оценивают явления нашего денежного рынка, как катастрофическое состояние денежной системы. При этом они утверждают, что советское правительство напрасно стремилось, пользуясь методами частно-капиталистического развитого хозяйства, упрочить денежное обращение в наличных условиях хозяйственного строя Союза ССР, отличающихся резко от капиталистического строя; эти же самые экономисты, измеряя текущие затруднения на нашем денежном рынке на свой аршин и не учитывая в то же время всех наших хозяйственных особенностей, делают тем самым еще более значительную ошибку.

Какие же экономические показатели необходимо подвергнуть систематическому наблюдению и изучению для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос в текущих условиях СССР? Мы уже отметили, что существенным признаком первой стадии развития инфляционных явлений (а о ней пока еще только и можно говорить у нас в настоящее время) служит увеличение кассовой наличности в обороте, при чем при развитом кредитном регулировании рынка особенно интенсивно начинают увеличиваться банковские вклады и текущие счета. Если мы возьмем динамику вкладной операции по пяти главнейшим нашим кредитным учреждениям, то с июля по октябрь 1925 года мы, действительно, наблюдаем усиленный рост остатка вкладов и текущих счетов, тем более подозрительный, что он не соответствует обычным условиям четвертого квартала хозяйственного года, когда реализация сельскохозяйственного урожая вызывает необходимость мобилизации всех наличных рессурсов товаропроводящей цепи, в связи с чем банковские вклады обычно имеют тенденцию к сокращению. Поэтому факт известного перенасыщения кредитом оборота в четвертом квартале может быть теперь признан окончательно установленным, тем более, что в свое время он неоднократно подчеркивался Госпланом. Что же касается первого полугодия 1925/26 года, то мы имеем в течение всего этого периода или стабильность или помесячное снижение остатка банковских коммерческих вкладов, упавших с 789 милл. рублей в октябре до 772 милл. рублей в марте.

Для той же цели можно воспользоваться сопоставлением среднемесячного остатка банковских вкладов с денежной массой, что даст возможность судить о степени насыщенности оборота денежными средствами. Как видно из нижеследующей таблички, процент этого соотношения обнаруживает тенденцию к падению, что также свидетельствует скорее об усиливающейся напряженности кассового состояния банковской клиентуры, нежели о наличности фактов обратного значения:

Денежная масса (средняя) к вкладам без средств НКФ за 1925/26 г.

(ср.-мес. в милл. черв. руб.)

Дата	Денежная масса (ср.-мес.)	Вклады и тек. счета без НКФ (средн.)	%
	1	2	1 : 2
Октябрь	1.194,4	788,9	151
Ноябрь	1.266,8	794,1	160
Декабрь	1.278,0	769,0	166
Январь	1.255,3	776,9	162
Февраль	1.246,3	789,0	158
Март	1.225,0	772,0	159

Мы считали бы достаточным один анализ этих показателей для того, чтобы отклонить всякое сомнение о наличии у нас инфляционных явлений, но учитывая специфические особенности хозяйственного строя Союза, этот анализ, вполне достаточный для частно-капиталистического строя, необходимо в наших условиях расширить и углубить. Надо это сделать потому, что, прежде всего, банковский кредит регулирует у нас только часть денежного рынка и товарооборота, охватывая, преимущественно, деятельность госпромышленности, госторговли и кооперации. Таким образом, частный торгово-промышленный оборот остается почти целиком вне банковского регулирования, с другой стороны, при слабо развитой системе аккумуляции потребительских сбережений в кредитных учреждениях вне кредитной системы находится также денежная наличность городских потребительских слоев населения и крестьянских хозяйств. Но и в отношении кредитного регулирования крупного торгово-промышленного оборота (государственного и кооперативного) банковский кредит, повидимому, не является в данный момент вполне достаточным выразителем его финансового положения. Проводившаяся в течение всего последнего полугодия кредитная рестрикция, выразившаяся в стремлении к снижению задолженности банкам их клиентуры, естественно, должна была породить реакцию со стороны последней, выразившуюся в задержке накопления в кредитных учреждениях вкладов и текущих счетов, в искусственном муссировании клиентурой затруднений собственного финансового положения, чтобы тем самым сохранить за собою хотя бы прежний об'ем открытых кредитов. Трудно, конечно, сказать, насколько широко происходил этот отрыв клиентуры от банковских учреждений, но безусловно в отношении многих отдельных предприятий такое положение имело место. Поэтому мы должны также обратить свое внимание и на изучение непосредственного финансового положения банковской клиентуры.

Остановимся прежде всего на финансовом состоянии нашей промышленности. По данным ЦОС ВСНХ о финансовом положении

74 трестов мы имеем возможность, несмотря на все дефекты этого учета, сделать ряд существенных выводов:

В %% к стоимости реализации продукции	1924/25 год								1925/26 год		
	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
а. Общий приход	100	126	112	110	120	116	106	100	92	108	128
В том числе:											
Поступл. от реализ.	42	53	47	44	45	45	43	39	29	38	39
Поступл. по учету векс. и банков. ссуд	29	34	28	32	34	36	28	32	30	30	40
б. Расход.	99	125	111	107	119	114	105	100	92	109	133
в. Касса и тек. счета	34	43	37	40	41	40	39	31	30	39	38
г. Задолженность трестов . .	277	351	299	294	294	290	280	237	242	325	376
В том числе банкам	110	141	120	123	129	126	122	108	107	143	159
д. Задолженность трестам . .	118	130	106	99	91	75	75	68	87	130	135
В том числе вексельный портфель	43	57	44	45	51	46	39	34	36	52	62

В этой таблице приведена динамика основных показателей финансового положения промышленных предприятий с февраля по декабрь в отношении к стоимости реализованной ими продукции. Мы видим здесь, что при росте требований на кредит (рост банковской задолженности) динамика кассы и текущих счетов предприятий не обнаруживает никаких особенных признаков увеличения; наоборот, рост в ноябре—декабре вексельного портфеля и задолженности трестов говорит о некотором ухудшении финансового положения промышленности в первом квартале 1925/26 года.

В январе касса и текущие счета по учтенным предприятиям составляют 83,6 милл. руб. и в феврале—94,8 милл. руб. против 92,9 милл. руб. в декабре; задолженность банкам с 341,6 милл. руб. в декабре поднимается до 357,6 милл. руб. в январе, 369,2 милл. руб. в феврале и 382,8 милл. руб. в марте; вексельный портфель, составивший в декабре 122,7 милл. руб., исчисляется в январе в 138 милл. руб., в феврале в 126 милл. руб. и в марте в 138 милл. руб.; задолженность трестов с декабря по февраль изменяется с 218 до 224 милл. рублей.

Все эти данные убеждают нас, что по сравнению с февралем 1924/25 года финансовое положение промышленности к наступлению 1925/26 года в общем несколько улучшается, но в дальнейшем оно дает признаки относительного ухудшения. Во всяком случае, моментов перенасыщения, избытка денежных рессурсов, находящихся в распоряжении промышленности, в приведенных данных усмотреть нельзя.

Переходя к анализу финансового положения торговой сети, мы должны сознаться, что наши сведения здесь еще более ограничены, и мы можем судить о нем только по некоторым косвенным данным. Прежде всего, несмотря на сокращение банковского кредитования торговли и на ухудшение условий расчета по отпуску промышленной продукции, торговая цепь при таком двойном давлении в общем справлялась с своими обязательствами; базой для этого служила реальная устойчивость платежеспособного потребительского спроса на промтовары. Правда, в некоторых районах, наименее насыщенных кредитом, финансовое положение кооперации уже во втором квартале обнаруживает признаки напряжения; в районах же более насыщенных кредитом (Средняя Азия и др.) торговая сеть имела возможность даже накопить к концу полугодия товарные запасы, достигающие уровня начала полугодия. Впрочем, иногда в отдельных звеньях торговой сети одного и того же района финансовое положение кооперативной сети оказывалось не одинаковым. Если воспользоваться некоторыми данными о финансовом положении низовой потребительской кооперации в Центрально-Промышленном районе (относящимися, правда, к небольшому количеству об'ектов наблюдения), то мы получим такую картину: на 1 апреля по сравнению с 1 марта наличие денежных средств в городских потребительских обществах увеличивается на 8% при сокращении остатка товаров на 6% и уменьшении дебеторских статей на 4%, а в сельских потребительских обществах денежная наличность, наоборот, уменьшается на 16% при росте товарной наличности на 9,5% и дебиторских счетов на 2%; и в том и в другом случае обращает на себя внимание рост ценностей вне оборота, достигающий за месяц в среднем 7,5%, сумма наличных денежных средств по отношению к общему балансу колебалась в пределах от 4 до 5,7%. При такой пестроте увеличившийся за последние месяцы протест кооперативных векселей свидетельствует о том, что финансовое положение торговой сети следует признать местами напряженным. Но во всяком случае, нет никаких сколько-нибудь убедительных доводов, которые говорили бы об общем скоплении значительных денежных средств в товаропроводящей цепи в виде избытка платежных средств, форсирующих торговый спрос и т. д., так как последний по данным биржевой торговли значительно упал (в октябре по 71 бирже сумма оборотов составляла 1.019 милл. руб, а в марте—только 563 милл. рублей).

Итак, и госпромышленность, и госторговля, и кооперация дают в общем картину скорее устойчивого финансового положения с признаками даже частичного напряжения в отдельных районах и предприятиях; мы не находим здесь показателей общего массового роста денежной наличности. Это же подтверждается приведенной выше динамикой банковских коммерческих вкладов, которые дают картину стационарности с тенденцией к снижению.

Если мы перейдем от обзора финансового положения государственных и кооперативных предприятий, а также кредитных учреждений, их обслуживающих и тесно с ними связанных, к анализу состояния частного торгового капитала, то здесь картина несколько меняется. Частный капитал сумел использовать благоприятную для него рыночную кон'юнктуру последних полутора лет, осложненную сначала частичным недородом хлеба, а затем недостатком на рынке промтоваров. К началу 1925/26 года отмечается определенный рост

частного капитала, который при ограниченном отпуске в частную торговлю промтоваров и затрудненности заготовительных операций устремляется на валютный рынок, стимулируя здесь спрос на иностранную валюту и золото, отчасти в целях дальнейшей спекуляции и наживы, а отчасти и для металлического покрытия своих свободных оборотных рессурсов. Вместе с тем, этот же спрос частного капитала на валютном рынке свидетельствовал об избытке в этом секторе не находивших прямого производительного применения платежных средств. Однако, после того как часть этих рессурсов была иммобилизована посредством обращения в иностранную валюту и золото, а другая во втором квартале брошена была на скупку мануфактуры,—на частном денежном рынке начинает все более и более усиливаться напряженное состояние спроса на свободные денежные средства. Так, например, в марте в Москве частный учетный процент доходит до 20% в месяц, а в районах он колеблется от 10% до 20% (вместо 6—10% в первом квартале).

Переходим теперь к характеристике финансового состояния в потребительских секторах—городском и сельском. В городе на фоне роста заработной платы в 1924/25 году на 23% и при увеличении общих кадров рабочих и служащих мы имели несомненный под'ем платежеспособного потребительского спроса. Улучшение финансового положения городского населения не следует, однако, смешивать с избыточным скоплением денежных средств, что при слабо развитой еще концентрации свободных потребительских денежных рессурсов в сберегательных кассах должно было проявляться в усилении спроса или на валютном или на товарном рынке. В первом случае мы не имеем сведений о каких-либо особенных признаках повышенного спроса со стороны городского населения на валютные ценности; что же касается второго случая, то здесь, особенно во втором квартале, определенно имело место резкое повышение спроса на промышленную продукцию, доходившее до ажиотажа, очередей и т. д. Однако, этот преувеличенный спрос концентрировался исключительно на мануфактуре, стимулировался слухами о предстоящем якобы значительном сокращении производственных программ, шел за счет реализации денежных накоплений и в значительной мере являлся ширмой для спекулятивных тенденций частного капитала. Так, в апреле из Ленинграда сообщают, что мануфактура раскупается перекупщиками, при чем в некоторых случаях самими частными торговцами, а больше всего при посредстве безработных; в результате, к потребителю товар попадает уже по крайне взвинченным ценам. В Иваново-Вознесенске с мануфактурой наблюдается снова ажиотаж, вызванный наплывом из других губерний мешечников, привлеченных неограниченным отпуском здесь мануфактуры в розницу. Из Киева сообщают, что несмотря на усиленное ярмарочное снабжение, спрос на мануфактуру превышает предложение, так как розничный потребительский спрос перешел в торговый, и в очередях стоят, по преимуществу, перепродавцы. Подобными же фактами пестрят сообщения и из других мест (Псков, Новгород, Владимир и т. д.).

Поскольку мы имеем показатели усиливающегося напряжения на частном денежном рынке и поскольку свободная денежная наличность городского населения отличается все же относительно ограниченными размерами, уже к концу апреля на московском рынке наблюдается определенное ослабление того напряжения потребительского спроса, которое еще в марте месяце имело совершенно нездоровый, искусственно приподнятый уровень.

Если, наконец, обратиться к финансовому состоянию крестьянских хозяйств, то целесообразнее всего будет воспользоваться для анализа характеристикой динамики крестьянских бюджетов. Так, например, по данным Уральской области с 1 апреля 1924 года по 1 апреля 1925 года общий денежный приход по местному крестьянскому хозяйству поднялся, в среднем, на 78%, а денежные расходы возросли на 77%; в частности, продажа сельскохозяйственной продукции увеличилась на 102%, а потребление промтоваров на 92%. Денежная наличность в крестьянском хозяйстве возросла за тот же период с 2,01 руб. до 7,87 руб.; при этом отмечался более интенсивный рост денежной наличности в мелких и средних хозяйствах, чем в хозяйствах более крупных. Приводимые ниже данные иллюстрируют помесячную динамику денежной наличности в крестьянских хозяйствах Центрально-Черноземной области с апреля 1924/25 года по март 1925/26 года.

Остатки (средние) денежных средств в крестьянских хозяйствах Центрально-Черноземной области (в рублях)

	Апрель	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
Общий остаток .	5,82	9,16	12,14	15,49	19,51	20,72	24,14	21,75	18,75	18,29

Динамика денежной наличности в средних и крупных крестьянских хозяйствах Ц.-Ч. области (в рублях)

	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
Остаток в хозяйствах с площадью посева от 4 до 6 дес.	4,07	4,44	2,93	8,69	13,10	15,19	21,98	23,79
Остаток в хозяйствах с площадью свыше 15 десят. . .	27,73	10,39	35,94	28,77	50,78	29,98	22,80	38,38

Таким образом, из приведенных таблиц мы видим рост денежной наличности вплоть до декабря, после чего она начинает постепенно снижаться; следовательно, мы имеем по существу в течение первого квартала сезонное усиление притока денежных средств в деревню. Отмечается при этом и в Центрально-Черноземной области

увеличение денежной наличности, преимущественно в мелких и средних хозяйствах (где она до сих пор была в минимуме); что же касается более крупных, то здесь мы имеем волнообразную кривую, в которой повышение денежной наличности в одном месяце сопровождалось резким падением ее в ближайший же месяц. Повидимому, крупные хозяйства усиливали свою денежную наличность, главным образом, для немедленного же использования ее на приобретение промышленных товаров и строительных материалов, на уплату налогов и т. д. Эти частные факты подтверждают, таким образом, общий вывод, который вытекает из изучения всей совокупности кон'юнктурных явлений первого полугодия 1925/26 года; вывод этот заключается в том, что в крестьянском хозяйстве к концу первого квартала наблюдается приостановка дальнейшего роста денежной наличности, и что реализация крестьянством своей продукции протекала постольку, поскольку крестьянскому спросу противостояло реальное предложение промышленной продукции или же пред'являлось требование срочной уплаты окладов сельскохозяйственного налога.

Итак, мы не видим и у потребителя ненормального роста денежной наличности; наоборот, бюджетные данные говорят скорее о том, что в крестьянском хозяйстве процессы денежного накопления снижаются после сезонного роста в первом квартале. И можно, пожалуй, дать здесь такую ориентировочную формулировку, что денежная наличность росла в меру товарной насыщенности рынка. На этот путь корреляции своих накоплений денежных знаков в меру возможности фактического товарного их покрытия деревня вступает в первом квартале; на этот же путь под влиянием психологического сдвига, в значительной мере вызванного и культивированного нашей прессой, вступил и городской потребитель, пред'явивший во втором квартале повышенный спрос на некоторые недостаточные товары (преимущественно, мануфактуру) в целях инвестирования в реальные товарные ценности части своих денежных сбережений. Следовательно, условия сбыта крестьянской продукции и структура спроса на рынке промтоваров являются характерными показателями и для общего состояния той части денежного рынка, которая охватывает платежные рессурсы сельского и городского потребителя. Итак, мы имеем сдержанность предложения сельскохозяйственной продукции, наличие в деревне крупных еще нереализованных товарных остатков, с одной стороны, и неудовлетворенность спроса и деревни и города на промтовары—с другой. Но несмотря на сдержанность крестьянского предложения, цены на сельскохозяйственные товары теперь все же ниже прошлогодних (по индексу Госплана на 1 мая—на 5,9%), а цены промышленных изделий при растущем их производстве имеют тенденцию к повышению (на 1 мая они выше прошлогоднего уровня на 6,5%). Если же суммировать эти противоположные ценностные сдвиги, то мы будем иметь в целом на 1 мая стационарность оптового индекса (+0,1%).

Мы не видим, следовательно, какого то нездорового, непрерывного оседания денежных знаков у потребителей, которые, возрастая в количестве, давили бы все больше и больше на рынок. Наоборот,

известные психологические сдвиги, происшедшие среди населения и повысившие в ряде случаев их спрос на товарное покрытие денег, гарантируют, что такого явления у нас в массе нет. Момент этот, конечно, неблагоприятен для дальнейшего роста денежных сбережений среди населения и для наших эмиссионных возможностей, до сих пор осуществлявшихся в значительной доле за счет развития твердого остатка денежной наличности у населения, но в то же время он скорее говорит о некотором сжатии сейчас этой наличности, чем о факте противоположного значения. Так как при этом спрос концентрируется почти исключительно на отдельных товарах (хлопчато-бумажные и шерстяные ткани, металлические изделия и строительные материалы), не получая дальнейшего развития, то едва ли вообще во всем этом можно усмотреть какие-либо признаки чисто денежной инфляции.

При этом надо сознаться, что и этого обострения спроса не было бы или он проявился бы не в столь значительной форме, если б со стороны госорганов не проводилась систематическая дезорганизация рынка. Не говоря уже о дефектах планового снабжения и неумелой информации прессы о мероприятиях правительства по регулированию промышленного производства, крупный спрос со стороны госорганов на строительные материалы и прочие фабрикаты, при слабом плановом его регулировании, не мог не влиять весьма отрицательно на кон'юнктуру товарного рынка. Структура нашего бюджета также является в этом отношении весьма неудовлетворительной: не надо забывать, что мы дошли в этом году до 4.000 милл. доходных поступлений, опередив здесь динамику развития прочих хозяйственных элементов по отношению к довоенному их уровню только потому, что сейчас бюджет охватывает не только те доходные источники, которыми пользовалась раньше казна, но и прибыль крупнейших торгово-промышленных предприятий, поступавшую ранее в собственность частных лиц и питавшую ежегодный прирост оборотных и основных капиталов и в торговле и в промышленности. Если учесть этот момент, то нельзя не признать, что расходная часть нынешнего бюджета носит излишне раздутый потребительский характер, и что бюджет должен теперь усиленно использоваться также и для накопления государственного денежного капитала, как базы для дальнейшего роста государственной промышленности и торговли. Однако, и в этом явлении слишком значительного роста спроса за счет бюджетных рессурсов, поскольку последние не основываются на казначейской денежной эмиссии, говорить о денежной инфляции не приходится и необходимо оставить в силе констатацию чрезмерного развития потребления в ущерб процессу накопления. Это и есть основная причина всех наших текущих затруднений в области товарного и денежного обращения.

Мы проследили последовательно все звенья нашего товарного и денежного обращения, мы открывали здесь случаи временного скопления и избытка денежных рессурсов в отдельных каналах обращения, которые, однако, вскоре рассасывались, но мы не нашли ничего хотя бы отдаленно напоминающего явления общей денежной

инфляции. В области кредита, промышленности и торговли избытка платежных средств, как общее правило, не наблюдается, и скорее можно говорить о некотором усилении их финансового напряжения; частный торговый капитал, усиленно инвестировавшийся в первом и, отчасти, во втором квартале на валютном рынке, к концу первого полугодия оказался в затруднительном положении ввиду нехватки наличных платежных знаков; наконец, сельский и городской потребитель проявлял тенденцию к сокращению своей денежной наличности, и здесь потребление развивалось часто за счет и в ущерб наличных денежных сбережений, т.-е. носило временный характер. Кроме того, спрос за счет бюджетных рессурсов не был согласован в ряде случаев с состоянием товарного рынка и шел в ущерб развитию необходимого для него бюджетного накопления.

При всех этих обстоятельствах и при наличии значительных еще товарных масс нереализованной крестьянской продукции и не находящего себе спроса предложения избыточных промышленных товаров (напр., сахар) трудно предположить, чтобы у нас могли быть сколько-нибудь серьезные признаки действительной денежной инфляции. Правда, в то же время не приходится закрывать глаза на то, что положение нашего денежного и товарного рынка достаточно серьезно: психологический сдвиг в населении в виде стремления к обращению денежных знаков в недостаточные на рынке товары и приостановка роста денежных сбережений будут держать наш товарный рынок еще некоторое время в состоянии известной неустойчивости и одновременно ограничат наши эмиссионные возможности; ограниченность прироста государственного капитала в промышленности и в торговле затрудняет быстрое развитие тех отраслей промышленного производства, продукция которых является сейчас в минимуме и затрудняет нормальное развитие процессов обращения. Следовательно, не в инфляции, не в избытке денежных знаков надо и можно видеть причины наших текущих затруднений, а, исключительно, в преувеличенном росте потребительского спроса на ряд товаров со стороны как самого государства, так и населения. Отсюда и принцип лечения должен базироваться не столько на зажиме кредитования промышленности и торговли сколько на ограничении потребительского спроса со стороны госорганов (и кооперации), который должен быть подвергнут более жесткому планированию; на сокращении бюджетных расходов потребительского характера, а также на налоговом регулировании покупательских способностей населения.

В тот момент, когда нам удастся сбалансировать текущий спрос и предложение на рынке недостаточных теперь промышленных товаров, нормальные процессы и денежного и товарного обращения не только будут восстановлены, но получат немедленно дальнейший рост за счет тех товарных масс сельской продукции, которые до сего времени оставались вне текущего оборота.

В заключение, остановимся еще на двух аргументах, приводимых за последнее время в подтверждение и в опровержение наличности у нас явлений денежной инфляции. Первый из них заключается в усилении скорости обращения денег на рынке, что ставится некоторыми в связь с наличием избытка денег в обращении и начавшимся их обесценением. Скорость денежного обращения тесно связана не только с процессами материального производства и товарооборота, но и с условиями кредитования этих процессов. При инфляции скорость товарного обращения сопровождается сокращением товарного и банковского кредитования торговли (за ненадобностью) и скоплением в распоряжении последней избыточных денежных рессурсов, которые и вызывают повышенный торговый спрос и ажиотаж, обусловленные падением покупательной способности денег, в свою очередь его усиливающим. У нас же наблюдается обратная обстановка: при относительной устойчивости покупательной способности червонца—недостаток денег в крупном торгово-промышленном обороте, депрессия в оптовой торговле, исчезновение из оборота контрактовых сделок и т. д. Самое ускорение обращения денег в торгово-промышленном обороте обусловлено сокращением кредитования банками промышленности, сжатием промышленностью товарного кредита и по об'ему и по срокам при отпуске своей продукции торговым предприятиям, а в связи с этим и общего повышения требования оплаты наличными торговых сделок, которое мы отмечаем в течение истекшего первого полугодия. Возьмем характерный для данного случая пример из состояния вкладной операции Промбанка: обороты по дебету в сентябре 1924/25 года составляли 198 милл. руб., в марте они дошли до 277 милл. руб. и в апреле до 300 милл. руб., при постепенном сокращении среднего остатка текущих счетов с 229 милл. руб. в сентябре до 205 милл. руб. в марте и 201 милл. руб. в апреле. Следовательно, среднее пребывание денег на текущих счетах в Промбанке сокращается, примерно, с 35 дней до 20 дней, при чем одновременно отмечается сокращение кассы и рост неучтенного вексельного портфеля кредитуемых предприятий, рост задолженности их по налогам, зарплате и т. д. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что наблюдаемое ускорение денежного обращения есть непосредственный результат финансового напряжения оборота.

Еще менее показательным надо признать ускорение денежного обращения, когда оно является по существу лишь временным усилением спроса за счет сжатия денежных сбережений. Подобное явление имеет кратковременный характер и очень быстро сменяется обратным явлением, т.-е. более усиленным обратным накоплением и ослаблением притока денежных средств в каналы товарооборота. Усиление потребительского спроса, происшедшее у нас во втором квартале за счет отмеченного уже сокращения денежной наличности у населения, носило только что описанный кратковременный характер, и происходящий на этой почве приток денег в оборот, особенно по Москве, уже в апреле месяце потерял свою эффективность и в мае почти совершенно прекращается.

Второй аргумент, на котором базируются сторонники продолжения эмиссии, заключается в том, что в настоящее время отмечается увеличение вексельного портфеля в предприятиях и накопление чеков в кассовой их наличности, которые и свидетельствуют

о недостатке денег в обороте и о стремлении заменить их суррогатами. Если нельзя спорить, что недостаток денежных рессурсов в крупном торгово-промышленном обороте привел к росту вексельного портфеля и неоплаченных чеков в кассах, то отсюда нельзя еще сделать вывода об обращаемости их на рынке вместо денежных знаков; доказательств последнего обстоятельства у нас пока не имеется.

Таким образом, наш анализ приводит к необходимости еще раз констатировать отсутствие у нас явлений денежной инфляции при несомненном частичном расстройстве процессов обмена и продолжающемся исключительно на этой почве общем напряжении товарного и денежного рынка. Регулирование потребления недостаточных товаров и борьба за увеличение их выработки и предложения на рынке при одновременном сжатии и плановом регулировании государственного потребления по бюджету,—таковы выводы, вытекающие из этого для практической экономической политики.

В. А. Базаров

„Кривые развития" капиталистического и советского хозяйства [1]

VI. Общая структура восстановительного процесса в промышленности СССР

За последние два года у нас много писали и полемизировали по вопросу о сущности переживаемого страной хозяйственного процесса. Особенно горячие споры возбуждали попытки определения того уровня равновесия, к которому стихийно стремится наше возрождающееся хозяйство. В какой мере имеем мы „восстановительный" процесс в точном смысле этого слова, т.-е. приближение к довоенным размерам, формам и соотношениям, и в какой мере уже теперь в ходе нашего хозяйственного развития сказываются социально-экономические новообразования, созданные революционной эпохой? Вот та проблема, которая привлекала к себе до сих пор наибольший интерес.

Уже из общих соображений, изложенных в главе IV, вытекает, что точное восстановление довоенного уровня и довоенных соотношений представляется очень мало вероятным. Как мы видели, восстановление нарушенного равновесия на неизмененном уровне свойственно только механически уравновешенным системам. Системы подвижного равновесия, к которым относится народное хозяйство, вообще говоря, к старому уровню не возвращаются, ибо самый механизм отклонения их от наличного уровня создает новые условия равновесия. Лишь в лаборатории путем нарочитого подбора факторов, нарушающих подвижное равновесие системы, можно построить такой эксперимент, при котором новый уровень равновесия совпал бы с прежним.

Так, если мы имеем группу соприкасающихся тел, между которыми установилось подвижное равновесие теплоты, и хотим так нарушить это равновесие, чтобы оно восстановилось при прежней температуре, то мы должны одни тела нагреть, а другие охладить с таким расчетом, чтобы количества теплоты, приданные первым и отнятые у вторых, были в точности равны между собой,—иначе говоря, с таким расчетом, чтобы общая сумма тепловой энергии осталась неизменной.

Выше было показано, что равновесие общественного хозяйства по своей формальной структуре аналогично химическому процессу

[1] См. „План. Хоз.", 1926 г., №№ 4 и 5.

обменного разложения при условии, что продукты реакции непрерывно удаляются из сферы реагирующих тел, а исходные вещества непрерывно притекают в соответственных количествах. Для того, чтобы в этом случае процесс после нарушения равновесия вернулся к старому уровню, надо на некоторое время уменьшить или приостановить приток реагирующих веществ, оставляя неизменными все прочие физико-химические условия опыта. Постепенно увеличивая затем этот приток, мы создадим „восстановительный" процесс, который достигнет прежнего уровня равновесия, когда реагирующие вещества будут притекать в прежних размерах.

Применительно к общественному производству неизменность „всех прочих условий" означает, что при временном нарушении равновесия материальные предпосылки производства и воспроизводства на старых основаниях остаются непоколебленными. Производить эксперименты с общественным хозяйством мы не можем. Но среди экспериментов, производимых историей, имеются такие, при которых условия поставленной выше задачи оказываются почти в точности выполненными: возьмем, например, такой исторический эксперимент, как длительная забастовка рабочих одной или нескольких крупных отраслей промышленности. Результатом ее является нарушение сложившегося равновесия, сжатие продукции, возникновение диспропорций, появление „минимумов", тормозящих в силу цепной связи нормальный ход народного хозяйства даже в тех его областях, которые непосредственно не затронуты забастовкой. Прекращение забастовки и возобновление работы на прежних или близких с прежними условиях,—что, как известно, случается далеко не редко,—воссоздает предпосылки старой системы равновесия, а следовательно, полагает начало „восстановительному процессу" в точном смысле этого слова.

Но само собой разумеется, деформации в нашем народном хозяйстве, вызванные войнами и революцией, отнюдь не ограничивались сжатием продукции. Они создали целый ряд глубоких перемен в условиях общественного производства и воспроизводства, вследствие чего восстановительный процесс в его идеально чистом виде у нас не мог иметь места. Военно-революционная эпоха произвела опустошение в области вещественных элементов производства, но еще гораздо более важное значение имели социальные сдвиги, созданные революцией. Разрушение орудий и средств производства оказалось не столь значительным, как можно было думать, и довольно легко восстановимым. Но те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне, и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым. До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная продукция имела постоянную тенденцию к относительному перепроизводству, к расширению за пределы до нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую „переходную эпоху" нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозою товарного голода, кризиса недопроизводства. В настоящее время все яснее и яснее становится, что основная „диспропорция", мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровне, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса. Обычно, возникновение товарного голода об'ясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать налично сть такого рода ошибок. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне. Пока мы остаемся отсталой страной по абсолютному уровню развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно только капиталистическим и методами ограничения этого последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или, по крайней мере, существенно ограничивает эти методы, тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма.

Отсюда, разумеется, вытекает вполне определенная система экономической политики. Но в настоящий момент нас интересуют чисто аналитические проблемы. И в порядке обсуждения этих последних мы обратим внимание на другую сторону наследства Октября,—на разрушение старой хозяйственно-технической организации и существенно новое положение рабочей силы в производственном процессе. Это обстоятельство нередко упускают из виду, анализируя динамику нашего хозяйственного восстановления, между тем без учета этого основного факта нашей пореволюционной экономики невозможно понять и даже трудно подметить динамические закономерности, наблюдаемые в промышленном развитии СССР за последние годы.

Теория динамики восстановительного процесса находится в зачаточном состоянии и, в сущности, исчерпывается пока наброском, данным года полтора назад В. Г. Громаном, основные идеи которого в этой области наиболее компактно сформулированы в следующих двух тезисах методологического введения к „Контрольным цифрам Госплана на 1925/26 г.“:

„1. В период хозяйственной разрухи особенно сильно пострадали виды хозяйственной деятельности, наиболее сложные по своей организации и наиболее совершенные по своему техническому уровню (металлургия, металлообработка), наилучше сохранились организационно и технически примитивные отрасли (сельское хозяйство, некоторые ремесла). С другой стороны, меньше всего были дезорганизованы отрасли, обслуживающие первичные потребности (пища, топливо, одежда), и почти полный паралич охватил производство средств производства.

2. В соответствии с этим восстановительный процесс захватывает данную отрасль тем раньше, чем более настоятельна потребность, ею удовлетворяемая, и при прочих равных условиях восстановление идет тем быстрее, чем сильнее была дезорганизация в период хозяйственной разрухи“.

Положения эти совершенно верны, но недостаточны для понимания количественных закономерностей восстановительного процесса. Они правильно намечают соотношения между скоростями восстановительных процессов в различных отраслях народного хозяйства, но не дают прямых указаний относительно смены скоростей или „темпов“ в той генеральной динамике народнохозяйственного восстановительного процесса, по которой должны равняться отдельные его элементы. Поскольку же из приведенных тезисов можно извлечь некоторые косвенные указания на сей предмет, они, пожалуй, даже могут натолкнуть мысль на ложный путь. В самом деле, если скорость процесса тем больше, чем сильнее дезорганизована данная отрасль, то естественно ожидать, что генеральный темп восстановительного процесса должен быть максимальным в самые первые месяцы нашего хозяйственного возрождения, а затем непрерывно и неуклонно замедляться, по мере того как дезорганизация уступает место организации, позволяющей все в более и более полной мере использовать унаследованные от капитализма средства производства. Так оно и происходило бы в действительности, если бы разруха военно-революционного периода по своим экономическим последствиям ограничилась функциональным сжатием производства, не изменив существенным образом структуры производительных сил страны, оставив в неприкосновенности господствующий тип организации вещей, людей и идей. Тогда мы имели бы восстановительный процесс в его наиболее простом и чистом виде: возвращение к прежнему

уровню равновесия со скоростью, убывающей прямо пропорционально длине того пути, который еще остается пройти данной отрасли, чтобы достигнуть уровня. Другими словами мы имели бы движение по закону, выраженному формулой III четвертой главы,— $dx/dt = p(A - x)$,—где „x“—размеры, достигнутые процессом к моменту „t“, „A“—уровень равновесия и „p“—коэффициент пропорциональности. График такого движения представляет, как мы помним, кривую, которая поднимается сначала очень быстро, потом все более и более медленно, будучи все время обращена выпуклостью вверх и, наконец, асимптотическн подходит к уровню.

И надо сказать, что эта формула, хотя и без точного математического ее выражения, чаще всего являлась подсознательной основой наших плановых перспектив еще полтора—два года тому назад. Самые легкие и самые быстрые шаги,—рассуждали мы,—от „нуля“; чем больше уже достигнутая загрузка предприятий, тем медленнее должна итти их дальнейшая загрузка. Таково было господствующее мнение.

Практический опыт первых лет восстановительного процесса не дал ни решительного подтверждения, ни решительного опровержения этой теории. Сколько-нибудь полной регистрации физического об'ема промышленной продукции за 1920/21 год мы не имеем; приблизительные подсчеты показывают, что валовая продукция цензовой государственной промышленности в 1921/22 году выросла по сравнению с предыдущим годом значительно более, чем на 40%. Таким образом, грубо приблизительно мы можем сказать, что первый год восстановительного процесса увеличил физический об'ем продукции в полтора раза. В следующем 1922/23 г. валовая продукция в довоенных ценах дала прирост в 31%, следовательно, пока формула замедления роста, как будто бы, оказывается правильной. Однако, уже в 1923/24 г., в третьем году восстановительного процесса, мы имели вместо дальнейшего замедления снова 30% роста. Впрочем, в этом можно было и не усматривать опровержения формулы, в виду того, что в конце 1923 г. произошла известная „заминка сбыта“ и временная приостановка роста промышленности, что об'яснялось случайными причинами и ошибками экономической политики. Предполагалось, что если бы этих ошибок не было, 1922/23 г. дал бы несколько более значительный прирост, и все трехлетие вытянулось бы в ряд, более или менее отвечающий формуле. Но четвертый год восстановительного процесса самым решительным и недвусмысленным образом опрокинул теорию постепенного затухания темпов. Планируя производственные программы на 1924/25 год, пессимисты считали пределом возможных достижений 20—25-процентный рост, оптимисты говорили о 30 или 35 процентах, но как справедливо отметил в одной из своих статей В. Г. Громан, в СССР не нашлось ни одного ума, который предвидел бы, что запроектированные в указанных размерах программы придется под давлением жизни пересматривать в

течение года по три, по четыре раза в сторону расширения, в результате чего годовая продукция цензовой промышленности даст прирост в 60 слишком процентов.

„Сова Минервы вылетает ночью". После опыта 1924/25 г., имея перед глазами четырехлетнюю кривую восстановительного процесса, сравнительно нетрудно сообразить, в чем заключался источник той ошибки, в которую впали наиболее проницательные наши умы два года тому назад, и как в действительности выглядит закон восстановительной динамики нашего хозяйства. Как уже было сказано, корень заблуждения заключался в недооценке глубоких перемен, внесенных военно-революционной эпохой в организацию и социально-экономическое положение рабочей силы. Уже во время европейской войны промышленность, отправив на фронт многих квалифицированных рабочих, заместив их мало подготовленными выходцами из деревни, широко используя возможность наживать на государственных заказах огромные прибыли при самой распущенной технической постановке производства,—глубоко дезорганизовала свою рабочую силу. Революционные гражданские войны довершили этот процесс. К моменту провозглашения нэпа наша промышленность являла картину, прямо противоположную основному требованию всякой правильной организации—„надлежащий человек на надлежащем месте". Фабрики и заводы были переполнены ненужными для дела людьми и даже нужные люди далеко не всегда находились „на надлежащем месте". Положение еще осложнялось тем обстоятельством, что при новом строе не могло быть и речи о простом механическом восстановлении трудовой организации и трудовой дисциплины на старых основаниях; надлежало заново создать дееспособную трудовую организацию и дисциплину в социально-политической обстановке, созданной Октябрьской революцией.

Следовательно, уже самый приступ к восстановительному процессу предполагал разрешение реконструктивной проблемы величайшей трудности и сложности. Первые шаги, шаги „от нуля" были не самыми легкими и быстрыми, как предполагала теория, а наоборот, самыми затруднительными и потому самыми медленными. Только ощупью, после ряда неудачных попыток, можно было наметить подходящие формы новой организации и только с огромным трением, особенно трудно преодолимым именно в первое время, удавалось проводить эти формы в жизнь. Но каждый достигнутый в этой области успех должен был стимулировать и облегчать дальнейшие достижения,—и притом не только для тех предприятий, которые выдвинулись вперед, как пионеры удачной организационной реконструкции, но и для всех соседних, которым они служили образцами. Процесс, тяжкий и медленный в самом начале, должен был, таким образом, ускоряться пропорционально достигнутым успехам, пока не оказало своего замедляющего действия приближение к уровню предельного использования наличного оборудования фабрик и заводов.

Как видим, динамика восстановительного процесса по структуре своей аналогична динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда (см. главы III и IV). В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер,—с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частно-капиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и „расцвета", раздувающего об'ем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства. А раз это так, восстановительный цикл должен более или менее плавно подвести продукцию к новому уровню без того кризиса на финише, который при капитализме является неизбежным последствием и стихийным разрешением противоречий, накопленных в течение фазы „расцвета". Таким образом, мы имеем достаточное основание предположить, что наш восстановительный процесс в противоположность капиталистическому циклу должен на всем своем протяжении характеризоваться согласным движением физического об'ема продукции и уровня производительных сил, и что общий закон этого согласного движения графически изобразится плавной эс-образной кривой, по которой при капитализме движется уровень, а не об'ем продукции.

Формула IV главы четвертой, $-dx/dt = kx\ (A-x)$, — дает математическое выражение для самой простой из всех кривых эс-образного типа, а именно для того случая, когда точка перегиба, отмечающая переход от ускоренного движения в первой части цикла к замедленному движению во второй части, приходится как раз на середину цикла. Но, разумеется, такая структура отнюдь не обязательна для всякого циклического движения; в зависимости от индивидуальных особенностей того или другого конкретного процесса точка перегиба может передвинуться и вверх и вниз вследствие чего формула IV, как то было уже отмечено в своем месте, является лишь первой прикидкой, имеющей иллюстративное значение. [1] Тем не менее даже такая заведомо упрощающая и схематизирующая действительность формула была бы нам не бесполезна два года тому назад, когда намечались перспективы 1924/25 года, ибо возможность 60-процентного прироста не оказалась бы тогда вне нашего теоретического поля зрения; наоборот, примерно такая цифра как раз и получилась бы, если бы мы рискнули экстраполировать по формуле

[1] Надо, впрочем, отметить, что для второй и, как мы сейчас увидим, основной части восстановительного процесса приведенная формула подходит довольно хорошо: 30% роста в 1923/24 г., 60% в 1924/25 г. и снова, примерно, 30% в 1925/26 г.—точка перегиба как раз по середке.

IV фактическое ускорение темпа, наблюдавшееся за вторую половину 1923/24 года.

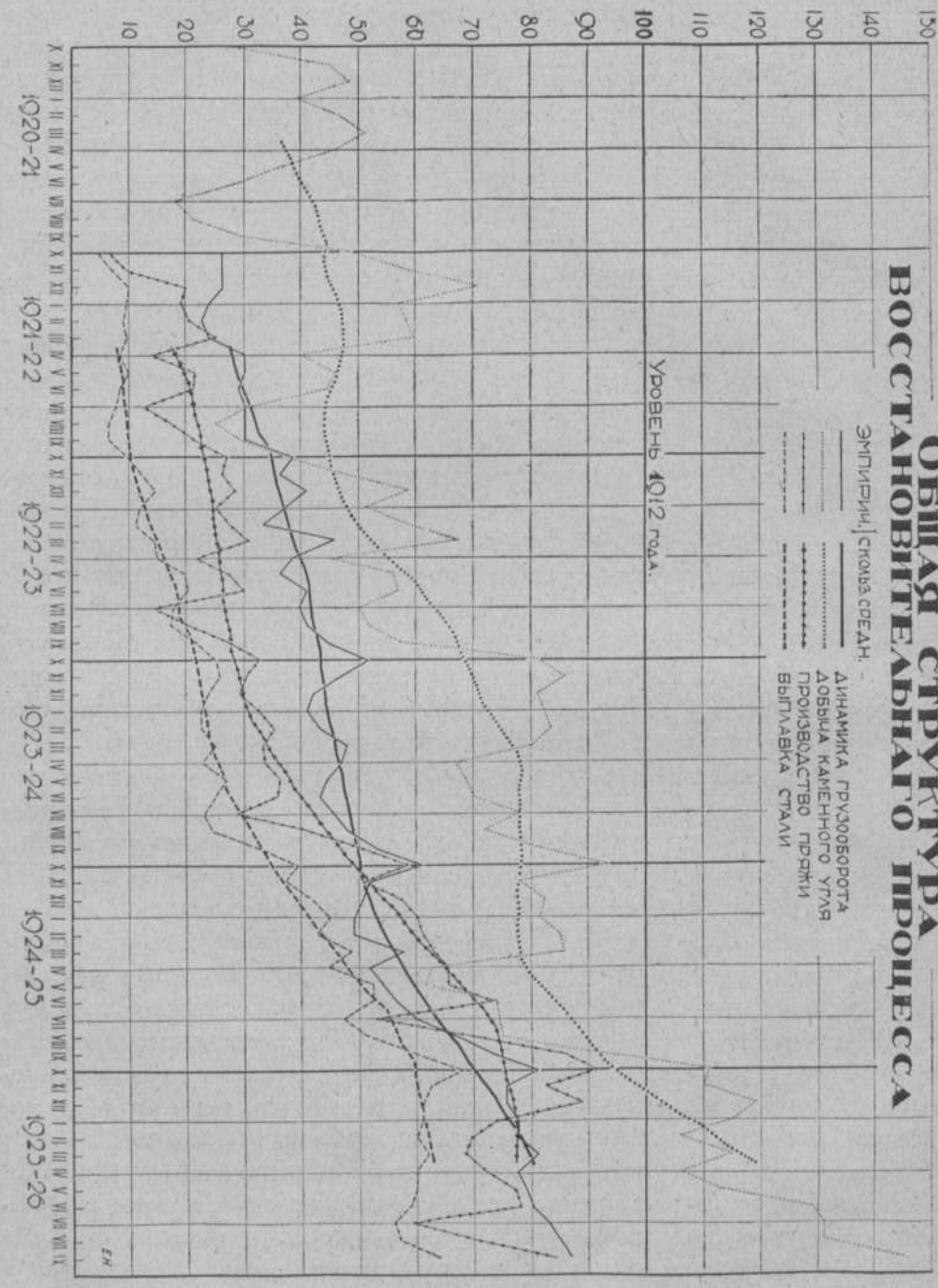


ДИАГРАММА XV

На диаграмме XV изображено движение физического об'ема продукции каменного угля за пять лет, пряжи и мартеновского металла за четыре года; сверх того, в качестве показателя, характе-

ризующего динамику всего народнохозяйственного целого, на диаграмму нанесены помесячные данные о грузообороте железных дорог за 4 года. Все показатели взяты в натуральном выражении и перечислены затем в процентах к уровню довоенного 1912 года. Точки за 12 месяцев текущего 1925/26 года проставлены на основании отчетных сведений за первые месяцы, экспертной оценки возможных достижений за оставшуюся часть года и наметившихся в течение прошлых лет типических сезонных колебаний. На ряду с эмпирическими кривыми (зигзагообразные линии) даны выглаженные кривые (волнообразные линии), полученные посредством исчисления скользящей средней за 12 месяцев.

Оставляя пока в стороне добычу каменного угля, динамика которой имеет своеобразные особенности, и останавливая свое внимание на сглаженных кривых грузооборота, производства пряжи и стали, мы замечаем, что восстановительный процесс идет ускоренным темпом в 1921/22 году, замедляется в 1922/23 г., снова ускоряется к концу 1923/24 года, достигает максимальной скорости в 1924/25 году и затухает в 1925/26 году, приближаясь к своему завершению. Таким образом, „большой цикл" пятилетнего восстановительного процесса расслоился на два под'цикла: первый начинается во второй половине 1920/21 года и оканчивается на рубеже 1923 и 1924 календарных годов; второй об'емлет календарный 1924 год и два последующие хозяйственные года.

Каковы причины этого усложнения формы восстановительного процесса? Вызвано ли расщепление последнего на два цикла случайной комбинацией кон'юнктурных условий или к тому имеются более глубокие основания? По нашему мнению, двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики и был лишь несколько модифицирован явлениями „случайного" и чисто кон'юнктурного порядка. Дело в том, что реконструкция методов использования рабочей силы, составляющая основу нашего восстановительного процесса, не могла быть проведена до конца в обстановке 1920, 1921 и 1922 годов, когда государственный бюджет опирался на „эмиссионный налог", а стремительно падающая валюта, с одной стороны, исключала возможность правильного финансирования промышленности на основе банковского кредита и, с другой стороны, делала крайне проблематичными всякого рода калькуляции издержек производства и выручки. При таких условиях, при отсутствии элементарнейших предпосылок у ч е т а производительных сил, никакая серьезная рационализация их была, конечно, невозможна. Очень крупный по относительной своей величине, но довольно скромный по абсолютным размерам рост продукции в 1921/22 году был осуществлен без коренной реорганизации промышленного труда, главным образом, за счет оздоровления з а р а б о т н о й п л а т ы. В этом году заработная плата впервые после революции перестает носить собезный, уравнительно-потребительский

характер и приводится в связь с количеством затраченного труда. Еще важнее, однако, то обстоятельство, что лишь начиная с 1921/22 года заработная плата позволяет рабочему довести свое питание до уровня, при котором физиологически возможен более или менее интенсивный труд,—в то время как в прежние годы пищевой режим пролетариата едва был достаточен для поддержания „холостого хода" человеческой машины. Если присоединить сюда самые элементарные меры по приведению в некоторый внешний порядок фабрик и заводов, например, очистку их от явно избыточного персонала, то мы и получим всю совокупность основных факторов, создавших первый цикл восстановительного процесса,—ускоряющийся темп развертывания продукции в 1921/22 году с неизбежным замедлением в 1922/23 г.,—на очень еще низком уровне и при ничтожном физическом об'еме производства, едва достигающем одной трети довоенных норм.

„Кон'юнктура" в течение первой фазы восстановительного процесса действовала не в направлении основной линии промышленного развития, но как раз п р о т и в нее, и притом без заметного успеха. Кон'юнктура голодного 1921/22 года была убийственно неблагоприятна для промышленности; вздорожание сельскохозяйственных продуктов в такой степени уронило индекс на промтовары, что продукция этих последних стала совершенно нерентабельной.

Во второй главе я пытался доказать, что пониженные цены депрессивного периода при капитализме являются тем оздоровляющим моментом, который, стимулируя организационно-техническую реконструкцию производства, создает условия для преодоления депрессии. Однако, проводить аналогию в данном случае было бы неуместно. Цены на промтовары в голодном году были настолько низки, а организационно-технические возможности промышленности настолько ограничены, что промышленность работала себе в убыток, продолжая „разбазаривать" основной и оборотный капитал. Если бы на месте государственной промышленности при прочих равных условиях оказались частные капиталисты, то несомненно никакого „оживления" возникнуть бы не могло, и 1921/22 год дал бы лишь усугубление депрессии предшествующих лет.

В 1922/23 году кон'юнктура резко повернулась лицом к промышленности. Цены на промышленные изделия быстро росли; государственная индустрия получала огромные барыши, возмещая убытки прошлого года и накопляя оборотные капиталы. Эта стихийно-экономическая кон'юнктура была дополнена столь же благоприятной для промышленности кон'юнктурой экономической политики; новорожденные червонцы обильно притекали в кассы промышленных предприятий; летом 1923 года это сверх-щедрое банковское кредитование производственных организаций приняло характер настоящей „кредитной инфляции", mutatis mutandis, вполне аналогичной той гипертрофии кредита, которая наблюдается в капиталистических странах

в периоды „расцвета". Правда, у нас об'ектом кредитной инфляции была не тяжелая промышленность, в то время еще не вышедшая из пеленок госбюджетного бытия, а производство предметов широкого потребления; но мы ухитрились произвести инфляционный отрыв от реальной платежеспособности рынка и вызвать иллюзию безграничного спроса даже в этой области, где и при капиталистических условиях регулирующее влияние конечного потребителя никогда окончательно не замирает. В результате, получилась „заминка сбыта", которая имела то существенное отличие от капиталистического кризиса, что обанкротившиеся госпредприятия не были проданы с молотка, но получили финансовую поддержку, давшую им возможность снова стать на ноги.

Однако, еще задолго до заминки сбыта, в разгар кон'юнктурно-кредитного „расцвета", рост физического об'ема продукции начал, как мы видим на диаграмме, неуклонно замедляться. И только в 1924 году, когда было положено начало оздоровляющей политике систематического снижения отпускных цен на промтовары в меру снижения их себестоимости, и когда, с другой стороны, упорядочение денежно-кредитной системы создало возможность точной калькуляции себестоимости,—только с этого переломного в нашей хозяйственной политике момента были созданы предпосылки для действительной реконструкции производительных сил в сфере организации промышленного труда. Результатом этого коренного преобразования явился второй, заключительный цикл восстановительного процесса, который и по темпам ежегодного прироста, и—еще того более—по своим абсолютным размерам, далеко оставил за собой первый, подготовительный цикл нашего хозяйственного возрождения.

Выше мы применили к восстановительному процессу термин „большой цикл". Разумеется, такое словоупотребление условно, ибо наш восстановительный процесс имеет существенные структурные отличия и от малых и от больших циклов капиталистического развития. Но все же с б о л ь ш и м и циклами структура его стоит в более близком родстве, чем с малыми. Разница между его начальным и конечным уровнем настолько значительна в своем о т н о с и т е л ь н о м в ы р а ж е н и и (предельный уровень раз в 5—6 превышает начальный), что при обычных условиях воспроизводства в расширенных размерах этот путь мог бы быть пройден не в пять, а в сорок—пятьдесят лет. В связи с этим напряжение внутренней динамики процесса настолько значительно, что „кон'юнктура", в узком смысле этого слова, оказывает сравнительно слабое влияние на основные фазы восстановительного цикла. Это опять-таки сближает последний не с малыми, а с большими европейскими циклами, фазы которых, как было показано в предыдущей главе, не носят чисто кон'юнктурного характера.

Совершенно своеобразную динамику обнаруживает, как видно из диаграммы XV', добыча каменного угля. После небольшого под'ема

в 1921/22 году по сравнению с 1920/21 г. мы наблюдаем интенсивный рост в 1922/23 г. и в 1923/24 году, полную стационарность в 1924/25 году и новый резкий скачок в 1925/26 году, сразу достигающий пределов максимального использования копей при наличном их оборудовании. Эти колебания, почти прямо противоположные по своему направлению динамике прочих отраслей народного хозяйства, обязаны своим существованием зигзагам экономической политики, от которой наша каменноугольная продукция, почти не связанная непосредственно с „вольным рынком", всецело и исключительно зависит. Как известно, в 1923/24 году каменноугольной промышленности была задана преувеличенная производственная программа, имевшая своим результатом накопление запасов и ряд чрезвычайных мер по „минерализации" нашего топливного баланса. На 1924/25 год программа была оставлена в размерах 1923/24 года, что при неожиданно быстром темпе роста промышленности и грузооборота создало к концу прошлого хозяйственного года острый недостаток в минеральном топливе, так что в текущий год мы вступили уже под знаком топливного голода и вынуждены принимать все меры к форсированию угледобычи и к „деминерализации" топливного баланса.

* * *

Предметом нашего исследования был до сих пор исключительно физический об'ем продукции. Переходим к сопоставлению его динамики с динамикой уровня производительных сил и третьего основного показателя восстановительного процесса—заработной платы.

VII. Основные элементы восстановительного процесса в промышленности

Для изучения динамики физического об'ема продукции, производительности труда и заработной платы мы воспользуемся следующими помесячными данными за 1922/23, 1923/24 и 1924/25 годы: 1) публикациями ЦОС ВСНХ, дающими валовую продукцию цензовой промышленности в довоенных ценах, 2) заимствованными из того же источника сведениями о валовой выработке на один человекодень и 3) производимыми Статистикой Труда исчислениями реальной заработной платы в условных московских рублях.

Познавательная значимость всех этих данных возбуждает ряд сомнений, которые не раз уже дискутировались в печати. Отметим из них лишь главнейшие.

Первый камень преткновения—довоенные цены. Применяемые у нас способы установления и использования их, несомненно, в высокой степени условны и часто совершенно неправильны; но динамические ряды не могут быть существенно искажены условностью отдельных оценок, если только эти условности остаются неизменными и состав совокупностей, к элементам которых они применяются, сохраняет достаточную устойчивость на всем протяжении исследования. За три изучаемые нами года эти предпосылки в большей или меньшей степени имели место.

Целый ряд особых трудностей, возникающих при построении измерителя производительности труда, уже был рассмотрен мною в статье, помещенной в январской книжке „Планового Хозяйства", и общий вывод был тот, что в рамках восстановительного процесса при росте валовой продукции на старом техническом базисе, без крупных перемен в „ассортиментах" и качестве товаров, изготовляемых различными отраслями промышленности, валютированная в неизменных ценах валовая продукция позволяет построить удовлетворительный индекс производительности труда. В настоящей работе использован такой индекс, выведенный как средняя геометрическая из относительных для всей промышленности в целом и для отдельных сложных отраслей.

Далее указывают на то, что помесячными сведениями о валовой выработке и выработке на человекодень вообще нельзя пользоваться, так как в продукцию данного месяца условно заносятся выпущенные в этом месяце, но производимые в течение целого ряда месяцев паровозы, тракторы и другие сложные изделия. Если бы это обстоятельство, касающееся, главным образом, металлообработки, действительно играло существенную роль, то результатом его явились бы резкие скачки продукции и производительности труда, не об'яснимые ни общими экономическими условиями, ни кон'юнктурными влияниями, ни сезонными причинами. Между тем металлургия и металлообработка, взятые в целом, дают правильный динамический ряд с очень ритмическими сезонными колебаниями, характерными для всех других отраслей нашей промышленности.

Что касается заработной платы, то измеряющий ее реальные размеры „условный московский рубль" есть величина столь же фантастическая, но столь же пригодная для динамического исследования, как и прейскурантные довоенные цены. Одним словом, несмотря на все недостатки статистического материала, пользоваться им для наших целей возможно без риска сделать очень грубые ошибки. Заменить же эти сплошные данные более точными выборочными исчислениями продукции и производительности труда в натуральных единицах невозможно, так как таких рядов имеется недостаточное количество, а сопоставимых с ними рядов заработной платы за сколько-нибудь длительный период не имеется вовсе.

Чтобы устранить мнимые колебания темпов роста, зависящие от числа рабочих дней в различные месяцы, месячная валовая продукция была перечислена нами на один день работы предприятия, при чем днями работы считались все дни месяца, кроме праздников.

Производительность труда, как уже сказано, измерялась геометрической средней из относительных величин, характеризующих движение выработки на фактически проработанный человекодень; в качестве весов взяты средние для всего трехлетнего периода

соотношения рабсилы в различных производствах; благодаря достигнутому таким способом постоянству весов индекс производительности труда удовлетворяет всем основным критериям Ирвинга Фишера, не исключая и критерия так называемой „круговой поверки", т.-е. дает тождественные результаты при непосредственном исчислении за длительный период и при переходе цепным методом от месяца к месяцу. Заработная плата исчислена на один календарный день каждого месяца, ибо при исследовании связи между „уровнем жизни" (standart of life) рабочего и уровнем производительности его труда необходимо, очевидно, принимать во внимание все то количество дней, в течение которого фактически расходуется месячный заработок.

Для удобства непосредственного сопоставления динамических рядов обработанные указанным образом данные исчислены в процентах к арифметической средней за все исследуемое трехлетие. Но и в таком виде материал представляется не вполне пригодным для непосредственного использования. Как было отмечено в V главе, физический об'ем продукции, даже в условиях нормального „довоенного" развития, возрастает из года в год в геометрической прогрессии. В обстановке восстановительного процесса с его исключительно бурными темпами рост в геометрической прогрессии присущ не только физическому об'ему продукции, но и производительности труда и заработной плате, которые обычно растут по иному закону (производительность труда) или даже вовсе не обнаруживают систематического роста (зарплата). Мощный загиб вверх всех наших восстановительных кривых, с одной стороны, скрадывает частные ускорения и замедления темпов, с другой стороны, может создать иллюзию внутренней связи между отдельными рядами, в то время как в действительности имеется лишь охватывающая всех их универсальная динамика быстро растущего хозяйства.

В целях устранения этих неудобств употреблен тот же прием, как и в главе пятой: вместо непосредственно данных величин взяты их логарифмы. Этим попутно решена и еще одна задача. С ростом абсолютных размеров явления обычно возрастает приблизительно в той же пропорции его колеблемость. Поэтому, изучая за ряд лет, скажем, сезонные колебания какого-нибудь процесса, быстро повышающего свой уровень, приходится применять особые приемы для выравнивания размахов этих колебаний (например, уравнивать среднее квадратическое отклонение). Логарифмированием достигается и эта цель.

Логарифмический ряд есть лишь другой способ обозначения ряда относительных приростов, т.-е. такого ряда, в котором рост темпа за каждый элементарный промежуток времени, например, за месяц, выражается не в какой-либо фиксированной единице измерения, а в процентах к уровню предыдущего месяца.

Таким образом, изучение логарифмированных рядов имеет совершенно отчетливый экономический смысл и никакого обратного

перевода на язык первичных данных не требует. Мы изучаем трехлетнюю динамику относительных приростов темпа, и закономерности восстановительного процесса должны демонстративнее всего проявиться именно в такой „цепной динамике" относительных величин.

На диаграмме XVI нанесены логарифмированные ряды показателей валовой продукции, производительности труда и заработной платы для восьми главнейших отраслей и для всей промышленности в целом; эта последняя итоговая диаграмма об'емлет 20 отраслей.

Диаграмма XVII дает плавные уровни тех же кривых, т.-е. включает в себя все длительные ускорения или замедления темпов, кроме „случайных" и сезонных колебаний. [1]

Диаграмма XVII показывает, что промышленность в целом и все главнейшие ее отрасли, за исключением горной, имеют ту же общую структуру восстановительного процесса, какую мы отметили в предыдущей главе по отношению к грузообороту, металлургии и хлопчато-бумажной промышленности. Первый „подготовительный" цикл заканчивается во второй половине 1923 или в самом начале 1924 года, уступая место второму и главному циклу. Последний достигает максимально быстрого темпа в середине 1924/25 хозяйственного года, в конце которого уже намечается новое замедление темпа. При этом, как и следовало ожидать, валовая продукция и

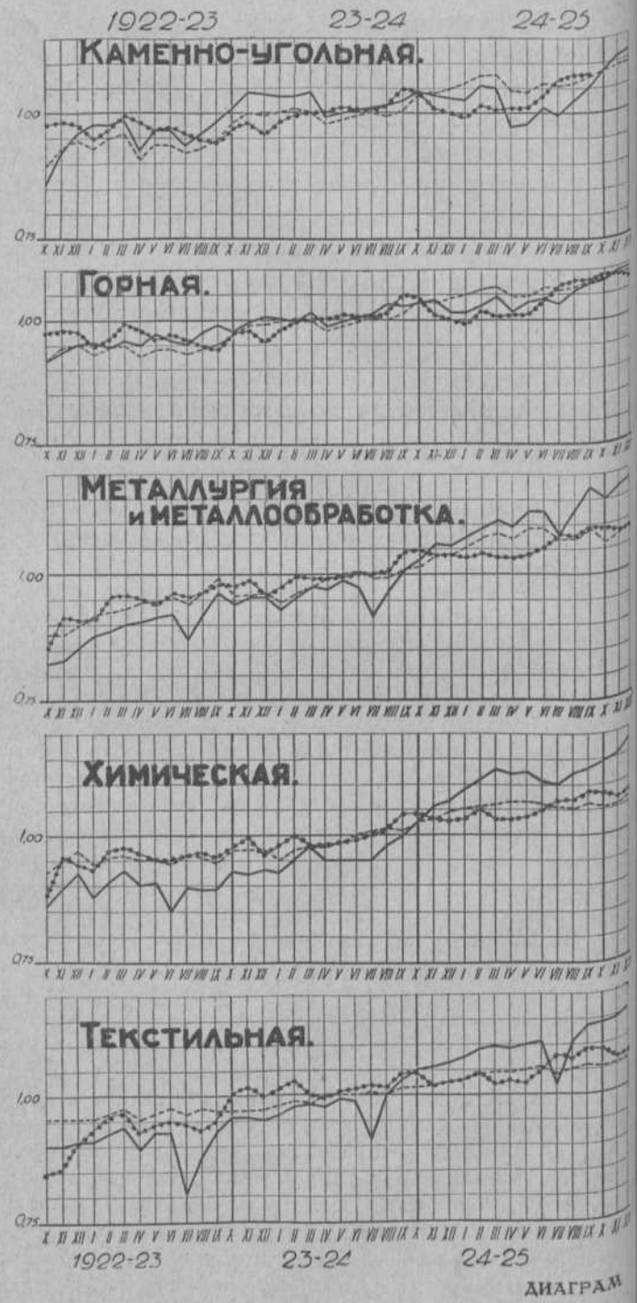
[1] Как видно из уравнений, приложенных к диаграмме XVII, здесь применен не совсем обычный метод математического выравнивания: сначала кривые выравнены по прямой, а затем отклонения от этой прямой выравнены по формуле ряда Фурье. Основания, побудившие применить этот прием, следующие: 1) Поскольку посредством элиминирования прямолинейного плавного уровня устранено общее повышательное (или понижательное) движение, постольку кривая, заключающая в себе (как заставляет думать предварительное исследование, см. диаграмму XV) полтора или два цикла, может быть достаточно точно передана в основных своих изгибах двумя первыми членами ряда Фурье. 2) При употреблении парабол выбор порядка кривой был бы в данном случае более или менее произволен; обычный критерий—величина сигмы—не применим к интерполяции рядов с такими резко выраженными сезонными колебаниями; если бы, например, оказалось, что сигма значительно уменьшается при применении параболы пятого порядка по сравнению с параболой четвертого порядка, то это могло бы означать две вещи: или то, что парабола пятого порядка лучше подходит для выражения плавного уровня, или же, наоборот, то, что она вовсе не годится для этой цели, так как в какой-то части включает в себя сезонные колебания. Решающей инстанцией оказался бы в конце концов глазомер. Между тем формула Фурье для трехлетнего временного ряда дает совершенно об'ективный метод отделения плавного уровня от сезонных колебаний: два первые члена с периодами 36 и 18 месяцев — плавный уровень всей трехлетки, — третий член с периодом 12 месяцев—плавный уровень сезонного движения. 3) Наконец,—last but not least,— найти 30 парабол четвертого, пятого, а в некоторых случаях, быть может, и шестого порядка — задача, требующая, так сказать, „научной организации труда" и многодневной работы нескольких квалифицированных работников, тогда как выравнивание тех же тридцати кривых при помощи ряда Фурье легко выполнить кустарным способом одному человеку в течение одного — полутора рабочих дней. При господствующем у нас „режиме экономии" параболы высших порядков становятся предметом роскоши, потреблять который надлежит лишь в особо важных и торжественных случаях.

производительность труда движутся на всем протяжении трехлетия в высшей степени согласованно в смысле смены темпов. Напротив, заработная плата обнаруживает нередко—особенно во второй половине изучаемого периода — весьма своеобразную динамику. Точки перегиба, означающие завершение первого и начало второго восстановительного цикла (вертикальные линии диаграммы XVII), группируются между июлем и декабрем 1923 года для валовой продукции и производительности труда, между июлем 1923 года и февралем 1924 года для заработной платы. Только в текстильной промышленности замедление темпа роста валовой продукции в подготовительном цикле прекращается уже к весне 1923 года; однако, в течение длинного ряда дальнейших месяцев, примерно вплоть до ноября 1923 года, кривая эта остается почти горизонтальной; действительное оживление начинается здесь, как и в других отраслях, лишь с 1924 года.

Динамика валовой продукции, произво

ЛОГАРИФМЫ ЭМПИРИЧЕСК РЯДА, СПРОЦЕНТИРОВАННЫЕ К

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ------ ПРОИЗВО



ДИАГРАМ

дительности труда и заработной платы

ЛОГАРИФМУ СРЕДНЕЙ АРИФМЕТИЧЕСКОЙ ЗА ТРЕХЛЕТИЕ

ДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА ••••••• ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

МА XVI

Прежде чем перейти к сравнению темпов роста валовой продукции, производительности труда и заработной платы, необходимо сделать несколько замечаний относительно того, как вообще следует исчислять средние темпы роста, ибо методы, применяемые для этой цели нашими экономистами, — как теоретиками, так и практиками, — нередко совершенно несостоятельны.

Когда хотят сравнить средние темпы роста за определенный промежуток времени, то чаще всего поступают так: берут абсолютные величины исследуемых явлений на конечный пункт времени, процентируют к начальному пункту и сопоставляют полученные таким образом относительные приросты. В зависимости от выбора начальных и конечных точек, вычисления, произведенные этим методом, приводят к различным выводам, которые порождают упорные дебаты, особенно пылкие в тех случаях, когда тот или другой вывод затрагивает не только

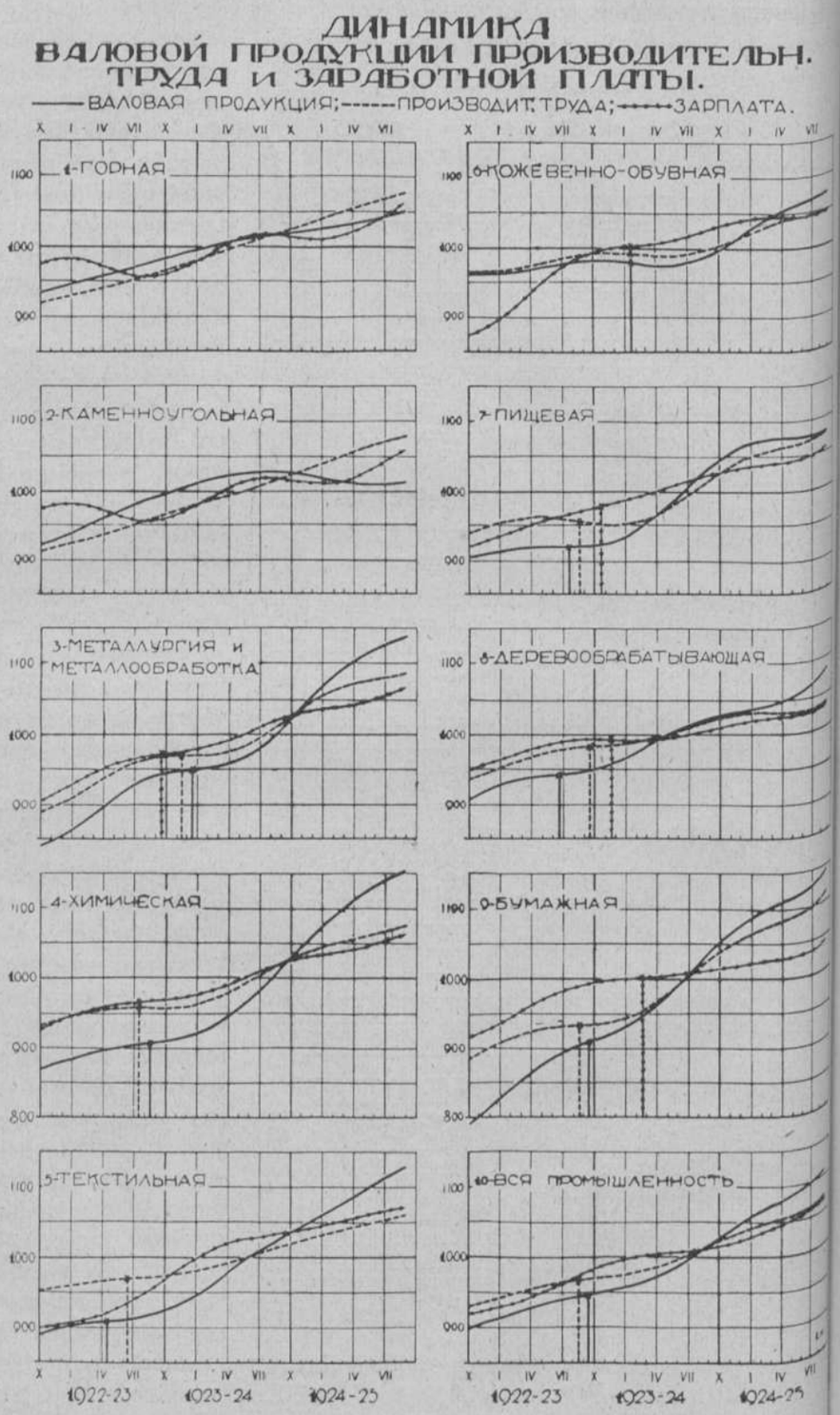


ДИАГРАММА XVII

теоретический интерес исследователя, но и практический интерес хозяйственника. Об'ективно, все выводы, добываемые указанным способом, неопровержимы, но и недоказуемы; они стоят, так сказать, „по ту сторону истины и заблуждения“, так как при огромной колеблемости наших кривых, сопоставления относительных темпов прироста за произвольно отграниченные интервалы дают совершенно случайные результаты.

Поясним это примером: индекс производительности труда по цензовой госпромышленности в сентябре 1925 года составлял 168% по сравнению с октябрем 1922 г. Заработная плата (в условных московских рублях на 1 календарный день) в том же сентябре 1925 г. была в два с половиной раза (255%) выше, чем в октябре 1922 г. Выходит, как будто бы, что за исследуемое нами трехлетие темп роста заработной платы в полтора раза больше, чем производительности труда. Но выкинем из этих 36 месяцев только пять: один начальный и четыре конечных, и определим относительные приросты с ноября 1922 г. по май 1925 г. Для производительности труда получаем 172%, для заработной платы 168%, т.-е. заработная плата росла даже несколько медленнее производительности труда. Какой же из этих коэффициентов правильнее характеризует соотношение темпов производительности труда и зарплаты за трехлетие? Ни тот, ни другой. Оба одинаково произвольны, так как базируют исключительно на двух, наудачу выбранных пограничных точках и совершенно игнорируют динамику явления в промежутке между ними.

Примечание к диаграмме XVII

Уравнения плавных уровней

В — валовая продукция; П — производительность труда; З — заработная плата

1. Горная

В. $y = 93{,}85 + 0{,}335\,x + 0{,}605\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}225\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}135\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}045\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 91{,}55 + 0{,}45\,x + 0{,}185\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}385\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}075\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}015\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 95{,}1 + 0{,}262\,x + 0{,}795\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}315\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 1{,}425\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 1{,}135\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

2. Каменноугольная

В. $y = 95{,}0 + 0{,}269\,x - 2{,}55\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}46\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}235\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}285\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 91{,}15 + 0{,}471\,x - 0{,}16\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}285\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}02\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}15\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 95{,}1 + 0{,}262\,x + 0{,}795\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}315\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 1{,}425\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 1{,}135\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

3. Металлургия и металлообработка

В. $y = 83{,}4 + 0{,}844\,x + 1{,}745\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}545\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 1{,}21\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}88\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 89{,}3 + 0{,}564\,x + 0{,}735\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}25\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 1{,}22\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}235\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 91{,}1 + 0{,}472\,x - 0{,}22\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}585\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}51\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}535\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

Средний динамический показатель, все назначение которого состоит в том, чтобы дать сводную характеристику процесса за весь изучаемый период, никуда не годится, если он одинаков, и в том случае, когда процесс нарастал систематически из месяца в месяц, и в том случае, когда процесс оставался в течение длинного ряда месяцев станционарным и лишь перед самым концом исследуемого отрезка времени достиг высокого уровня двумя-тремя резкими скачками.

Так как колебания наших народнохозяйственных процессов носят довольно ярко выраженный сезонный характер, то естественно было бы предположить, что сопоставление относительных приростов должно дать гораздо более удовлетворительные результаты, если его производить для интервалов, отграниченных не произвольно выбранными, а сезонно-тождественными, одноименными месяцами различных лет. Однако, и этот метод может привести к большим промахам в виду того, что некоторые кривые советского хозяйства характеризуются смещениями сезонных минимумов и максимумов при переходе от одного года к другому. Так, например, сравнивая рост индекса производительности труда и заработной платы

Примечание к диаграмме XVII (продолжение)

4. Химическая

В. $y = 83{,}95 + 0{,}806\,x + 3{,}43\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 1{,}305\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}515\,cs\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 92{,}35 + 0{,}409\,x + 1{,}315\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}75\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}43\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}57\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 92{,}45 + 0{,}402\,x + 0{,}395\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}16\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}265\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}67\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

5. Текстильная

В. $y = 86{,}1 + 0{,}687\,x + 1{,}78\,\frac{\pi}{18}x - 1{.}175\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{.}425\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{.}49\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 94{,}2 + 0{,}316\,x + 0{,}775\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}27\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}85\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}215\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 90{,}9 + 0{,}483\,x - 1{,}59\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}93\,sn\frac{\pi}{18}x + 0{.}505\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}37\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

6. Кожевенно-обувная

В. $y = 94{,}15 + 0{,}31\,x + 2{.}15\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}28\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}28\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}89\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 95{.}6 + 0{,}244\,x + 0{,}83\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{.}295\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}3\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{.}655\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 90{.}35 + 0{,}51\,x - 2{.}185\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 1{,}06\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 1{,}03\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}25\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

7. Пищевая

В. $y = 89{,}75 + 0{,}493\,x + 1{,}395\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 3{,}025\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}795\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}74\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 92{,}5 + 0{,}398\,x + 2{.}25\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}93\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}83\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}65\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 92{.}65 + 0{.}395\,x - 0{,}545\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}035\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{.}255\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}35\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

с января 1923 г. по январь 1925 г., найдем, что за эти два календарные года производительность труда выросла на 47%, а заработная плата на 54%, т.-е. последняя росла несколько быстрее первой. Но стоит передвинуть начальную и конечную точку этого двухгодичного интервала всего на два месяца, и картина совершенно изменится. В марте 1925 года индекс производительности труда дает 157%, а зарплата 125%, если принять за 100 март 1923 г.—тут уже темп роста производительности труда в $1^1/_4$ раза больше темпа роста зарплаты. Не только месячные, но и квартальные итоги дают при сопоставлении право судить лишь о том, что происходило на протяжении двух непосредственно сравниваемых кварталов, а не в промежутках между ними.

Геометрическая средняя по существу тождественна с только что разобранным дефектным методом, она также считается лишь с первой и последней точками, давая им, так сказать, бесконечно большой вес, и сообщает вес равный нулю промежуточным точкам. В самом деле, если размеры какого-нибудь явления за ряд последовательных месяцев выражаются числами a_0, a_1, a_2... a_n, то геометрическая средняя будет $\sqrt[n]{\frac{a_1}{a_0}\cdot\frac{a_2}{a_1}\cdot\frac{a_3}{a_2}\cdots\frac{a_n}{a_{n-1}}}$; очевидно, все множители в числителе кроме a_n и в знаменателе кроме a_0 сокращаются, и мы имеем в результате корень n-ой степени из того же соотношения между конечной и начальной точками, какое получилось при непосредственном сравнении темпов роста за длительный промежуток времени.

Примечание к диаграмме XVII (продолжение)

8. Деревообделочная

В. $y = 90{,}0 + 0{,}518\,x + 0{,}43\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}03\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{.}32\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{.}925\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 94{,}55 + 0{.}293\,x - 0{,}4\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}015\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{.}645\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}38\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 95{.}6 + 0{,}233\,x - 0{.}03\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{.}64\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}6\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{.}01\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

9. Бумажная

В. $y = 79{.}55 + 1{.}02\,x + 0{,}47\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}535\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 1{,}14\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}545\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 87{,}2 + 0{,}662\,x + 1{.}72\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{.}67\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}62\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{.}715\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 93{.}15 + 0{,}365\,x - 1{.}115\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 1{.}285\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}515\,\frac{\pi}{9}x - 0{.}115\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

10. Вся промышленность

В. $y = 88{.}45 + 0{.}601\,x + 1{,}645\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}445\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}405\,cs\,\frac{\pi}{9}x$

П. $y = 92{,}35 + 0{,}412\,x + 0{,}84\,cs\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}165\,sn\,\frac{\pi}{18}x - 0{,}45\,cs\,\frac{\pi}{9}x + 0{,}07\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

З. $y = 92{,}1 - 0{,}422\,x - 0{,}48\,cs\,\frac{\pi}{18}x + 0{.}46\,sn\,\frac{\pi}{18}x + 0{,}135\,cs\,\frac{\pi}{9}x - 0{,}555\,sn\,\frac{\pi}{9}x$

Однако, у нас к геометрической средней прибегают редко, даже в тех случаях, когда она, казалось бы, имеет все права на существование.[1] Гораздо чаще пользуются арифметической средней,—метод, о котором в применении к отысканию среднего темпа роста уже нельзя сказать, что он лежит „по ту сторону истины и заблуждения", ибо здесь он явно извращает действительность. Средняя арифметическая в противоположность средней геометрической зависит не только от начальной и конечной точки, но и от пути перехода; она взвешивает промежуточные точки, но взвешивает их в смысле, как раз обратном тому, какой требуется проблемой установления среднего темпа. Приведем для иллюстрации такой пример. Пусть рост какого-нибудь показателя за последовательные интервалы выражается цифрами 100; 150; 225; 338. Мы имеем идеально правильный ряд, возрастающий от первой точки до второй, от второй до третьей и т. д. ровно на 50%. Очевидно, в данном случае и геометрическая и арифметическая средняя дадут одинаковый темп прироста—тот самый, который имеет наш ряд,—50%. Но представим себе, что ряд стационарен на всем протяжении кроме последнего интервала, в течение которого он сразу делает скачок от 100 до 338 (100; 100; 100; 338). Как должна отразиться эта перемена на показателе среднего темпа роста? Очевидно, последний будет теперь меньше, чем в первом случае. В самом деле, несмотря на достижение в последний момент того же самого уровня, стационарность процесса в течение трех четвертей исследуемого периода следует, очевидно, учесть, как момент, понижающий размеры среднего и сводного показателя. Между тем, геометрическая средняя дает для второго случая ту же величину среднего прироста, как и для первого—50%; а арифметическая средняя даже значительно большую—79%, что уже совсем несообразно с действительным положением вещей. Вообще арифметическая средняя при данном расстоянии между крайними точками дает минимальную величину среднего прироста,[2] когда эмпирический ряд растет равномерно, и величину тем более значительную,

[1] Причина этого нерасположения к геометрической средней заключается, повидимому, просто в том, что необходимое для ее вычисления пользование таблицей логарифмов не принадлежит к числу искусств, особенно популярных в нашем отечестве.

[2] Обозначим относительные приросты последовательных месяцев символами x, y, z,..... u, v. Если a_0, a_1, a_2,..... a_n —1, a_n —абсолютные размеры процесса за соответственный месяц, имеем $a_1 = a_0 (1+x)$; $a_2 = a_1 (1+y)$..... $a_n = a (1+v)$. Средний арифметический прирост: $\frac{(1+x)+(1+y)+.....(1+u)+(1+v)}{n}$. Очевидно, средняя арифметическая достигнет минимума, когда достигнет минимума сумма $(1+x)+(1+y)+.....(1+u)+(1+v)$. Слагаемые, входящие в эту сумму, связаны между собой соотношением $(1+x)(1+y)(1+z)...(1+u)(1+v) = a_n/a_0$, откуда $1+v = \frac{a_n/a_0}{(1+x)(1+y)...(1+u)}$. Наша сумма принимает вид $(1+x)+(1+y)+..... \frac{a_n/a_0}{(1+x)(1+y)...(1+u)}$, где все переменные — x, y, z ... u — могут рассматриваться теперь, как независимые. Приравнивая нулю частные производные по каждому из них, приходим к системе уравнений: 1) $1 - \frac{a_n/a_0}{(1+x)^2(1+y)...(1+u)} = 0$; 2) $1 - \frac{a_n/a_0}{(1+x)(1+y)^2(1+z)...(1+u)} = 0$ и т. д. Откуда $x = y = z = ... u = v$, т.-е. наименьшее значение средняя арифметическая имеет тогда, когда все приросты одинаковы.

чем сильнее отступление эмпирического ряда от равномерности. Это делает арифметическую среднюю абсолютно непригодной для измерения среднего темпа роста явлений, динамика которых не отличается исключительной плавностью.

Проблема ставится, следовательно, таким образом: надо найти сводный показатель, который учитывал бы все точки эмпирического ряда и придавал каждой точке надлежащий вес. Другими словами, требуется определить средний прирост таким образом, чтобы плавная кривая, имеющая этот прирост, прошла возможно ближе ко всем точкам эмпирического ряда. Близость же эту можно измерять различными способами: суммой расстояний точек плавной кривой от соответственных точек ряда (независимо от знака), суммой квадратов расстояний и т. д. В главе V уже говорилось о том, что для рядов, имеющих большую сезонную и вообще волнообразную колеблемость, современная наука не выработала еще теоретических оснований, заставляющих принципиально избрать какой-нибудь один из возможных критериев близости интерполяционной кривой к эмпирическому ряду. Практически всегда пользуются критерием наименьшей суммы квадратов расстояний, так называемым способом „наименьших квадратов", так как техника его наилучше разработана. Что касается формы искомой плавной кривой, то в виду того, что ищется средний темп роста от месяца к месяцу, она должна иметь вид показательной функции времени, т.-е. ординаты ее последовательных точек должны возрастать в геометрической прогрессии. Технически операция вычисления этой кривой весьма проста. Цифры эмпирического ряда заменяются логарифмами и затем выравниваются по прямой линии. Последовательные точки этой прямой дадут логарифмы соответственных точек искомого плавного уровня.[1]

Сравнивая исчисленные только что указанным способом средние темпы роста различных показателей за все трехлетие, мы находим, что валовая продукция растет, как общее правило, значительно быстрее производительности труда: по всей промышленности в целом средний темп роста производительности труда составил 73,7%, в металлургии и металлообработке 63,7%, в химической промышленности 54,1%, в текстильной 55%, в кожевенно-обувной 82,5%, в пищевой 85,7%, в деревообделочной 69,6%, в бумажной 57,4% среднего роста валовой продукции и только в горной промышленности про-

[1] Если применить этот способ к приведенному выше ряду „100; 100; 100; 338", то средний прирост будет 44%, т.-е., как это и следует, меньше среднего прироста равномерно растущего ряда с теми же конечными точками.

изводительность труда значительно обгоняла валовую продукцию, дав за три года 120,1%, а по каменноугольной даже 138,0% роста этой последней.

Что касается заработной платы, то наша неустанная заботливость о том, чтобы она росла в соответствии с производительностью труда, в общем и целом, увенчалась почти идеальным успехом. По всей промышленности средний за все три года темп роста производительности труда составил 98,4% среднего темпа роста зарплаты,—разница в полтора процента лежит, разумеется, в пределах возможной ошибки наших исчислений. Однако, для отдельных отраслей мы наблюдаем здесь весьма значительный диапазон колебаний.

Таблица № 1

Средний темп роста производительности труда в % % к среднему темпу роста зарплаты за трехлетие

Горная	В том числе каменноуг.	Металлическая	Химическая	Текстильн.	Кожевенно-обувная	Пищевая	Деревообделочная	Бумажная	Вся промышл.
135,4	140,1	116,1	101,1	76,4	65,1	100,5	110,2	161,4	98,4

Дающая картину этих колебаний таблица 1 лишь отчасти подтверждает ходячие мнения. А именно, в согласии с господствующим мнением мы имеем сильное отставание роста производительности труда от заработной платы в таких отраслях легкой промышленности, как текстиль и кожевенно-обувная, и, наоборот, значительное отставание заработной платы от производительности труда в тяжелой промышленности. Но на ряду с этим обнаруживается, что в такой рекордной по зарплате отрасли, как пищевая, средние темпы роста обоих показателей находятся в точном соответствии, а в бумажной промышленности производительность труда по относительному темпу роста более чем в полтора раза обогнала зарплату. Характерно также, что из 8 главнейших отраслей, учтенных в таблице, только 2 обнаруживают отставание производительности труда от зарплаты.

Приведем теперь средние полугодовые темпы прироста, характеризуя ими опять-таки основные линии хозяйственного развития, и, следовательно, элиминируя сезонные колебания (т.-е. положив в основу исчисления не эмпирические ряды, а их плавные уровни).[1]

[1] Средний месячный темп роста даже для наиболее быстро подымающихся кривых составляет 2—3%. Месячные отклонения от среднего темпа часто еще во много раз меньше. Поэтому, если бы мы для характеристики полугодий взяли отклонения средних месячных приростов, у нас получились бы ряды мало демонстративных цифр, различающихся между собой немногими долями процента. Для избежания этого неудобства за единицу измерения средних приростов в таблицах 2 и 3 принят не месяц, а 50 месяцев. Другими словами, данные 2 и 3 таблицы построены так: взят месячный темп роста за данный промежуток, затем исчислен тот прирост, какой получился бы за 50 месяцев при том же темпе прироста, и, наконец, полученный 50-месячный прирост спроцентирован к 50-месячному приросту при среднем для всего трехлетия темпе. Абсолютные величины полученных таким образом показателей условны, но соотношения их также хорошо характеризуют динамику последовательных полугодий, как средние, отнесенные к месяцу или всякой иной единице измерения.

Таблица 2 переводит на язык цифр график диаграммы XVII. По промышленности в целом и большинству отдельных отраслей наблюдается резкое снижение темпов роста валовой продукции и производительности труда во втором полугодии 1922/23 или в первом полугодии 1923/24 года, бурный рост во втором полугодии 1923/24 и первом полугодии 1924/25 года и, наконец, некоторое замедление во втором полугодии 1924/25 года. Каменноугольная и вообще горная промышленность по причинам, указанным в предыдущей главе, не обнаруживают этой закономерности. Заработная плата имеет особый и в значительной мере противоположный ритм колебаний. Замедление в конце 1922/23 и в начале 1923/24 года наблюдается не везде и на промышленности в целом не сказывается; напротив, во втором полугодии 1923/24 года или в первом полугодии 1924/25 года—в период максимально быстрых темпов продукции и производительности—почти везде имело место снижение темпа заработной платы.

Таблица 3 показывает, что, в общем и целом, производительность труда по мере развития восстановительного процесса все более и более отстает в темпе своего роста от валовой продукции. Скачки, наблюдаемые кое-где в периоды максимального сжатия темпов, разумеется, мало показательны. Так, например, для металлургии и металлообработки в первом полугодии 1923/24 г. характерно понижение темпов роста производительности труда и валовой выработки до 1/3 и 1/5 их средних величин, и представляет мало интереса то обстоятельство, что в этом исключительном депрессивном состоянии темп производительности оказался относительно более высоким, чем темп валовой выработки.

Соотношения между приростами производительности труда и зарплаты (табл. 3) дают волнообразные колебания, не вполне совпадающие по отдельным отраслям. Для всей промышленности темп производительности труда в первое полугодие трехлетия несколько превышает темп заработной платы; в следующие два полугодия зарплата растет гораздо быстрее производительности труда; затем производительность труда снова опережает зарплату. В последнее полугодие 1924/25 года производительность труда растет несколько медленнее зарплаты.

Таблица 4 характеризует динамику интересующих нас кривых за первые месяцы 1925/26 года по предварительным сведениям, имевшимся в нашем распоряжении к моменту составления этой главы. Здесь все данные спроцентированы к сентябрю 1925 года,

Таблица № 2

Темп роста по полугодиям в %% к среднему темпу за трехлетие

Отрасли промышленности / Дата		Горная			Каменноугольная			Металлическая			Химическая			Текстильная		
		В	П	З	В	П	З	В	П	З	В	П	З	В	П	З
1922/23 г.	I	111	77	66	209	— 86	66	115	155	189	54	101	144	55	94	66
	II	120	90	—119	239	102	—119	122	118	90	28	45	61	32	65	192
1923/24 „	I	119	112	260	146	115	260	22	34	68	45	72	78	101	87	259
	II	83	113	121	77	106	121	111	152	102	314	248	156	206	141	77
1924/25 „	I	74	109	— 55	— 86	119	— 55	426	203	71	448	134	81	142	122	66
	II	101	98	295	54	93	295	74	69	133	113	90	105	151	109	68
1925/26 „ сентябрь—февраль		—	—	—	168	61	—	19	32	—	18	— 40	—	21	50	—

Отрасли промышленности / Дата		Кожев.-обувная			Пищевая			Деревообделочная			Бумажная			Вся промышл.		
		В	П	З	В	П	З	В	П	З	В	П	З	В	П	З
1922/23 г.	I	121	115	266	64	105	137	114	159	63	161	113	205	98	107	100
	II	92	120	362	36	— 43	104	43	107	121	69	37	201	57	76	177
1923/34 „	I	— 77	57	62	111	— 34	102	124	75	— 55	47	58	157	58	64	101
	II	117	81	70	121	371	126	104	151	102	264	297	64	173	165	58
1924/25 „	I	412	217	61	156	201	70	63	99	109	114	147	73	209	147	105
	II	139	100	39	38	76	71	110	62	98	49	91	98	101	88	107
1925/26 „ сентябрь—февраль		—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	47	—	43	52	—

[1] В таблице № 2 буквы В, П и З означают то же, что и на диаграмме XVII: В—валовую продукцию, П—производительность труда, З—зарплату. За те полугодия, когда тот или другой показатель не рос, а падал, темп его падения спроцентирован к среднему темпу роста за трехлетие и поставлен в соответственном месте со знаком минус.

Таблица № 3

Темп роста производительности труда [1]

(в процентах)

Отрасли промышл. / Дата	Горная	Каменноугольная	Металлообрабатывающая	Химическая	Текстильная	Кожев.-обувная	Пищевая	Деревообделочная	Бумажная	Вся промышленность
К темпу роста валовой продукции										
1922/23 г. I	102	68	71	68	73	79	130	85	30	79
1922/23 г. II	102	68	50	63	87	123	— +	145	83	86
1923/24 „ I	122	110	130	65	29	+ —	— +	36	48	71
1923/24 „ II	179	262	72	33	29	82	41	60	47	62
1924/25 „ I	182	— +	25	12	29	45	103	76	19	45
1924/25 „ II	126	269	49	31	30	63	178	42	83	57
К темпу роста заработной платы										
1922/23 г. I	193	210	101	71	95	23	76	296	109	104
1922/23 г. II	+ —	+ —	158	75	113	18	— +	102	36	42
1923/24 „ I	67	63	63	95	23	50	— +	+ —	73	62
1923/24 „ II	144	142	146	162	127	64	295	169	925	270
1924/25 „ I	+ —	+ —	366	169	126	195	289	82	402	132
1924/25 „ II	51	47	63	110	105	142	110	89	233	81

Таблица № 4

Динамика валовой продукции, производительности труда и зарплаты за первое полугодие 1925/26 г.

(в %% к сентябрю 1925 г.)

	Валовая продукция					Валовая выработка на 1 человекодень					Заработная плата			
	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь
Вся промышленность (20 отраслей)	106	103	112	108	113	98	101	103	103	105	99	94	93	87
В том числе:														
Каменноугольная	122	122	130	127	133	108	112	112	110	117	106	104	98	95
Металлургия и металлообрабат. .	101	95	101	109	107	92	91	94	97	101	98	90	89	82
Текстильная. . .	107	97	104	99	104	98	99	100	99	101	98	90	89	82
Химическая . . .	108	99	111	100	107	96	95	99	100	99	98	94	94	87
Бумажная	108	95	100	108	105	97	89	92	101	100	100	98	96	87

[1] Двойные знаки — + и + — означают в таблице 3, что один показатель рос, в то время как другой падал. Первый знак относится всегда к производительности труда, второй к тому показателю, с которым она сопоставляется.

принятому за 100. Валовая продукция пересчитана предварительно на день фактической работы предприятия, заработная плата (в условных московских рублях) на один календарный день каждого месяца. Суррогатом индекса производительности труда послужили данные ЦОС'а о выработке на один человекодень. К таблице 2 присоединены показатели за сентябрь—февраль 1925/26 года, касающиеся валовой продукции и производительности труда, при чем для исчисления средних темпов прироста эмпирические данные были выравнены по показательной кривой (прямолинейный уровень логарифмов). Как видим, одна только каменноугольная промышленность обнаруживает довольно быстрый темп роста физического об'ема продукции и заметный, хотя уже значительно более медленный, темп роста производительности труда. Во всех остальных отраслях наблюдается резкое падение темпов роста как валовой продукции, так и производительности труда. Что касается заработной платы, то в реальном выражении она за последние месяцы во всех отраслях падает благодаря росту бюджетного индекса.

Как известно, некоторое замедление в темпе развертывания нашей промышленности в нынешнем году вызвано целым рядом особых обстоятельств, заставивших ограничить жесткими рамками импортный план. Однако, и помимо всяких специальных причин в динамике последних месяцев с совершенной отчетливостью сказывается то закономерное снижение темпов роста, которым неизбежно должна сопровождаться завершительная фаза восстановительного процесса.

Для проверки полученных выводов было в высшей степени интересно сопоставить их с какими-либо специальными монографическими исследованиями, оперирующими тщательно подобранным и сгруппированным материалом. Мне известно три таких обследования производительности труда, выполненных в 1923/24 году ВЦСПС (второе обследование произведено совместно с ВСНХ). В. Л. Беленький, обработавший собранные данные в своей интересной статье „Три опыта обследования производительности труда", [1] приходит к следующему основному выводу: часовая производительность труда „производственных" рабочих, т.-е. занятых непосредственной переработкой сырого материала, уже в 1923/24 году достигла очень высокого, довоенного или даже более чем довоенного уровня, но зато прирост производительности труда для этой категории почти не имел места. Другими словами, согласно В. Л. Беленькому, восстановительный процесс в изучаемой им области закончился уже два года тому назад.

Заключение это прежде всего грешит некоторым, так сказать, принципиальным оптимизмом, поскольку в качестве критерия взята

[1] См. сборник „Проблемы Труда", № 1, под общей редакцией С. Г. Струмилина. Изд. „Вопросы Труда". Москва, 1926 г.

часовая производительность и интенсивность труда. При агитации за восьмичасовой рабочий день в капиталистическом обществе и при введении восьмичасового рабочего дня в Советском Союзе, марксисты всегда исходили из презумпции, что сокращение продолжительности ежедневного труда в этих рамках может быть полностью компенсировано повышением его производительности (прежде всего за счет роста интенсивности). Поэтому критерием близости восстановительного процесса к завершению правильнее было бы взять не часовую, а дневную производительность труда, что дает разницу в 20—25%. Но нас интересует не эта сторона дела. Автор цитируемого исследования утверждает, что динамика производительности труда производственных рабочих, установленная путем учета выработки в натуральных единицах для вполне сопоставимых процессов, в корне противоречит обычным представлениям, сложившимся на основании изучения сплошных, грубо валютированных данных, которыми пользуемся мы в настоящей работе. Если это так, если верно, что рост производительности труда производственных рабочих почти прекратился уже в 1923/24 г., то приходится допустить одно из двух: или, что весь констатируемый нами за последние два года мощный под'ем производительности труда имел место за счет непроизводственных рабочих, или же, что наши данные, вообще, никуда не годятся.

Однако, правильно ли само исходное положение тов. Беленького? Верно ли, что итоги обследований ВЦСПС и ВСНХ находятся в таком разительном противоречии с нашими сплошными данными. Первое обследование приурочено к трем датам: февралю и октябрю 1923 г. и февралю 1924 года, второе об'емлет весь 1922/23 год и первые три квартала 1923/24 года, третье сопоставляет показатели за май и август 1924 года.

Приведем параллельно данные обследования и нашего дифференцированного по отраслям индекса производительности труда.

Таблица № 5

Динамика производительности труда в °/₀°/₀ к начальному сроку

А. I—Данные обследования ВЦСПС. II—Наш индекс

Отрасли промышл. \ Дата		Февраль 1923 г.	Октябрь 1923 г.	Февраль 1924 г.
Металлическая . . .	I	100	102	105
	II	100	118	120
Хлопчатобумажная .	I	100	107	103
	II	100	101	109
Резиновая	I	100	104	96
	II	100	69	78
Табачная	I	100	103	105
	II	100	91	86
Спичечная	I	100	106	105
	II	100	121	128

Б.

Отрасли промышл. \ Дата		1922/23 год				1923/24 год		
		I	II	III	IV	I	II	III
Металлическая . . .	I	100	107	112	113	109	109	119
	II	100	119	132	143	140	140	166
Текстильная	I	100	103	103	105	104	108	120
	II	100	106	106	108	109	116	124
Резиновая	I	100	93	97	80	107	114	111
	II	100	124	110	98	95	96	111

В.

Дата \ Отрасли промышл.		Металл.	Текст.	Химич.	Пищев.	Табачн.	Кожевен.	Дерев.	Вся пром.
1924 г. август	I	106	105	99	95	121	103	95	104
В %% к маю	II	94	102	122	69	119	98	99	101

Последняя часть таблицы 5 дает сопоставление всего на две даты, разделенные промежутком в 3 месяца, при чем вторая дата (август) падает на отрезок годового движения, дающий по сезонным причинам понижение как валовой продукции, так и производительности труда. Поэтому динамического значения такое сопоставление, конечно, иметь не может. Отметим все же, что в этой таблице по большинству отдельных отраслей и по промышленности в целом относительные показатели роста, взятые из нашего индекса, не больше, а м е н ь ш е соответственных цифр обследования ВЦСПС. Обращаясь к первым двум частям таблицы, находим, что текстиль имел по обоим источникам в общем и целом совершенно согласную динамику показателей производительности труда; то же самое приходится сказать о резиновой промышленности,—никакого систематического превышения индексных данных над данными обследования не наблюдается. По табачной промышленности индекс значительно ниже данных обследования.

Выше данных обследования цифры нашего индекса по металлической промышленности. Надо, однако, иметь в виду, что именно в этой отрасли непосредственное сравнение того и другого показателя наименее возможно. Обследование учитывало производительность труда преимущественно в области металлообработки, тогда как в нашем индексе по характеру первичного материала нет возможности отделить металлообработку от металлургии. Между тем детализированные данные обследования показывают, что стационарность производительности труда характеризует, главным образом, машиностроение, в то время как плавка металла и прокат обнаруживают значительный рост производительности, приближающийся к показаниям индекса. Так, при среднем росте производительности труда по кругу предприятий металлической промышленности, обследованных ВЦСПС в 19% (для III квартала 1923/24 года по сравнению с I кварталом 1922/23 года), доменной цех Надеждинского завода дал 32% роста, мартеновский цех того же завода 61%. На Брянском заводе за тот же период гвоздильный цех показал рост производительности на 54% при стационарности показателей паровозостроительного и плужного цеха.

Таким образом, никакого резкого противоречия между движением индекса производительности труда, выведенного на основании сплошных валютированных данных, и показателями обследования ВЦСПС не обнаруживается. Наоборот, согласие обоих источников настолько велико, насколько вообще это возможно при сопоставлении массового и весьма ограниченного выборочного материала и притом относящегося к совокупностям, не однородным по своему составу. По большинству профессий за период, охваченный обследованием, производительность труда весьма слабо росла и по нашим сплошным данным. Но, как мы знаем, это свидетельствует не о завершении восстановительного процесса в 1923/24 году, а лишь о том, что в этот период, совпавший как раз с концом первого и началом второго восстановительного цикла, мы переживали хозяйственную д е п р е с с и ю.

В работе тов. Беленького много интересных сопоставлений и выводов, которых мы здесь касаться не можем. Наша экскурсия в область его изысканий преследовала лишь следующую цель.

Мы хотели, с одной стороны, демонстрировать, что при исследовании динамики производительности труда сплошные данные ЦОС'а при всех их недостатках не могут быть заменены выборочными материалами до тех пор, пока эти последние не собираются систематически, из месяца в месяц, и не охватывают достаточно длинного периода. С другой стороны, мы хотели показать, что без постоянной ориентировки на структуру восстановительного процесса в его целом невозможны правильные динамические обобщения ни в каких отдельных отраслях нашего народного хозяйства последних лет.

До сих пор мы исследовали только „плавные уровни", оставляя в стороне помесячные колебания, которые, однако, очень характерны для нашей пореволюционной промышленности и имеют чрезвычайно устойчивую сезонную структуру. На диаграмме XVIII изображены месячные отклонения валовой продукции всей промышленности от плавного уровня, при чем для первой части этой диаграммы за плавный уровень приняты прямые линии, вычисленные для каждого

года отдельно, для второй части диаграммы плавным уровнем послужила двуцикличная кривая, вычисленная для всего трехлетия методом, указанным выше (см. диаграмму XVII).

Сезонные колебания валовой продукции всей промышленности

Легко заметить, что второе построение лучше передает структуру сезонного движения нашей промышленности, чем первое. Первая половина каждого хозяйственного года характеризуется у нас более интенсивным ростом, чем вторая половина, а между тем первый вариант диаграммы скрадывает это обстоятельство. Но и первый и второй вариант с одинаковой выразительностью демонстрируют изумительную правильность сезонного движения нашей продукции,— отклонения каждого календарного месяца за все три года почти одинаковы (такого совпадения не было бы, если бы мы вместо логарифмированного ряда взяли первичные данные, ибо тогда отклонения из года в год возрастали бы по своей абсолютной величине). Если бы оказалось, что эта закономерность присуща не только восстановительному периоду, но сохраняет свою силу и за его пределами, она дала бы нам возможность на основании данных за первые 3—4 месяца с большой точностью исчислять наперед динамику продукции на весь текущий год.

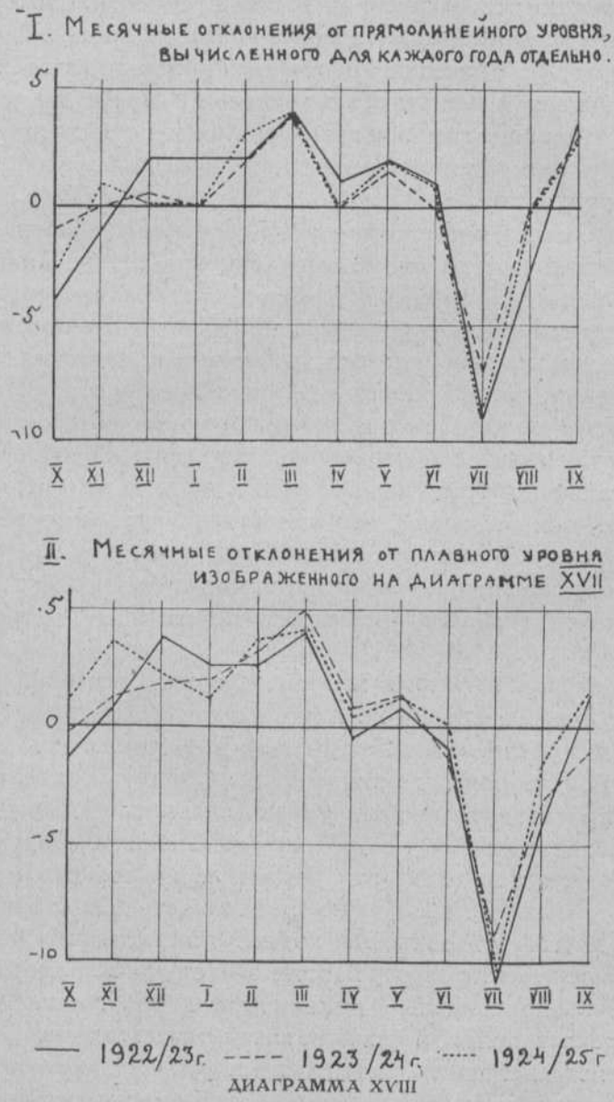


ДИАГРАММА XVIII

Интересно отметить, что сезонные колебания продукции отдельных отраслей промышленности хотя также отличаются большой правильностью, но далеко не дают такого точного совпадения отдельных точек за все три года, как вся промышленность в целом. Следовательно, в данном случае сводная характеристика кумулирует тенденцию к закономерным сезонным колебаниям, а не ослабляет ее. Отсюда, в свою очередь вытекает, что сама эта тенденция порождена общими экономическими причинами, действие которых несколько затушевывается специфическими особенностями отдельных отраслей и проявляется в наиболее чистом виде при рассмотрении общепромышленных средних, где особенности отраслей уравновешены.

Месячные колебания производительности труда не столь регулярны, но все же отличаются достаточной правильностью и обыкновенно воспроизводят последовательные фазы сезонного движения валовой выработки с некоторым запозданием фаз и с уменьшенной амплитудой,—в среднем по всей промышленности размах сезонных колебаний производительности труда втрое меньше, чем валовой продукции (таблица 6, графы 1 и 3).

Таблица № 6

Отрасли промышленности	Среднее арифметическое отклонение (независимо от знака) от плавного уровня		Среднее квадратическое отклонение от плавного уровня		Среднее арифметическое отклонение сезонных колебаний, выравненных по синусоиде			Среднее квадратическое отклонение сезонных колебаний, выравненных по синусоиде		
	Производ. труда	Зарплата	Производ. труда	Зарплата	Валовая прод.	Производ. труда	Зарплата	Валовая прод.	Производ. труда	Зарплата
	В %% к соответственному отклонению валовой продукции				В %% к соответственному отклонению эмпирической кривой					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Каменно-угольн.	76	51	69	55	51	76	40	48	84	35
Металлич. . .	59	72	52	68	52	51	23	42	46	19
Химическ. . . .	44	66	44	70	88	50	27	80	45	23
Текстильн. . .	21	97	17	79	83	38	4	61	35	4
Кож.-обув. . .	104	132	97	131	22	89	29	20	84	25
Пищевая . . .	18	29	18	30	93	32	66	87	30	59
Деревообд. . .	45	51	46	54	55	68	46	50	63	41
Бумажная . . .	66	148	70	169	66	19	41	61	17	33
Вся промышленность .	34	94	32	98	91	70	17	82	66	15

Из таблицы 6 вместе с тем видно (графа 5 и 8, 6 и 9), что для большинства производств и для всей промышленности в целом сезонные колебания производительности труда и валовой продукции

хорошо выравниваются по синусоиде; по всей промышленности в целом среднее отклонение синусоиды составляет 90% среднего отклонения эмпирической кривой валовой продукции; для производительности труда соответственное соотношение достигает 70%. Заменив диаграммы сезонных колебаний эмпирических рядов синусоидами, находим, что для валовой выработки максимум падает на середину первой половины хозяйственного года (ноябрь—январь), минимум—на июль—август; для производительности труда максимум в большинстве отраслей приходится между январем и мартом, передвигаясь в металлической промышленности до мая, минимумы распределяются между месяцами последнего квартала. Месячные колебания заработной платы по абсолютной величине своей лишь немногим уступают валовой продукции (см. графы 2 и 4 таблицы 5), но не носят строго сезонного характера и потому плохо улавливаются синусоидой (среднее квадратическое отклонение последней составляет 15%, среднее арифметическое—17% соответственных отклонений выравниваемой кривой). Изучение эмпирических кривых приводит к выводу, что в 1922/23 году сезонные колебания зарплаты были довольно хорошо согласованы с колебаниями валовой продукции и производительности труда; в 1923/24 и 1924/25 годах соответствие это нарушилось, при чем максимум сезонной волны зарплаты передвинулся к началу, а минимум к середине хозяйственного года. Возникшие вследствие этого диспропорции хорошо иллюстрируются следующим сопоставлением:

Таблица № 7

Движение заработной платы (З) и индекс производительности труда (П) за 1924/25 год

		X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Вся промышленность	П	100	103	107	112	119	122	119	122	125	118	120	126
	З	100	92	92	92	98	98	92	93	102	115	114	123
В том числе:													
Каменноугольная	П	100	101	107	111	119	120	104	101	112	108	111	116
	З	100	85	82	78	87	83	84	85	96	109	114	118
Металлург. и металлообрабатывающая	П	100	110	111	121	129	136	131	141	142	130	131	143
	З	100	95	94	94	97	93	93	95	104	118	114	128
Текстиль	П	100	103	105	108	114	114	115	118	120	111	116	122
	З	100	91	92	95	101	91	93	91	102	120	115	124

Мы имели, таким образом, в 1924/25 г. весьма ярко выраженные „ножницы“ или, лучше сказать, двое ножниц, скрещенных своими концами и обращенных растворами в противоположные стороны. С октября по июнь при бурном росте производительности труда,— на 25% по всей промышленности в целом, на 42% по метал-

лургии и металлообработке, на 20% по текстильной промышленности, на 12% по каменноугольной промышленности,—заработная плата задерживалась на неизменном уровне, заметно сниженном по сравнению с начальным месяцем хозяйственного года. Неизбежным последствием такого зажима явился стремительный скачок заработной платы в последнем квартале, что в связи с увеличенными выдачами отпускникам и привело к резкому повышению платежеспособного городского спроса на промтовары, а следовательно, к обострению товарного голода как раз накануне самого горячего периода хлебозаготовительной кампании.

Такое своеобразное и, так сказать, „антикон'юнктурное“, идущее в разрез с естественной тенденцией рынка, строение сезонной волны зарплаты наблюдается у нас уже второй год и, конечно, обусловливается, главным образом, недостаточной гибкостью аппаратов, направляющих и регулирующих эту сторону нашей хозяйственной жизни. Во всяком случае, из таблицы 7 ясно, что в истекшем году сущность диспропорции между динамикой зарплаты и производительности труда заключалась именно в несогласованности их сезонных кривых, в концентрированности повышательного движения зарплаты на коротком интервале двух месяцев, и притом таких месяцев, которые по совокупной сезонно-хозяйственной обстановке наименее для того удобны. Что же касается итоговых размеров годового движения, то за истекший год заработная плата промышленных рабочих отнюдь не опережала по темпу своего роста производительность труда, как это часто утверждают. В каменноугольной промышленности мы имеем от октября 1924 года к сентябрю 1925 года 15—16% прироста обоих показателей, в текстильной—22% и 24%, в металлопромышленности при 40-процентном росте производительности труда заработная плата выросла на 25%. По всей промышленности индекс производительности труда вырос на 28%, зарплата на 22%.

Уже предшествующий анализ заставляет предполагать, что производительность труда и в своем регулярном движении по плавной кривой восстановительного процесса и в своих колебаниях вокруг этого уровня теснее связана с динамикой физического об'ема продукции, нежели с динамикой заработной платы. Проверим это наведение и постараемся дать ему количественные характеристики.

Для составления таблицы 8 коррелировались отклонения индивидуальных месячных приростов от среднего для всего трехлетия месячного прироста; другими словами, сопоставлялись последовательные ускорения или замедления темпов роста наших трех показателей с устранением влияния общей повышательной тенденции восстановительного процесса, создающего огромную ложную корреляцию между всеми его элементами. Поскольку при логарифмировании мы выкидываем некоторое закономерное движение, присущее всем трем рядам, следует ожидать, что коэффициенты корреляции логарифмированных рядов будут несколько ниже коэффициентов первичных

рядов. Это и наблюдается (за одним только исключением химической промышленности) во всех тех случаях, когда коэффициенты корреляции достаточно высоки для того, чтобы им можно было вообще

Таблица № 8

Теснота связи между физическим об'емом продукции, производительностью труда и зарплатой в их интегральной динамике за три года

Коррелируемые показатели \ Отрасли производства	Горная	Каменноугольная	Металлургическая	Текстильная	Кож.-обув.
Сопоставление динамики эмпирических рядов					
Вал. прод. и произв. труда . .	+ 0,375	+ 0,845	+ 0,770	+ 0,597	+ 0,267
Вал. прод. и зарплата . . .	— 0,085	+ 0,245	— 0,036	— 0,201	+ 0,290
Произв. труда и зарплата . .	+ 0,362	+ 0,270	+ 0,399	+ 0,038	— 0,138
Сопоставление динамики логарифмированных рядов					
Вал. прод. и произв. труда . .	+ 0,369	+ 0,814	+ 0,767	+ 0,430	+ 0,268
Вал. прод. и зарплата . . .	— 0,139	+ 0,161	+ 0,088	+ 0,031	+ 0,266
Произв. труда и зарплата . .	+ 0,362	+ 0,297	+ 0,049	+ 0,174	— 0,071

Коррелируемые показатели \ Отрасли производства	Химическ.	Пищевая	Деревообдел.	Бумажная	Вся промышл.
Сопоставление динамики эмпирических рядов					
Вал. прод. и произв. труда . .	+ 0,620	+ 0,456	+ 0,670	+ 0,783	+ 0,656
Вал. прод. и зарплата . . .	+ 0,126	+ 0,226	+ 0,070	+ 0,166	— 0,155
Произв. труда и зарплата . .	+ 0,065	+ 0,107	+ 0,045	+ 0,075	+ 0,093
Сопоставление динамики логарифмированных рядов					
Вал. прод. и произв. труда . .	+ 0,730	+ 0,384	+ 0,554	+ 0,674	+ 0,613
Вал. прод. и зарплата . . .	+ 0,235	+ 0,298	— 0,101	+ 0,152	— 0,037
Произв. труда и зарплата . .	+ 0,329	+ 0,080	— 0,069	— 0,001	+ 0,138

придавать значение. При коррелировании 35 разниц коэффициент корреляции указывает на большую вероятность связи между явлениями, если он достигает, примерно, 0,35 (тогда он в 3½ раза больше своей вероятной ошибки). Как показывает таблица 8, связь между производительностью труда и физическим об'емом продукции для всех производств (кроме кожевенно-обувного) и для всей промышленности в целом несомненна и притом в большинстве случаев

весьма значительна (0,6—0,8). Наоборот, динамика заработной платы, повидимому, вовсе не связана с динамикой остальных показателей. Только в горной промышленности коэффициент корреляции между зарплатой и производительностью труда имеет заметную величину, но и тут он все же не настолько велик, чтобы была исключена возможность случайного совпадения.

В третьей главе было показано, что производительность труда должна иметь достаточно тесную связь с динамикой валовой продукции и при капиталистическом типе хозяйственного развития. Во всех фазах цикла, кроме предкризисного „расцвета", физический об'ем продукции движется согласованно с производительностью труда, а в периоды длительных депрессий этот параллелизм движения обоих показателей вообще не нарушается. В советском хозяйстве кризисы капиталистического типа—банкротства, приостановка целого ряда предприятий и т. п. — исключены благодаря государственной организации промышленности. Но цикличность развития, в смысле смены эпох оживления депрессивными периодами, далеко еще не изжита нами; при чем, как мы видели на примере первого цикла восстановительного процесса, и как это отчасти наблюдалось зимой 1926 г., накануне депрессий у нас происходят некоторые явления, характерные для периодов расцвета и ажиотажа в капиталистическом мире.

В виду этого представляет большой интерес выяснить за счет чего именно получается такой высокий коэффициент корреляции между физическим об'емом и производительностью труда: за счет тесной связанности обоих показателей в их движении по генеральной кривой восстановительного процесса или за счет месячных колебаний. Это тем более интересно, что связь месячных колебаний может оказаться в некоторой своей части и ложной, ибо при нередких в нашей промышленности перебоях, кратковременное сжатие продукции не сопровождается, конечно, немедленным увольнением всех излишних в данный момент рабочих с тем, чтобы снова поставить их на работу через 3—4 недели. Поэтому небольшие и непродолжительные понижательные движения в области физического об'ема могут автоматически вызывать некоторое искусственное понижение показателя производительности труда.

Как показывает первая часть таблицы 9, плавные уровни физического об'ема и производительности труда обнаруживают еще более тесную корреляционную связь, чем совокупная динамика обоих показателей. Напротив, заработная плата и производительность труда при коррелировании аналитических уровней дают по многим производствам и по промышленности в целом значительный о т р и ц а т е л ь н ы й коэффициент. В этом сказались „ножницы" последних двух лет.

Невозможность установить при помощи корреляционного исчисления какую-либо связь между движением заработной платы

и производительности труда не противоречит твердо сложившемуся в экономической науке и практике убеждению, что повышение заработной платы есть необходимая предпосылка роста интенсивности труда, а следовательно, и его производительности. Дело в том, что при анализе как интегрального движения наших показателей,

Таблица № 9

А. Теснота связи между физическим об'емом продукции, производительностью труда и зарплатой в их движении по плавным уровням

Коэффициенты корреляции	Горная	Каменноугольн.	Металл.	Текстильн.	Кожевенно-обувная	Химическ.	Пищевая	Дерево-обделочн.	Бумажная	Вся промышл.
	Отрасли промышленности									
	Корреляция эмпирических рядов, выглаженных при помощи скользящей 12-месячной средней									
Вал. продукц. и произв. труда	— 0,17	— 0,37	+ 0,95	+ 0,99	+ 0,90	+ 0,85	+ 0,87	+ 0,55	0,94	0,98
Валов. продукц. и зарплата . .	— 0,01	— 0,16	+ 0,11	— 0,77	— 0,24	+ 0,55	— 0,16	+ 0,02	— 0,25	— 0,09
Производ. труда и зарплата . .	+ 0,28	— 0,02	+ 0,27	— 0,76	— 0,01	+ 0,48	— 0,06	+ 0,04	— 0,34	— 0,13
	Корреляция аналитических плавных уровней [1]									
Валов. продукция и произ. труда	— 0,66	— 0,62	+ 0,90	+ 0,93	+ 0,82	+ 0,92	+ 0,66	+ 0,48	+ 0,75	+ 0,97
Валов. продукция и зарплата . .	— 0,23	— 0,41	+ 0,04	— 0,39	+ 0,13	+ 0,53	— 0,29	+ 0,16	— 0,27	— 0,72
Произв. труда и зарплата . . .	+ 0,41	+ 0,10	+ 0,34	— 0,66	— 0,34	+ 0,71	— 0,41	— 0,52	— 0,69	— 0,62

Б. Теснота связи между физическим об'емом продукции, производительностью труда и зарплатой в их месячных отклонениях от аналитических плавных уровней

Валов. продукц. и произв. труда .	0,37	0,83	0,63	0,32	0,28	0,70	0,36	0,55	0,54	0,67
Вал. продукция и зарплата . . .	0,09	0,08	0,21	0,12	0,17	0,20	0,32	0,08	0,14	0,11
Производ. труда и зарплата . .	0,05	— 0,03	— 0,01	— 0,01	— 0,18	0,13	— 0,09	— 0,18	— 0,23	— 0,08

так и плавных уровней, мы прибегали к таким методам коррелирования, которые тщательно устраняют влияние общей повышательной тенденции, присущей всем кривым восстановительного процесса. Иначе поступить было нельзя, ибо при общем росте народнохозяйственного целого растут все его элементы, что вовсе еще не доказывает, что между каждыми двумя произвольно выбранными элементами этого целостного процесса имеется непосредственная взаимозависимость. Но есть, конечно, и такие пары элементов, динамика которых сплетена такой индивидуальной внутренней связью. Если бы все факторы народнохозяйственного роста можно было точно установить и количественно измерить, то метод отыскания так называемых частных коэффициентов корреляции позволил бы вскрыть наличность или отсутствие индивидуальных связей между элементами, участвующими в общем повышательном движении. Но в данном случае о таком количественном определении и исключении из анализа всех факторов роста не может быть и речи.

[1] При коррелировании плавных уровней мы, разумеется, пользовались аналитической формулой коэфф. корреляции, т.-е. заменили конечные разности производными, а суммы определенными интегралами.

Таким образом, наши коэффициенты корреляции свидетельствуют только о том, что между колебаниями зарплаты и производительности труда нет такой связи, при которой каждое расширение или сжатие одного фактора автоматически передавалось бы другому.

И в этом нет ничего неожиданного. Связь автоматического типа должна была наблюдаться лишь в самом начале восстановительного процесса, когда заработная плата была чрезвычайно низка, а питание рабочего настолько скудно, что организм его не получал достаточного количества энергии для того, чтобы производить сколько-нибудь интенсивную работу. В эту эпоху уровень заработной платы ставил определенные физиологические пределы интенсивности, а следовательно, и производительности труда. И каждое повышение заработной платы, вызывая прежде всего улучшение питания рабочих, автоматически раздвигало эти пределы. В дальнейшем, когда заработная плата подняла пищевой режим рабочих настолько, что количество получаемых ими калорий обеспечило физическую возможность труда нормальной напряженности, связь между повышением „уровня жизни“ (standart of life) рабочего и интенсивностью его труда не прекратилась, но утратила свой примитивно-физиологический характер и приобрела более гибкую, сложную и тонкую „психологическую“ структуру. Эта психологическая или, чтобы не быть заподозренными в идеализме, скажем „рефлексологическая“ связь позволяет в течение целого ряда месяцев стабилизировать зарплату при росте производительности труда, осуществляемой в известной доле за счет повышения интенсивности. Однако, за такими периодами стабилизации, как неизбежная реакция против них, следуют периоды быстрого под'ема, в результате чего средний темп роста зарплаты находится, как мы видели, в соответствии с общим ростом производительных сил. Это как нельзя лучше опровергает идеалистические лжеучения и наглядно показывает, что психологические связи отнюдь не являются чем-то призрачным, но „в конечном счете“ столь же реальны и материальны, как и физиологические.

Если правильны только что приведенные соображения, то в первый год охваченной нашим исследованием эпохи, когда уровень заработной платы был еще очень низок, должны обнаружиться некоторые следы непосредственной „физиологической“ связи между зара-

ботком рабочего и производительностью его труда,—следы, ослабляющиеся по мере развития восстановительного процесса. Другими словами, естественно предположить, что теснота связи между месячными колебаниями зарплаты и производительностью труда постепенно уменьшается при переходе от 1922/23 года к 1923/24 и 1924/25 гг., падая в конце концов до нуля или даже становясь отрицательной („ножницы"). Коррелируя месячные разности сначала за первый год, затем со второго месяца по тринадцатый, с третьего по четырнадцатый и т. д. до конца трехлетия, мы получаем скользящий коэффициент корреляции, динамика которого подтверждает только что высказанное предположение.

Для всей промышленности в целом эволюция связи между зарплатой и производительностью труда за 26 последовательных интервалов характеризуется следующим рядом коэффициентов корреляции:

0,53 0,54 0,46 0,42 0,29 0,12 0,24 0,26 0,22 0,26 0,45
0,53 0,37 0,39 0,33 0,31 0,27 0,27 0,24 0,28 0,05 0,03
—0,10—0,11

На протяжении первых пяти интервалов, т.-е. в течение полутора лет, начиная с октября 1922/23 г., коэффициент корреляции довольно высок и лишь медленно снижается; затем, проделав некоторый зигзаг, он продолжает неуклонно падать и за последний год становится уже отрицательным. Для отдельных отраслей промышленности мы приведем коэффициенты корреляции за три последовательные года, опуская переходы между ними.

Таблица № 10

Теснота связи между месячными колебаниями производительности труда и заработной платы

Отрасли производ. / Дата	Каменноугольн.	Металлическая	Химическ.	Текстильная	Кож.-обув.	Пищевая	Деревообделочн.	Бумажная
1922/23 г.	0,47	0,26	0,62	0,40	0,07	— 0,11	— 0,06	0,13
1923/24 „	0,28	0,04	0,03	0,43	— 0,04	0,35	0,20	— 0,03
1924/25 „	0,22	— 0,12	— 0,05	— 0,06	— 0,14	0,27	— 0,11	0,41

Ослабление связи между производительностью труда и зарплатой к концу трехлетия отчетливо наблюдается в руководящих отраслях промышленности: каменноугольной, металлической, химической, текстильной. Интересно отметить, что отсутствием этой тенденции характеризуются как раз те отрасли, которые с самого начала нэпа и хозрасчета оказались в наиболее благоприятном экономическом положении.

* * *

Как мы видели, динамика промышленной продукции и всех тех элементов народного хозяйства, которые непосредственно связаны в своем развитии с темпом ее роста, не может иметь чисто восстановительного типа, т.-е. максимально быстрого темпа в начале и непрерывного замедления его по мере приближения к уровню. Организационно-реконструктивный момент, составляющий основную предпосылку возрождения промышленности СССР, с неизбежностью создает более сложный, так сказать, „плавно циклический", эс-образный тип генеральной линии нашего восстановительного процесса. В период преодоления главных реконструктивных трудностей темп движения очень умеренный. Он непрерывно возрастает по мере достижения решительных успехов на этом фронте и снова замедляется, когда начинает оказывать свое тормозящее влияние приближение к техническому пределу возможного роста на базисе унаследованного от капитализма оборудования.

Раз это так, го, повидимому, чистый тип восстановления есть лишь теоретическая конструкция, не имеющая почти никакого приложения на практике, ибо в составе народного хозяйства нет ни одного существенного элемента, который в своей динамике не был бы теснейшим образом связан с генеральной динамикой промышленного производства. Лишь в отдельных маловажных уголках, например, на книжном рынке, динамические закономерности которого анализировал тов. Прокопович, могут быть реализованы все предпосылки (перечисление их см. выше в главе IV), необходимые для осуществления на практике кривой чистого восстановительного типа.

В истории нашего хозяйственного возрождения имеется, однако, один частный, но огромный по своему экономическому значению процесс, в основе которого лежат предпосылки, предрешающие почти столь же чистый тип восстановительного движения, как и распродажа книг из харьковских магазинов. Это—рост денежной массы в обращении после денежной реформы.

В виду целого ряда недоразумений, уже имевших место в связи с вопросом о динамике денежного обращения, необходимо еще и еще раз подчеркнуть одно обстоятельство. Когда мы утверждаем, что рост денежной массы после реформы следует закону восстановительного процесса в его наиболее чистом виде, мы вовсе не хотим сказать, что тот предельный уровень насыщения, к которому стремится этот процесс, по своим абсолютным размерам или в своем относительном измерении по товарообороту равен довоенному. Это было бы совершенно произвольным предположением и его никто никогда не делал. В настоящем контексте выражение „закон восстановительного процесса в чистом виде" означает лишь следующее: в своем движении от уровня, имевшего место в момент денежной

реформы к новому уровню, отвечающему потребности советского хозяйства в средствах обращения при твердой валюте, т.-е. к уровню, нам пока еще совершенно неизвестному, денежная масса следует закону систематического убывания темпа с максимумом в начале, а не закону циклического движения с возрастанием темпа в начале, затуханием в конце и максимумом в средине процесса.

Но уровень, к которому стремится денежная масса, определяется не какими-либо абсолютными величинами, а отношением к товарообороту, который, в свою очередь, подобно всем прочим элементам советского хозяйства, проделывает двуцикличный путь роста. Следовательно, вместе с товарооборотом и параллельно ему денежная масса должна описать циклическую кривую и сверх того помимо этого участия в генеральном движении народнохозяйственного целого она имеет еще собственное добавочное движение иного типа, — переходит по закону равномерного убывания темпа от того соотношеня с товарооборотом, которое было в марте 1924 г.,

ДИАГРАММА XIX

к новому, нормальному при твердой валюте соотношению; при чем норма эта определяется всей структурой советской экономики и, повторяем, отнюдь не должна совпадать с довоенной. Вполне понятно поэтому, что интегральное движение денежной массы, т.-е. та кривая, которую мы получаем, когда наносим на диаграмму ежемесячные публикации о количестве червонцев, выпущенных в обращение, не обнаруживает ни правильной цикличности, ни сколько-нибудь регулярного замедления темпа, а поднимается вверх быстрее прочих показателей народнохозяйственного развития. Для того чтобы вскрыть специфические закономерности движения денежной массы, надо из интегрального ее движения аналитически извлечь интересующий нас компонент; другими словами, надо вычислить на каждый месяц отношение между денежной массой и товарооборотом и составить из полученных величин временный ряд. Главная

трудность этой задачи заключается в исчислении товарооборота. В последнее время в Экономико-Статистической секции и в Кон'юнктурном Совете Госплана произведен ряд исследований, позволяющих дать достаточно правдоподобную помесячную динамику товарооборота за 1923/24 и 1924/25 гг. Однако, в отдельных случаях месячные колебания полученной в результате этих работ суммарной кривой товарооборота все же возбуждают сомнение. Между тем для определения того уровня, к которому стремится соотношение между денежной массой и товарооборотом, девятнадцати месяцев (с марта 1924 г., с момента денежной реформы, по сентябрь 1925 года, которым заканчиваются исчисления товарооборота) не достаточно; экстраполировать же исчисленный товарооборот было бы весьма рискованно. К счастью, у нас имеется один показатель, динамика которого находится в очень тесном соответствии с динамикой товарооборота, — это грузооборот железных дорог. Здесь мы располагаем не возбуждающими никакого сомнения помесячными данными и притом не только за 1924 и 1925 гг., но и за истекшие месяцы 1926 года. Сверх того перспективы возможных перевозок на оставшуюся часть текущего хозяйственного года определились уже довольно отчетливо, а сезонные колебания здесь настолько устойчивы, что не представляет особой трудности разбить перспективу перевозок по месяцам. На диаграмме XIX ломаная линия изображает помесячное движение отношения между ростом денежной массы в обращении и ростом грузооборота (точнее, логарифм этого отношения), плавная кривая — тот же ряд, выравненный по формуле III главы четвертой $A-x=(A-x_0)\ I^{-pt}$.

Чертеж показывает, что темп роста денежной массы по отношению к грузообороту (а следовательно, и товарообороту) непрерывно понижается, при чем, несмотря на значительные месячные колебания в ту или другую сторону, общее направление этого движения достаточно хорошо улавливается аналитической кривой, построенной по только что приведенной формуле. Если бы дальнейшее движение денежной массы пошло как раз по этой плавной кривой, резюмирующей двухлетнюю тенденцию фактического развития, то мы получили бы следующие количества денежной массы в обращении на оставшиеся месяцы текущего года (в милл. черв. руб.):

Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
1.280	1.300	1.325	1.370	1.420	1.482

Продолжать экстраполяцию дальше трудно, так как октябрьская цифра должна уже всецело определяться урожаем 1926 г., пока еще совершенно неизвестным.

Диаграмма XIX вместе с тем показывает, что рост червонной массы за счет увеличения общей денежности нашего народного

хозяйства (восстановительный процесс в чистом виде) практически почти уже достиг своего предела. К концу текущего года аналитическая кривая подходит к уровню равновесия настолько близко, что в дальнейшем остающейся разницей можно пренебречь и при динамических перспективных сопоставлениях считать нормой роста денежной массы простую пропорциональность росту товарооборота, как и в обычные, нормальные не „восстановительные" периоды. [1]

* * *

Этим заканчивается аналитическая часть нашей работы. Практические выводы, вытекающие из нее, составляют особую тему, требующую самостоятельной трактовки.

---

[1] Положение существенно изменилось бы, если бы нам в ближайшее время удалось радикально преодолеть товарный голод и накопить солидные товарные запасы. Тогда, вследствие замедления темпа обращения товаров, резервуар денежного обращения обнаружил бы некоторую добавочную емкость, и нормальное движение денежной массы снова осложнилось бы некоторым дополнительным процессом восстановительного типа. Но на радикальное преодоление товарного голода, особенно в ближайшее время, трудно рассчитывать.

В. М. Смирнов

Вопросы кредита [1]

Вопросы кредита совершенно естественно привлекают к себе сейчас внимание всех тех, кто интересуется экономикой Советской республики. Наша кредитная система и кредитный аппарат, еще три года тому назад находившиеся в зачаточном состоянии и игравшие в общем лишь второстепенную и подсобную роль во всей системе нашей экономики, становятся сейчас одним из важнейших ее факторов. Стоит только вспомнить, что вкладная операция к настоящему времени достигла цифры в 1.200 милл. руб., что наши хлебные операции как внутри, так и за границей производятся в подавляющей своей части за счет банковских средств, что оборот капитала наших промышленных и торговых предприятий теснейшим образом связан уже с банковской системой, что на очереди в связи с окончанием так называемого „восстановительного процесса" стоит организация системы долгосрочного капитального кредита,—чтобы понять, какую огромную роль играет и будет играть кредит в переходный период от капитализма к социализму и насколько продуманно должна быть построена его система.

В самом деле, являясь мощным орудием экономического развития в капиталистическом обществе, настолько мощным, что банковский капитал прямо подчиняет себе и промышленный и торговый капитал, кредит в то же время является наиболее парадоксальной, наиболее извращенной категорией капитализма, за явлениями которого труднее всего разглядеть действительные явления производственного процесса. Поэтому он является в то же время одним из крупнейших факторов тех периодических потрясений, которые переживает капиталистическое общество в форме кризисов. Именно здесь возникают самые непредвиденные неожиданности, когда, например, так называемое „изобилие капиталов" вдруг сменяется их недостатком, разрушающим правильный ход даже наиболее здоровых промышленных предприятий. Именно благодаря системе кредита временно свободные средства здоровых предприятий оказываются завязанными в грюндерских операциях, из которых их затем не удается извлечь, когда это нужно. Именно благодаря ей, наконец, дух безудержной спекуляции, азартной игры проникает в самые, казалось бы, солидные предприятия, и расчетливый, осторожный промышленник времен Адама Смита и Рикардо превращается в азарт-

[1] В порядке обсуждения.

ного биржевого игрока или, по меньшей мере, целиком попадает в зависимость от крупных акул финансового мира.

Кредит, таким образом, оружие обоюдоострое, и таким же остается он и в нашей советской системе. Правда, сосредоточие крупной промышленности, торговли и банков в руках государства дает нам возможность несравненно лучше определить значение тех или иных явлений экономической жизни, но все же все эти явления— колебания цен, движение вкладов, размер спроса на капитал и т. д.— являются лишь отражением (и вместе неизбежно—искажением) действительных явлений производственного процесса. Сосредоточивши в руках государства все командные высоты экономики, мы все же вынуждены сохранить все почти экономические категории, присущие капиталистическому обществу, и сможем преодолеть их лишь постепенно в ходе развития производительных сил страны. При этих условиях мы находимся в положении человека, который может судить об окружающем только по его отражению в нескольких кривых зеркалах, когда только от его знания этих зеркал и от умения правильно сопоставлять различные отражения зависит его способность не расшибать себе на каждом шагу лоб.

Вопросы теории кредита приобретают при этих условиях колоссальнейшее значение. И опять-таки здесь мы находимся в довольно трудном положении: в теории Маркса как раз вопросы кредита остались наименее разработанными. Вот как характеризует Энгельс соответствующую часть III тома „Капитала“: „Главное затруднение представлял отдел II, в котором притом рассматривается запутаннейший предмет всей книги. И как раз здесь, при разработке, Маркса застиг один из упомянутых выше тяжелых приступов болезни. Следовательно, здесь имеется не готовый набросок и даже не схема, очертания которой пришлось бы заполнить, а лишь самое начало работы, которое неоднократно сводится к неупорядоченной кучке записей, заметок, материалов в форме выписок“. Попытки Энгельса при редактировании этого материала дать систематическое изложение вопроса оказались тщетными и ему пришлось „ограничиться насколько возможно упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения“. (См. предисловие Энгельса к III тому „Капитала“.) Таким образом, несмотря на ряд блестящих мыслей, теории кредита мы в наследство от Маркса не получили.

Единственной попыткой заполнить этот пробел экономической теории Маркса является работа Гильфердинга. Несмотря, однако, на всю ценность этой работы, как первой попытки дать марксистскую теорию кредита, автор, пытаясь „углубить“ Маркса, дает совершенно неверную теорию денег, в области же собственно кредита постановка ряда вопросов не отличается у него ясностью, а в некоторых пунктах он выдвигает, на мой взгляд, и просто неверные положения. Задачей настоящей статьи и является попытка освещения некоторых вопросов, тесно связанных с теми проблемами, которые практически стоят перед нами в настоящее время.

I

Начнем с наиболее элементарной формы кредита—с коммерческого кредита, иначе говоря, кредита, предоставляемого одним промышленным капиталистом другому и, следовательно, не предполагающего обособления денежной формы промышленного капитала в капитал особого рода—в денежный капитал. Орудием этого кредита является вексель. Деньги, обслуживающие товарооборот, совершающийся на основе его, выполняют при этом функцию уже не средства обращения, а платежного средства.

В самой общей форме дело здесь сводится к следующему: капиталист A, имеющий наличный товар, появившийся на свет в результате производственного процесса и являющийся, следовательно, товарной формой его капитала, продает его капиталисту B, но не за наличные, а за обещание платежа через определенный промежуток времени; обещание это облекается в форму векселя на B. Какое значение имеет этот акт для обоих контрагентов?

Для B это означает экономию в размере авансированного им капитала. Вместо того, чтобы в ожидании реализации своего товара, превращения этой части своего капитала из товарной формы в денежную, вложить дополнительные ценности для приобретения элементов производительного капитала, он получает эти элементы (товар капиталиста A) в данный момент безвозмездно с тем, чтобы уплата была произведена в тот срок, когда он рассчитывает свой товар превратить в деньги. Ценности, которые у него еще только должны превратиться в деньги, он уже сейчас превращает в элементы производительного капитала, сокращая, таким образом, время оборота соответствующей части своего капитала на весь тот период, который остается до момента превращения его товара в деньги. Обратное происходит у капиталиста A. Его товар уже отчужден, он уже не является формой его капитала. Но вместо этой товарной формы у него не появилось ничего, кроме обещания платежа со стороны B, векселя на B. Соответствующая часть его капитала вышла тем самым из оборота его предприятия и обращается теперь в предприятии капиталиста B в виде соответствующих элементов производительного капитала последнего. Время обращения его товара затягивается и для правильного функционирования его производства ему необходимо вложить дополнительный капитал. Таким образом, тот выигрыш, который получил капиталист B в отношении размера авансированного им капитала, сопровождается ровно таким же проигрышем для капиталиста A. С точки зрения размеров совокупного капитала, авансированного нашими обоими капиталистами, никакого выигрыша не получается.

Может показаться, что дело меняется в том случае, если продажа в кредит не ограничивается сделкой между двумя нашими капиталистами, если A не держит у себя векселя на B до истечения его срока, а в свою очередь, покупая в кредит у C, уплачивает ему векселем на B. Так думает Гильфердинг. Анализируя тот пример, который мы привели выше, он говорит: „Здесь была бы не экономия, а просто перенесение денег. Иное дело в том случае, если требование платежа само функционирует как средство платежа, если A не просто дает кредит B, но и сам пользуется кредитом у C, если он уплачивает C векселем B. Если же и C в свое время должен произвести платеж B, и если он уплатит B собственным векселем последнего, то здесь между A и B, A и C, C и B совершились бы акты купли и продажи без всякого вмешательства денег. Значит деньги здесь сохранены, а так как эти деньги должны бы быть дополнительным денежным капиталом (для процесса обращения товарного капитала) в руках производительных капиталистов, то для последних тем самым сберегается денежный капитал“ (курсив мой. В. С.). (Гильфердинг. „Финансовый капитал“, перевод Степанова, 1924 г., стр. 73.)

Так ли это? Изменяется ли что-нибудь тем обстоятельством, что вместо одной кредитной сделки между A и B мы имеем ряд связанных между собой сделок между A и B, A и C, C и B. Если A продал свой товар в кредит B, нуждаясь сам в наличных деньгах для покупки нужных ему элементов производительного капитала, то для него, только что выступавшего в качестве кредитора B, единственным выходом остается—сделаться на соответствующую сумму должником C. Если это ему удастся, то он в смысле размеров авансированного им капитала ничего не выиграл и ничего не проиграл. Наоборот, выигрыш капиталиста B отразится тогда соответствующим проигрышем у C, который должен будет вложить в дело дополнительную сумму, равную той, на которую он продал в кредит свой товар A. Мы опять-таки имеем только перемещение совокупного капитала, а не его экономию. Но Гильфердинг пытается замкнуть круг: C после того, как он кредитовал A, сам покупает в кредит у B и платит ему его собственным векселем, и тогда совершается чудо: три капиталиста, которые имели деньги, что называется, в обрез, благодаря векселю вдруг сэкономили свой денежный, а, следовательно, и весь авансированный капитал.

Гильфердинг был бы прав только в одном случае: если бы A, продавший свой товар в кредит B, тотчас бы купил в кредит товар у C, а C тотчас бы купил товар у B. Тогда бы действительно каждый из наших трех капиталистов сэкономил всю ту сумму капитала, которая нужна для поддержания непрерывности производства в течение периода реализации товара. Но это произошло бы только потому, что время превращения товарного капитала в денежный оказалось бы равным нулю. Только при этих условиях вексель, выданный B, пройдя через руки капиталиста A, немедленно возвратился бы обратно к B от C, и вся операция обращения не потребовала бы ни от одного из капиталистов ни малейших дополнительных затрат. Но это, конечно, произошло бы не в результате чудодейственных свойств оборотного кредита, а в результате чудодейственной конъюнктуры, при которой товары всех капиталистов реализуются немедленно после того, как вышли с фабрик. А между тем B покупал в кредит у A именно потому, что его товар еще не мог быть реализован. Круг, конечно, в конце концов замыкается (хотя и не полностью: зарплата рабочим, например, должна быть выдана наличными, а, следовательно, и при реализации товара часть должна быть получена наличными), но через известный промежуток времени, определяемый сроками реализации товаров наших капиталистов. А в этом случае для того, чтобы B получил товар в кредит, кем-то другим—A, C, D или N—должен быть вложен дополнительный капитал. Оборотный кредит, таким образом, и при замыкании круга обращения векселя, создавая экономию в денежном капитале для того или другого капиталиста, не создал бы никакой экономии в совокупном денежном капитале всего класса капиталистов.

Единственно, что произошло бы здесь, это частичное вытеснение денег из процесса обращения. Поскольку ряд сделок совершается в кредит и вексель, выданный одним капиталистом, переходит несколько раз из рук в руки, служа в качестве обещания платежа при реализации последовательного ряда товаров, постольку этот вексель выступает вместо денег в качестве средства обращения, предоставляя последним лишь роль платежного средства.[1] При наличии огромного количества взаимно погашающихся обязательств, для одного и того же количества обращающихся товаров денег в качестве платежного средства нужно несравненно меньше, чем в том случае, если бы они фигурировали только как средство обращения. Поэтому система продажи товаров в кредит, не давая сама по себе никакой экономии в совокупном размере денежного капитала, дает нело-

[1] Здесь же кстати будет отметить также, что Гильфердинг совершенно напрасно неоднократно приписывает векселю функцию платежного средства. Эта функция возникает, как известно, тогда, когда момент передачи товаров отделяется от момента получения за него эквивалентной ценности и заключается в том, что средство платежа только ликвидирует совершенную ранее в кредит сделку. Между тем расплата векселем как раз и означает, что окончательный расчет еще не произведен, что через известное время ликвидация должна еще последовать. Вместе с тем вексель передается продавцу в момент продажи, т.-е. выполняет функцию, свойственную деньгам, как средство обращения.

Таким образом, вексель может заменять деньги только как средство обращения, но не как средство платежа.

средственную экономию в количестве денег, нужных для обращения товаров. Вместе с тем, она создает в виде векселя новое средство обращения sui generis (основанное не на общественной, а на частной гарантии). Это новое средство обращения впоследствии, с развитием банковской системы, образует базу банкнот, выпуск которых составляет уже не прерогативу государства, как это имеет место в отношении бумажных денег, а прерогативу банков.

II

Итак, мы пришли к выводу, что система продажи товаров в кредит,—„оборотный кредит" по терминологии Гильфердинга,—экономизируя количество необходимых для обращения денег (путем замены их векселями), сама по себе отнюдь еще не сокращает совокупного размера авансированного (и, в частности, денежного) капитала. Напротив того, он сам возможен лишь при том условии, если у тех или иных капиталистов имеются свободные денежные средства.[1]

Поэтому нам необходимо перейти к вопросу о том, откуда же берутся свободные денежные средства, заняться вопросом о высвобождении капитала.

При этом мы пока оставим в стороне те свободные средства, которые получаются как благодаря накоплению прибавочной стоимости в целях последующего превращения ее в новый капитал, так и благодаря превращению в денежную форму элементов основного капитала по мере его снашивания; иначе говоря, будем исходить из простого воспроизводства и из предположения, что цикл оборота капитала не выходит за пределы одного года.

Исследованию этого вопроса посвящена глава 15 II тома „Капитала", где Маркс приходит к следующему выводу: „Во всех случаях, когда, во-первых, период обращения больше рабочего периода и не представляет простого кратного его и, во-вторых, когда рабочий период больше периода обращения, в этих случаях в конце каждого рабочего периода, начиная со второго оборота, постоянно и периодически освобождается некоторая часть всего текучего капитала". Таким образом, вопрос о высвобождении Маркс ставил в зависимость от соотношения рабочего периода с периодом обращения.

Уже Энгельс в своем примечании к этой главе отметил неправильность такого подхода. „Неверные результаты этих кропотливых вычислений,—говорит он,—привели к тому, что Маркс придавал незаслуженное значение одному, на мой взгляд, практически мало-

[1] Гильфердинга навязчиво преследует странная идея, что „оборотный кредит" является просто последствием превращения денег из средства обращения в средство платежа. „Кредит, построенный на высвобождении денежного капитала, существенно отличается от платежного кредита, который возникает на основе простого (какого простого? Базирующегося на простом товарном производстве в противоположность капиталистическому или базирующегося на наличных деньгах в противоположность кредитным деньгам? В. С.) товарного обращения из простого (?) изменения функции денег" („Финансовый капитал", стр. 73).

„Оборотный кредит, в том смысле, как мы употребляем этот термин, заключается (?) в создании кредитных денег" (там же, стр. 81). Эта идея приводит его далее к совершенно неправильному выводу о полной независимости „оборотного кре-

важному обстоятельству: я имею в виду то, что он называет „высвобождением капитала". Указав далее, что отношение рабочего периода к периоду обращения здесь ни при чем, он резюмирует свой взгляд следующим образом: „Высвобождение денег, следовательно, образование скрытого лишь потенциального капитала в денежной форме, конечно, происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, больше намеченных в тексте, и происходит оно в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте". Это совершенно правильное замечание Энгельса нам придется развить более подробно.

Возьмем один из тех примеров Маркса, где, по его мнению, должно происходить высвобождение капитала: рабочий период равен 6 неделям, период обращения 3 неделям, еженедельная затрата 100 ф. ст. Схема Маркса тогда сводится к следующему.

На первый рабочий период затрачивается 600 ф.ст. По истечении 6 недель затраченные средства, превратившись в товар, переходят в сферу обращения, продолжающегося 3 недели. В начале 7 недели необходимо затратить еще 300 ф. ст., чтобы вести производство непрерывно до тех пор, пока не будут реализованы первые 600 ф. ст. Но когда эти 600 ф. ст. в конце 9 недели возвращаются, то продукт, производство которого началось с 7 недели, уже наполовину готов,—для окончания его нужно не 600 ф. ст., а 300 ф. ст. Следовательно, 300 ф. ст. в течение 3 недель остаются свободными, в течение следующих 3 недель вновь завязываются, затем вновь высвобождаются на 3 недели и т. д. Более наглядно это видно на следующей таблице:

Недели	1—3	4—6	7—9	10—12	13—15	16—18	19—21	22—24	25—27	28—30
Свободные средства	600	300	—	300	—	300	—	300	—	300
Затраты . . .	300	300	—		300	300	—		300	300
			300	300	—		300	300	—	
Поступления денег за реализ. товары			↓ 600		↓ 600		↓ 600		↓ 600	

При такой комбинации авансированный капитал должен составить 900 ф. ст., равняясь затратам в течение первых 9 недель до первой реализации. Поэтому в течение первых 3 недель свободные средства составят 600 ф. ст., следующие 3 недели 300 ф. ст. и затем пойдет правильное чередование. Причина этого чередования ясна: поступления денег происходят—начиная с конца 9 недели—через каждые 6 недель, в то время как затраты производятся на трехнедельный период. Это несовпадение и дает периодическое высвобождение (которое, в скобках сказать, было бы еще больше, если бы затраты можно было бы производить каждую неделю по 100, что, очевидно, условиям задачи не противоречит). Однако, такое высвобождение не только необязательно, но может происходить только в исключительных случаях.

В самом деле, если при 100 ф. ст. затрат в неделю от реализации товара получается по 600 ф. ст. через каждые 6 недель, то это может получиться только благодаря тому, что на рынке реализовать меньшего, чем на 600 ф. ст. количества продукта нельзя (потому ли, что он физически представляет собой нечто единое — напр., локомобиль — или по условиям транспорта меньшее количество отправить нельзя — напр., при повагонной отправке железа и т. п.). Но если производственная мощность предприятия оказалась бы (как это обычно и бывает) значительно большей сравнительно с той, которая нужна, чтобы в течение 6 недель произвести на 600 ф. ст. продукции (для нашего примера достаточно ее удвоения), то картина радикально изменилась бы. В самом деле, предположим, что при сохранении того же соотношения между рабочим периодом и периодом обращения производственная мощь предприятия достаточна для производства продукции на 200 ф. ст. в неделю; тогда весь процесс оборота мог бы быть построен следующим образом:

Авансированный капитал первой здесь, очевидно, должен быть равен 1500, т.-е. затратам первых 9 недель (до реализации партии товара), [1] и только в течение первых 6 недель, т.-е. пока авансированный капитал еще не весь затрачен, имеются свободные средства, после этого никакого высвобождения нет. Секрет простой: при этой новой комбинации несмотря на то, что рабочий период продолжается 6 недель, реализация товара происходит в каждые три

Недели	1—3	4—6	7—9	10—12	13—15	16—18	19—21	22—24	25—27
Свободные средства	1200	600	—	—	—	—	—	—	—
Общая сумма затрат	300	600	600	600	600	600	600	600	600
Распределение затрат в процессе производства	300	300	—	300	300	—	300	300	—
		300	300	—	300	300	—	300	300
			300	300	—	300	300	—	300
Поступление денег за реализ. товары				600	600	600	600	600	600

недели, т.-е. сроки этих поступлений точно соответствуют срокам затрат на элементы производительного капитала. Совершенно ясно, что при любом соотношении рабочего периода с периодом обращения, это соответствие может быть достигнуто—при условии достаточной мощности предприятия. Но такая мощность—по крайней мере для промышленных предприятий—является обычной.

Итак, в результате тех или иных соотношений рабочего периода и периода обращения, высвобождение средств будет происходить лишь в исключительных случаях. Тем не менее, свободный капитал в денежной форме всегда будет иметься налицо и притом в довольно больших и довольно сильно изменяющихся размерах.

В самом деле, если мы более внимательно присмотримся к приведенной только что схеме оборота, так же, как и к тем схемам Маркса, где, по его мнению, высвобождения не происходит (напр., при равенстве рабочего периода и периода обращения), то мы заметим одну странную вещь: после того, как производство вполне развернулось (в нашей схеме, начиная с 6 недели), ни одна копейка капитала не находится в денежной форме.[1] Иначе говоря, процесс превращения денег в элементы производительного капитала происходит моментально. Этого, конечно, никогда не бывает.

Ведь ровно с таким же успехом можно было бы предположить, что реализация товара происходит мгновенно,—тогда у нас исчезла

дита" от высвобождения капитала. „При помощи оборотного кредита, как такового, не осуществляется ни перенесение денежного капитала от одного производительного капиталиста к другому, ни приток денег от других (непроизводительных) классов к классу капиталистов, которыми они могли бы быть превращены в капитал. Итак, если оборотный кредит заменяет (?) наличные деньги, то, напротив, такой кредит, функция которого превращает деньги, какова бы ни была форма последних (наличные или кредитные деньги), из бездеятельных денег в функционирующий денежный капитал,—такой кредит мы называем капитальным кредитом" (там же, стр. 82). Впоследствии мы увидим, насколько в корне неправильно считать капитальным кредитом всякий кредит, возникающий на основе превращения „бездеятельных денег в функционирующий денежный капитал".

[1] Кстати, интересно отметить, что размер авансированного капитала будет здесь относительно меньше, чем в первом примере: увеличение еженедельной продукции вдвое (200 против 100) дает увеличение авансированного капитала только в $1^2/_3$ раза (1500 против 900).

[1] За исключением разве только переменного капитала, предназначенного на выплату заработной платы, если притом последняя происходит в короткие сроки.

бы и товарная форма капитала. И дело здесь не только в том, что технически невозможно продать сразу товар или сразу на вырученные деньги купить сырье, топливо и т. п. Главная причина заключается в том, что пропорции, в которых капитал распадается на производительный, товарный и денежный, не остаются постоянными даже на протяжении одного года.

Возьмем для примера предприятие, вырабатывающее льняные ткани. Потребление их резко усиливается к летнему сезону, и в этот период происходит усиленная реализация. Но это означает, что зимой это предприятие усиленно работает на склад. Несоответствие между ходом производства и ходом реализации создает здесь относительное увеличение капитала в товарной форме. Вместе с тем, заготовка основного сырья—льна—производится осенью при сборе урожая. Следовательно, в течение всего года часть денег, выручаемых от продажи, должна откладываться для этой операции. Несоответствие сроков реализации товара со сроками закупки элементов производительного капитала создает необходимость периодического увеличения части капитала, находящейся в денежней форме, и притом независимо от того, в какую сторону создастся это несоответствие.

Если товар реализуется мелкими партиями, а закупка сырья, напр., производится крупными, то из мелких выручаемых сумм часть должна откладываться для этой крупной закупки. Наоборот, если товар реализуется только крупными партиями (напр., при изготовлении фермы жел.-дор. моста), а закупка (напр., металла) может производиться частями по мере хода работы, то выручаемая сумма будет тратиться постепенно и остатки ее будут находиться в денежной форме. Периодическое высвобождение капитала обусловливается, таким образом, совсем не специфическими отношениями между рабочим периодом и периодом обращения: оно зависит от того, совпадают или не совпадают, и насколько не совпадают моменты превращения товара в деньги с моментами превращения денег в элементы производительного капитала. Масштаб этого несовпадения (ибо несовпадение будет общим правилом, а совпадение—исключением) все время будет меняться даже на протяжении года, обусловливаясь сезонностью потребления, с одной стороны, и сезонностью целого ряда производств—в первую очередь сел.-хоз. производства—с другой.[1] Это несоответствие—все время меняющееся—сроков продаж и сроков закупок и создает неизбежность очень значительных высвобождений денежного капитала в различные сроки для различных предприятий.

[1] В данной связи мы совершенно отвлекаемся от роли торгового капитала, который смягчает для промышленного капитала эти неизбежные колебания. Ясно, однако, что если бы мы ввели этот элемент, то ничего принципиально нового это нам не дало бы, ибо высвобождение и завязывание денежного капитала только перешло бы в той или иной степени в сферу капитала торгового.

Таким образом, не говоря уже о товарных запасах, даже размер производственных запасов предприятия обусловливается не только техническими условиями его производства, но в огромной степени условиями производства в других предприятиях и отраслях народного хозяйства. Поэтому если мы будем исходить из предпосылки более или менее равномерного хода производства в данном предприятии (а всякое предприятие стремится к такой равномерности и обычно достигает ее, если нет непреодолимых естественных условий, напр., условий вегетации растений), размер ценностей, находящихся у него в материальной форме (в форме производственных и товарных запасов), будет испытывать значительные колебания. Размер той части капитала, которая завязана в этих материальных ценностях, и будет выражать собой напряжение его капитала.

Для каждого предприятия при нормальном ходе всего общественного производства эмпирически можно определить минимум и максимум такого напряжения. Спрашивается, чему должен соответствовать авансированный капитал его при отсутствии кредита?

Ответ ясен—моменту максимального напряжения, ибо в противном случае оно в этот момент оказалось бы в безвыходном положении. Но такой размер авансированного капитала неизбежно приводил бы к тому, что во все те моменты, когда напряжение ниже максимального, в предприятии оказывалась бы праздно лежащая часть капитала в денежной форме. Отсутствие таких свободных средств для всех предприятий было бы не правилом, а исключением. Следовательно, очень крупная часть материального богатства должна была бы все время находиться в непроизводительной форме денег.[1] Этот дефект устраняется системой краткосрочного, в частности вексельно-товарного, кредита.

Исследуя в 15 главе II тома „Капитала" вопрос о высвобождении капитала, Маркс замечает:

„Денежный капитал, высвобождающийся, таким образом, вследствие одного только механизма движения оборотов, играет значительную роль и, когда развивается система кредита, является одной из основ для нее" („Капитал", т. II, стр. 251). Это замечание ни в коем случае, однако, нельзя понимать упрощенно—в том смысле, что все свободные средства, которые должны образовываться при условии отсутствия кредита, становятся ссудным капиталом. Переход к

[1] Здесь же кстати отметим, что такая бескредитная система дала бы нам наиболее классическую и прозрачную форму баланса предприятия. В пассиве, определяющем источники той ценности, которая завязана в предприятии, была бы единственная статья—собственный капитал. Актив дал бы нам точное описание тех форм, в которых находится в данный момент эта ценность: а) производительного капитала (имущество и материалы), б) товарного капитала (готовые товары) и в) денежного капитала (касса). Впоследствии мы увидим, как дифференцируется, затушевывается и искажается эта основная формула баланса с развитием системы кредита.

кредитной системе, базирующейся на высвобождении капитала, обратно действует и на самый размер высвобождения—в сторону его уменьшения.

В самом деле, при возможности получения кредита нет уже никакой надобности авансировать капитал в размере, соответствующем его максимальному напряжению. Моменты этого максимального напряжения ни в коем случае не могут совпадать для всех предприятий. Высвобождающиеся в одних предприятиях денежные средства могут служить теперь для временного подкрепления других предприятий. Размер авансированного капитала приближается к размеру, соответствующему уже не максимальному, а среднему напряжению. [1] Но если это так, то и размер свободных средств предприятия будет определяться уже не разницей между данным и максимальным напряжением, а только между данным и средним напряжением. [2] Эти высвобождающиеся у одних предприятий средства являются источником пополнения того недостатка средств у других предприятий, напряжение которых в данный момент превышает среднее. Вексельный кредит является одной из важных (но не единственной) формой, благодаря которой происходит это временное переливание средств из одних предприятий в другие.

Вернемся к нашему примеру об обороте векселя между предприятиями A, B и C. Теперь чудо сокращения авансированного капитала у всех трех предприятий благодаря переходу к расплате векселем вместо денег об'ясняется вполне рационалистически. Все они обладают теперь капиталом, соответствующим среднему напряжению их производственных и товарных запасов. Если предприятие B покупает у A элементы своего производительного капитала в кредит,

[1] Мы говорим „приближается", а не „сводится" потому, что самый размер материальных элементов в виде готовых продуктов и производственных запасов во всем общественном производстве не остается в течение года постоянным благодаря сезонности ряда производств (в первую очередь, сельского хозяйства). Поэтому в определенные моменты (напр., в момент сбора урожая) сумма напряжений капиталов всех предприятий будет выше суммы средних годовых их напряжений. А между тем совершенно очевидно, что общая сумма авансированных капиталов должна ориентироваться на то среднее напряжение всех капиталов, которое получается в наиболее неблагоприятный момент. Это замечание необходимо иметь в виду во всех тех случаях, когда мы в дальнейшем будем говорить о „среднем напряжении".

[2] Если бы мы предположили, что с переходом к системе кредита размер авансированного капитала остается прежний, т.-е. соответствующий максимальному напряжению, то все свободные денежные средства никакому из наших предприятий при данном размере их производства оказались бы ненужными. Поэтому они могли бы быть использованы лишь для основания новых предприятий или расширения прежних. Повидимому, это чисто гипотетическое предположение и сбивает с толку Гильфердинга, в теории высвобождения капитала „ортодоксально" следующего за Марксом, когда он считает, что высвобождение капитала является базой капитального, а не краткосрочного кредита (см. примечание на стр. 100).

то это происходит потому, что у него в данный момент напряжение выше среднего и, следовательно, своего капитала нехватает. Предприятие же A, наоборот, находится в периоде напряжения ниже среднего, и поэтому если бы оно продало свой товар за наличные, то полученные деньги осели бы в его кассе без употребления. Но возможен и другой случай (кстати сказать, наиболее часто встречающийся): A, в свою очередь, не имеет свободных средств для кредитования B или имеет их частично. Тогда он может оплатить векселями B или частью этих векселей товары, которые ему нужно приобрести от C. В таком случае фактическим кредитором B явится C или же A и C в соответствующих долях. Тогда тот, на первый взгляд несуразный случай, когда A имеет в качестве должника B и на такую же сумму является должником C, становится вполне рациональным. Это значит, что напряжение капитала A как раз среднее, напряжение капитала B выше среднего, а напряжение капитала C ниже среднего. Но так как по условиям производства B в нашем примере является покупателем у A, а A является покупателем у C, то свободный капитал C может при системе товарного кредита попасть к B только через посредство A. То обстоятельство, что A кредитует B на такую же сумму, на которую он сам кредитуется у C, и выражает то, что он является посредником между обоими своими контрагентами, связующим каналом между этими двумя сосудами с разным уровнем денежной жидкости, каналом, без посредства которого переливание произойти не могло бы, звеном той общей цепи, которой связаны все наши предприятия. Сложная цепь обращения векселя как раз и приспособлена к тому, чтобы высосать из каждого звена образующиеся излишние средства и тем сократить размер совокупной части денежного капитала.

Но вместе с тем совершенно ясно, что это сокращение возникло не из „простого изменения функции денег", не из сокращения количества денег, потребных для обращения товаров, как думает Гильфердинг, [1] а из использования одним предприятием высвобождающихся средств другого. Ведь уже и сейчас ясно, что тот же результат мог бы быть достигнут и другим путем—без посредства векселя, как средства обращения: если бы предприятие C вместо того, чтобы давать свой товар в кредит A, получило бы с него наличными, и эту сумму в денежной форме ссудило бы B, взяв с него просто долговую расписку. Банковская система учета векселей и текущих счетов и представляет собой ту сложную форму, в которой система денежного и товарного кредита переплетаются, взаимно гарантируя друг друга.

[1] „Значит, деньги здесь сохранены, а так как эти деньги должны бы быть дополнительным денежным капиталом в руках производительных капиталистов, то для последних тем самым оберегается денежный капитал" (Гильфердинг. „Финансовый капитал", стр. 73).

В кратком резюме итоги развития товарно-вексельного кредита, т.-е. такой кредитной системы, когда денежная форма промышленного капитала еще не обособилась в самостоятельный вид ссудно-денежного капитала, сводится к следующему: 1) размер авансированного капитала приближается к размеру, соответствующему моменту среднего его напряжения, вместо максимального, это сокращение авансированного капитала происходит за счет сокращения денежной его части; 2) сама эта денежная часть принимает усложненную форму: она дифференцируется на наличные деньги и векселя.[1] Соответственно этому усложняется и пассив предприятия, где на ряду с собственным капиталом появляется и заемный капитал, но пока еще в очень непостоянной и текучей форме; 3) в денежном обращении наряду с деньгами начинают фигурировать в качестве средств обращения и векселя, при чем деньги все более превращаются из средства обращения в платежное средство.

Особенно нужно отметить параллелизм в дифференциации средств обращения и платежа, с одной стороны, и денежной формы капитала—с другой. На последующих стадиях развития кредита мы встретимся с ним снова.

III

При вексельном кредите ссуда производится товаром. С сужающее предприятие при посредстве ссуды производит самую реализацию своего товара, превращая свой товарный капитал вместо денег в векселя. Однако, мы уже отмечали, что возможна и другая форма ссуды, при которой момент реализации товара и момент ссуды разделяются между собой: ссужающее предприятие может сначала реализовать свой товар, а затем полученные средства выдать в ссуду. Но пока мы остаемся в пределах взаимного кредита, оказываемого друг другу промышленными предприятиями, такая форма не может получить значительного распространения. Для этого у промышленного капиталиста, специальностью которого является его производство и реализация своего товара, надо было бы предположить такое знание дел такого круга клиентов, которого у него быть не может. Лучше всего он знает положение того предприятия, которое является для него покупателем его товара и с которым поэтому ему чаще всего приходится соприкасаться. Именно поэтому,

[1] Но не только дифференцируется. Если как в нашем примере A кредитует B и сам кредитуется у C, то в его пассиве и активе появятся две, равные по величине статьи „кредиторов" и „дебиторов". Обе эти статьи не будут иметь ни малейшего отношения к ходу производственного процесса предприятия A—они выражают только то, что A был посредником в кредитовании B со стороны C. Актив предприятия A уже не будет соответствовать общей сумме ценностей, находящихся в форме производительного, товарного и денежного капитала в этом предприятии—он будет больше ее. Для того, чтобы привести баланс в соответствие с действительным состоянием производственного процесса, нам нужно сальдировать эти статьи. Покрывающаяся сумма дебиторов и кредиторов является первым зачатком фиктивного капитала.

если в нашем прежнем примере дело и сводилось в окончательном итоге к тому, что капиталист C кредитовал B, то ему удобнее было это сделать, кредитуя непосредственно своего постоянного покупателя A, с тем, чтобы этот последний уже кредитовал, в свою очередь, своего постоянного покупателя B. Пока специальностью капиталиста является производство, знание положения дел других капиталистов дается ему только в порядке установления торговых связей. А тогда соединение акта продажи с актом ссуды является совершенно естественным.

Наоборот, при денежной ссуде обязательно знание дел клиента независимо от торговых связей с ним. Но это знание становится возможным лишь при том условии, если ссужающий деньги капиталист делает это своей специальностью, во-первых, и, во-вторых, если он застраховывает себя тем, что имеет дело не с одним, а с многими предприятиями. Превращение денежной формы капитала в особый вид денежно-ссудного капитала и концентрация этого капитала, достигающая такой степени, что денежный капиталист может иметь дело с обширным кругом клиентов, является необходимой предпосылкой развития денежно-ссудных операций. Именно поэтому они и становятся в развитом виде функцией банков.

Какие изменения развитие денежной ссуды производит во взаимном кредите, оказываемом промышленными капиталистами друг другу? В первой стадии все остается в общем и целом по прежнему: аппробация векселя со стороны капиталиста, продающего свой товар в кредит, является и для денежного капиталиста немаловажной гарантией надежности его ссудной операции. Но теперь вексель уже не должен ходить из рук одного промышленного капиталиста в руки другого до тех пор, пока он не дойдет до того предприятия, у которого должны высвободиться денежные средства. Пройдя через одни или несколько рук, он попадает в банк, хотя бы на его пути и не встретилось готового высвободиться в денежной форме капитала. Но это означает, в свою очередь, что предприятие, у которого должны высвободиться денежные средства, далеко не всегда найдет то предприятие, которое избавило бы его от этого высвобождения, взявши у него товар в кредит. Ясно, что по мере того, как движение векселя заворачивает в сторону банка, в том же направлении должны заворачивать и высвобождающиеся деньги, образуя в банках центральный резервуар денежных средств, которые уже оттуда вновь растекаются по разным направлениям. Таким образом, сложная сеть, переплетающаяся в разных направлениях, соединяющая одно предприятие с другим, превращается в стройную систему магистралей, идущих от промышленных предприятий к общему банковскому резервуару и обратно. Это дает всей системе гораздо большую эластичность, но вместе с тем в случае нарушения правильности

циркуляции денег по этим каналам создает вместо разбросанных местных катастроф—всеобщую катастрофу.

Было бы, однако, грубой ошибкой считать, что эта система центральных магистралей с общим резервуаром, где скопляются высвобождающиеся денежные средства, уничтожает прежнюю сеть, связывающую между собой отдельные предприятия. Последняя, как мы видели, сохраняется, но играет при новой системе роль, с одной стороны, так сказать, фильтровых каналов (поскольку банк учитывает обычно векселя предприятия лишь в том случае, если они прошли через руки другого или нескольких других предприятий), а с другой—резервных, которые начинают усиленно функционировать тогда, когда основная система начинает работать слабее. Очень характерный пример этого мы видели в последние месяцы, когда наш Государственный банк начал усиленно зажимать размер своих операций по учету векселей.

С половины ноября 1925 г. задолженность наших промышленных предприятий—благодаря политике Госбанка, вызывавшейся опасениями инфляции—росла весьма медленно: по 83 крупнейшим торгово-промышленным об'единениям на 15 ноября она составляла 465,6 м. р., к февралю поднялась до 479,5 м. р. и к апрелю вновь снизилась до 469,9 м. р., т.-е. увеличилась за весь этот период только на 0,9%. Краткосрочное же кредитование промышленности, несомненно, не только не возросло, но и значительно сократилось. Текущие счета тех же об'единений дали за этот же период прирост с 85,9 м. р. до 106,5 м. р. или на 24%. Зато векселя, находящиеся в портфеле этих об'единений (не учтенные банками), возросли колоссально—со 139,5 м. р. до 214 м. р., на целых 53%, и почти в такой пропорции—на 55%—возросла их наличная касса (с 20,2 м. р. до 31,5 м. р.). Это как раз означало, что искусственная закупорка основной системы тотчас же привела в действие резервную сеть, сократив приток свободных средств в банк за счет усиления внутреннего товарного кредита между этими предприятиями, и зажатие кредита в значительной мере оказалось фиктивным.[1]

Таким образом, выделение нового вида капитала,—денежно-ссудного,—через посредство которого концентрирующиеся в нем свободные денежные средства промышленных предприятий растекаются в другие предприятия, где напряжение капитала превосходит среднее, вносит следующие новые моменты сравнительно с системой товарного кредита: 1) если система товарного кредита предотвращает высвобождение капитала в денежной форме путем продажи товара в кредит, а не за наличные, то при новой системе высвобождающиеся средства концентрируются в банках в виде текущих счетов;

[1] Так же, как и сокращение эмиссии. Если денежная масса сократилась за этот период на 60 слишком м. р., то обращение векселей усилилось на 70 м. р. А ведь вексель тоже является средством обращения, о чем постоянно забывают.

2) значение обращения векселя сводится только к получению дополнительной гарантии для банка, а не к отысканию среди всех предприятий, через руки которых он проходит, таких, у которых денежные средства готовы высвободиться; 3) балансы предприятий еще более усложняются: если раньше денежная часть их капитала фигурировала в формах наличных денег и векселей, то теперь часть их выделяется в виде текущих счетов.

Поскольку на текущие счета притекают только высвобождающиеся денежные средства, т.-е. превышающие тот размер денежного капитала, который необходим предприятию для бесперебойного производства платежей, новая система меняет только способы пользования этих средств и тот путь, по которому они перетекают в предприятия с недостаточными в данный момент денежными средствами, не создавая никакой дополнительной экономии в совокупном денежном капитале сравнительно с той, которая получается при системе товарного кредита. [1] Однако, система текущих счетов влечет за собой еще одно изменение: банки становятся кассирами предприятий — в них сосредоточиваются не только те денежные средства, которые предприятие могло бы само отдать в ссуду, но и те, которые оно при отсутствии банков держало бы у себя в кассе в денежной форме. Эта новая функция банков, с которой связано появление чека, требует особого рассмотрения.

(Продолжение следует)

---

[1] Если не считать того, что при системе товарного кредита, как менее эластичной, чаще возникают случаи, когда готовые высвободиться средства не могут быть отданы в ссуду путем продажи товара в кредит. Но в этом отношении система банковско-денежного кредита лишь делает практически достижимым тот максимум экономии, который теоретически возможен и при системе товарного кредита.

Г. Гордеев

К проблеме индустриализации сельского хозяйства[1]

Проблеме индустриализации страны в целом и сельского хозяйства в частности уделяется много внимания как в печати, так и в подлежащих учреждениях Союза. Резолюция XIV С'езда Партии еще более увеличила интерес широких кругов к этому вопросу. То, что проблема индустриализации так широко обсуждается, не является, конечно, случайным. Наметившиеся послереволюционные хозяйственные сдвиги в народном хозяйстве вообще и в сельском в частности ставят проблему индустриализации на одно из первых мест. Результаты происходящего обсуждения, несомненно, будут иметь непосредственно практическое значение, почему и необходимо получить правильное решение вопроса индустриализации сельского хозяйства.

Если мы обратимся к вопросу индустриализации страны в целом, то здесь общая директива, общее направление уже даны решением XIV С'езда Партии в следующих выражениях: „Необходимо обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения ее в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего—держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства (разрядка моя) и образование резервов для экономического маневрирования".

Данная резолюция имеет прекрасную иллюстрацию: диаграмму развития народного хозяйства Соединенных Штатов, приведенную т. Кржижановским в его докладе на С'езде Госпланов.[2]

В то время как сельское хозяйство Соединенных Штатов за двадцать лет выросло до 130%, вся промышленность за тот же период увеличилась свыше чем на 250%, а отдельные отрасли превысили даже 550%. Интересно положение пищевой промышленности. Она заняла среднее место между быстро растущей промышленностью и относительно медленно развивающимся сельским хозяйством. Развитие пищевой промышленности зависит от роста и сельского хозяйства и промышленности. Она является одним из приводных ремней, соединяющих промышленность и сельское хозяйство, поэтому вполне закономерен средний темп ее развития. Если мы примем относительный темп роста отраслей народного хозяйства Соединенных Штатов за примерный для индустриализирующейся страны, то мы вынуждены будем сосредоточить усиленное внимание на машиностроительной отрасли с тем, чтобы обеспечить наиболее быстрое ее развитие. Следовательно, в вопросе реорганизации промышленности существует относительная ясность, и трудности лежат в выяснении

[1] В порядке обсуждения.

[2] См. „План. Хоз.", № 4, 1926 г., стр. 25.

деталей, точных пропорций между различными отраслями на что, конечно, потребуется некоторое время.

Когда мы подходим к вопросу индустриализации сельского хозяйства, то прежде всего мы сталкиваемся с большой неясностью, граничащей с теоретической путаницей в самом понятии индустриализации сельского хозяйства. Из многочисленных докладов, прочитанных в различных учреждениях, видно, что до сих пор еще не выработалось общепринятого понимания. Всякий новый доклад только умножал уже существующие определения. При этом расхождения в выработанных определениях заключались не только в форме, но и в существе.

Вследствие такой разноголосицы, проблема индустриализации сельского хозяйства нуждается не только в детализации, но и в постановке вопроса, в анализе самого понятия. Без такого предварительного разбора дальнейший анализ будет затруднен, так как необходимо еще условиться, о чем будет итти речь.

Имеющиеся в моем распоряжении определения индустриализации частью уже напечатаны, а частью изложены в тезисах, предложенных при чтении отдельных докладов на эту тему. Поскольку последний вид документов подвергся обсуждению, мы считаем возможным и их привлечь для выяснения достижений и ошибок при установлении понятия индустриализации сельского хозяйства.

Для начала остановимся на определении тов. Дунаевского. В своей статье в „Плановом Хозяйстве" № 11 (стр. 33—50) он неоднократно говорит об „индустриализации полеводства", „зернового хозяйства", вкладывая в это понятие процесс механизации, а точнее тракторизации.

Таким образом, по тов. Дунаевскому механизация сельского хозяйства и есть индустриализация. Тов. Дунаевский не задался вопросом, какая же разница существует между двумя приведенными понятиями и зачем, собственно, потребовалось вводить новый термин при наличии удовлетворительного старого понятия.

Гораздо шире Дунаевского ставит вопрос Я. Н. Куприц, сообщивший в специальном докладе в Совете С'ездов государственной промышленности и торговли, „что правильнее было бы рассматривать индустриализацию сельского хозяйства, как совокупность всех применяемых в сельском хозяйстве и заимствованных у индустриальной промышленности технических методов работы, опирающихся, преимущественно, на применение механической силы двигателей и имеющих целью повышение товарности сельской продукции".

Определение тов. Куприца, как будто простое, совершенно неправильно теоретически, так как под понятием индустриализации Куприц об'единяет механизацию, интенсификацию, холодильное и элеваторное дело, первичную переработку и механизацию кустарных промыслов. Получается настоящий Вавилон. В самом деле, что общего у индустриализации сельского хозяйства с механизацией так называемых кустарных промыслов? Затем, интенсификация сельского хозяйства связана с его индустриализацией, однако, отождествлять эти оба понятия было бы совершенно неправильно. В определении смешаны понятия самих процессов и цель, ради которой эти про-

цессы производятся. В целом, приведенное определение, сильно страдая эклектизмом, совершенно неудовлетворительно теоретически. Еще менее удовлетворительно определение индустриализации, данное проф. Батюшковым. Вот оно: „Под индустриализацией сельского хозяйства надо понимать его интенсификацию за счет его построения на основах промышленных предприятий по производству сырья надлежащего качества (технического или кормового), организации в местах производства сырья—его переработки, внутрихозяйственного использования отбросов, получаемых при технологических процессах, а также введение в хозяйственный оборот машинизации, механизации (тракторизация, электрификация), химификации (искусственные удобрения и средства борьбы с вредителями), применения средств поднятия товарности вырабатываемых продуктов (фригоризация, сушка, консервирование, организация мест хранения) и улучшения транспорта как внутрихозяйственного, так и по вывозу получаемой продукции, организации улучшенных путей сообщения, механического транспорта и пр.".

В приведенном определении есть все, кроме точного понятия индустриализации сельского хозяйства. Смешение интенсификации сельского хозяйства с индустриализацией дает нам право говорить об определении проф. Батюшкова, как о несоответствующем существу индустриализации. В свое определение проф. Батюшков вносит, в отличие от тов. Куприца, новый момент, исторически и теоретически неправильный: переработка с.-х. сырья в местах его производства. Это связывается у него дальше в своеобразный комбинат, принципы построения которого противоречат всем существовавшим до сих пор законам экономики и техники народного хозяйства.

Кроме перечисленных определений мы имеем еще одно, данное проф. А. А. Мануйловым. Оно сводится к следующему: „Под индустриализацией сельского хозяйства следует понимать процесс перехода от сельскохозяйственного предприятия в индустриальное некоторых производственных процессов". Здесь заложена принципиально иная основа, чем в ранее приведенных определениях. Проф. А. А. Мануйлов предполагает отрыв от сельскохозяйственных предприятий отдельных операций. Таким образом, индустриализация сельского хозяйства мыслится им, как непрерывный процесс отпочкования отдельных процессов в области переработки продуктов сельского хозяйства. Подобное построение нельзя не признать правильным. Предыдущие авторы кроме неправильной генерализации под индустриализацией сельского хозяйства понимали заимствование сельским хозяйством методов промышленности. При этом заимствование происходит путем организации в сельскохозяйственных предприятиях—перерабатывающих предприятий, и в результате создаются самодовлеющие комбинаты, производящие сырье и перерабатывающие его. Как логическое завершение подобных народнических построений возникает вопрос, какое же место займет городская промышленность в будущем строительстве народного хозяйства Союза, раз она должна быть распределена по отдельным с.-х. предприятиям.

Определение проф. А. А. Мануйлова выгодно отличается от определений т.т. Куприца и Батюшкова. Однако, и А. А. Мануйлов не

оказался верным ему до конца. Уточняя вопрос об индустриализации, он говорит, что в результате процесса должна образоваться особая „с.-х. индустрия". „Наиболее правильным,—говорит он,—является понимание с.-х. индустрии, как отрасли промышленности, перерабатывающей с.-х. сырье, получаемое непосредственно из с.-х. предприятия и передающее свой продукт или на рынок (маслоделие) или в другие отрасли промышленности для дальнейшей переработки (первичная обработка льна, картофелетерочное производство)". В этом пункте и заключается грехопадение проф. Мануйлова. В самом деле, что это за особая с.-х. индустрия? Мы имеем довольно точно обозначившееся деление на промышленность, сельское хозяйство, транспорт и др. Когда проф. Мануйлов в отличие от промышленности вообще вводит для с.-х. индустрии ограничение—непосредственную связь с с.-х. предприятием, из которого получается сырье,—он этим только удаляется от намеченного вначале правильного решеняя. Связь перерабатывающего с.-х. сырье предприятия с сельским хозяйством вообще может быть только формальным моментом, который может оказаться в наличности не только у с.-х. индустрии, но и у различных отраслей промышленности. Множество предприятий, перерабатывающих с.-х. сырье, вовсе не связаны локально с сельским хозяйством. Например, завод Северопатоки в Рыбинске питается кукурузой с Украины и Северного Кавказа. Будучи локально разорванным с сельским хозяйством, завод связан с ним по сырью, которое он перерабатывает. Выдвигая первый момент, проф. Мануйлов запутывает понимание индустриализации сельского хозяйства и сближается на этом основании с двумя вышеотмеченными авторами в вопросе индустриализации сельского хозяйства. Кроме того, самый термин сельскохозяйственная индустрия весьма похож на выражение—жареный лед или что-либо подобное. В интересах ясности анализа понятия бесполезно усложнять установившееся разделение народного хозяйства введением специального отдела.

Совершенно правильно ставит вопрос сельскохозяйственной индустриализации проф. Лященко, когда он пишет, „что проблема индустриализации сельского хозяйства является лишь частью проблемы индустриализации всего народного хозяйства" („Эконом.Обозр.", март 1926 г., стр. 16). Поскольку сельское хозяйство составляет лишь часть народного хозяйства, постольку очевидно, что его индустриализация немыслима вне связи с индустриализацией страны. Всякие проекты переворота в сельском хозяйстве в кратчайший срок, игнорируя развитие промышленности, являются плодом творчества иллюзионистов, число которых в наши дни становится все меньшим.

Прав также проф. Лященко, когда он пишет, что „наиболее тесная связь между развитием народного хозяйства в целом и сельским хозяйством и с наиболее важными для самого сельского хозяйства последствиями устанавливается при индустриализации сельского хозяйства в тесном смысле слова" (там же, стр. 18).

К приведенному мы добавим некоторые дополнительные раз'яснения. Об'яснения особенно необходимы ввиду разногласий, существующих в вопросе об индустриализации сельского хозяйства.

Чтобы прояснить несколько вопрос об индустриализации сельского хозяйства, разберем его исторически.

До развития городской промышленности сельское хозяйство было доминирующим видом хозяйственной деятельности населения. Домашняя промышленность была связана и формально и по существу с сельским хозяйством. Земледелец в силу необходимости должен был быть мастером на все руки. Только постепенно, с ростом производительности труда и увеличением разделения труда обособились кузнецы, сапожники, плотники и др. С течением времени, отмеченные ремесла группируются в городах, где происходит дальнейшая дифференциация городского ремесла. Процесс роста ремесла был, однако, медленный. „В XIII—XV столетиях существует немного городов, имеющих более 10—20 признанных ремесленных союзов... Для Парижа 1760 года Савари насчитывает 120 обособленных промышленных корпораций" (Шмоллер. „Народное Хозяйство", 1902 г., стр. 302). Однако, постепенно разделение труда развивалось, в результате чего, напр., универсальные кожевники разбились на сапожников, сыромятчиков, сумочников и т. д. (там же, стр. 304).

Конкуренция городских ремесел разлагала домашнюю промышленность, отрывая от нее одну часть за другой. Описанный процесс оставлял неизгладимый след на сельском хозяйстве. Однако, „полное отделение промышленности от земледелия производит только крупная машинная индустрия" (Ленин, т. III, 1925 г., стр. 436).

Одной из первых отраслей, отщепившихся от домашней промышленности, оказалась текстильная, затем кожевенная и с значительным опозданием за ними следует пищевая. Происходила непрерывная борьба индустрии с домашней промышленностью. Рост производства средств производства с неизбежностью требовал себе соответствующего дополнения со стороны легкой промышленности и, в частности, отраслей, перерабатывающих с.-х. сырье. Пример Соед. Штатов показывает, как пищевая и текстильная тянутся за развитием стальной и электротехнической отраслей промышленности.

С развитием техники в индустрии оказалось возможным организовать совершенно неизвестные раньше отрасли, как сахароварение, винокурение, сыроварение, производство крахмала и т. д. Происходила индустриализация сельского хозяйства („Индустриализация земледелия", Ленин, там же, стр. 480).

Если текстильная и сахарная промышленности дошли до сравнительно крупных размеров и построены на относительно совершенном техническом базисе, то пищевкусовая промышленность представляет из себя пестрый состав, где наряду с крупными, технически современно оборудованными предприятиями существует масса мелких и даже кустарных предприятий. Большинство мелких предприятий расположено в районе с.-х. предприятий и связано с ними. Последние обстоятельства препятствуют ясному пониманию существа индустриализации сельского хозяйства.

Ленин, споря с народниками, писал, что „капитализм предполагает полное отделение предприятий земледельческих от промышленных. Но откуда следует,—спрашивал он,—что это отделение не допускает соединения наемной работы земледельческой и промышленной? Во всяком развитом капиталистическом обществе мы видим такое соединение" (там же, стр. 255). В этом отрывке Ленина заключается весь смысл понимания процесса индустриализации сельского хозяйства.

Прежде всего, отрывается ряд операций от сельского хозяйства, затем создаются новые отрасли на технической основе развитой промышленности. Некоторые предприятия, подчиняясь законам стандартизации, оказываются локально связанными с сельскохозяйственными предприятиями, некоторые предприятия этой локальной связи не имеют. Например, фабрикант стремится строить предприятие в районе дешевого труда. Это стремление еще более укрепляется, если к дешевизне рабочей силы прибавляются транспортные преимущества. Например, сахарный завод может получить сахарную свеклу только из близлежащих хозяйств; то же самое наблюдается с картофельно-терочной промышленностью и другими. Следовательно, при наличии указанных выгод при прочих равных условиях промышленное предприятие разместится в районе сельскохозяйственного предприятия. Разговоры на этом основании о существовании особой с.-х. индустрии основаны на теоретическом недоразумении.

Реальный процесс индустриализации сельского хозяйства происходит в связи с индустриализацией народного хозяйства страны и только, как исключение, в связи с ростом экспорта в небольших странах (Дания), развитие народного хозяйства выражается не только в развитии металлургии и машиностроения, но и текстильной, пищевой и др., ближе связанных с сельским хозяйством отраслей. Развитие промышленности в целом оказывает гигантское влияние на прогресс сельского хозяйства, при этом влияние отраслей, перерабатывающих с.-х. сырье, сказывается еще заметнее и проявляется многограннее.

Процесс захвата отдельных операций сельского хозяйства индустрией происходит неравномерно. Некоторые отрасли индустрии создаются за счет крестьянских накоплений с незначительными ссудами банков. Таким образом, организованные отрасли по переработке оказываются мелкими с наличием примитивного технического оборудования. Нередко специальными мерами финансовой политики царское правительство поощряло мелкие заводы в ущерб крупным (винокурение). Кроме того, после каждого перерабатывающего предприятия остаются отбросы, полезные в сельском хозяйстве. Все это дает ряду экономистов основание защищать мелкие предприятия, т.-е. такие предприятия, которые существовали бы в качестве придатков к крестьянскому хозяйству. В попытках обосновать свои построения указанные экономисты ссылаются на зарубежные примеры, при этом производят насилие над фактами. Как образец такого насилия можно привести заявление тов. Куприца о том, что Соединенные Штаты переходят к мелким мельничным установкам вместо крупных. (Я. Н. Куприц. „О путях индустриализации сельского хозяйства", стр. 4).

Подобное заявление особенно странно, если мы примем во внимание, что в 1922 г. только 5% всего перемола падало на мел-

кие фермерские мельницы. 95% перемалывалось на крупных промышленных мельницах, создавших себе репутацию на мировом рынке. И нет никаких указаний на то, чтобы наблюдалась какая-либо тенденция замещения крупных мельниц мелкими. Зато обратные указания составляют обычное явление экономической жизни Соединенных Штатов (см. Commerce Jearbook 1922. Paqe 192).

Вопрос о размере предприятий настолько существенен, что мы должны остановиться на нем подробнее. Не имеется ли в самом деле таких выгод за мелким предприятием, которые уничтожали бы выгодность крупных предприятий? В нашем распоряжении имеется ряд данных Америки, указывающих на то, что „высоко-автоматические машины, тщательное разделение труда в большинстве предприятий пищевой промышленности понизили издержки производства до минимума" (Commerce Jearbook. 1922. Paqe 179).

Здесь же отмечается технический прогресс в наиболее отсталой отрасли—пищевой; подобное же заявление предпослано обзору каждой отрасли, перерабатывающей с.-х. сырье в Америке (Ibidem. 1922, Paqe 211).

Из немецкой практики мы почерпаем данные о значительных преимуществах опять-таки крупных предприятий. (Die Betriebslehre. Von G. Krafft, 1920, Seife 167; E. Daviq. Sozialismus und Landwirtschaft, 1922, Seite 347.)

Бринкман, например, заявляет, что „крупное предприятие по переработке картофеля на спирт работает с меньшими издержками, чем мелкое предприятие" (Т. Бринкман. „Экономические основы организации с.-х. предприятий", стр. 143).

Русская практика представляет нам еще более убедительные доказательства о преимуществах крупных технических совершенных предприятий. Возьмем, как пример, сахарную промышленность. Оказывается, что работая сто суток в году и получая выхода сахара 60 фунтов на берковец, различные заводы дают различную стоимость товара. Это мы можем видеть из следующей таблицы:

Переработка в берковцах в сутки	При 100% нагрева пуд сахара стоил	При 25% нагрева пуд сахара стоил	Примечание
1.000	2 р. 79 к.	6 р. 47 к.	„Перспективный план развития сахарной промышленности". 1925. Изд. Сахаротреста. Стр. 54
3.000	2 „ 05 „	3 „ 57 „	
5.000	1 „ 94 „	3 „ 07 „	
7.000	1 „ 93 „	2 „ 99 „	
8.000	1 „ 92 „	2 „ 92 „	

При понижении стоимости сахара его удешевление происходит не только за счет рабочей силы, но и за счет лучшего использования сырья с одновременным повышением качества товара. В нашей сахарной промышленности в среднем получалось сахара в 1881—84 гг. только 8% веса свеклы, в 1910—14 гг.—13,4% (там же, стр. 178). На немецких заводах получается сахара около 18% (Fr. Aereboe. Die Erschliessung des Erdballs, Seite 6).

Весьма любопытны также данные по маслобойной промышленности. Благодаря различию технического оборудования немецкие заводы производят масло дешевле русских заводов на 84 к. на пуд. При таком положении немецкие заводчики платят за наше сырье на 150% дороже, а выделанное из того же сырья масло продают на 5% дешевле нашего экспортного (Попов и Шерков. „Положение и перспективы маслобойной промышленности". 1925 г., стр. 62—63).

В области крахмалопродуктов дело обстоит точно таким же образом. Союзкартофель жалуется на низкую техническую оборудованность своих заводов и вследствие этого невозможность вывозить крахмалопродукты за границу, так как „слишком велика разница в цене и в качестве не в нашу пользу" („Картофельная кооперация", 1925 г., стр. 20).

Построив большой завод, Северопатока смогла производить крахмалопродукты из кукурузы по себестоимости в 1 р. 40 к. за пуд, в то время как себестоимость крахмалопродуктов Союзкартофеля равнялась 1 р. 83 к. при продажной цене 2 руб. 25 к.—2 руб. 50 к. („Сельскохозяйственная Жизнь", № 4, стр. 12, 1926 г.).

Мы могли бы умножить число подобных примеров, но думается, нужды в этом не имеется. Интересующихся можно лишь отослать к различным отчетам кооперативных центров и, особенно, к опубликованным материалам ОСВОК'а ВСНХ.

Мы получили слишком жалкое наследие от капиталистического строя и теперь наша задача заключается не в том, чтобы умножать старые грехи технической отсталости, и не в том, чтобы итти против законов исторического развития. Необходимо реорганизовать существующие предприятия, спроектировать новые технически совершенные единицы. Мелкие предприятия по переработке могут конкурировать на рынке с крупными только за счет выплаты низких цен за сырье крестьянам. Это обстоятельство уменьшит реорганизующее влияние на сельское хозяйство индустриализации, уменьшит об'ективную базу для перехода к новым формам ведения хозяйства. Поэтому все, отстаивающие прогресс сельского хозяйства, должны рекомендовать, в меру возможности, организацию крупных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья.

Введение в понятие индустриализации сельского хозяйства момента непосредственной связи, локальной близости предприятий по переработке к сельскохозяйственному предприятию является совершенно излишним. Она не нужна еще и потому, что ничего не об'ясняет в строении перерабатывающей промышленности, так как стандартизация промышленности об'ясняется гораздо более сложными факторами по сравнению с теми, на которые указывают индустриализаторы. В то же время введение отмеченного формального признака затрудняет правильное понимание индустриализации сельского хозяйства.

После предварительных замечаний попробуем перейти к определению самого понятия индустриализации сельского хозяйства. Основным признаком индустриализации является динамичность понятий. Процесс перехода одной операции за другой от сельскохозяйственных предприятий к промышленности составляет существо

индустриализации. При этом совершенно несущественно, будет ли новообразованное предприятие тесно или слабо связано, или совсем оторвано от сел.-хоз. предприятий, так как „в политико-экономическом отношении различие между обоими этими типами несущественно" (Ленин. Собр. соч., т. III, стр. 226).

Процесс отпочкования отдельных операций от сельского хозяйства предполагает не только известную зрелость сельского хозяйства, но и наличие материальных предпосылок для организации индустриальных предприятий.

С ростом промышленности неизбежно будут расти и отрасли по переработке сел.-хоз. сырья, так как растущая промышленность будет повышать спрос на сел.-хоз. товары в переработанном виде. Следовательно, индустриализация сельского хозяйства складывается из двух моментов, связанных один с другим. Это, во-первых, процесс отрыва от сельского хозяйства отдельных операций и, во-вторых, организация промышленной переработки. Отсюда, индустриализацией сельского хозяйства мы будем называть такую промышленную организацию переработки сел.-хоз. сырья, которая вызывает отрыв отдельных операций от сел.-хоз. предприятий.

При таком понимании получается, что город постепенно захватывает одну операцию за другой, что он вторгается в сферу сельского хозяйства, оставляя на его долю все меньшее количество операций. Технический прогресс среди отраслей, перерабатывающих сел.-хоз. сырье, еще более увеличивает расширение города в области сельского хозяйства и реконструкцию в связи с этим самого сельского хозяйства. Отсюда вполне понятно, что индустриализация не может смешиваться с механизацией. При механизации сельского хозяйства оно остается тем же, чем было и раньше, повышается лишь органическое строение капитала. Этим самым, однако, не изменяется техническое существо с.-х. производства. Индустриализация сельского хозяйства в отличие от механизации идет по технологическому направлению, представляя собой процесс переработки, что, в свою очередь, не исключает высокой механизации самой переработки.

Для практических целей не бесполезно различать индустриализацию в тесном и в широком смысле слова. Так как процесс индустриализации имеет известную давность, то в промышленности выделился ряд отраслей, как текстильная, кожевенная и др., которые уже не получают сырья непосредственно от сельского хозяйства, они перерабатывают полуфабрикат, получаемый от промышленного предприятия. Следовательно, между первой категорией предприятий и сельским хозяйством вырастает вторая категория предприятий, питающихся сырьем от сельского хозяйства и передающих его в полуобработанном виде в предприятия первой категории. Принцип переработки сел.-хоз. сырья или полуфабриката дает нам основания различать индустриализацию в широком смысле слова от индустриализации в тесном понимании.

Первая будет обнимать все предприятия, перерабатывающие с.-х. сырье во всех видах; вторая обнимает предприятия, которые перерабатывают сырье, получаемое только от сельского хозяйства.

Определив понятие индустриализации сельского хозяйства, мы должны дать себе отчет, насколько в наших условиях настоятельно необходима индустриализация сельского хозяйства. Мы уже видели на примере Соединенных Штатов, что пищевая промышленность, как показатель в известной степени индустриализации, обгоняет рост сельского хозяйства, текстильная же обгоняет пищевую, металлургия и металлическая отрасль обгоняют все прочие, кроме электротехнической.

Если обратимся к динамике нашего народного хозяйства, то получим следующую таблицу (вся продукция выражена в миллионах довоенных рублей):

Годы	Металлич. и металлург. пром.	То же в % %	Каменный уголь	То же в % %	Пищевкусовая	То же в % %	Текстильная	То же в % %
1890	214	100	18	100	411	100	515	100
1900	615	287	99	550	686	166	842	163
1908	643	304	125	694	1.181	287	1.312	254
1913	1.453	678	253	1.405	1.562	380	1.840	357

(Г. Гордеев. Сельское хозяйство в войне и революции, 1925, стр. 25).

При сравнении темпа развития различных отраслей нашего хозяйства с американским[1] мы найдем, что у нас в начале XX столетия имелись почти такие же соотношения в темпе роста различных отраслей, что и в Америке. Только общий уровень роста народного хозяйства у нас был гораздо более низким. Слабое развитие нашей промышленности в целом, отсутствие надлежащего машиностроения обусловили неровный рост отраслей по переработке с.-х. сырья, их техническую отсталость и низкое качество производимого сырья. В практике имеется ряд очень показательных примеров. Так, лондонский рынок требует влаги в сливочном масле около 13—15%, а наши маслоделы вырабатывают часто масло с 8—12%. В результате, масло с большим количеством жировых веществ, но не приспособленное к рынку, расценивается дешевле, чем датское, и мы теряем на том, что дешевле сбываем масло, и на том, что передаем известный % жировых веществ бесплатно. Потеря только на понижении цены обошлась нам 6 р. 80 к. с пуда масла, экспортированного в 1925 г. Всего масла было вывезено 1.450 тыс. пуд., что дает в сумме около 10 милл. руб. недобора, т.-е. сумму, достаточную для полного переустройства существующих маслодельных заводов в западной Сибири (см. Отчет Правления Маслоцентра, 1926 г., стр. 111—136).

За время революции в числе других пострадала и промышленность, перерабатывающая с.-х. сырье. В целом ряде случаев техни-

[1]) См. упомянутую в начале статьи диаграмму в статье т. Кржижановского („Пл. Хоз.", № 4, 1926 г., стр. 25).

ческое оборудование понизилось. Спрос на с.-х. сырье со стороны этой промышленности сильно пал. Одновременно реконструкция сельского хозяйства, качественное изменение земледелия и животноводства повышают количество сырья, нуждающегося в переработке. Так, промышленно-технические культуры в 1916 г. составляли 9,8% ко всей посевной площади. В 1925 г. они поднялись до 16,2%. В связи с этим доход от этих культур в крестьянском хозяйстве повысился в 1925/26 г. до 27,3%.

Вряд ли нужно подробно останавливаться на значении интенсификации для крестьянского хозяйства. Интенсивные культуры наиболее трудоемки. Увеличение их в севообороте смягчает существующее перенаселение. Повышая доходность крестьянского хозяйства, интенсификация связывает его с рынком и через рынок толкает по пути прогресса. В связи с этим особенно важно создание благоприятной обстановки для промышленно-технических культур, которая обеспечила бы сбыт продуктов. Главная масса продуктов интенсивных культур нуждается в переработке. Только после переработки товар может быть переброшен на внутренний и на внешний рынки. Отсюда вполне понятна роль индустриализации сельского хозяйства в развитии нашего сельского хозяйства.

Еще более необходима индустриализация сельского хозяйства в отдаленных от рынка районах. До проведения железных дорог хозяйственная деятельность развивалась, главным образом, по берегам морей и судоходных рек. Железные дороги внесли коррективы, приобщив к хозяйственному росту ряд континентальных стран. Однако, Россия до сих пор имеет районы с громадными богатствами без железных дорог и без переработки с.-х. продуктов. В последующем нужно вывести из дикого состояния эти районы путем ж.-д. строительства и организации перерабатывающих предприятий.

Когда мы обратимся от перспектив сельского хозяйства к его состоянию, то мы найдем в каждой из отраслей несоответствие между производством сырья, его экспортом и промышленным потреблением. Лен, сахарная свекла и, особенно, картофель, растительные масла и ряд других имеют постоянное перепроизводство (см. „Очерки товарных отраслей сельского хозяйства СССР", вып. I, 1926 г., стр. 81—115). То же самое свидетельствуют данные ОСВОК'а ВСНХ, специально собиравшего материалы по сырьевым рессурсам („Материалы к критике гипотез", кн. I, 1926 г., стр. 26).

Если мы хотим устранить несоответствие между развитием сельского хозяйства в этой части и промышленностью, то мы, прежде всего, должны обратить внимание на промышленность, перерабатывающую с.-х. сырье. Этим я вовсе не хочу поставить расширение отраслей по производству средств производства в подчиненное положение к развитию перерабатывающей с.-х. сырье промышленности.

В связи с индустриализацией сельского хозяйства стоит также и вопрос об улучшении транспорта. Сравнение Союза с Америкой показывает весьма неблагоприятное положение первого. Так, в довоенное время Соединенные Штаты экспортировали на 866 милл. руб. мяса, а Россия на 9 милл., фруктов из Соединенных Штатов вывезено на 32 милл. руб., а из России на 2 милл. („Эконом. Обозрение", апрель 1925 г., стр. 134).

В связи с транспортом стоит вопрос о холодильниках, так как совершенно очевидно, что без холодильников Соединенные Штаты не могли бы выбросить такого огромного количества мяса на иностранные рынки. В какой мере холодильники регулируют снабжение рынка мясом и вообще скоропортящимися продуктами, мы можем видеть из следующей таблицы:

Движение хранения товаров. В среднем за 1917—1921 гг.

Название	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Яйца в милл. фунтов . .	14	12	10	9	10	14	17	19	21	20	19	20
Сыр „ „	51	40	30	24	23	28	47	56	62	62	59	49
Яблоки в милл. ящик. . .	6	5	3	2	1	0,3	—	—	—	—	3	7
Свинина в милл. фунтов .	597	756	863	889	886	892	870	893	703	559	449	447

(Cold—Storage Holdings, Statistical Bulletin, № 1, 1923)

Различные продукты заполняют холодильники в различное время, облегчая тем самым плавное регулирование рынком, а главное, предохраняя товар от порчи. Емкость всех холодильников в Соединенных Штатах равнялась на 1/X 1923 г. 585.404.634 куб. футам (Cold—Storage Holdings, 1924. Page 7).

XIV С'езд обязал „поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация, индустриализация сельского хозяйства, упорядочение дела землеустройства) и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства". Однако, развитие сельского хозяйства затрудняется недостаточным транспортом и еще менее достаточным числом холодильников. Неравномерно и недостаточно развитая индустриализация сельского хозяйства осложняет процесс индустриализации. В основном, все мероприятия во главе с коллективизацией должны вести к повышению производительности труда и увеличению доходности крестьянского хозяйства.

Интенсификация сельского хозяйства на ряду с ростом доходности предполагает увеличение потока городских товаров в деревню, так как требуется материальная база в виде машин, удобрений и прочего для прогресса сельского хозяйства. Если же крестьянское хозяйство будет получать в обмен на свой продукт недостаточное количество товаров, оно, естественно, вынуждено будет держаться экстенсивных форм земледелия.

Последнее обстоятельство прекрасно сознавал Ленин, когда он заявлял, что „развитие технической обработки с.-х. продуктов бывает обыкновенно неразрывно связано с техническим прогрессом

сельского хозяйства: с одной стороны, уже самое производство сырья для переработки требует нередко улучшения земледелия" (Ленин, т. III, 227).

Итак, задача развития сельского хозяйства вынуждает нас форсировать индустриализацию сельского хозяйства.

В отношении качества нашего сырья мы имеем многочисленные свидетельства об его низком уровне. Особенно резко сказывается это обстоятельство в области кож и шерсти. Необходимость улучшения качества его совершенно понятна. Однако, это улучшение создается, по преимуществу, связью производителя сырья через аппарат цен с перерабатывающим предприятием. Путем разницы в ценах можно увеличить производство желательного качества сырья. Сюда должны войти также и агротехнические мероприятия. Так, например, свеклосахарные заводы выращивают известные сорта свеклы, затем выведенными семенами снабжают свеклосевов. Кроме того, они ведут и другую агрономическую работу, обеспечивая более высокие урожаи и качество свеклы. Следовательно, связь сельского хозяйства с перерабатывающим предприятием стандартизирует сырье, повышает урожай и увеличивает доход хозяйства. В этой связи интересны впечатления американского профессора о датских курах. „Никто в Дании,—говорит он,—так хорошо не дисциплинирован, как куры. Они несут колоссальное количество яиц, одинаковых по цвету и размерам... (Farm lixe Abroad by E. C. Branson, 1924. Page 86).

В Дании такое положение создано высоким уровнем развития народного хозяйства и, в особенности, наличием перерабатывающей промышленности и кооперативного сбыта.

Значительное влияние индустриализация сельского хозяйства оказывает на обобществление сельского хозяйства. Легко может быть кооперирован сбыт и снабжение, а затем по линии машинизации и производство.

Влияние индустриализации сельского хозяйства сказывается и на электрификации. Установлено практикой Электросельстроя, что деревня не выдерживает станций, работающих на освещение. Наоборот, в надлежащих случаях перерабатывающие предприятия прибыльно используют электроэнергию.

Индустриализация страны в целом и сельского хозяйства в частности приобретает особенно важное значение в условиях Советского Союза. Территория Союза составляет около $^1/_6$ части всего мира. Важнейшие заграничные рынки расположены очень далеко. Океаны и моря находятся на окраинах Союза. Поэтому производительность целого ряда районов стоит на низком уровне, который диктуется низкими потребностями крестьянского хозяйства и об'емом незначительного внутреннего рынка.

Курс на индустриализацию страны в целом наилучшим образом устранит недостатки в развитии нашего хозяйства, разовьет внутренний рынок, увеличит заработки населения, а тем самым повысит доходность крестьянского хозяйства. Следовательно, в интересах развития хозяйства в целом необходимо иметь в виду и индустриализацию сельского хозяйства, как составную часть индустриализации страны в целом.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

E. Varga

Южная Америка[1]

Перенесение центра тяжести капиталистического мирового хозяйства из Европы в Америку не только подняло Соед. Штаты на степень руководящей империалистической державы, но вызвало также ускоренное капиталистическое развитие в государствах, расположенных к югу от Соед. Штатов.

На ряду с Китаем Южно-Американский материк является страной будущего для великих империалистических держав. В наших кругах об этой области знают очень мало, я считаю поэтому необходимым сообщить важнейшие географически-статистические данные.

Латинская Америка

В Англии и Америке вся эта область обыкновенно называется Латинской Америкой. Она включает в себя Южную и Среднюю Америку и Мексику, т.-е. все государства американского материка, расположенные к югу от Соед. Штатов.

Название „Латинская Америка“ выдвигает на первый план противоположность английского и испано-португальского языка и культуры. В самом деле, во всех этих странах официальным языком является испанский или португальский (Бразилия) и на их политической надстройке сильно сказалось влияние Испании и Португалии. Мы думаем, однако, что действительно глубокая противоположность между Соед. Штатами и Канадой, с одной стороны, и государствами Латинской Америки, с другой, обусловлена не столько этими лингвистически-культурными различиями, сколько существенными различиями в экономическом базисе.

По всей Латинской Америке, за исключением узкой полосы на крайнем юге, господствует тропический (или субтропический) климат. Средние годовые температуры огромных областей достигают 25° и больше. Поэтому для белых, для европейских выходцев, труд в этих областях чрезвычайно тяжел. Это бесспорно одна из главнейших причин, почему переселение из Европы направлялось в гораздо меньшей мере в эти области, чем в Соед. Штаты и Канаду.

В тесной связи с этим фактом находится то обстоятельство, что отношение иноземных завоевателей к туземцам сложилось здесь иначе, чем в Северной Америке. Правда, и здесь завоеватели жестоко расправлялись с туземным населением (в некоторых областях Средней и Южной Америки ими была беспощадно уничтожена высокая культура туземцев), но все-таки здесь против туземцев не велась такая систематическая

[1] Глава из книги, подготовляемой к печати издательством „Московский Рабочий“.

истребительная война, как в Северной Америке. Вследствие этого мы находим во всей Латинской Америке смешанное население из белых, туземных индейцев и негров, вывезенных сюда—как и в Южные Штаты Северо-Американского Союза—из Африки в качестве невольников, для производства тяжелых работ. Смешение этих трех рас происходило самыми различными способами и того кастового обособления белого населения от индейцев и негров, какое мы находим в Соед. Штатах, в Латинской Америке нет нигде.[1] Что сравнительно слабая заселенность белыми этой области тесно связана с климатическими условиями, доказывается тем, что процент европейцев тем выше, чем больше климатические условия приближаются к европейским (Аргентина, Чили).

Одной из основных экономических особенностей рассматриваемой области является крайне незначительная плотность населения. Вся Южная Америка, охватывающая площадь в 19 *милл. кв. клм*, насчитывает приблизительно такое же количество жителей, как Германия, т.-е. около 66 милл. человек. Эта малая плотность населения об'ясняется не скудостью растительных рессурсов, не трудностью добычи продовольственных средств, как это имеет место в Сахаре или Австралии. В некоторых районах наблюдается даже как раз обратное: в тропических областях Бразилии, например, огромное количество осадков и сильная жара способствуют такому буйному развитию дикой растительности, что требуются величайшие усилия для расчищения почвы под культурные растения. Но эта трудность имеет, разумеется, лишь преходящий характер. Редкость населения усиливается еще более благодаря тому, что сравнительно большой процент жителей сосредоточен в крупных приморских городах. Если отвлечься от этого скопления жителей в городах, то для остальной области получится еще гораздо более низкая плотность населения.

Хозяйственные возможности этих областей почти неограничены. Знаменитый немецкий географ Пенк считает, что в одной Южной Америке при нынешнем уровне сельскохозяйственной техники можно было бы производить столько продовольственных продуктов, что их хватило бы на два миллиарда человек.

Тем не менее, европейцы отнимают у туземцев землю, чтобы заставить их работать по найму на европейских плантациях. Земельная экспроприация туземцев продолжается до сих пор. Это прекрасно описано у Инмана (стр. 59):

„В южном Чили я посетил одного бывшего главаря арауканских индейцев. Он принял меня с обычной торжественностью, но был не в силах говорить о чем-нибудь другом, кроме своих потерянных поместий. Чтобы отвлечь его мысли от этого предмета, я стал ему рассказывать

[1] „Различие между расами является в испанской Америке скорее различием по классовой принадлежности и социальному положению, чем различием по цвету кожи. Брак с цветнокожими не наталкивается здесь поэтому на более сильные препятствия, чем вообще брак с лицом, стоящим ниже по своему социальному положению. Если браки между чисто белыми и лицами чисто индейского происхождения встречаются редко, то только потому, что они занимают различное положение в обществе, так и английский джентльмен редко женится на крестьянской девушке". „Проблемы панамериканизма". С. Г. Инман, преподаватель Колумбийского университета, Нью-Йорк, 1921 г., стр. 39. Весьма ценная книга.

об удивительном городе Нью-Йорке. Он как будто заинтересовался на два—три мгновения, но тотчас вернулся к своему: „Но мои земли, господин, мои земли". Я стал ему рассказывать о войне, о гигантских пушках, о танках, обо всех чудесах, изобретенных современной цивилизацией для убийства людей. Это его очень заинтересовало, но лишь на несколько минут, а потом он начал снова: „Но мои земли, господин. Вот вы уезжаете в Сант-Яго,—не будете ли добры посетить президента и рассказать ему, что у нас отняли наши земли, и что мы не можем жить тем немногим, что у нас осталось. Нам нужна наша земля".

Благодаря экспроприации туземцев в руках господствующих классов образовалась земельная монополия; у индейцев отнимали землю, даже не имея возможности фактически обработать ее. Огромные площади земли перешли, таким образом, во владение отдельных капиталистов или капиталистических компаний. В Мексике есть земельные владения величиною с Бельгию и Голландию вместе. Терразасское поместье насчитывает 13 милл. моргов (5,2 милл. гектаров), в Юкатане есть поместье в 15 милл. моргов и т. д.

Распространение европейской культуры несло с собой и здесь, как повсюду, горе и нужду туземному населению. Здесь это происходило под личиной католической религии.

„Мы, родившиеся индейцами,—рабы священников, рабы губернатора, рабы главаря, рабы всякого, у кого есть палка, чтобы погонять нас",—читаем мы у одного перуанского писателя, который за эту фразу был изгнан из своего отечества.[1]

Для всех стран Латинской Америки характерно поэтому резкое разделение между рабочими массами и классом крупных землевладельцев и капиталистов.[2] Здесь почти вовсе отсутствуют промежуточные слои—мелкая и средняя буржуазия, сельская и городская. Преобладающим типом хозяйства является крупное сельскохозяйственное предприятие: плантации в Бразилии и соседних странах, гигантские предприятия по животноводству в Аргентине, Уругвае и Парагвае, ведущиеся с помощью труда наемных рабочих, положение которых часто приближается к фактическому рабству. Напомним, что в Бразилии рабовладение было отменено только в 1887 году. Но во многих случаях оно, повидимому, фактически сохраняется до сих пор, поскольку „свободные" рабочие оказываются в долговой кабале у своих хозяев и не могут уйти от них, пока не отработают своих долгов. Аппарат государственного населения целиком находится в руках крупных плантаторов и капиталистов. Несколько улучшается, повидимому, положение рабочих в Аргентине и за самое последнее время в Мексике. Составить себе точное представление о действительном положении, разумеется, очень трудно, потому что вся имеющаяся у нас литература предмета исходит из заинтересованных капиталистических кругов.

В экономическом отношении все эти страны являются, по преимуществу, производительницами сырья, хотя за последнее деся-

[1] Инман, стр. 59.

[2] „В Латинской Америке есть, вообще говоря, только два больших класса: очень богатые и очень бедные. Крупные международные центры составляют исключения из этого правила, но в общем средний класс здесь отсутствует". (Инман, стр. 64).

тилетие, как мы подробнее покажем ниже, они и сделали большие успехи в области индустриализации. Естественные богатства этих стран использованы до сих пор далеко не полно, и тем не менее вся эта область, как поставщица некоторых важнейших видов сырья и средств потребления (кофе, селитры, какао, мяса, хлеба, нефти), имеет уже и сейчас на мировом рынке весьма значительный вес, особенно сильно возросший за последние два десятилетия.

Характерна, далее, для всех этих стран сильная потребность в иностранных капиталах. Нужда в капиталах очень велика, предпринимательские прибыли чрезвычайно высоки. Из отчетов английских обществ, работающих в Южной Америке, видно, что их средние дивиденды составляют 20%. Банковская процентная ставка достигает в важнейших странах 8—11%, в местностях, удаленных от центров, платят 2—3% в месяц.

Финансовые сделки были использованы капиталистами империалистических стран для самого беззастенчивого ограбления южно- и среднеамериканских государств. В виде примера укажем на Гондурас.

„Один из первых займов был заключен в Европе в 1866 г., номинально в размере 5 милл. долларов. Заем был предоставлен из 10% по курсу 60. Полученная сумма должна была пойти на постройку железной дороги, которая, однако, так и не была построена... Из договоренных 5 милл. долл. в страну вообще попало не больше 250.000. И эта операция повторялась так часто, что задолженность слабого государства колеблется теперь между 150 и 200 милл. долл., — точную цифру никто не знает..." [1]

Претензии кредиторов Венецуэлы были предложены на рассмотрение международному арбитражному суду, при чем получились следующие результаты: [2]

	Милл. боливаров (бол. = 1/5 марки)	
	Претензии	Утвержд. суммы
Английские	14,7	9,4
Германские	7,4	2,1
Французские	17,9	2,7
Бельгийские	14,9	10,9
Соед. Штатов	81,4	2,3
Итальянские	39,8	5,8

Капиталисты не постеснялись преувеличить следуемые им суммы даже в 40 раз.

Пролетарии и бедные крестьяне этой части света подвергаются непосредственной эксплоатации—со стороны крупных помещиков и капиталистов и косвенной—со стороны заграничного капитала. Во всех этих странах вместо отсутствующих промежуточных классов имеется паразитический слой населения: политики, офицеры, попы, чиновники, которые высасывают из народа все соки и устраивают революции и контр-революции, попеременно в интересах то английского, то американского капитала. И медленно, в страшно тяжелых родовых муках, рождается в Южной Америке по мере роста индустриализации современный рабочий класс и рабочее движение.

[1] Инман, стр. 74.
[2] Там же.

Средняя Америка—добыча Соединенных Штатов

Хотя и можно установить ряд общих черт для Средней и Южной Америки, все же есть существенное различие в той роли, которую они играют в борьбе империалистических держав. По отношению к Средней Америке исход этой борьбы можно считать решенным в пользу Соед. Штатов. Важнейшие в стратегическом и экономическом смысле пункты этой области уже захвачены американцами: Панамский канал, мелкие средне-американские государства, Куба, Гаити, Сан-Доминго и т. д. Мексика на севере, юге и востоке окружена владениями Соед. Штатов, а внутри страны огромные территории и значительная часть главнейших источников сырья, нефти находятся в руках американских капиталистов. Преобладание американского капитала может быть отныне сломлено в Мексике только путем анти-американской социальной революции.

Иначе обстоит дело в руководящих странах Южной Америки. Здесь еще идет борьба за влияние между империалистическими державами и прежде всего между Соед. Штатами и Великобританией. В то же время и все другие великие державы пытаются обеспечить за собой участие в эксплоатации этой части света. Германии в значительной степени удалось вернуть себе после войны свои сильные довоенные позиции в Южной Америке,[1] Франция, Италия и Испания пытаются играть на лозунге общей латинской культуры, а, в частности, Италия направляет в южно-американские страны широкий поток своей рабочей эмиграции. Даже Япония делает попытку утвердиться на западном побережье материка путем основания колоний и вложения капиталов. В противовес этим империалистическим стремлениям превратить южно-американский материк в колониальную область, наблюдается довольно быстрый рост туземной буржуазии. Положение буржуазии в важнейших странах—в Бразилии, Аргентине и Чили, на долю которых приходится две трети населения и пять шестых экономического веса всей области,— очевидно, гораздо сильнее, чем положение буржуазии полуколониальных азиатских стран. Южно-американская буржуазия держит в своих руках государственный аппарат и широко использует имеющуюся у нее возможность двигать вперед свою отечественную промышленность при помощи высоких покровительственных пошлин. И в настоящий момент для нас, по крайней мере, еще не ясно, кто выйдет победителем из этой борьбы между иноземным капиталом и развивающимся национальным капитализмом—иностранный или отечественный капитал.

В виду сказанного мы считаем себя в праве рассматривать Южную и Среднюю Америку отдельно несмотря на то, что между ними так много общего. Положением в Средней Америке мы займемся когда-нибудь в другой раз, а теперь ограничимся изложением важнейших экономических фактов, относящихся к Южной Америке. При этом мы особенно выделим два момента: динамику южно-американского хозяйства

[1] В 1924 г. германский экспорт в Бразилию (выраженный в фунтах) достиг довоенного уровня, а импорт—средней величины трех последних довоенных лет. В течение трех первых месяцев 1925 г. торговля Германии с Бразилией продолжала возрастать и превысила довоенный уровень. (Bulleten Quotidien 16/III 1926).

за последние два десятилетия и борьбу между Америкой и Англией за решающее влияние на южно-американском материке.

Развитие южно-американского хозяйства за два последние десятилетия

В виду весьма недостаточных статистических данных довольно трудно дать в цифрах полное представление о хозяйственном развитии за последние два десятилетия. Все же три фазы выявляются вполне отчетливо:

1) „Нормальное" развитие до 1914 г.; постоянный прирост народонаселения, отчасти путем иммиграции; равномерное развитие производительных сил; прогрессирующее втягивание в мировое хозяйство.

2) Бурное развитие во время войны. Чрезвычайное усиление спроса на все важные продукты местного производства—на хлеб, мясо, кофе, медь, селитру и т. д. При высоких ценах бойкий сбыт; увеличение сельскохозяйственной продукции. В то же время сокращение ввоза промышленных изделий и в связи с этим начало развития туземной промышленности. При этом частичный перевес обратного перенаселения над иммиграцией.

3) Реакция в период послевоенного кризиса. Сокращение ввоза; повышенная конкуренция со стороны иностранных товаров. В результате, усиление таможенного протекционизма.

Для иллюстрации приведем данные по внешней торговле важнейших стран.[1] Остальные страны мы можем свободно оставить без внимания.

Вывоз

	1904 г.	1914 г.	1919 г.	1920 г.	1923 г.	1924 г.
	(в миллионах)					
Аргентина (зол. песо)	254	519	1.031	1.044	771	1.011
Бразилия (ф. стер.)	39,4	65,5 [2]	130	106	73,2	95
Чили (зол. песо)	216	391	331	804	332	—
Колумбия (зол. песо)	34	33	79	71	60	85
Уругвай (зол. песо)	38	68 [2]	147	81	107	—

Ввоз

	1904 г.	1914 г.	1919 г.	1920 г.	1923 т.	1924 г.
	(в миллионах)					
Аргентина (зол. песо)	187	496	656	935	868	829
Бразилия (ф. стер.)	25,9	67,2	78	125	50,5	69
Чили (зол. песо)	157	329 [2]	387	441	237	—
Колумбия (зол. песо)	29	21	47	101	58	52
Уругвай (зол. песо)	21	50 [2]	113	133	51 [3]	—

За исключением Аргентины во всех странах довольно явственно наблюдается некоторый упадок, вызванный послевоенным кризисом.

С другой стороны, в самое последнее время, судя по газетным сообщениям, снова намечается под'ем южно-американского хозяйства. Стабилизация в Европе, быстрое восхождение Соед. Штатов, выключение Советского Союза, который особенно для Аргентины потенциально

[1] Данные за 1904, 1914 и 1923 гг. взяты из отчета Бальфура, „Survey of Overseas Markets", London 1925, и дополнены из других источников.

[2] 1913 г.

[3] За 11 месяцев.

является крупнейшим конкурентом на мировом рынке,—все это повысило мировой спрос на продукты Южной Америки. Поэтому мы можем довольно уверенно предсказать новый под'ем южно-американского хозяйства, тем более, что процесс индустриализации и расширения внутреннего рынка продолжается там без перерыва.

Борьба между Соединенными Штатами и Англией

Несколько десятилетий тому назад Южная Америка была в экономическом отношении почти безраздельным об'ектом эксплоатации английских капиталистов. В политическом же отношении Соед. Штаты еще в 1823 г. провозгласили в „доктрине Монроэ", что на американском материке ни одна европейская держава не имеет права формально превратить в свою колонию страну, независимость которой была признана Соед. Штатами.[1] Это положение было впоследствии расширено в том смысле, что никакая европейская держава не должна вообще вмешиваться в американские дела. Чем больше Соед. Штаты превращались в чисто империалистическую державу, тем более широкое толкование получила доктрина Монроэ. Поездка статс-секретаря Рута и ряд панамериканских конференций (в 1899, 1901, 1906, 1910 гг.) имели своей целью подчинить Южную Америку политическому руководству Соед. Штатов. Впрочем, успешнее, чем эта идеологически-политическая агитационная работа, действовало все более возрастающее проникновение американского капитала во все страны материка. Доказательством служит быстрый рост товарооборота и инвестирований американских капиталов.

Торговые сношения Соед. Штатов со всей Латинской Америкой развивались следующим образом:[2]

Годы	Вывоз	Ввоз	Весь торгов. оборот	В % % ко всему торг. обороту
	(в миллионах долларов)			
1860	40,7	79	120	19,6
1880	58	179	237	18,3
1900	124	199	287	20,8
1910	258	406	664	20,1
1918	726	1.127	1.853	20,2
1922	557	814	1.371	19,7
1923	693	1.050	1.743	21,9
1924	770	1.059	1.829	22,3

[1] „Доктрина Монроэ" это послание президента Монроэ конгрессу от 2 декабря 1823 г. Важнейшие пункты послания гласят: „Американских граждан (constituents) нельзя будет отныне трактовать, как об'екты колонизационной политики какой-либо европейской державы. Мы заявляем, что всякую попытку европейских держав распространить свою систему на какую-либо часть нашего материка мы будем рассматривать, как угрожающую нашему миру и нашей безопасности. До существующих колоний и владений (dependency) какой-либо европейской державы нам нет и не будет никакого дела. Но... на всякую попытку любой европейской державы подчинить себе правительство, независимость которого мы признаем, или каким-нибудь другим путем установить свое влияние, мы не сможем смотреть иначе, как на акт недружелюбия по отношению к Соед. Штатам".

[2] И. Р. Маккей (руководитель латино-американского отдела департамента коммерции). „Торговля С. Ш. А. с Латинской Америкой в 1924 г.".

Больше одной пятой всей внешней торговли Соед. Штатов приходится на Латинскую Америку. Внешняя же торговля Латинской Америки, конечно, еще в гораздо большей доле приходится на Соед. Штаты: последние закупают больше половины кофейного экспорта Бразилии, почти весь сахар с Кубы, медь из Чили и т. д. К сожалению, в имеющихся у нас материалах нет процентного распределения вывоза Латинской Америки по странам. Северо-американская торговая статистика не дает точных сведений о торговле с Южной Америкой по весьма интересной причине: в статистике Соед. Штатов географически разделяются не Средняя и Южная Америка, а „Караибская область" и Южная Америка. В Караибскую область входят, кроме Средней Америки, также северные государства Южной Америки — Колумбия, Венецуэла и все три Гвианы. В обоснование такого разделения в только что цитированной книге говорится:

„В виду ее близости к нам и оживленных сношений с нами, а также в виду преобладания там инвестирований нашего капитала, Караибская область закупает у нас большую часть потребных ей заграничных товаров. На ряду с развитием регулярных торговых сделок мы отправляем туда все возрастающие количества товаров небольшими почтовыми посылками. Она покупает у нас почти все предметы потребления, имеющие сбыт в средних городах, городках и селах Соед. Штатов. Наоборот, южно-американская область покупает у нас теперь в больших количествах только такие товары, которые мы изготовляем лучше или дешевле, чем наши европейские конкуренты". [1]

„Мы продаем этим странам и островам не только продукты нашей собственной сельскохозяйственной и фабричной промышленности, но иногда и товары, которые мы сами покупаем в другом месте, а в иных случаях обмениваемся с ними одинаковыми товарами. Так, например, мы закупаем значительную часть хлопковой продукции северо-западной Мексики для нашего Тихоокеанского побережья, а в то же время мы вывозим хлопок из наших портов в мексиканские для его переработки на тамошних фабриках. Большая часть сахара и бананов и значительная часть кофе приходит к нам оттуда; мы покупаем у них и продаем им живой скот, хлеб, шкуры, нефтепродукты, кожу и многое другое, что производится как у них, так и в Соед. Штатах. В силу этих и других причин торговля с Караибской областью во многих отношениях имеет для нас характер внутренней торговли, и для новичка в экспортном деле эта область имеет много преимуществ перед всякой другой". [2]

Как мы видим, все страны на побережье Караибского моря здесь почти прямо названы внутренним рынком Соед. Штатов.[3]

Если отдельные статистические данные говорят об усилении торговых сношений с южно-американскими странами, то их торговля с Великобританией в абсолютных цифрах показывает почти застой, а в процентах—решительное понижение.

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 8.

[3] Соед. Штаты уже настолько чувствуют себя господами в Мексике, что когда несколько недель тому назад распространились слухи, что Мексика сдала японцам концессию в Калифорнии, они взглянули на это как на враждебный акт.

Торговля Великобритании с важнейшими государствами Латинской Америки

(в миллионах фунтов стерлингов)

	Ввоз в Великобританию				Вывоз из Великобритании			
	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Куба	3,7	8,7	12,4	11,6	2,2	2,9	3,2	2,6
Мексика	1,9	6,3	5,9	5,3	2,3	2,8	2,4	3,1
Аргентина	42,5	66,1	79,0	68,5	22,6	28,2	27,2	29,2
Бразилия	10,6	5,9	4,8	5,9	12,5	11,0	13,7	16,1
Чили	5,4	5,8	10,9	12,3	6,0	6,7	5,4	6,0
Перу	3,2	8,6	9,7	8,5	1,5	2,6	2,7	2,6
Уругвай	2,7	4,9	5,5	4,9	2,9	3,2	3,2	3,2
	Весь ввоз				Весь вывоз			
	258	393	461	451	136	194	193	184

Торговля Соединенных Штатов с Латинской Америкой

(в миллионах долларов)

	Вывоз из Соед. Штатов				Ввоз в Соед. Штаты			
	1910 — 1914 гг.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1910 — 1914 гг.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Мексика	53	110	120	133	71	132	140	167
Куба	63	128	192	200	122	268	376	362
Колумбия	5,8	20	22	29	12	36	46	58
Аргентина	47	96	113	117	33	86	115	75
Бразилия	32	43	46	65	111	120	143	179
Чили	14	23	31	31	23	60	92	99
Перу	6	14	20	24	10	16	24	23
Вся Латинск. Америка	302	558	655	771	436	815	1.051	1.060
В %% ко всему вывозу . . .	14	—	16,7	16,8	25,8	—	27,7	29,3

За 1925 г. для Соед. Штатов еще не имеется данных. Общая сумма английского товарооборота за последние годы не меняется, тогда как товарооборот Соед. Штатов все время возрастает (цены за последние годы оставались приблизительно на одном и том же уровне).

Борьба за инвестирование капитала

Еще труднее установить в цифрах вложение капиталов, так как большие суммы иностранных капиталов регистрируются в местной валюте. В общем, можно утверждать, что в течение XIX века английский капитал почти не знал конкурентов в Южной Америке, кроме Англии, туда вкладывала капиталы еще только Германия и, в меньшей мере, Франция. Соед. Штаты, которые сами были еще в то время страной, импортирующей капитал, отсутствовали вовсе. В начале войны не было

ни одного северо-американского банка, который вел бы какие-нибудь операции в Южной Америке; не было ни одной американской судоходной линии для пассажирского сообщения между Северной и Южной Америкой. В 1913 году в Буэнос-Айрес зашло только одно единственное судно Соед. Штатов.

Английский капитал вкладывался, да и сейчас вкладывается, главным образом, в железные дороги, в государственные и провинциальные займы, в селитряную промышленность, в банковское дело. Поэтому валюта большинства южно-американских стран связана с английским фунтом (один золотой пезо равен 18 пенсам). Английское судоходство было главным нервом всего южно-американского транспорта.

Инвестирование американских капиталов началось только в XX столетии. Американский капитал непосредственно выступил как индустриальный капитал и прежде всего в тех отраслях, которые грозили стать конкурентами американской промышленности на мировом рынке. Так, с 1907 г. в Аргентине возникают большие чикагские тресты мясные (pasking houses), быстро захватившие в свои руки большую часть мясного экспорта. Около 60% мясного дела в Аргентине сосредоточено в американских руках. Затем идут нефть, медь, цемент, разработка марганцевой руды в Бразилии и т. д.

После войны американский капитал проникает в Южную Америку во всех формах. В форме банковского капитала—в Южной Америке свыше 100 кредитных учреждений, зависящих от крупных банков Соед. Штатов; в форме займов государствам и городам; в форме торгового кредита. Соед. Штаты вполне сознательно стремятся превратить Южную Америку в свою экономическую и политическую колонию, как они уже добились этого по отношению к Средней Америке.

Для настроения американских кругов показательна следующая тирада: [1]

„Теперь, когда американский спрос на вложение капиталов в европейские предприятия либо насыщен, либо понизился вследствие понесенных убытков, притягательная сила Бразилии и других экономических молодых государств Южной Америки будет, несомненно, становиться все сильнее. В этих областях открываются несравненно большие возможности для предпринимателей, чем в иных обедневших европейских государствах, несостоятельных в экономическом и финансовом отношении. Прибыли капиталистов, работающих на юге нашего материка, проистекают из использования нетронутых еще, необ'ятных рессурсов".

Месяцем позже в той же газете появилась статья под заглавием „Латинской Америке собираются предоставить 400 милл. долларов". [2]

„Среди нью-йоркских банкиров идут сейчас переговоры о предоставлении крупных займов южно-американским странам; по предположению общая сумма этих займов составит в 1926 г. около 400 милл. долл. Накопление свободных капиталов (investments funds) в нашей стране и нынешние неблагоприятные перспективы в Европе заставили банкиров усиленно заняться Южной Америкой".

[1] „New-York Times", 11/XI 1925 г.
[2] „New-York Times", 17/XII 1925 г.

Английский капитал был в последние годы не в состоянии вести борьбу в полном об'еме. Затяжное обесценение фунта привело к частичному вытеснению его долларом. Запрещение предоставлять займы иностранцам на некоторое время совсем вывело английский капитал из строя. Но после снятия этого запрета конкуренция началась снова с прежней силой. Бразилианский кофейный заем, размещению которого в Соед. Штатах воспрепятствовал Хувер на том основании, что оно привело бы к вздорожанию кофе, был тотчас же демонстративно заключен и подписан в Лондоне. Английский капитал пытается снова начать борьбу с американским, при чем эта борьба часто принимает политические формы. Партийные распри и министерские кризисы в южно-американских государствах, а также некоторые из столь обычных там „революций" сводятся, по существу, именно к борьбе между английским и американским капиталом.

Несмотря на то, что в настоящий момент английские инвестирования в Южной Америке количественно, пожалуй, даже превосходят американские, едва ли можно сомневаться, что победа останется на стороне Америки. Англия—нисходящее, а Соед. Штаты—пока еще восходящее государство.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что в больших южно-американских государствах—в Аргентине, Бразилии и Чили—обнаруживается сильная реакция против стремления северо-американского капитала поработить Южную Америку. Эта тенденция находит себе выражение у многих южно-американских писателей, у которых она связывается с идеологией „латинской культуры". Эта идеология явным образом отражает экономическое усиление южно-американской буржуазии. Протест Бразилии на конференции Лиги Наций против предоставления Германии постоянного места в совете Лиги без признания права на такое же место и за Бразилией тоже отчасти является выражением повышенной самоуверенности южно-американской буржуазии.

С другой стороны, в Южной Америке растет и крепнет, несмотря на все репрессии, также и рабочее движение, в общем, правда, хаотичное и анархическое, но проникнутое революционным духом. Попытки Американской Федерации Труда подчинить в угоду империалистическим стремлениям американской буржуазии рабочее движение Латинской Америки своему влиянию едва ли будут иметь успех. Об'ективные условия создают благоприятную почву для революционного рабочего движения, руководимого коммунистами.

Л. Эвентов

Мировое хозяйство в первом квартале 1926 года [1]

I. Общая оценка мировой кон'юнктуры

Первый квартал 1926 года следует расценивать как дальнейший этап к восстановлению мировых экономических взаимоотношений и к развитию и углублению тенденций, заложенных в мировом хозяйстве еще в 1925 году и направленных к воссозданию единства международного хозяйственного организма. Эти процессы выявились в различных сферах международного хозяйства и в первую очередь в сфере капитального и денежного рынка.

После восстановления и упрочения золотого стандарта и отмены эмбарго (запрета иностранной эмиссии) Англия получила снова возможность вместе с Соединенными Штатами, Голландией и Швейцарией финансировать мировое хозяйство и воздействовать на него в своих интересах. Совместная деятельность кредитных учреждений этих стран в европейских государствах была направлена, главным образом, на снабжение европейской промышленности оборотным капиталом, а также на стабилизацию их валюты и сбалансирование бюджета. С помощью внешнего кредита отдельным европейским государствам действительно удалось стабилизовать свою валюту, хотя и на низшем против довоенного уровне, достигнуть бюджетного равновесия и урегулировать внешнюю и внутреннюю задолженность, но это было куплено новым усилением эксплоатации народных масс, обложением национального дохода налогами и платежами в пользу иностранного капитала, форсированием экспорта за счет сокращения импорта и большим или меньшим подчинением хозяйственной самостоятельности стран-должников странами-кредиторами. С другой стороны, те страны, которые впали в немилость и по тем или иным причинам подверглись бойкоту со стороны иностранного капитала, будучи предоставлены собственным силам, испытывали все последствия неустойчивой валюты и финансовой разрухи.

Солидарность важнейших денежных и капитальных рынков мира, восстановленная „интернационализацией" капитала, обильным отливом капиталов из богатых стран, была еще усилена последствиями германского кризиса. Под влиянием последнего активность германского хозяйства была сильно урезана, товарооборот значительно снизился и для оставшегося в действии узкого круга предприятий имевшийся в Германии наличный капитал оказался в избытке. Это выразилось в усилении

[1] Настоящая статья в основном воспроизводит доклад автора СТО и Президиуму Госплана СССР от имени сектора Мирового Хозяйства. Дата составления—первая половина апреля 1926 года.

ликвидности германского денежного рынка и в понижении официальной и вольной учетной ставки. Создалось парадоксальное положение, при котором немецкое хозяйство, все еще нуждаясь в долгосрочном кредитовании, само оказалось в состоянии употреблять для краткосрочного помещения капитал, импортируемый извне. Частый дисконт в Германии упал до уровня английского и американского дисконта и даже ниже, стоимость кредита в Германии в общем сравнялась со стоимостью такового в Нью-Йорке и Лондоне. Немецкое хозяйство в силу низкой нормы прибыли оказывалось не в состоянии оплачивать взимавшиеся с него ростовщические проценты. Однако, иностранный капитал, главным образом американский, в целях извлечения более высокой прибыли, чем у себя на родине, продолжал внедряться в немецкое хозяйство, найдя там иные средства для своей экспансии, а именно, путем скупки за бесценок акций германских промышленных предприятий или устройства новых.

В движении цен за протекший квартал также сказалось укрепление мировых связей. Индексы мировых оптовых цен как в Соед. Штатах, так и в Европе, за исключением отдельных инфляционирующих стран, обнаружили солидарное движение в сторону понижения; однако, темп этого понижения под влиянием национальных условий не был повсюду равномерным, что препятствовало выявлению тенденции к сближению мировых цен, в частности английских и американских.

Этот же период характеризуется также многочисленными попытками к восстановлению международных экономических взаимоотношений путем заключения торговых договоров и воссоздания распавшихся во время войны интернациональных промышленных картелей и об'единений или учреждения новых. Реальные результаты, достигнутые в этом направлении, чрезвычайно незначительны, что об'ясняется еще большей неравномерностью, чем до войны, капиталистического развития отдельных стран, усилением национальной чересполосицы в Европе, характеризуемой увеличением таможенных барьеров по сравнению с довоенным временем с 26 до 38 и денежных систем с 13 до 27, и крайним обострением конкуренции на международных рынках под влиянием разросшегося производственного аппарата. Ряд торговых войн (чешско-польская, польско-германская), многочисленные таможенные заставы, инфляции, ограждавшие рынки неприступным барьером, непрочность заключенных торговых договоров, рост протекционизма, поощряемого неомеркантилистической политикой правительств, стеснения международного транспорта, затрудняющие внешнюю торговлю,—все это побудило различные буржуазные, преимущественно пацифистские, группы Европы выдвинуть идею Соед. Штатов Европы, европейской таможенной унии, об'единения европейских эмиссионных банков и прочие проекты кооперации, для обсуждения которых была созвана предварительная экономическая конференция в Женеве. Нет сомнения, что проектируемое экономическое Локарно принесет еще большие разочарования, чем так называемое политическое Локарно, так как база для европейской кооперации чрезвычайно узка. [1]

Тесное переплетение международных финансовых и кредитных интересов, фиксируя происшедшие в мировой обстановке послевоенные из-

[1] Как известно, конференция закончилась постановлением о проведении... анкеты по мировому хозяйству.

менения, скрывает за собой иное соотношение сил, иное распределение „ролей" между отдельными государствами, чем до войны, в частности между Соед. Штатами и Европой. Вместе с тем, упорядочение денежной сферы, выразившееся в стабилизации валюты в некоторых странах, крайне обострило проблему о соотношении национальных издержек производства и мировых цен и придало пробивающейся новой системе мирового равновесия крайнюю неустойчивость. Кратковременное оживление мирового хозяйства сменяется устойчивой депрессией, прерываясь острыми кризисами.

В настоящее время положение мирового хозяйства характеризуется дальнейшим расширением депрессии, распространившейся из Польши и Германии почти на весь европейский материк и ослабляемой или видоизменяемой в отдельных странах либо сезонным оживлением либо инфляцией. Новостью характеризуемого периода является перелом в кон'юнктуре Соед. Штатов, возвещенный повторными крахами на нью-йоркской бирже и подкрепляемый неблагоприятными показателями по ряду важнейших отраслей американского хозяйства.

II. Положение важнейших стран

Соединенные Штаты. По оценке финансовых и промышленных кругов Соед. Штатов во главе с министром торговли Гувером, 1926 год начался при вполне благоприятной обстановке, обеспечивавшей продолжение и развитие высокой кон'юнктуры предшествовавшего года. Главнейшими благоприятными показателями, с их точки зрения, были: 1) дешевизна и неисчерпанность кредитов федеральной резервной системы; 2) хорошее состояние производственного аппарата; 3) активный торговый баланс; 4) превышение впервые со времени войны экспорта золота над импортом; 5) реконструкция Европы в связи с Локарнским договором. Правда, отмечались при этом и неблагоприятные факторы, каковыми были: 1) спекуляция на фондовой бирже; 2) строительная и земельная горячка; 3) искусственное форсирование платежеспособного спроса благодаря росту продаж в кредит.

Однако, контроль федеральной резервной системы над кредитным рынком гарантировал, по мнению указанных кругов, локализацию действия неблагоприятных факторов.

Минувший квартал показал, что эти надежды не оправдались.

Наиболее слабым пунктом хозяйственного фронта оказалась фондовая биржа. На основе промышленного расцвета, чрезмерно преувеличенного биржевой спекуляцией, получившей поддержку в легкости кредитной экспансии, кривая рынка ценных бумаг далеко опередила кривую товарного рынка. Индекс ценных бумаг Дау-Джонса поднялся с октября 1923 г. с 85,8 до 162 в средине февраля 1926 г. Поэтому достаточным оказался незначительный повод в виде неблагоприятного впечатления от опубликованных балансов некоторых промышленных предприятий, чтобы воздвигнутый биржевой небоскреб рухнул. В начале марта разразился крах на нью-йоркской бирже, который в течение месяца повторился после этого дважды.

Повторные крахи на нью-йоркской бирже, причинившие частным лицам убытки, не уступающие потерям от японского землетрясения и

приведшие к резкому понижению спекулятивных курсов (с 13 февраля по 30 марта на 24,7% по индексу „Анналиста"), не являются простым биржевым кризисом, ибо биржа не отделена непроницаемой стеной от хозяйства. Они отражают не только неоправдавшийся азарт спекуляции, антиципируя экономическую погоду, а свидетельствуют о новой расценке промышленной кон'юнктуры и перспективах грядущих доходов промышленных предприятий. Этот вывод получает подкрепление и со стороны показателей в сфере производства и товарообмена. Несомненна общая понижательная тенденция торговопромышленной кон'юнктуры, с ясностью проявившаяся в январе и особенно в феврале. Позднейший скачок вверх в некоторых отдельных важнейших отраслях промышленности не является противоречием, так как решительный поворот кон'юнктуры на товарном рынке, согласно Гарвардского барометра, отстает от перелома на рынке ценных бумаг, примерно, на 6—9 месяцев.

Показателями снижения кон'юнктуры кроме краха на фондовой бирже являются: 1) падение цен; 2) снижение темпа строительства; 3) перепроизводство в автомобильной промышленности; 4) сокращение продукции в некоторых отраслях тяжелой индустрии и в текстильной промышленности; 5) сокращение торговых оборотов.

Снижение цен охватило не только текстильное сырье (хлопок) и хлебные продукты, что об'ясняется влиянием рекордного мирового урожая хлебов и хлопка, но распространилось и на рынок промтоваров, в частности на группу металлов и металлических изделий. Индекс Фишера упал с декабря прошлого года по март нынешнего почти на 4 пункта, настолько же снизился и индекс Бюро Статистики Труда. Существенным моментом является падение покупательной силы фермерского доллара, что выражается усилением расхождения цен на сельскохозяйственные и промышленные изделия. Еще в 1925 г. покупательная сила фермерского доллара равнялась 60 центам по сравнению с 1913 годом. Теперь она упала еще ниже. Так, индекс цен на зерно Департамента земледелия Соед. Штатов составлял 15 марта 133 (базис—1913 г.) против 140 в феврале, 143 в январе 1926 г. и 172 в марте прошлого года; индекс хлопка и хлопковых семян—133 в марте против 142 в феврале 1926 г. и 195 год тому назад. При этом выручка фермеров сокращается еще под влиянием увеличения доли торговли и транспорта. В прошлом году, по данным National Industrial Conference Board, доход сельского хозяйства составлял 3% на инвестированный капитал, в нынешнем году эта норма, повидимому, понизится еще больше. Между тем, доход железнодорожных кампаний, регулируемый правительством, составил в 1925 г. 5,7%.

В результате, фермерская проблема становится актуальной, усиливая протекционистское крыло среди фермерства и порождая в фермерских парламентских кругах проекты, направленные к валоризации, т.-е. к снятию излишков хлеба для удержания высоких цен на него на внутреннем рынке. Гудспидз из Техаса выразил общее настроение этих кругов, когда заявил на конгрессе во время прений в связи с сельскохозяйственной проблемой: „Я хочу, чтобы фермер был уравнен с промышленником из Новой Англии".

В области производства следует констатировать депрессию в угольной промышленности, продолжающееся уже в течение трех месяцев снижение портфеля неисполненных заказов Стальной Корпорации и расту-

щее отставание ее продукции от поступления новых заказов, перенасыщение рынка автомобильной продукцией, выражающееся в учащении случаев неплатежей по продажам в рассрочку, которые в этой отрасли производства достигли колоссальных размеров, составляя до 75% всех сделок, а за весь 1925 год — огромную сумму в 2 млрд. долл.[1] Строительство развивалось более медленным темпом, чем в прошлом году.

Железные дороги сократили свою строительную деятельность еще в 1925 г. Таким образом, три главнейших потребителя железной и стальной продукции, — в 1925 г. автомобильная промышленность пред'явила спрос на 13%, строительство—17%, железные дороги—25% продукции,— определяющие судьбы металлургии, или уже сократили свой спрос или стоят накануне этого.

Из отраслей легкой индустрии нефтяная и текстильная дали, в свою очередь, снижение, при чем в первой снижение, повидимому, явилось результатом сознательной политики со стороны крупных нефтяных концернов, заинтересованных в удержании высоких цен на нефтяные продукты, вторая же отрасль явно переживала угнетенное состояние.

Наконец, существенной особенностью протекшего квартала является переход от активного к пассивному торговому балансу с тенденцией возрастания пассива. Так, в январе избыток импорта над экспортом составлял 19,6 милл. долл., в феврале уже 39 милл. долл., а в марте—70 милл. долл., всего на 128 милл. долл. Этот переход к пассивному торговому балансу завершает собой все яснее выделявшийся в течение последних лет процесс уменьшения избытка вывоза над ввозом во внешней торговле Соед. Штатов. Тем не менее, трехмесячный пассивный баланс вызвал замешательство в заинтересованных кругах Америки и заставил директора Департамента внешней торговли Соед. Штатов, Клейна, признать в этой области наличность кризиса.

Ближайшей причиной переворота в американской внешней торговле следует считать неблагоприятное соотношение цен на главнейшие экспортные и импортные товары: цены на первые — хлопок, автомобили, медь и проч. — упали, на вторые — каучук, кофе и проч. — значительно поднялись. Кроме того, импорт форсировался за счет экспорта под влиянием высокой промышленной кон'юнктуры внутри страны. Более глубокая причина происшедшей перемены, однако, лежит во взаимоотношениях между американским кредитором и европейским должником. Создавшееся положение во внешней торговле вместо этого противоречия порождает новое, а именно: между американским инвестором и американским производителем.

Причина перелома кон'юнктуры заключается в форсировании на неограниченных кредитах производственной активности в целях использования расширившегося производственного аппарата независимо от сужения рынков: внутреннего — вследствие падения покупательной силы фермеров, в связи с плохим урожаем и неблагоприятными условиями развития американского сельского хозяйства, и внешнего — в связи с низкой платежеспособностью европейского населения.

[1] Продажи в кредит получили широкое применение в Соед. Штатах, распространившись на предметы домашнего потребления, а в последнее время и на мелкие орудия производства.

Благоприятные условия денежного и капитального рынков могут отсрочить наступление перелома кон'юнктуры, но избежать его уже невозможно. Задерживающим фактором могут также послужить благоприятные виды на урожай.

Англия. Для характеристики хозяйственного положения Англии интереснее остановиться на процессах, происходящих в глубинах ее экономического организма, чем на поверхностных кон'юнктурных явлениях, отражающих нередко сезонные или случайные колебания. Все британское хозяйство с точки зрения экономического благополучия следует разделить на два сектора: банковский (финансовый капитал) и промышленный, при чем сфера промышленного капитала резко различается в зависимости от того, идет ли речь о промышленности, работающей на внутренний рынок (sheltered) и промышленности, зависящей от экспорта (unsheltered).

Различное положение и перспективы финансового и промышленного капитала отражаются и на самочувствии их носителей. Сравнение оценки хозяйственной кон'юнктуры и видов на будущее, сделанное банкирами и представителями промышленности в начале 1926 г., указывает на то, что финансисты чувствуют себя прочно и уверенно, в то время как в выступлениях промышленников, в особенности представителей тяжелой индустрии, слышатся явные нотки тревоги. Английские банки, привлекаемые низкой заработной платой и перспективой высоких прибылей, а также в целях монополизации важнейших видов сырья, все более сосредоточивают свою деятельность вне британских островов, в колониях и доминионах, а также в Европе и Южной Америке, где благодаря лучшей организации и историческим традициям британским банкам удается укрепиться на отдельных командных высотах. Проведение денежной реформы особенно укрепило положение банков и позволило им в совокупности с рядом других благоприятных условий выдать своим акционерам дивиденды за 1925 г., превышавшие довоенные, меж тем как ряд отраслей промышленности работал с минимальной рентабельностью или даже убыточно. В этом все определеннее выявляется тенденция к сосредоточению хозяйственной активности Англии на роли посредника в коммерческих и финансовых сделках за счет сжатия ее производственных функций; хотя не следует забывать, что подрывом посреднической деятельности является, в свою очередь, рост национального движения в колониальных и полуколониальных странах.

Различие между „защищенной“ и „незащищенной“ промышленностью определяется тем, что первая, к которой относятся такие отрасли как строительная, транспорт, типографское дело и т. п., не испытывает иностранной конкуренции и перекладывает, кроме того, высокие налоги, от которых страдает британское хозяйство, на потребителя, повышая тем стоимость жизни и, как следствие этого, заработную плату.

Положение „незащищенной“ промышленности неблагополучно под влиянием потери Англией монопольного положения на мировом рынке, что началось еще до войны, но особенно обострилось послевоенными последствиями. Последние сводятся к трем моментам, констатированным комиссией Бальфура, обследовавшей состояние внешней торговли: 1) уменьшению покупательной силы населения на внешних рынках; 2) индустриализации ряда аграрных стран; 3) иностранной конкуренции

Особенно плохо стало с введением золотого стандарта. Расхождение между высокими издержками британского производства и мировыми ценами теперь уже не маскируется денежной оболочкой и испытывается крайне болезненно ориентированным, по преимуществу, на внешний рынок хозяйством.

Из „незащищенных" отраслей в особенно тяжелом положении находится судостроение, железная и стальная индустрия и угольная промышленность, в них и безработица свирепствует сильнее всего. Тяжелое положение судостроения продолжало и в этом квартале ухудшаться, тоннаж строящихся судов сокращался несмотря на обременение бюджета увеличенной программой судостроения. Вследствие высоких издержек производства заграничные заказы сокращаются. Бывали случаи, что отечественные заказы попадали на иностранные верфи. Британский капитал участвует в иностранных, например, голландских, судостроительных компаниях, считая, что постройка судов за границей выгоднее. Что касается положения судоходства, то оно характеризуется тем, что около 6,5 милл. больших тонн наличного флота оставались неиспользованными.

Тяжелое положение металлургии характеризуется ее протекционистскими стремлениями, заразившими консерваторов и вызвавшими в конце прошлого года обследование ее состояния. Результаты этого обследования не опубликованы, но известное представление можно получить из речи Болдуина в палате общин 21 декабря 1925 г. „Research Committee, — сообщил премьер, — произвел основательное и детальное исследование. Показания заслушанных лиц свидетельствуют о серьезном положении. Иностранная конкуренция дает себя сильно чувствовать. Однако, установление пошлин для отрасли такой величины получило бы столь далекое отражение, что привело бы правительство в столкновение с вотумом избирателей, выраженным на выборах 1924 года".

Предприниматели испытывают тревогу под влиянием падающей доходности тяжелой индустрии и заметно воздерживаются от ее финансирования. За первый квартал 1926 г. по данным „Экономиста" от 24 апреля, основанным на отчетах 460 акционерных предприятий различных отраслей, понижение чистой прибыли дали: судостроение на 11,6%, сталь и чугун на 32,2%. Понижение на 6% испытала также и текстильная промышленность, которая в январе снова перешла на сокращенную неделю. В связи с этим находится резкое сокращение инвестиций в стальной, железоделательной, судостроительной индустрии, а также и в каменноугольной, на которой следует остановиться особо.

Английский угольный кризис составляет часть общемирового и отражает одновременно кризис британского хозяйства в целом. Материалы о состоянии английской каменноугольной промышленности дает опубликованный отчет Королевской комиссии. Значение угольной промышленности для британского хозяйства характеризуется комиссией следующими данными: 1) половина британского населения непосредственно заинтересована в угольной промышленности; 2) ценность угольной продукции в год составляет 250 милл. ф. стерл.; 3) экспорт угля составляет 0,1 по ценности и 0,8 по об'ему всего британского экспорта. Нынешнее положение этой индустрии может быть охарактеризовано тем, что уровень продукции достиг всего 90% довоенного производства. Несмотря

на сужение производства, размеры экспорта сократились еще более, составив в 1925 г. 77% довоенного (абсолютно — уменьшение свыше, чем на 20 милл. тонн). Каковы причины прогрессирующего ухудшения?

Вся угольная продукция до войны распределялась в таком соотношении: 12% шло на домовое отопление, 55% потреблялось промышленностью внутри страны и 33% шло на экспорт. Первая статья почти не изменилась, вторая испытала сокращение, особенно в 1925 г. (на 10 милл. тонн меньше, чем до войны), при чем, главным образом, за счет уменьшения потребления железной индустрии; наибольшее сжатие, как мы уже видели, дал экспорт.

Сжатие экспорта произошло под влиянием как международных причин, так и внутренних, относящихся, главным образом, к области организационной и технической структуры английской угольной промышленности. Мировой рынок находится явно под давлением превышения предложения угля над спросом. После войны производство угля развилось в ряде европейских и неевропейских стран. Вне Европы рост продукции дают Соед. Штаты, Япония, Индия, Южная Африка, Бразилия. В Европе усиленно развивают производство в последние годы Германия, Франция и ряд мелких стран. В Германии выросла продукция бурого угля, равняющаяся в переводе на каменный уголь 15 милл. тонн. Во Франции угольная продукция в 1920 г. дала 42% внутреннего потребления, в 1925 г. — 64%, в 1926 г. ожидают 68%. Далее следует отметить выросшее значение заместителей угля: нефти и гидроэлектрической энергии. О росте потребления гидроэлектрической энергии дают представление следующие данные: Соед. Штаты произвели в 1925 г. 68 милл. киловатт-часов против 12 милл. до войны, Европа произвела в 1924 г. 35 милл. киловатт-часов. Одновременно с ростом предложения энергии всех видов замечается благодаря усовершенствованию теплосилового хозяйства относительное уменьшение спроса, что отражается на потреблении твердого топлива.

При этих условиях сбыт угля становится затруднительным. Депрессия в Европе, в свою очередь, сузила емкость рынка. Но английская политика сама способствовала еще большему сужению рынков для своего угля. Это относится к германским репарационным поставкам и политике в отношении СССР. Хотя Королевская комиссия пытается ослабить значение репарационных угольных поставок, но требование, пред'явленное Германии, об обязательстве поставки до 20 милл. тонн твердого топлива „союзникам" в счет репараций, т.-е. в виде контрибуции, несомненно, парализует в значительной мере британскую конкуренцию. Чем меньше уверенности в платежеспособности Германии, тем охотнее бывшие союзники Англии обращаются к германскому углю, на приобретение которого не приходится добывать иностранную валюту. Потеря русского рынка отмечается самой комиссией, как тяжелый удар для британского твердого топлива.

Но наибольшие тормозы для британского угольного экспорта лежат во внутренней организации промышленности. Производительность труда в угольной промышленности все падает. Она составляла на одного рабочего: в 1879—1883 гг. в среднем 319 тонн, 1889—1893 гг.—282 тонн, 1909—1913 гг.—257 тонн, 1924 г.—220 тонн, 1925 г.—217 тонн. Комис-

сия, однако, признала, что падение производительности не зависит от углекопов и, наоборот, констатировала, что часовая производительность забойщика увеличилась. Причины сокращения производительности лежат в раздробленности английской угольной промышленности, где на 1.400 угольных предприятий приходится 2.500 рудников; в технической отсталости, выражающейся в том, что механическим путем добывается всего 19% продукции, в то время как в Соед. Штатах—66%; в выработанности шахт в работе на значительной глубине и над относительно тонкой породой. В связи с последним и находится неблагоприятное соотношение между работающими непосредственно в производстве и обслуживающим персоналом: до войны на каждые 100 человек, непосредственно занятых в производстве, приходилось 114 обслуживающих, теперь—145.

Понятно, поэтому, что издержки производства при этих условиях должны быть высокими, не соответствующими цене угля на внешних рынках. В 1924 г., в мае, правительство и углепромышленники пытались выйти из тупика за счет снижения заработной платы, несмотря на то, что она не достигла довоенного уровня. Однако, готовность пролетариата к борьбе отпугнула от решительных действий, и правительство во избежание приостановки работ согласилось на субсидию. За 9 месяцев — с августа прошлого года—субсидия, имевшая целью гарантировать угольным баронам прибыльное ведение дела, достигла 19 милл. ф. ст. Она составляла 3 шил. на тонну и обеспечивала прибыль в 1 шил. 6 пенсов на тонну. Однако, за все это время углепромышленники спокойно клали прибыль в карман, нисколько не заботясь о техническом переоборудовании и организационном усовершенствовании углепромышленности. Таким образом, лишение субсидии, которое сделалось необходимым в виду того, что государственный бюджет за 1925/26 г. был сведен с дефицитом в 14 милл. ф. стерл., и обрекало, в свою очередь, угольную промышленность на дефицитность. По расчету комиссии прекращение субсидии означало, что 73% угольной добычи будет нерентабельным.

Положение угольной промышленности явно показывает, что она сможет развиваться либо при условии снижения заработной платы, либо полной реорганизации вплоть до национализации. Последняя, однако, является утопией при сохранении капиталистической системы, так как национализация этой отрасли немедленно повлекла бы за собой национализацию всей остальной тяжелой индустрии. С другой стороны, сокращение заработной платы означает снижение „Standard of Life“ английского пролетариата, что встретит с его стороны жесткий отпор.

В тяжелом положении находится также и сельское хозяйство Англии. Площадь обрабатываемой земли резко сократилась, соответственно и сборы, что является особо неблагоприятным фактором, так как население по сравнению с довоенным временем увеличилось по переписи 1921 г. свыше чем на 2 милл. человек. Поэтому растет по сравнению с довоенным временем ввоз продовольственных продуктов, что отражается на усилении пассива торгового баланса, следовательно, и на платежном балансе. Под влиянием упадка сельского хозяйства, а также депрессии в судоходстве и тяжелой индустрии, обрисованной выше, актив платежного баланса тает. По данным Board of Trade он составлял: в 1920 г.—252 м. ф., 1922 г.—154 м. ф., 1923 г.—153 м. ф., 1924 г.—63 м. ф., 1925 г.—28 м. ф. Это сокращает возможности иностранной

эмиссии и, в свою очередь, может усугубить тяжелое положение британского хозяйства.

Германия. В течение всего квартала Германия продолжала пребывать в состоянии глубочайшей депрессии. Даже сезонные факторы не смогли поколебать понижательный тонус хозяйственной жизни. Безработица оставалась почти стабильной, составляя среди членов профсоюзов 22% полных и 21,6% частичных безработных. На 15 марта застрахованных безработных числилось 2.017 тыс. чел. За вычетом сезонного оживления в некоторых отраслях уровень безработицы даже повысился. Вместе соединяя полных и неполных безработных, получаем около 4 милл. людей, т.-е. 1/5 наемных рабочих, производительная сила которых не может быть использована промышленностью. Продукция угля и чугуна понизилась, но выплавка стали повысилась. Все остальные отрасли находились либо в плохом состоянии, либо показывали легкое сезонное оживление. По данным профессора Ледерера германская промышленность по меньшей мере дает лишь 40% того, что она может дать. Одно стальное об'единение работало официально на 65% своей нагрузки, на самом же деле еще ниже. Цены, главным образом синдикатские, обнаруживали падение в течение января—февраля (на 4%), несколько приостановившееся в марте под влиянием, главным образом, роста цен на пшеницу. Обороты внешней торговли сократились, главным образом, за счет сжатия импорта, что обеспечило активный торговый баланс.

Хозяйственная обстановка Германии под влиянием кризиса характеризуется избытком денег, растущей ликвидностью денежного рынка. Золотые запасы и девизный портфель Рейхсбанка растут при одновременном сокращении вексельного портфеля. В связи с этим находится падение частного дисконта, за которым не может угнаться официальная ставка Рейхсбанка.

Ни падение учетной ставки, ни систематическое снижение цен в качестве стихийных регуляторов, порождаемых самим кризисом, не привели к его преодолению. Факторы рационального регулирования — снижение налогов, кредиты разным отраслям хозяйства и внешней торговле, рационализация промышленности и т. п.—также оказались недостаточными.

Преодоление кризиса возможно лишь при условии расширения старых рынков и приобретения новых. Эта задача трудно достижима для современной Германии. Внутренний рынок, значительно сузившийся после войны и инфляции, сжался еще более во время кризиса. Особенно этому способствует политика картелей, предпочитающая сжатие производства, чем снижение цен. На внешнем же рынке, перерезанном таможенными заставами, царит ожесточенная конкуренция. Здесь политически и экономически ослабленной Германии приходится бороться с конкурентами, богатыми капиталами и нередко в техническом отношении лучше ее вооруженными. При этих условиях германский капитал для обеспечения своего положения на внешних рынках вынужден прибегать к дэмпингу, т.-е. к нерентабельному экспорту, что приводит при слабой покупательной способности внутри страны к понижению нормы прибыли и даже дефицитности отдельных отраслей промышленности. Вся обстановка диктует германскому капитализму сужение его базы, что неизбежно связано с наличностью довольно значительной и устойчивой безработицы.

Франция. В центре экономической и политической жизни Франции стояли финансовые затруднения. Под влиянием финансового бойкота со стороны Соед. Штатов и Англии, а также дезорганизующих последствий непрерывного падения франка, выражавшихся в росте цен, в увеличении пассивности торгового баланса и в отсутствии доверия у населения к государственному кредиту, — французское правительство стало перед необходимостью упорядочения финансового положения, как первого шага к денежной реформе.

В первую очередь возникла задача сбалансирования бюджета. Вокруг вопроса о покрытии бюджетного дефицита на 1926 год в размере 4.409 милл. фр. и разложении налогового бремени велась борьба, с одной стороны, между крупной буржуазией и всеми прочими слоями населения и, с другой стороны, между тяжелой промышленностью, работающей на экспорт, и легкой промышленностью, зависящей от импорта. Непрерывно сменявшиеся кабинеты выявили одну общую тенденцию: стремление буржуазии ликвидировать финансовые затруднения за счет народных масс, что ей и удалось благодаря попустительству левого блока. Палата депутатов санкционировала повышение косвенных налогов (на 2.670 милл. фр.), увеличение налога на торговый оборот с 1,3% до 2% и проведение поголовного гражданского налога в размерах от 40 фр. (для лиц, не обложенных налогами) и до 1.000 фр. (для лиц с высокими доходами). Однако, по примеру прошлых лет можно сомневаться в возможности реального достижения бюджетного равновесия, так как бюджетные поступления исчислены при курсе—фунт стерлингов=100 фр., в то время как в середине апреля фунт стерлингов=150 фр., с другой стороны, утечка капитала из Франции сокращает об'екты обложения.

Что касается погашения внешних долгов, то по предварительным сведениям американский долг консолидирован в сумме 6.847 милл. долл. или 35,6 млрд. золотых франков, проценты будут начисляться через 5 лет, а именно с 1931 года. Платежи в 1926 и 1927 гг. будут равняться 30 милл. долл. в год, в 1928 и 1929 гг. по 32,5 милл. долл., с 1942 года платежи составят 125 милл. долл. в год. Погашение должно производиться в течение 62 лет. Позднейшие сведения указывают на возможность заключения займа в целях стабилизации франка, при чем в этом деле и в одновременном санировании бельгийской и польской валюты примут участие кредитные учреждения Нью-Йорка, Лондона, Берлина и других денежных центров.[1]

В области производства протекший квартал характеризовался небольшим снижением активности, а во внешней торговле—ростом ее пассивности. Финансовые затруднения заставляли правительство прибегать к печатному станку, выпуская новые количества бумажных денег в обращение и увеличивая авансы французского банка казначейству. К 1 апреля количество банкнот в обращении равнялось 52.127 милл. фр. при эмиссионном пределе в 58.500 милл. фр., авансы французского банка достигли 36.250 милл. фр. при лимите в 38.500 милл. фр.

[1] Позднейшие сведения указывают, что предоставление финансовой помощи со стороны Соед. Штатов и Англии обусловлено обеспечением за иностранным капиталом контроля над важнейшими сферами экономической жизни Франции, в частности над ее финансовым и денежным хозяйством.

Франк продолжал падать, но замедленным темпом. Падение за весь первый квартал составило 6,7%. В апреле падение франка продолжалось. Ближайшие месяцы будут для французского хозяйства месяцами испытаний, неизбежных как в случае попытки упорядочения финансового положения страны, так еще более при его дальнейшем ухудшении.

Прочие европейские государства. Экономическое развитие остальных стран европейского континента испытывало последствия промышленного кризиса Центральной Европы (Германия и Австрия), а также находилось под влиянием внутренних хозяйственных затруднений.

На примере Бельгии и крушении ее валюты можно продемонстрировать установившуюся зависимость развития отдельных стран от финансового капитала. В течение нескольких месяцев бельгийский франк оставался стабильным, парламент уже принял соответствующие законопроекты для окончательного проведения денежной реформы, и вдруг 15 марта с трудом воздвигнутое здание стабилизации рухнуло. Под влиянием определенных маневров со стороны отечественных и иностранных банкиров франк поколебался и к концу марта понизился на 18% против стабилизационного курса. Для санирования валюты иностранным капиталом были пред'явлены бельгийскому правительству следующие требования: 1) максимальное сжатие бюджета; 2) консолидация всего внутреннего долга и привлечение к этому делу бельгийских банков; 3) акционирование железных дорог и перевод их на хозяйственный расчет; 4) сокращение внешнего займа до 100 милл. долл. и предоставление в качестве залога правительственного портфеля ценных бумаг бельгийских колониальных предприятий, что следует поставить, повидимому, в связь с интересом американского капитала к медным рудникам в бельгийском Конго.

Динамика хозяйства Италии представляла сплетение двух основных процессов, находившихся между собой в функциональной связи: снижения производственной активности и укрепления финансового положения. Против прошлого квартала продукция ряда отраслей пребывала либо на том же уровне, либо незначительно упала, безработица возросла на 39%, грузооборот сократился, эмиссия капиталов упала на 23,6%, курс промышленных акций снизился на 8,3%, пассивность торгового баланса возросла почти вдвое. В связи с этим ухудшился платежный баланс, который становится все менее благоприятным для Италии под влиянием ослабления притока иностранного капитала, а также притока денежных средств со стороны окончательно покинувших свою родину итальянских рабочих и мелкой буржуазии.

В области финансовой следует отметить превышение доходов над расходами (по официальным данным), снижение внутреннего долга, стабильность лиры. Ухудшение дел в Европе и прекращение инфляции ставят под вопрос достигнутый до сих пор в Италии хозяйственный прогресс.

Чехо-Словакия, теснее других связанная с Германией и Австрией, вступила в полосу депрессии. Ряд важнейших отраслей промышленности испытывал серьезные заминки, чувствительнее всего в сфере экспорта, где приходилось очищать позиции перед германской и французской конкуренцией.

Хозяйство Польши находилось под концентрированным воздействием двойного расстройства финансов и промышленности. Для удержания злотого от дальнейшего падения вся страна была переведена на строгую бюджетную диэту. В тех же целях было сжато внутреннее потребление и форсировался экспорт. Меры искусственного дыхания оказались, однако, недостаточными, и с апреля месяца злотый снова потерял равновесие, упав вновь до 63% паритета. Нет сомнения, что на этом уровне он едва ли удержится: доверие к злотому подорвано, население все более привыкает к американскому доллару, как платежному средству.

Тяжелое хозяйственное положение страны характеризует огромная безработица, охватившая более половины промышленного пролетариата, и эмиграция промышленных предприятий в соседние страны, принявшая, в особенности в текстильной промышленности, значительные размеры.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

В. А. Гайдук

Состояние, задачи и перспективы дорожного строительства в СССР [1]

В борьбе за восстановление народного хозяйства среди прочих хозяйственных фронтов встал на очередь и фронт дорожный. Если в период гражданской борьбы дорожное строительство проходило под флагом военной необходимости, то за ликвидацией военных фронтов и множества фронтов экономических, дорожному строительству пришлось „стать в очередь“ на одно из довольно отдаленных мест. Ныне же, когда восстановление народного хозяйства подходит к довоенным пределам, когда вопросы уменьшения накладных расходов на товары промышленного и сельского производства являются актуальнейшими, когда разрешение вопроса индустриализации деревни немыслимо без разрешения проблемы транспорта в первичных его стадиях,—дорожное хозяйство начинает оставливать на себе все больше и больше внимание государственной и общественной мысли.

Задачи, которые предстоит разрешить в дорожном строительстве, можно разделить на следующие главнейшие категории: задачи организационного порядка, технические задачи, задачи механизации и финансирования. Для того, чтобы правильно подойти к разрешению этих задач, необходимо осветить одновременно как состояние дорожного хозяйства, так и намечающиеся перспективы его развития.

Задачи организации дорожного дела являются одними из основных; как выразился один из старейших работников дорожного дела, лучше затратить 50% расходов на организацию дорожного хозяйства и 50% на работы, чем 100% на работы и нуль на организацию. Поэтому мы считаем далеко не лишним остановиться несколько подробнее на организационном вопросе, коснувшись и истории этого вопроса, тем более, что он ни разу до сих пор не освещался в печати.

В довоенное время дорожное дело находилось в ведении 5 ведомств: министерства путей сообщения (по управлению внутренних водных путей и шоссейных дорог), министерства внутренних дел (по главному управлению местного хозяйства), министерства земледелия (по переселенческому управлению), министерства военного (по главному управлению по постройке казарм) и, наконец, земства. Если находившееся в ведении министерств дорожное дело так или иначе было об‘единено в центре, то дорожное дело в земстве не имело никакого об‘единяющего начала и потому,

---

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

если даже признать, что постановка дорожного дела в министерстве внутренних дел в смысле об'единения технического и хозяйственного руководства оставляла желать весьма многого, то необходимо также признать и то, что дорожное дело в земствах не могло иметь единого регулирующего начала в силу об'ективных условий, от самого земства не зависевших, и это обстоятельство крайне тяжело отражалось на земском дорожном хозяйстве. Поэтому-то мы и видим, что постановка дорожного дела в земствах носила весьма пестрый характер: были земства, как, например, Московское, в которых дорожное хозяйство во всех отношениях было поставлено образцово, а были земства, в которых дорожное дело находилось в загоне. К сожалению, число земств последнего типа составляло значительное большинство, а так как дорожное дело в земских губерниях находилось целиком в ведении земства, на долю же министерств оставались дорожные задачи только специального характера и сравнительно ограниченного масштаба (м. п. с. ведало только шоссейными дорогами и только в пограничных районах на Западе и на Кавказе, министерство военное занималось только постройкой стратегических шоссе, которые затем передавались в ведение м. п. с., министерство земледелия занималось только переселенческими дорогами, а министерство вн. дел—дорожным делом в немногочисленных губерниях, в которых еще не было введено земство, то отсюда станет вполне ясным, почему состояние дорожного дела в довоенной России определялось характерным термином—„бездорожье".

Это тяжелое состояние дорожного хозяйства стало еще более трудным с наступлением военных действий: и без того незначительные дорожные ассигнования начали урезываться все сильнее и сильнее. Можно сказать, что ко времени установления советской власти дорожные кредиты в центральных и восточных губерниях были сведены к нулю, а дорожные аппараты совершенно обессилены несколькими мобилизациями, переходом части технического персонала на дорожные работы на фронте, привлечением к работе в военно-промышленные комитеты и т. п. Правда, за время войны вырос совершенно новый и весьма значительный дорожный аппарат на всех фронтах, но об'ектом его работы были дороги относительно узкой прифронтовой полосы; на всем же остальном пространстве государства дороги постепенно приходили в окончательно непроезжее состояние. Начавшаяся гражданская война потребовала переброски всего военно-дорожного аппарата на внутренние фронты, и тогда выявилась острая необходимость ремонта целой сети дорог во внутренних губерниях. Постепенное отодвижение гражданских фронтов к границам советского государства сопровождалось развитием деятельности военно-дорожных отрядов и расширением территории, ими обслуживаемой. С ликвидацией гражданских фронтов военно-дорожные организации были постепенно расформировываемы; к сожалению, технический персонал и оборудование их не были обращены на укомплектование местных органов дорожного хозяйства; значительная часть персонала и имущества распылилась по другим организациям. К этому времени дорожное строительство ушло из ведения комитета государственных сооружений, где оно было об'единено советской властью в едином дорожном органе—Управлении Шоссейных и Грунтовых дорог, и было передано частью в НКПС (дороги государственного и стратегического значения), частью в НКВД (дороги

местного значения); таким образом, дорожное дело вновь оказалось в руках двух хозяев, из которых первый—НКПС—сумел организовать правильно построенный технический дорожный аппарат, а во втором—дорожное дело оказалось почти в тех же условиях, в которых оно находилось в земстве. Естественно, что среди большинства работников дорожного дела вновь будируется мысль о необходимости об'единения дорожного дела и об организации общего технического аппарата. В некоторых районах Союза (Северо-Кавказский край, Сибирский край) такое об'единение уже достигнуто на основе постановления ВЦИК от 13 июля 1925 г., но не все детали построения аппарата еще проработаны. Предстоит еще весьма значительная работа, которая должна быть проделана во что бы то ни стало до конца, так как, повторяем, правильная организация дела есть половина дела; иначе дорожное хозяйство в Союзе окажется в том же положении, в каком оно находилось до войны.

Не лишним будет указать здесь на то обстоятельство, что вопросу организации дорожного дела придается за границей все большее и большее значение, так как вследствие появления механического экипажа на дорогах приходится совершенно иначе подходить к вопросу заведывания дорогами. Зарубежные страны вынуждены перестраивать свою дорожную организацию в направлении централизации дела, в то время как раньше во многих государствах считалась аксиомой необходимость децентрализованного заведывания дорожным хозяйством.

Не менее важным вопросом организационного порядка является вопрос об установлении списков дорог, находящихся на территории Союза. Как это покажется ни странным, но факт тот, что мы до сих пор не знаем, сколько дорог имеется в нашей стране, какого они типа и каково значение каждой из них. Цифры, которые приводятся в различных статистических сборниках о протяжении дорог по губерниям, настолько разнятся между собой, что вызывают сомнение в правильности их. Об'ясняется это тем, что статистические учреждения, делая сводки о протяжении дорог, лишены возможности критиковать те цифры, которые они получают с мест; места же не имеют общего критерия для отнесения дорог к той или иной категории, и потому, если одна губерния, давая протяжение всех трактовых дорог, включала сюда и проселочные дороги и получала цифры в десятки тысяч верст, то другая давала протяжение дорог только так называемого губернского значения, содержащихся за счет б. губ. земств, почему эти цифры очень часто не достигали и тысячи верст на губернию. Таким путем, например, б. министерство внутренних дел насчитывало на 1 января 1910 года грунтовых трактовых дорог 181.957 верст, а проселочных—1.046.000.

Наши пробные подсчеты, произведенные в этом направлении по данным целого ряда губерний (но далеко не всех), увеличивают цифры протяжения больших трактовых дорог приблизительно вдвое, а цифру проселочных дорог,—т.-е. дорог волостного значения,—втрое. Но все эти данные не точны. Поэтому первейшей задачей в деле устроения обыкновенных дорог в СССР является выяснение протяжения их путем составления списков дорог по губерниям, районам и областям.

В этом отношении первые вехи уже даны: Советом Народных Комиссаров РСФСР издан декрет о разделении дорог на разряды и о нормах

полосы отвода под дороги (полосы отчуждения). То же уже сделано или намечается в других республиках.

То обстоятельство, что каждому разряду дорог присваивается определенная ширина полосы отвода, заставит местные органы внимательно отнестись к разделению дорог на разряды, для чего, прежде всего, придется составить перечневые ведомости дорог по губерниям (областям), уездам (округам) и волостям (районам). Таким образом, можно рассчитывать на получение в ближайшем же времени точных списков дорог. Если и будут в них ошибки, как во всякой работе, проделываемой впервые, то все же главная работа будет выполнена, так что в дальнейшем корректирование этих списков уже не представит больших затруднений.

Особо стоит вопрос об установлении списков под'ездных к железнодорожному и водному транспорту дорог, поскольку эти под'ездные пути признаны подлежащими ведению НКПС. Работа в этом направлении уже заканчивается ЦУМТ'ом. Результаты этой работы дадут возможность осветить вопрос о питании грузами основных видов транспорта и поставить вопрос об обращении попудных сборов, установленных с грузов, транспортируемых по железным дорогам и водным путям, на улучшение питательных под'ездных безрельсовых путей. На этом вопросе мы позволим себе остановиться в дальнейшем изложении.

В основу разделения дорог на разряды и установления списков дорог и под'ездных безрельсовых путей придется положить их значение в экономической жизни страны. Правда, в этом случае необходимо будет вносить некоторые поправки, вытекающие из того, что часть дорог имеет административное, культуртрегерское или иное значение, но в общем грузонапряженность дорог, отражающая экономическое значение их, должна играть главную роль при включении дорог в тот или иной разряд, в тот или иной список. Если при первом составлении списков дорог вряд ли удастся получить точные данные о грузонапряженности их, ибо экономические обследования дорог в довоенное время были произведены только в единичных губерниях, в наше же время не имели возможности развернуться в должных размерах по целому ряду причин, то для дальнейшего корректирования списков потребуется более точно обоснованные данные.

Для такого корректирования необходимо произвести экономические обследования работы дорог. Методы этих обследований могут быть различны. Но поскольку желательно скорейшее выявление системы тех кровеносных сосудов, по которым протекает экономическая жизнь государства и установление их относительной важности в государственном организме, постольку необходимо применить возможно простейшие методы экономических обследований дорог. Учитывая это обстоятельство, ЦУМТ разработал этот вопрос в изданном им сборнике № 10. [1]

Вместе с тем в процессе производства работы по экономическим обследованиям выяснилась возможность еще большего упрощения методов работы; это обстоятельство найдет свое отражение в новой инструкции, выпускаемой в ближайшее время.

[1] Что вопрос об экономических обследованиях дорог вообще назрел, подтверждается тем обстоятельством, что первое издание сборника разошлось в самый короткий срок и приходится выпускать второе издание, так как требования на сборник не прекращаются.

Совещание экономистов Окружных Управлений Местного Транспорта в марте текущего года констатировало, что при помощи этих упрощенных методов представится возможным закончить экономические обследования гужевых дорог на территории Европейской части Союза к концу 1927 года. Конечно, это будет первичный материал, требующий дальнейшей проработки и проверки, но представляется важным то обстоятельство, что к этому сроку будут готовы в первой редакции карты грузонапряженности, т.-е. впервые мы увидим кровообращение организма страны по его капиллярным сосудам—грунтовым и шоссейным дорогам. Экономические обследования для технического аппарата, обслуживающего дороги, важны в том отношении, что они дадут полную возможность правильного планового построения работ по приведению дорог в проезжее состояние, т.-е. позволят, наконец, всерьез приступить к работе по изжитию „бездорожья“ в стране.

Несколько слов необходимо попутно сказать о том, во что обходится народному хозяйству это бездорожье. Еще в 1870 г. Головачев определил эти убытки в 370 миллионов. Московское и другие губернские земства исчисляли их в среднем в 400 миллионов рублей, подсчеты же межсекционной комиссии Госплана РСФСР определяют примерный размер убытков по грузообороту последних лет довоенного времени в один миллиард рублей в год, не считая убытков, которые несет страна от ограничения районов производства и сбыта, от торможения развития промышленности и др. [1]

С окончанием гражданской войны и улучшением экономического положения государства, последнее стало уделять внимание и дорожному хозяйству. Состояние дорог к тому времени оказалось таким, что даже по большим трактам движение местами совершенно прекратилось, вследствие отсутствия переправ через реки. Процент мостовых сооружений, требовавших капитального ремонта и восстановления, на государственных дорогах определился в 1922 году цифрой 60. В 1924/25 году этот процент упал до 39. К настоящему моменту он еще понизился. Если принять во внимание, что довоенная годовая норма об'ема работ по капитальному ремонту мостов определялась приблизительно в 10% общего их протяжения, то нельзя не признать, что остающийся процент все же еще является чрезмерным. На дорогах местного значения состояние искусственных сооружений гораздо печальнее, так как средства на ремонт их отпускались в меньшем проценте от полной потребности, чем на дороги государственные. Состояние полотна дорог еще более тяжелое, чем состояние мостов. В особенности плохо состояние проезжей части шоссейных дорог: шоссейная кора настолько износилась, что остающаяся толщина ее является критической. Увеличение ассигнований за последние 2 года позволило обратить внимание и на ремонт шоссейной коры, но разрушения в ней настолько велики, что затруднительно точно учесть, в какой срок и при каких средствах удастся привести проезжую часть в довоенное состояние. Пример Крыма в этом отношении особенно показателен.

[1] В подтверждение цифры Госплана РСФСР приведем, как пример, цифру убытков от бездорожья, исчисленных Армавирским округом в 9 миллионов рублей.

В прошлом 1924/25 г. было отремонтировано сплошными россыпями щебня 132 версты из общего числа 604 верст Крымских дорог. Этот капитальный ремонт был произведен, главным образом, на линиях Севастополь — Ялта — Алушта — Симферополь, остальные же версты были исправлены мелким ремонтом. Таким путем был дан безопасный свободный проезд автомобилям на всем протяжении этих линий. В текущем году будут произведены сплошные россыпи на остальных верстах этих линий; но и капитально ремонтированные в прошлом году версты уже начинают сдавать, чему, правда, много способствовали декабрьские и январские ливни. Шоссе Севастополь—Симферополь, по которому весной прошлого года проезд был достаточно удовлетворителен, пришло теперь в совершенно непроезжее состояние. Непроезжим стало и шоссе от Алушты на Судак и Феодосию, вследствие осыпей и оползней, засыпавших проезжую часть. Несмотря на то, что и в прошлом и в текущем году поверстные суммы, отпускаемые на ремонт, достигают почти половины довоенной нормы, превосходя вдвое ассигнования на другие шоссе, не представляется возможным поставить капитальный ремонт в том об'еме, которого требует выросший в Крыму за последние годы автотранспорт, и приходится ограничиваться паллиативами в виде мелкого ремонта таких верст, которые настоятельно требуют серьезного капитального ремонта.

Состояние полотна грунтовых дорог самое тяжелое, в особенности на местных дорогах, где, как выше было сказано, необходимо в первую очередь привести в порядок мосты. Между тем, изжитие бездорожья мыслимо только в том случае, если мы сумеем решить вопрос о ремонте грунтовых дорог.

К ремонту полотна грунтовых дорог, на который в довоенное время не обращали почти никакого внимания, за исключением случаев проезда губернаторов и архиереев, когда для ремонта дорог выгонялся исправниками народ и землю из канав валили на полотно, в настоящее время намечен новый подход с использованием американских методов профилирования дорог машинами и с изучением свойств грунтов, входящих в состав проезжей части полотна. Поскольку грунтовые дороги, улучшенные путем так называемых „добавок" грунтов в проезжую часть, исправленные выравниванием продольного и поперечного профиля при помощи стругов, утюгов и др. машин и уплотненные катком, представляют весьма большие удобства для автомобиля благодаря своей мягкости и малому износу шин, поскольку крестьянин особенно ценит мягкость дороги, так как это обстоятельство благотворно отражается на лошади и дает экономию на подковах и железных шинах колес, а также поскольку трактор на транспорте является врагом всякой дороги с каменной одеждой и последняя, в свою очередь, крайне вредно отражается на тракторных колесах и гусеницах, в то время как улучшенная грунтовая дорога способствует малой изнашиваемости трактора во всех его частях,—постольку представляется весьма важным добиться скорейших результатов в деле улучшения грунтовых дорог по указанным методам. [1]

[1] Более подробно мы не останавливаемся на этих двух методах, а отсылаем читателя к сборникам №№ 11 и 13 Отдела Шосс. дорог ЦУМТ'а, где некоторые детали этих методов работы получили освещение впервые в СССР.

Из сказанного, однако, ни в коем случае не следует делать вывода, что мы можем обойтись одними грунтовыми дорогами и не должны строить шоссе, мостовых и др. дорог с каменной одеждой. Дело в том, что всякий тип дороги должен отвечать интенсивности и характеру движения по ней. Грунтовая дорога, напр., даже и улучшенная, не выдерживает движения свыше 500.000 пудов в год, простая шоссейная дорога не выдерживает грузонапряженности свыше 2.000.000 пудов, эксплоатация такого шоссе становится невыгодной и требует перехода на более тяжелый тип, напр., мостовую и т. д. При таких условиях мы вынуждены строить дороги с каменной одеждой, отвечающей их грузонапряженности, несмотря на высокую, подчас, стоимость таковых. Конечно, нам не приходится думать об автомобильных дорогах с усовершенствованными типами одежды, с невероятной шириной проезжей части, стоимость коих достигает сотен тысяч рублей за версту (эти автомобильные дороги, строящиеся в Италии и Америке, обойдутся от 200 до 300 тысяч рублей с версты), но подумать нам об использовании для гудронирования дорог асфальта под Сызранью, цемента для бетонных дорог под Новороссийском, подумать об устройстве усовершенствованных каменных дорог под Москвой—очень и очень следует. Особое внимание надо будет обратить на устройство новых шоссейных дорог усовершенствованного типа в Крыму где существующее автомобильное движение, выросшее за последние 3 года, начинает уже задыхаться на тех шоссе, которые были в свое время переделаны из татарских троп. Эти шоссе, отличающиеся крутыми поворотами (радиус доходит до 3 саж. при наличии серпентин), большими уклонами (до16%) и недостаточной шириной, доходящей иногда до 2,5 саж., крайне вредно отражаются на эксплоатационных расходах автодвижения, повышая расход на резину с 10 до 17 коп. на километр пробега и расход горючего и смазочных масел до 25 и 30% и понижая амортизационный срок для машины средних сил с 5 до 4 лет, не говоря уже о безопасности движения как в смысле столкновения машин, так и в смысле падения их под откос. Вообще же говоря, мы должны будем строить дороги с твердой проезжей частью из того каменного материала, который имеется в районе данной постройки, обходясь пока старыми типами Мак-Адама.

Но самое большое внимание мы должны уделить постройке гравийных дорог, понимая под этим термином обыкновенные спрофилированные грунтовые дороги, проезжая часть которых укреплена гравием, галькой, жерствой, разрушенными каменными горными породами и другими материалами (вплоть до ракушки), которые представляют большее сопротивление раздавливающему и раздробляющему действию колеса, чем мягкие грунты обыкновенных дорог. Если Румыния, страна еще более бедная, чем мы, сумела выйти из состояния бездорожья путем покрытия своих дорог гравием и галькой, если Америка, затрачивающая колоссальные средства на дорожное строительство и строящая дороги самых усовершенствованных типов, продолжает весьма интенсивно постройку гравийных дорог [1], то и мы должны пойти по этому пути. Мы никогда не отда-

[1] К 1925 г. в С.-Американских Соединенных Штатах было построено: песчаноглинистых (грунтовых) дорог 63.681 миль (13,6%), гравийных 244.282 (52,2%), шоссе-макадам 60.234 (12,9%), смешанного типа (макадам-грав.) 26.680 (5,7%), гудронирован-

вали должного внимания устройству гравийных дорог (за исключением отделившихся от нас лимитрофов—Литвы, Латвии, Эстонии), а между тем эти дороги, будучи промежуточным типом между грунтовыми и шоссейными, приближаются по своей стоимости к грунтовым дорогам, а по удобству проезда к шоссейным, и это придает им особую ценность. Опыт покрытия гравием грунтовых дорог на севере в последние два года показывает, что стоимость этих работ может уменьшаться до 1000 рублей с версты, между тем как по своему внешнему виду они ничем не отличаются от шоссированных дорог, уступая последним только в способности выдерживать тяжелое движение.

К разряду гравийных дорог следует отнести и дороги, проезжая часть которых укреплена шлаком. В заводских районах шлак в большинстве случаев идет в отвал, между тем как он представляет собою прекрасный строительный материал для дорог. Запасы шлака в некоторых заводских районах настолько велики, что ими можно покрыть десятки верст дорог. Если же шлак использовать в комбинации с другим отбросом горнозаводской промышленности—газовой смолой, и при постройке применить методы устройства шоссейной дороги, то можно получить великолепные гудронированные шоссе, прекрасно выдерживающие тяжелое движение и не дающие пыли. Последнее качество в условиях развивающегося автомобильного движения является особо ценным, о чем мы скажем несколько слов дальше, здесь же укажем на то, что опыты устройства шлаковых дорог, производившиеся в течение двух последних лет на Урале, дали очень хорошие результаты, в особенности опыты по устройству гудронированных смолой шлаковых дорог.

Строить новые грунтовые дороги по совершенно новой трассе в наших условиях почти не приходится: существующих дорог, образовавшихся вследствие накатки ездой, достаточно; весь вопрос в приведении их в проезжее во всякое время года состояние. Однако, в районах севера, в колонизационных районах, все же придется встретиться с этим видом нового строительства. Развивающееся вновь переселение вызывает необходимость восстановления строительства переселенческих дорог грунтового типа.

В наше время, когда резко намечается тенденция в замене ручного труда машиной, необходимо подумать о механизации и дорожных работ. За границей, особенно в С.-Американских Соединенных Штатах, механизация дорожных работ развивается чрезвычайно интенсивно. Успехи, которые достигнуты в этом деле, превосходят, пожалуй, все, что сделано за это время в других областях техники. Если мы вспомним, что рост автомобильной промышленности является исключительным среди других отраслей промышленности, и что автомобиль является толкачом в деле дорожного строительства, то станет вполне понятным, что методы дорожных работ должны были получить сильнейший сдвиг в сторону механизации последних. Действительно, мы видим мощнейшие машины для постройки бетонных дорог, строящие километр дороги чуть ли не в 4 дня, мы видим разнообразнейшие машины для гудронирования дорог по методам, исчисляемым чуть ли не сотнями (каждая фирма—а их в

ных шоссе 17.539 м. (3,7%), асфальтовых дорог 9.703 м. (2,1%), бетонных дорог 31.146 м. (6,7%), клинкерных шоссе 4.349 м. (0,9%), прочих типов—10.318 м. (2,2%), всего 467.905 миль (100%).

Америке около 700—строит гудронированные дороги своего типа, имея свой секрет связующих веществ), мы видим грандиознейшие гредеры-элеваторы, сложнейшие в своем управлении гредеры, компрессорные кирки и трамбовки для ремонта дорог и множество мелких машин, которых и не перечесть. Что же имеется в смысле механизации дорожных работ у нас в СССР? Мы пока вынуждены довольствоваться теми машинами, которые попали к нам еще до 1914 года: имеются две устарелых машины для гудронирования дорог, нет ни одной машины для устройства бетонных дорог, имеется десяток—другой механических кирковщиков, пара десятков камнедробилок и около двухсот паровых и моторных катков для шоссейных дорог и десятка три гредеров простейшего типа для грунтовых дорог. До настоящего времени только Ленинградскому Губернскому Дорожному Отделу удалось получить из-за границы весьма ограниченное количество простейших машин нового типа—автоструг, струг Адамса, пару пленеров, пару утюгов и др. мелких снарядов. При таких условиях, естественно, механизация дорожных работ не может развиваться в должной мере. Но, скажут, может быть ее нам пока и не нужно? У нас, ведь, на дорогах работает, главным образом, крестьянин, а труд его в достаточной мере дешев и способен убить всякую мысль о механизации? К счастью, это не так. В тех местах, где нам удавалось производить машинно-дорожные работы, крестьяне очень быстро оценивали всю пользу машины и просили поставить машины на дороги в их деревне, давая свой труд и лошадей безвозмездно. Появление в деревне трактора должно повлечь за собой развитие машинно-дорожных работ, так как трактор не может получить полной нагрузки исключительно на сельскохозяйственных работах. Комиссия по испытанию тракторов, организуемая Госпланом СССР, наметила, между прочим, и ряд испытаний тракторов на работах по устройству дорог. Будем ждать, что она скажет свое веское слово о необходимости всемерного содействия механизации и дорожных работ в СССР.

Механизация работ необходима и в подсобных предприятиях дорожного хозяйства: на клинкерных заводах и в каменных карьерах. Клинкерные заводы, вырабатывающие клинкер для мощения дорог, построенные в годы войны, не имеют надлежащего механического оборудования, вследствие чего % выхода клинкера 1-го сорта, только и годного для мостовых, весьма низок, падая иногда до 40%. Остальной клинкер 2-го и 3-го сорта и клинкерный лом являются, таким образом, отбросами в производстве и получают употребление, главным образом, в гражданском строительстве в качестве кирпича лучших сортов. Между тем, при надлежащей механизации можно добиться 90% выхода клинкера, иначе сказать, удвоить годную для дорог продукцию, что при наличии у нас всего трех клинкерных заводов (в Гомеле, Чернигове и Топчиеве, четвертый завод в Залесье—строится) представляется крайне существенным. Каменные карьеры, как, например, Гниваньский, Кичкасский и др., имеют крайне мизерное механическое оборудование, вследствие чего стоимость выработки сортового камня и щебня ненормально высока. Оборудование для карьеров (дизеля, камнекольные, камнедробильные машины, компрессорные и электрические установки), заказанное б. Управлением Шоссейных дорог в 1917 г. в Швеции и в значительной мере своевременно оплаченное,—до сих пор не удается получить.

Как в вопросе постройки новых дорог, так и при ремонте существующих дорог, мы должны учитывать появление на них механического двигателя двух главных типов: автомобиль и трактор. Каждый из них пред'являет свои требования к дороге. Второй требует только сравнительно мягкой дороги и прочных мостов, поэтому самый желательный тип дороги для него,—как было уже упомянуто,—грунтовая дорога с соответствующими искусственными сооружениями; в случае устройства каменной одежды на дороге необходимо будет обязательно предусмотреть так наз. летний путь—параллельную грунтовую дорогу, которая в то же время является самой желательной для крестьянина. Для военного ведомства такой тип двойной дороги представляется абсолютно необходимым. Вот почему, между прочим, мы должны внимательно отнестись к вопросу сохранения полосы отчуждения под дорогу, отнюдь не сокращая существующей ширины ее, [1] которая может потребоваться полностью при дальнейшем развитии механического транспорта и усилении движения.

Что касается автомобиля, то требования, пред'являемые им к дороге, значительно серьезнее и разнообразнее; не говоря о соответствующей прочности проезжей части (в смысле толщины и плотности ее), последняя должна быть ровной и гладкой, т.-е. не иметь крупных складок в продольном профиле и мелких ухабов, выбоин и даже зубьев. Всем этим условиям дорога может удовлетворить только в том случае, если она построена при помощи машин, так как при исключительно ручной работе почти невозможно добиться всех этих качеств. Этот вопрос очень большой, но в данном случае ограничимся сказанным, пополнив требования автомобиля еще одним: дорога должна быть обеспыленной. В вопросе эксплоатации быстроходных машин это требование является одним из самых главных. Действительно, если проезжая часть дороги устроена из материала, легко выделяющего пыль, то количество поднимаемой каждым экипажем пыли пропорционально его скорости. Автомобиль, идущий со скоростью свыше 50 верст, подымает такой столб пыли, что ею бывает покрыта вся придорожная полоса. Как курьез, укажем, что одному из журналистов пришла в голову мысль избавить живущее вдоль дороги население от пыли путем запрещения возводить постройки ближе 50 саж. от оси дороги. С'езд курортных работников, состоявшийся осенью 1925 года на Кавказских Минеральных водах, обратил самое серьезное внимание на тот вред, который приносит автомобиль в курортной местности, подымая пыль, которая не садится в течение целых часов. Идя навстречу пожеланиям с'езда, ЦУМТ предполагает произвести целый ряд опытов по обеспыливанию дорог Кавказского побережья Черного моря.

Согласно указаний Госплана, ЦУМТ приступил к составлению перспективного плана на пятилетие 1925/26—1929/30 гг., но так как составление планов в окружных управлениях местного транспорта затянулось по целому ряду причин, то центральное управление приступило к составлению ориентировочного перспективного плана на основании

[1] Дороги главных сообщений в России имели ширину в 60 саж., большой бульвар между Лиллем, Рубе и Туркуеном имеет ширину под проездом различного назначения—49,7 м., ширина проезжей части новых автомобильных дорог достигает еще больших цифр.

тех материалов, которые имелись в его распоряжении с тем, что по получении планов с мест этот ориентировочный план будет соответственно прокорректирован. План разделяется на 3 части. Первая включает все работы на действующей ныне сети дорог общесоюзного значения, протяжением 42.082 километров. Так как эта сеть представляет вполне определенные и округами обследованные тракты, то все работы, намечаемые на этой сети, исчисляются более или менее определенно. Вторая часть включает все работы на тех трактах, которые должны быть приняты на госбюджет в течение ближайших пяти лет. Список этих дорог, общим протяжением около 27.000 километров, рассмотренный в междуведомственном совещании и одобренный Техсекцией Трансплана 30/XII 1925 г., подлежит окончательному утверждению СТО. Предполагается по финансовым соображениям не принимать на госбюджет сразу все дороги списка, а разбить их на очереди по годам пятилетия, в среднем около 5.000 километров в год. Расходы на эти дороги исчислены ориентировочно и пропорционально стоимости работ первой части плана. Третья часть включает работы по постройке под'ездных путей. Эти работы, как и работы второй части, хотя еще не вполне выяснились, но носят более определенный характер и включаются также пропорционально стоимости работ первой части перспективного плана.

Каждая из трех частей перспективного плана делится, в свою очередь, на следующие категории расходов: а) содержание линейного персонала, б) хозяйственные расходы, в) обыкновенный ремонт дорог и сооружений, г) капитальный ремонт, д) ликвидация запущенности, е) восстановительные работы, ж) новые работы и з) изыскания.

Поскольку первый год пятилетия—1925/26—уже на $^2/_3$ прошел, мы не будем на нем подробно останавливаться, а в окончательной сводке укажем на разницу, получившуюся между теми кредитами, которые испрашивались округами, и теми ассигнованиями, которые отпущены на 1925/26 г.

Расход по категории к первой части плана исчислен в том предположении, что количество линейного персонала, имеющееся в 1925/26 г., не увеличивается в последующие годы, равно не изменяются и тарифные ставки. В таком предположении расход на содержание 7.152 штатных единиц, определяемый в 6.180.653 руб., остается одинаковым для всех остающихся четырех лет пятилетия. Тот же принцип стабильности принят и при определении хозяйственных расходов, исчисляемых в сумме 1.075.000 руб. на каждый год.

При исчислении расходов по обыкновенному ремонту шоссейных дорог принята во внимание необходимость ежегодного усиления ремонта полотна шоссейных дорог на 20% против предыдущего года, вследствие развития автотранспорта, требующего улучшения методов работы по обыкновенному ремонту. Размеры же обыкновенного ремонта искусственных сооружений, гражданских зданий и механических снарядов остаются постоянными для всех четырех лет. Тот же принцип положен в основу и при исчислении расходов по обыкновенному ремонту грунтовых дорог.

Исчисления расходов по капитальному ремонту шоссейных дорог сделаны в том предположении, что ежегодно подвергается капитальному ремонту 10% протяжения дорог и мостов, при чем стоимость ремонта

ежегодно возрастает на 20%, в виду необходимости применения более усовершенствованных методов работы и более тяжелых типов полотна и искусственных сооружений, удовлетворяющих автодвижение.

Капитально ремонтировать гражданские здания предположено ежегодно в размере 10% общей площади их, а крупные снаряды—в размере 33% общего количества.

Почти те же соображения положены в основу при исчислении стоимости капитального ремонта грунтовых дорог.

Запущенность ремонта образовалась вследствие почти полного прекращения отпуска кредитов на капитальный ремонт в течение ряда лет войны и революции. С началом отпуска средств на ремонт дорог обращено было главное внимание на ликвидацию запущенности искусственных сооружений, и таковая к настоящему моменту почти ликвидирована. Что же касается полотна шоссейных дорог, то тут до сих пор не удалось привести в более или менее нормальное положение щебеночную кору. Поэтому перспективный план в категории „д“ первой своей части предусматривает необходимость полной ликвидации запущенности к концу пятилетия.

Работы по восстановлению целого ряда мостов и др. искусственных сооружений, разрушенных в период войны, гражданских фронтов пожарами, половодьем и т. п., предполагается закончить в течение 1926/27 и 1927/28 гг. Общая длина мостов, подлежащих восстановлению, равна около 18.000 п. м., стоимостью около 14,4 миллионов рублей. В числе искусственных сооружений предположено восстановить галлерею „Майорша“ на Военно-Грузинской дороге, на что потребуется около 450.000 руб.

Перспективный план по новым работам составлен в предположении, что к концу 1929/30 г. все грунтовые дороги будут приведены в такое состояние, при котором они будут представлять собою технически правильно устроенные пути, требующие лишь эксплоатационного расхода и будут отвечать требованиям автодвижения.

Для достижения этой цели необходимо произвести следующие коренные улучшения грунтовых дорог:

1. Улучшение полотна машинным способом с приданием полотну выпуклого профиля (машинно-дорожные работы).
2. Замену гатей постоянными укрепленными дамбами.
3. Частичное шоссирование, замощение или укрепление гравием отдельных участков дороги в населенных местах, при под'езде к городам, на под'емах и спусках, на особо слабых грунтах, на разрывах между покрытыми каменной одеждой участками и т. п.
4. Сплошное покрытие каменной одеждой (щебеночной, каменной, гравийной) магистралей.
5. Постройку новых особо крупных железных и железобетонных мостов.
6. Постройку новых гражданских зданий.
7. Постройку клинкерных заводов.
8. Заготовку механических снарядов.

В части машинно-дорожных работ (п. 1) предполагается спрофилировать около 40% общего протяжения грунтовых дорог (около 13.000 километров) при посредстве машинно-дорожных отрядов, оборудованных

с таким расчетом, чтобы производительность каждого из них была в течение сезона от 30 километров в северных губерниях до 50 километров в южных.

Замена гатей дамбами предположена на протяжении около 3.000 километров на сумму около 45 миллионов рублей.

Протяжение участков грунтовых дорог, не выдерживающих того движения, которое по ним происходит и требующих покрытия каменной одеждой, определяется, приблизительно, в 1.000 километров стоимостью около 10 миллионов рублей.

Сплошное покрытие каменной одеждой предполагается произвести на остальном протяжении грунтовых дорог, т.-е. на 30.928 — (13.000 + + 3.000 + 1.000) = ок. 14.000 километров. К сожалению, эта работа вряд ли может быть выполнена в течение одного пятилетия и потому правильнее ее разбить на два пятилетия, отступив несколько от первоначальной задачи приведения грунтовых дорог в технически правильный вид к концу 1929/30 года.

Принимая стоимость километра шоссирования или замощения в среднем в 15.000 руб. и покрытия гравием около 3.500 руб., получаем общую стоимость этих работ около 93.500.000 рублей.

В настоящее время назрела настоятельная необходимость в замене больших мостов временного типа (преимущественно, деревянных) мостами постоянными—железными и железобетонными, так как первые совершенно не отвечают режиму тех больших рек, на которых они построены. Стоимость каждого сооружения от одного до 2,5 миллионов рублей при общей стоимости их до 9.500.000 руб.

Постройка новых зданий для линейных служащих исчислена в предположении необходимости обеспечить жильем около 3.000 человек по жилищным нормам Трансплана (коэффициент семейственности—3,5 и жилая норма—9 кв. метров).

Постройка клинкерных заводов предусматривается планом в тех районах, где вследствие непомерно выросших за последнее время цен на камень, приходится думать о замене его искусственным камнем—клинкером. Перспективный план намечает постройку двух клинкерных заводов на Украине, двух в Волжском округе, двух в Средне-Азиатском и одного в Западном. Заготовка механических снарядов предусматривается для следующего рода работ:

а) по ремонту и постройке шоссейных дорог (камнедробилки, кирковщики, тяжелые катки),

б) по ремонту и постройке гравийных дорог (кирковщики и катки более легкого веса),

в) по ремонту и постройке грунтовых дорог машинным способом (тракторы, гредера, катки, скреперы, бороны и др.).

Сверх того, предусматривается заготовка некоторого количества машин, как образцов, для бетонирования и гудронирования дорог, а также механического оборудования для каменных карьеров.

Расходы по категории „з“ предусматриваются на: 1) технические изыскания, 2) почвенно-грунтовые исследования и 3) экономические изыскания. Технические изыскания будут производиться для всех новых работ по устройству каменной одежды. Почвенно-грунтовые исследования предполагаются в трех направлениях: полевые исследования, дорожные

лаборатории и опытные станции. Этого рода исследования, впервые налаживаемые в Россси и затрагивающие неисследованную область дорожных грунтов, подлежат всемерному развитию согласно указаний Трансплана и Госплана, а также Научно-Технического Комитета НКПС. Об об'еме экономических изысканий было сказано выше. Стоимость изысканий определяется на четыре года в 1.298.000 р.

Полный расход по первой части перспективного плана по госдорогам выражается за период 1926/27—1929/30 гг. в 295.183.000 руб.

Вторая часть перспективного плана, предусматривающая работы на той сети дорог, которая предполагается к принятию на госбюджет в течение предстоящего пятилетия, обнимает те же категории расходов, что и первая часть за исключением работ восстановительных, которые предполагается производить в течение всего периода, а не двух лет, как это предположено на госдорогах. Полная стоимость работ по этой части плана определяется в 79.547.000 руб.

Третья часть перспективного плана намечает работы на под'ездных путях, которые согласно общих правительственных постановлений должны находиться в ведении НКПС, но поскольку таковые не попали в перечень госдорог, утверждаемый СТО, постольку они оказались почти без хозяина, так как местная власть уделяет им недостаточно внимания. Между тем, до 15.000 километров под'ездных путей являются дорогами большой грузонапряженности и требуют серьезных мероприятий по приведению их в состояние, отвечающее интенсивности движения на них. Полный перечень под'ездных путей, составленный ЦУМТ'ом, охватывает около 30.000 километров, разделенных на 2 очереди. Из 15.000 километров первой очереди предполагается к концу 1929/30 г. покрыть каменной одеждой 5.000 километров, из коих шоссировать 400 километров, замостить 2.300 километров и укрепить гравием 2.300 километров. Стоимость устройства каменной одежды определяется в 49.700.000 руб.

Расходы по всем трем частям перспективного плана выражаются в 1926/27 г. в 75.644.000 р., 1927/28—95.375.000 р., 1928/29—113.261.000 р. и 1929/30 — 140.150.000 р., всего в сумме 424.430.000 рублей. Распределение этих расходов по категориям и годам показано в следующей таблице (см. стр. 67).

В дополнение к этим цифрам укажем, что в 1925/26 году испрашивалось по смете около 57 миллионов рублей, отпущено же около 23 миллионов рублей.

Перспективный план пятилетнего дорожного строительства на дорогах местного значения составляется на местах, согласно указаний Госплана РСФСР, Госпланов Союзных Республик, НКВД и НКПС. Работа по составлению планов тормозится отсутствием на местах соответствующего технического персонала. Поэтому рассчитывать на то, что все материалы этого плана поступят в центр раньше 1927 г. не приходится.

Попытки составления пятилетнего плана в НКВД оказались неудачными. Это вполне понятно, так как материалов для составления плана в центре слишком недостаточно; вся административно-хозяйственная сторона дела сосредоточена на местах, по учетно-техническим же материалам составить перспективный план слишком затруднительно.

Переходя к вопросу об источниках финансирования дорожного строительства, мы должны оговориться, что в этом вопросе мы будем

Наименование работ	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
I. Дороги государственные по списку, утвержденному СТО				
а) содержание линейного штата	6.180.653	6.180.653	6.180.653	6.180.653
б) хозяйственные расходы	1.075.000	1.075.000	1.075.000	1.075.000
в) обыкн. рем. шосс. дорог	4.165.000	4.856.000	5.686.000	6.682.000
„ „ грунт. „	2.079.000	2.335.000	2.742.000	3.131.000
г) капит. рем. шосс. дорог	4.283.960	5.120.107	6.150.280	7.355.810
„ „ грунт. „	1.406.900	1.427.100	1.349.830	913.030
д) ликвидация запущенности	1.362.000	1.362.000	2.043.000	2.043.000
е) восстановит. работы	6.875.000	8.025.000	—	—
ж) новые работы:				
1) машинно-дорожные работы	1.500.000	2.610.000	3.693.000	4.452.000
2) устройство дамб	7.500.000	10.500.000	12.000.000	14.850.000
3) частичное покрытие каменной одеждой	1.338.350	1.846.000	2.307.500	2.769.000
4) сплошное покрытие каменной одеждой	12.345.700	18.691.400	26.537.000	35.882.800
5) постройка больших мостов	2.000.000	2.000.000	2.500.000	3.000.000
6) „ гражданск. зданий	300.000	450.000	600.000	812.000
7) „ клинкерн. заводов	300.000	600.000	600.000	600.000
8) заготовка механических снарядов	2.318.000	1.964.000	2.337.000	2.417.000
з) изыскания:				
1) технические	90.000	125.000	168.000	215.000
2) почвенно-грунтовые	100.000	150.000	200.000	250.000
3) экономические	120.000	150.000	130.000	—
и) разн. расходы (метризация, стандартизация и проч.)	258.000	325.000	397.000	469.000
Итого	55.597.000	69.792.000	76.696.000	93.098.000
II. Дороги, предполагаемые к передаче на госбюджет				
а) содержание линейного штата	1.025.000	1.616.000	2.119.000	2.531.000
б) хозяйственные расходы	282.000	436.000	589.000	704.000
в) обыкновенный ремонт дорог	1.682.000	2.964.000	4.620.000	6.469.000
г) капитальный ремонт дорог	1.528.000	2.687.000	4.157.000	5.418.000
д) ликвидация запущенности	680.000	680.000	680.000	680.000
е) восстановительные работы	2.000.000	2.000.000	2.000.000	2.000.000
ж) новые работы	2.250.000	3.450.000	9.300.000	15.000.000
Итого[1]	9.447.000	13.833.000	23.465.000	32.802.000
III. Под'ездные пути				
а) замощение	7.500.000	8.250.000	9.000.000	9.750.000
б) шоссирование	1.500.000	1.500.000	1.500.000	1.500.000
в) укрепление гравием	1.600.000	2.000.000	2.600.000	3.000.000
Итого	10.600.000	11.750.000	13.100.000	14.250.000
Всего по плану	75.644.000	95.375.000	113.261.000	140.150.000

[1] За округлением до тысяч рублей.

руководствоваться только соображениями о реальной возможности использования тех или иных источников и не будем касаться таких источников, как займы, налоги на прилегающие к дорогам земли, налоги на бензин и др., которые существуют за границей; у нас проведение этих налогов в жизнь встретило бы слишком много затруднений, ибо эти источники слишком мало или совсем не подвергались дискуссии в совещаниях и на страницах печати. Если не связывать использование того или иного источника с административным заведыванием дорогами, то все реальные источники могут быть разделены на следующие категории:

а) финансирование по госбюджету,

б) финансирование по местному бюджету,

в) субвенции,

г) фонды государственный и местные,

д) попудный сбор (налог с грузов, ввозимых и вывозимых по железным дорогам и водным путям),

е) участие промышленных предприятий в расходах по содержанию дорог, коими они преимущественно пользуются,

ж) участие населения в дорожном строительстве бесплатным, своим трудом и трудом своих живых и механических двигателей.

Средства по госбюджету должны отпускаться только на основную сеть дорог, важную в экономическом, административном, политическом и стратегическом отношениях. Даже те государства, которые в свое время передали местной власти заботу о всех дорогах, вынуждены теперь выделить сеть дорог государственных, значение которых иногда скрывается под названием „дороги автомобильные“ (Германия), и финансировать ее по госбюджету.

Финансирование по местному бюджету (областному, губернскому, уездному, окружному, районному, волостному) должно быть связано с заведыванием этими дорогами. Параллелизма в финансировании здесь опасаться не приходится, так как уже в недалеком будущем вся сеть дорог будет выявлена и распределена в заведывание соответствующих административных единиц.

Субвенции в том виде, в каком они вылились в настоящее время, не достигают своей цели: они не вызывают увеличения местных ассигнований, а, наоборот, снижают их; кроме того, они распыливаются настолько сильно (губерния делит субвенции между уездами, уезды между волостями), что теряют всякий эффект, так как волость, получив в лучшем случае две—три тысячи рублей, не может взяться за починку серьезных прорех в дорожном хозяйстве, а вынуждена ограничиться мелким ремонтом мостов, гатей и т. п. Превратив субвенции в фонд для выдачи ссуд и пособий на точно определенные работы, мы будем в состоянии решать более или менее крупные задачи в дорожном хозяйстве, предоставив ремонт силам местного бюджета и самого населения. На усиление средств фонда может итти отчасти и попудный сбор, которому окончательно должно быть придано целевое назначение на улучшение дорог и, главным образом, под'ездных путей. Суммы попудного сбора за последние годы растут весьма значительно, так что решение вопроса об улучшении под'ездных путей к железнодорожному и водному транспорту представляется вполне осуществимым. В самом деле, попудный сбор в 1926 г. ожидается в размере не менее 15 миллионов рублей. Если

принять стоимость покрытия каменной одеждой в среднем 10.000 руб. (15.000 руб.—шоссе и 3.500—гравийная дорога), то в 1926 г. мы могли бы построить 1.500 верст, а всю первоочередную сеть под'ездных путей (15.000 верст) мы могли бы закончить не более, как в 7—8 лет.

Привлечение промышленных предприятий к участию в расходах по ремонту той дороги, которой таковые пользуются иногда в большей степени, чем все окрестное население, представляется вполне справедливым. За границей этот вопрос разрешен в утвердительном смысле. Некоторые предприятия у нас также идут на отчисление известных сумм на ремонт дорог, которыми они преимущественно пользуются, и считают это вполне естественным, так что оформление законом положения, созданного самой жизнью, не представит больших затруднений.

Все перечисленные выше финансовые источники при всей своей мощности все же не в состоянии разрешить задачу ликвидации бездорожья в целом; денежные средства, получаемые из этих источников, окажутся все же бессильными в борьбе с бездорожьем, если само население личным трудом не примет участия в этой борьбе. Все страны, вышедшие с успехом из этой борьбы, пользовались трудом населения под видом натуральной дорожной повинности. В нашей стране постановления ВЦИК РСФСР, ЗАКЦИК ЗСФСР об участии населения в устроении дорог позволяют надеяться, что и мы при улучшении материального положения населения и увеличении у него механического инвентаря (тракторы) выйдем с победой из борьбы с одним из злейших врагов народного хозяйства.

С. И. Кричевский

Значение фабрично-заводских теплоэлектроцентралей текстильных предприятий[1]

III

1. Обращаемся теперь к тезису 5 (см. гл. II в № 4), устанавливающему факт потребления текстильным производством значительных количеств тепла на технологические процессы или, по крайней мере, на отопление, вентиляцию и увлажнение фабричных корпусов.

Тезис этот относится, главным образом, к красильно-отделочным фабрикам. Но так как и эти фабрики не обходятся, в большинстве случаев, без значительных поселков со всеми их атрибутами и, кроме того, многие (и притом значительные по выработке) красильно-отделочные фабрики скомбинированы (вполне или частью) с прядильными и ткацкими фабриками или, по крайней мере, с ткацкими, то тезис „б" во многих случаях комбинируется с тезисами „в" и „г".[2]

При рассмотрении вопроса о том, какое количество энергии можно создать из наличных производственно-энергетических рессурсов данного предприятия, приходится считаться со следующими обстоятельствами:

1) Расход пара на единицу выработки больше на фабриках с более разнообразными и, часто, повторными процессами и меньше на фабриках с упрощенными процессами для ходовых товаров. Однако, колебания лежат в сравнительно небольших пределах, так что может быть речь о довольно обоснованной средней величине. Тут предполагается, конечно, что трубопроводы и все детали находятся и содержатся в порядке, и налицо некоторая бережливость в расходовании пара.

2) Совсем другое приходится сказать о расходе на производство горячей воды, расходе, играющем большую роль как в энергетическом, так и в производственном отношениях: в то время как на одних фабриках этот расход может быть доведен до сотен *л* на кусок, на других он в настоящее время едва достигает нескольких десятков. Правда, и на этих фабриках расход горячей воды может (и должен) быть увеличен, но разница все же остается большой и о средней величине трудно говорить.

---

[1] См. „План. Хоз." № 4 за 1926 г.

[2] Эти тезисы гласят (см. гл. II в № 4):

в) Наличие при фабриках и притом в непосредственной близости значительного числа жилых и служебных помещений, равно бань, прачечных, школ и т. д.;

г) В силу „в" весьма важное культурное значение фабричных станций в смысле возможности при их посредстве значительно улучшить санитарную обстановку фабричного населения.

3) При расчетах возможной мощности необходимо учесть суммарный расход пара, т.-е. со включением расхода его на приготовление питательной (для котлов) воды, вентиляцию и увлажнение (для пряд.-техн. фабрик) отопление и пр., а также суммарный расход горячей воды на бани, прачечные, бытовые нужды, отопление жилых и служебных зданий, подбавку питательной воды и проч.

2. Выполненные проектные расчеты, равно и соображения о характере отдельных групп красильно-отделочных фабрик дают возможность установить с достаточной точностью, что при выработке в 1930/31 году 75 миллионов кусков хлопчато-бумажных товаров (см. гл. II), использование энергетических рессурсов во вновь оборудованных электротеплоцентралях даст следующие мощности:

а) Ряд фабрик, расходующих значительное количество горячей воды и вырабатывающих в 2 смены до 30% общей суточной выработки, т.-е. до 80.000 кусков, дадут по 0,85 квт. на кусок суточной выработки, т.-е. около 68.000 квт.

б) Другой ряд фабрик с такой же суточной выработкой (80.000 кусков), но с меньшим расходом горячей воды, даст не менее 0,5 квт. на кусок суточной выработки, т.-е. 40.000 квт.

в) Третья группа фабрик (типа Ив.-Воз.), расходующих мало горячей воды, даст только по 0,35 квт. на кусок суточной выработки. Мы относим на эти фабрики 20% выработки (около 50.000 кусков в 2 смены) и получаем от них до 17.500 квт.

г) Наконец, в разных районах и независимо от наличия или отсутствия районных сетей придется допустить электротеплостанции при комбинированных производствах, в которых до 25—30% энергии будет создано за счет пропуска пара в конденсаторы без ощутительного использования циркуляционной воды. На эти фабрики придется около 57.500 кусков суточной выработки при 0,5—0,6 квт. на такой кусок, т.-е в среднем около 30.000 квт. созданной мощности.

Таким образом, хлопчато-бумажная отрасль, при красильно отделочных фабриках которой будут оборудованы новейшие теплоэлектроцентрали, даст дешевую энергию в размере 155.500 квт. общей мощности.

Отделка других видов текстильных товаров (льняных, камвольных, суконных и пр.) сопровождается также значительным расходом тепла, при чем характер фабрик в обстановочном отношении такой же, как и хлопчато-бумажных. Льняное и шерстяное прядение, кроме того, сопровождается гораздо более значительным расходом тепла, чем прядение хлопчато-бумажное, так как в указанных областях производства применяется, главным образом, мокрое прядение с помощью воды 35—40°С. Мы оцениваем участие этих отраслей в создании дешевой энергии в размере 20% от такой энергии хлопчато-бумажной отрасли, что даст около 30.500 квт.

Из изложенного вытекает следующее положение: энергетические рессурсы отделочных фабрик текстильной промышленности, рационально использованные, могут создать около 186.000 квт. станционной мощности. При этом не надо забывать, что для некоторых случаев (напр., Пролетарская фабрика Тверского треста, Орехово-Зуевский комбинат и др.) часть указанной

мощности создается за счет теплофикации комбината полностью или частично, в зависимости от местных условий. Мы склонны считать вышеуказанное число скорее преуменьшенным, чем преувеличенным, и надеемся, что наши подсчеты точны до 10%.

3. Переходим теперь к определению возможного количества дешевой энергии от прядения и ткачества. Тут мы наталкиваемся на некоторые трудности и предубеждения. О предубеждениях скажем дальше, что же касается трудностей, то они заключаются в определении количества веретен и станков, которое может быть положено в основы расчета. Дело в том, что, во-первых, не для всех прядильно-ткацких (или отдельно прядильных и ткацких) необходимо непременно сооружать новые станции: требуемая теплофикация может быть осуществлена без больших затрат при посредстве наличного оборудования.

Мы здесь, кстати сказать, наталкиваемся на вопрос рационализации наличного оборудования с расширением его функций, вопрос огромного значения. К сожалению, на этот вопрос обращают мало внимания в кругах, где господствует мнение, что электрификация—это снабжение предприятий энергией только от районных станций и сетей. Мало еще обращают на этот вопрос внимания и сами промышленные деятели. Мы надеемся, однако, что значение этого вопроса вскоре будет оценено по достоинству под влиянием работ ОСВОК по текстильной промышленности, в особенности же работ Постоянного Бюро Теплотехнических Конференций текстильной промышленности.

Наличное силовое оборудование, например, на Нара-Фоминской фабрике (ок. 134.000 вер. и свыше 3.000 станков), может быть рационализировано с получением от него тепла тем, что превосходную паровую машину Зульцера надлежит снабдить регулятором для отъема пара на шлихтование, отопление, увлажнение и вентиляцию фабричных корпусов. Поставленный же в 1912/13 г. турбогенератор, работая с ухудшенным вакуумом (летом—с более высоким, зимой—с более низким), может дать необходимую горячую воду для отопительных, вентиляционных и бытовых нужд фабричного населения. То же можно сказать и о собинской мануфактуре, с той разницей, что вместо турбины там придется иметь дело с дизелями. Топливное слагаемое в обоих случаях не более одной копейки. Недостающее количество энергии (Нара—ок. 1.000 квт., Собинка—ок. 2.000 квт.) должно быть взято из районных сетей (для Собинки выполнено). Сколько же отнести на подобные фабрики веретен и станков из общего количества (7.500.000 веретен и 220.000 ткацких станков; см. гл. II)? В этом и заключается затруднение, так как у автора нет точных данных. Поэтому мы оцениваем эти числа предположительно в 1 миллион веретен и 25.000 станков, последнее потому, что между этими фабриками могут быть и чисто прядильные (без ткацких). Далее, часть прядильных и ткацких фабрик вошла в наши вышеприведенные расчеты (тезис 2), как, например, Трехгорная, Орехово-Зуевская, Серпуховская и пр., также и по „г“ тезиса 2. Это приводит нас к возможным цифрам—ок. 2,5 миллиона веретен и ок. 75 тыс. станков.

Таким образом, в постановке вопроса об использовании тепла прядильно-ткацких фабрик хлопчато-бумажной отрасли от новых силовых устройств мы можем принять во внимание 4 милл. веретен и 120 тыс. станков. Фабрик, где нельзя было бы осуществить теплофикацию, строго говоря, нет. Тем не менее, мы полагаем, что в 20% это по каким-либо особым причинам сделать не удастся, так что базируемся окончательно на 32 миллионах веретен и 96 тыс. станках по хлопчато-бумажной отрасли. Расчеты показывают, что от надлежащей теплофикации можно получить: 6 квт. на 1.000 верст. и 0,25—0,3 квт. на каждый станок. Основываясь на этом, мы имеем, что поскольку прядильно-ткацкие фабрики хл.-бум. отрасли должны получить частичное теплосиловое оборудование,—соответствующее по мощности потребностям снабжения теплом,—мы можем располагать мощностью в

$$6 \cdot 3200 + 0{,}25 \cdot 96000 = 43200 \text{ квт.}$$

Прибавляя сюда опять 20% на другие отрасли прядения и ткачества, имеем 54.000 квт.

Таким образом, полная мощность, которая может быть получена в 1930/31 г. от использования энергетических рессурсов по тезисам „б“, „в“ и „г“, составляет в круглых цифрах 240.000 квт.

4. На основе развиваемых нами соображений остается еще значительная роль за районными станциями, так как и самый план возможен только при параллельной работе фабрично-заводских и районных станций. Вся текстильная промышленность должна в 1930/31 г. поглотить ок. 320.000 квт., а с усовершенствованной торфодобычей—ок. 350.000 квт. Текстильные фабрики могут развить 240.000 квт. от новых устройств и ок. 20.000 квт. от рационализованных, а всего 260.000 квт. Таким образом, районным станциям пришлось бы подать на текстильные фабрики в торфяной сезон 90.000 квт., а в зимний сезон—ок. 60.000 квт. В виду экономичности новых устройств это, вместе с тем, означало бы уменьшение использования дровяного топлива. Само собой разумеется, что в одних районах придется подать энергии на фабрики больше, в других меньше и будут случаи, когда фабрики, наоборот, будут отдавать энергию в сети районных станций; последнее в особенности относится к фабрикам с развитым потреблением горячей воды. Так, фабрика б. Цинделя могла бы отдать до 50 миллионов квтч. в год, Трехгорная—13,5 милл. квтч., а полные комбинаты или установки с малым расходом воды потребуют энергию от районных станций.

5. Экономический эффект текстильных теплоэлектроцентралей может быть выражен следующим образом:

а) Расчеты показывают, что средняя стоимость квтч. от новых оборудований будет составлять ок. 2 коп. Она понижается для такой станции, как на Пролетарской мануфактуре до 1,3 коп., но подымается для станций группы „г“ тезиса 2 и прядильно-ткацких до 2—2,5 коп.

Если мы примем среднюю стоимость квтч. в настоящее время только в 4,5 коп. от собственных оборудований и в среднем 3 коп. от районных станций в 1930/31 году, то, во-первых, экономия против существующих устройств составила бы 28 милл. рублей, а, во вторых, экономия против получения всех 260.000 квт. в 1930/31 году от районных станций составила бы ок. 11 милл. рублей.

б) Стоимость тонны пара может быть принята в среднем в 4 р. 50 к. против не менее 5 р. 50 к в настоящее время в предположении правильного распределения расходов как по оборудованию, так и по эксплоа-

тации между тепловой и электрической энергией. При выработке, соответствующей затрате энергии в 260.000 квт. в час, мы имеем расход пара на энергию и тепло: при современном оборудовании ок. 24 милл. тонн, при предположенном оборудовании ок. 20 милл. тонн. Это дает экономию на паре в 40 милл. рублей. Если учесть предположенное нами в гл. II постепенное улучшение теплосилового хозяйства (38 *кг* топлива на кусок вместо 45,5) то экономия составит ок. 20 милл. рублей. В этих подсчетах мы допустили неточность, заключающуюся в том, что пар в разных случаях не приведен к нормальному. Однако, для масштабных цифр это значения не имеет.

в) Испарительность торфа (3.500 *кг*) будет в новых устройствах не менее 4,25, а в существующих (в среднем) не более 3,5. Это означает, что новые устройства сэкономят против существующих не менее 2 миллионов тонн торфа в год. Если же принять во внимание постепенное улучшение силового хозяйства, в силу которого в 1930/31 году расход топлива на 1 кусок хлопчато-бумажной отделанной ткани должен упасть с 45,5 *кг* на 38 *кг* (7.000 кал.), то экономия будет около 1 милл. тонн торфа (3.500 кал.) в год.

Мы видим, что найденные нами масштабные цифры экономии заставляют обратить на себя внимание. Все они вместе указывают, что экономический эффект фабричных теплоэлектроцентралей текстильной промышленности должен сделать эти установки весьма важными в экономике текстильной промышленности и в удешевлении текстильных товаров. Стоимость устройств по отдельным фабрикам общей мощности в 240.000 квт. достигнет 80 миллионов, включая трубопроводы для горячей воды. Сумма, конечно, не малая. Но, учитывая возможные выгоды от этой затраты, полагаем, что она должна быть принята во внимание в планах нового строительства промышленности. Ибо рассматриваемые сооружения имеют ту же цель, которая лежит в основе электрификации вообще,—это удешевление и рационализация производств и общий рост культуры.

6. Теплоэлектроцентрали имеют еще две особенности, за которыми не может быть не признано известного государственного значения с точки зрения господствующей у нас идеологии. Первая особенность—это способность этих централей дать сильный импульс развитию в Союзе знаний теплотехники в органической связи с электротехникой. Мысль, высказанная Г. М. Кржижановским в его приветственном слове первому Всероссийскому Теплотехническому С'езду,[1] верно характеризует дух энергетических вопросов, а не является только торжественной любезностью приветствия. До тех пор, пока электрическая энергия будет генерироваться теми процессами превращения в эту энергию тепла топлива, какие мы имеем до сих пор, действительное развитие создания электрической энергии возможно будет только путем овладевания всеми методами „бережения калорий".

Вторая особенность имеет уже прямое отношение к развитию в Союзе машиностроения. В то время когда промышленные теплоэлектро-

[1] „Я с трудом провожу грань между теми зиждительными силами, которые связаны с электротехникой, и между тем, что является основой теплотехники". „Труды С'езда", вып. 1, стр. 24.

централи недрились только в умах отдельных лиц и ожидали еще времени, когда за ними будет признано право гражданства, наше производство паровых турбин и генераторов для них находилось в зачаточном и неустойчивом состоянии, а о построении достаточно мощных котлов повышенного и высокого давления шли только доброжелательные разговоры. И если еще года 2—2½ тому назад заказы на паровые турбины, генераторы и котлы для них были редкими единицами, то теперь, когда за промышленными теплоэлектроцентралями признано, наконец, право электрификационного элемента, заказы насчитываются десятками. Впереди—еще более радужные надежды для нашего машиностроения, и если эти надежды оправдаются, то на очереди стоит вопрос о капитальном развитии заводов, строящих перечисленные об'екты и принадлежности к ним.

IV

1. Важность фабрично-заводских теплоэлектроцентралей была признана не сразу. Поворотным пунктом в этом отношении надо признать „Основные принципы подготовки клиентуры, главным образом текстильной, для присоединения к районным электрическим станциям". В дальнейшем большую роль выполнила Междуведомственная Комиссия при Рациотепсил ГЭУ ВСНХ СССР. „Основные принципы" были приняты Технической подкомиссией Комиссии по нагрузке государственных районных электрических станций и по подготовке потребителей, работавшей в августе 1924 года под председательством бывшего тогда начальником Главэлектро А. З. Гольцмана. Приводим главнейшие из этих положений:[1]

„1) Заводы и фабрики, поскольку в их силовых устройствах не имеется или не предвидится в ближайшем будущем значительной утилизации отбросов тепла для отопительных и хозяйственных целей, являются прямыми клиентами районных электрических станций.

2) Фабрики красильно-отделочные и ситценабивные и другие фабрики и заводы, потребляющие значительные количества пара на производство, могут иметь собственные силовые устройства на переработку этого количества пара, при чем если не все количество создаваемой энергии может быть поглощено в данном предприятии, избыток отдается в сеть районной станции по взаимному соглашению с управлением последней.

3) Фабрики комбинированные следуют тому же п. 2, при чем все количество энергии сверх того, которое может быть создано от собственного устройства, берется от районной электрической станции.

4) Присоединяемая к районной станции мощность фабрики или завода зависит от состояния силового оборудования данного предприятия и предоставляется его усмотрению как хозяйственного органа. При этом в случае частичного присоединения и, следовательно, утилизации части или всего наличного оборудования, стоимость квтч. от собственной установки не должна превосходить стоимости квтч. по тарифам районной электрической станции.

[1] См. нашу брошюру: „Текстильные фабрики и районные электрические станции". Изд. Пост. Бюро Теплотехнич. Конф. текст. пром. М. 1924 г.

5) Условия относительно того, чтобы при смешанном ведении хозяйства, т.-е. при получении части силовой энергии от собственных устройств и части от районных электрических станций, стоимость киловатт-часа от собственной установки была не выше стоимости его по тарифам районных электрических станций, остается в силе для всех устройств подобного рода".

2. Заканчиваем нашу статью несколькими замечаниями:

1) Часто можно слышать мнение, что необходимо установить наинизший предел мощности фабричной теплоэлектроцентрали. МОГЭС даже прямо поставил этот вопрос в указанной выше Междуведомственной Комиссии. На это мы отвечаем: вопрос не в мощности, а в режиме работы и в продолжительности использования. Мощность в 200—250 квт. окажется, быть может, мало рентабельной при работе в одну смену, но она безусловно рентабельна при работе в две смены. Топливо же будет сбережено и в том и в другом случае.

2) Можно слышать и такое мнение: стоимость энергии ложится на стоимость единицы выработки едва в размере 2%, включая сырье, даже и в прядильном производстве: имеет ли поэтому значение стоимость квтч. „на копейку больше, на копейку меньше?" На это отвечаем: имеет, и даже очень большое. Это прежде всего вытекает из изложенного в настоящей статье. Затем неправильна и сама предпосылка: калькуляция стоимости единицы выработки, например, пряжи, составляющая основную характеристику производства, ведется на базе учета расходов зарплаты, цеховых, всякого рода накладных, энергетических, по акцизу и т. д., но без включения стоимости сырья (в данном случае хлопка), как величины, от упорядоченности производства не зависящей. И если выработка 1 *кг* пряжи № 32 обходится, скажем, в 80 коп., то расход на энергию составляет ок. 10 коп., т.-е. уже 12,5%.

3) „Ну, хорошо, надо использовать пар и горячую воду, необходимые для производства. Но есть ли резон стремиться создавать эту горячую воду на прядильных или прядильно-ткацких фабриках с трубопроводами и пр.?" Отвечаем: есть, и даже не меньший, чем в наших стремлениях давать деревне электрический свет. Ибо давая деревне электрический свет, мы только немного подымем культуру и очень мало сделаем в санитарно-гигиеническом отношении. Давая же фабричному населению централизованное тепло, мы не только сильно улучшаем его культурную обстановку, но капитально изменяем его санитарно-гигиенические условия и этим создаем прочную основу для борьбы с болезнями и смертностью. Притом же все эти важные улучшения достигаются не путем увеличения, а путем уменьшения затраты топлива.

Мы подошли к концу нашей статьи. Мы поставили в ней общую проблему теплоэлектроцентралей текстильной промышленности, пояснив изложение, где было можно, общими цифрами. Дальнейшее—дело плановых органов и ОСВОК. Но мы должны отметить, что именно текстильная промышленность дает все основы для исчерпывающего решения проблемы. Необходимы только труд и время.

ОТДЕЛ IV

По районам

Гр. Гринько.

Плановые проблемы украинской экономики[1]

Не легко дать в кратком обзоре характеристику основных плановых проблем украинской экономики. С одной стороны, Украина является слишком сложным и мощным народнохозяйственным организмом, чтобы можно было дать краткое выражение ее важнейшим проблемам и нуждам. С другой стороны, крупнейшие народнохозяйственные группы Украины (металл, уголь, сахар и т. п.) находятся в непосредственном управлении союзных органов, и потому планирование этих отраслей украинского народного хозяйства идет в значительной степени мимо плановых органов Украины. С этими оговорками все же может быть сделана попытка подчеркнуть то, что на данном этапе развития является наиболее существенным и характерным в экономике Украины.

I. Украина в системе СССР

Нельзя правильно понять отдельные народнохозяйственные проблемы Советской Украины, а тем более наметить надлежащий размах и темп их разрешения без того, чтобы не было осознано общее место Украины в системе СССР. Следующие основные моменты дают ключ к уяснению положения и роли Украины в системе общесоюзной экономики:

1. Украина уже теперь в конце восстановительного процесса дает около 28% валового сбора хлебов по Союзу, около 52% их товарных излишков, около 80% производства сахара, около 80% производства угля, около 75% чугуна, 65% железной руды и т. д. Занимая лишь 2% союзной территории, Украина сосредоточивает у себя 18% общей железнодорожной линии и, примерно, 1/3 железнодорожных перевозок. Иными словами, на Украине уже в настоящий период заложены существенные основы общесоюзной экономики.

2. Украина является западным упором Советского Союза, образуя значительную часть сухопутной границы с европейскими капиталистическими странами и морской—со странами Ближнего Востока. Это делает ее тем передовым плацдармом, который должен не только выдержать в любой момент удары капиталистической интервенции, но и стать исходным пунктом нашей экономической экспансии в страны Европы и Ближнего Востока.

3. В силу специфических условий географического положения Украины (близость европейских и ближне-восточных рынков, обладание незамерзающими портами и т. п.), а также в силу специфических черт ее экономики (производство экспортных товаров, добыча важнейших ископаемых и сосредоточение важнейших отраслей промышленности, наличность достаточно емкого рынка и т. п.), вложение капиталов в

[1] В основу этой статьи положен доклад автора на Первом Всесоюзном с'езде Госпланов в феврале 1926 г. Статья дискуссионная. Ред.

украинское народное хозяйство должно повести к наиболее быстрому народнохозяйственному эффекту для всего СССР.

4. Украина страдает от аграрного перенаселения, при чем избыточность сельскохозяйственного населения тем значительней, чем ближе к западным границам (на 100 десятин посева в РСФСР приходится 19, а на Украине 63 души сельского населения). Проблема срочного смягчения аграрной перенаселенности на Украине и под'ема на путь сельскохозяйственного прогресса широких середняцких и бедняцких кадров украинского крестьянства (весьма активного и прошедшего большую школу национально-демократического движения) имеет не только экономическое, но и глубоко политическое значение.

5. Украина должна стать образцом решения советской властью национального вопроса для всего юго-восточного угла Европы, наиболее раздираемого национальной враждой. Между тем, Украине приходится решать национальный вопрос, переводя в новые (более отсталые) национальные формы высоко развитый в экономическом и культурном отношении общественный организм. Решить эту задачу без снижения культурного уровня и потери в темпе строительства возможно лишь при исключительном напряжении организационных и финансовых усилий.

6. Украина запоздала почти на 2 года в сравнении с Европейской частью РСФСР во вступлении в полосу мирного экономического строительства и наиболее остро пережила гражданскую войну, разрушения которой выступают теперь в особо ощутительных противоречиях с бурно поднимающимся народным хозяйством и затрудняют его развитие.

Лишь учет всей совокупности намеченых выше условий дает возможность правильно разобраться в отдельных народнохозяйственных проблемах Украины и наметить правильный путь их разрешения. Сложность и своеобразие положения на Украине заставляют одновременно заострять внимание на обеих линиях ее развития—сельскохозяйственной и индустриальной.

II. Проблема областного экономического районирования СССР и Украина

Всем известно, что работники Союзного Госплана потратили немало усилий на разработку вопроса об областном экономическом делении Украины. Эта идея в свое время находила некоторый резонанс также и среди отдельных украинских работников. Существовало два варианта такого деления,—две области (Южная горнозаводская и Правобережная) и три области (с прибавлением приморской с центром в Одессе). Еще и до сих пор печатаются и пускаются в обращение карты и схемы экономического районирования СССР, где Украина значится поделенной на эти две или три области.

Между тем жизнь пошла по совершенно другому руслу. Вот уже больше года, как Украина уничтожила у себя губернское деление (9 губерний) и перешла на так называемую трехстепенную административно-территориальную систему—республиканский центр, округ (укрупненный уезд) и район (укрупненная волость). Вместо 9 прежних губерний под непосредственным руководством украинского правительства находится 41 округ и автономная Молдавская республика.

Спрашивается, что означает этот разрыв между предположениями, исходящими из кругов Союзного Госплана и реальным строительством? Иные думают, что здесь украинцами допущена ошибка, что в ближайший

же период жизнь заставит вплотную подойти к областному делению. В этом вопросе нужна полная ясность. И эта ясность заключается в том, что на ближайший и притом довольно длительный исторический период нужно снять с обсуждения вопрос об областном делении Украины, как противоречащий важнейшим первостепенным задачам политического строительства УССР. Не областное расчленение Украины, а дальнейшая консолидация ее, как республики, диктуется жизнью, и из этого надо исходить также и в экономической политике. Иными словами это значит, что в подходе общесоюзных органов к Украине надо восполнить имеющийся до сих пор существенный пробел, надо установить подход к Украине, как к народнохозяйственному целому.

Нельзя, недопустимо упускать из виду, что основная сложность и величайшая трудность в разрешении задач пролетарской революции на Украине состояла в том, чтобы повернуть левобережный индустриальный пролетариат Украины лицом к украинскому и, в первую очередь, правобережному крестьянству, вырвать его из под-влияния национально-демократической идеологии, сплотить вокруг себя и тем обеспечить утверждение УССР. Это не далось на Украине сразу. Нужны были жестокие уроки борьбы и поражений прежде, чем было сломлено центробежное течение левобережного индустриального пролетариата, прежде, чем была осознана необходимость строить и укреплять УССР. Между тем, каждый из вариантов областного экономического деления Украины неизбежно ведет к разрыву между Право- и Левобережьем, т.-е. к разрыву по той линии, которая является наиболее опасной с точки зрения общих задач пролетарской революции. Ведь областное деление, если оно правильно проводится в жизнь (по типу Урала или Северо-Кавказского края), должно находить свое завершение в создании полномочных, жизнеспособных областных исполкомов, руководящих всеми отраслями жизни области. Но в применении к Украине это не может означать ничего другого, кроме отрыва Украины, как республики. На ряду с этим должны быть учтены также и внешне-политические задачи. За нынешней западной границей Украины пребывает около 10 миллионов украинского населения под властью буржуазной Польши, при чем основным лозунгом политической борьбы трудящихся западной Украины является присоединение к УССР.

Советская Украина—форпост Советского Союза на стыке с капиталистическими странами. Непосредственно к ней примыкает узел острейших национальных противоречий юго-восточного угла Европы. Консолидация Украины, как республики, правильное разрешение национального вопроса на Украине имеет огромное внешне-политическое значение. Украинская экономическая политика и, в частности, идея районирования должна быть полностью с этим увязана. Вот почему является совершенно бесспорным необходимость снять с обсуждения вопрос об областном делении Украины, установить подход к ней, как к народнохозяйственному целому, и укреплять Украину, как республику.

III. Украина и план ГОЭЛРО

По плану ГОЭЛРО, который был составлен на 10 лет (1920—1930 гг.), на Украине были намечены четыре крупные паровые районные станции (Штеровская, Лисичанская, Белокалитвинская и Гришинская,—все в Донбассе) и одна гидроэлектрическая (Днепрострой). Со времени

утверждения плана ГОЭЛРО прошло 6 лет. За это время на Украине начата постройкой и теперь заканчивается лишь одна Штеровская станция мощностью в 20.000 киловатт, т.-е., примерно, в пять раз меньше мощности, предположенной по плану. На ряду с этим вне плана ГОЭЛРО либо начаты работы, либо подготовлено начало работ по станциям: Киевской, мощностью до 20.000 киловатт, Криворожской—30.000 киловатт, Харьковской—32.000 киловатт, Запорожской—6.000 киловатт, Николаевской—3.000 киловатт, Екатеринославской—3.000 киловатт и ряд более мелких. Следовательно, уже в текущем году и, во всяком случае, в следующем хозяйственном году на Украине будет осуществляться вне плана ГОЭЛРО реальное электростроительство на мощность, примерно, 100.000 киловатт часов с предвиденным в постройке расширением до 175.000 киловатт, в то время как по плану ГОЭЛРО за 6 лет его существования создана лишь одна станция в 20.000 киловатт.

Таким образом, на Украине налицо крупнейший разрыв между планом ГОЭЛРО, который, как известно, является генеральным планом переустройства народного хозяйства СССР на новых энергетических условиях и реальным (вне плана ГОЭЛРО осуществляемым) устройством новых достаточно крупных электроустановок. Совершенно понятно, что такой разрыв не может быть терпим. Поэтому важнейшей задачей ближайшего периода является пересмотр плана ГОЭЛРО в целях приведения его в соответствие как с реально развернувшимся электростроительством на Украине, так и с выявленными и осознанными нуждами украинского народного хозяйства.

Нужно при этом подчеркнуть, что план ГОЭЛРО составлялся тогда, когда Украина только выходила из периода гражданской войны и утверждала свое существование, как республика. В экономических штабах (тогда еще РСФСР) не было в то время надлежащего осознания Украины, как народнохозяйственного целого. В плане ГОЭЛРО, по существу дела, Украина отсутствует, в нем представлены лишь Донбасс и руднометаллургический район в лице Днепростроя. Поэтому на ряду с территориальным охватом Украины в пересмотренном плане ГОЭЛРО должен быть обеспечен подход к ней с точки зрения взаимозависимости ее частей, т.-е. подход к ней, как к народнохозяйственному целому. Приведенные выше соображения делают это совершенно бесспорным.

Само собой разумеется, что это ни в малейшей мере не означает какого бы то ни было отрыва Украины от других частей Союза, а тем более в плане ГОЭЛРО, т.-е. в генеральном плане социалистической реконструкции нашего хозяйства.

Самостоятельно должен быть подчеркнут вопрос о Днепрострое, как крупнейшая плановая проблема украинского (да и не только украинского) народного хозяйства. За последний год о Днепрострое достаточно много писали, и основные элементы этого могучего народнохозяйственного комбината достаточно хорошо известны. Наша союзная экспертиза проекта Днепростроя в целом заканчивается. Ее выводы в основном сводятся к признанию правильности технического проекта, рассчитанного на мощность станции в 300 тыс. лошадиных сил и на годовую отдачу энергии в 1 миллиард 200 миллионов киловатт-часов. Промелькнувшая в прессе дискуссия по вопросу о значимости Днепровской гидроэлектрической станции для нужд украинской металлургии, видимо, не колеблет основных положений проекта, во всяком случае, в отношении ферромарганцового и алюминиевого производства. Несколько сложнее стоит вопрос о шлюзовании Днепра и превращении его в сплошную водную магистраль

от Белоруссии до Черного моря. Сложность заключается в неокончательной еще выясненности того, насколько вероятный грузооборот по обновленному Днепру оправдает вложение крупных затрат в шлюзование. Как бы ни был скуден наш опыт в вопросах о возможности применения гидроэнергии в сельском хозяйстве и о перспективах мелиоративного улучшения прилегающих степей в связи с подпором воды в Днепре,—гигантское культурное значение осуществленного Днепростроя для сельского хозяйства едва ли может вызвать сомнение. Что касается вопроса о железнодорожной сверхмагистрали между Донбассом и Кривым Рогом, (т.-е. о том, что в проекте носит название линии Демурино—Марганец), то, видимо, этот вопрос не является органически связанным с проектом и во всяком случае, с этой стороны никаких колебаний проекта быть не может. Стоимость всего сооружения определяется нашей советской экспертизой в размерах от 150 до 200 милл. рублей, что дает стоимость киловатт-часа на сборных шинах станции в 0,6—0,7 коп.

Нужно особенно обратить внимание на то, как сильно плановая работа и плановая ориентировка в отношении транспорта, металлургии, мелиорации и коммунального строительства большого района вокруг Днепровских порогов связана со срочным ответом на вопрос о судьбе Днепростроя. Если днепровская энергия будет включена в народнохозяйственную жизнь района в течение ближайших пяти—семи лет, получается одна линия плановой ориентировки для целого ряда народнохозяйственных отраслей. Если этот вопрос будет снят с очереди на ряд лет, нужно искать другие решения назревшим и назревающим народнохозяйственным задачам. От союзных плановых органов нужна отчетливая ориентировка в этом вопросе. Нужно ускорить решение вопроса о судьбе Днепростроя и при том, на наш взгляд, решение положительное. Нужно также вести более энергичную кампанию привлечения иностранного капитала в сооружение этой станции. Быть может, находящаяся теперь в Америке комиссия по Днепрострою сумеет возбудить интерес к этому начинанию у наиболее дальновидных представителей американского капитала.

IV. Сельскохозяйственные проблемы Украины

Роль сельского хозяйства Украины в ее экономике и значение украинской сельскохозяйственной продукции для всего Союза достаточно известны. Однако, далеко недостаточно известны те глубочайшие противоречия, среди которых уже сейчас проходит развитие украинского сельского хозяйства. Оно сделало за последние годы значительный скачок в своем развитии, превысило по посевной площади в 1925 году уровень 1916 года, увеличив численность скота на 7—9% по сравнению с 1916 годом и достигнув миллиона пудов по валовому сбору хлебов. На ряду с этим количественным ростом Украина резко повернула за последний год на путь интенсификации сельского хозяйства. Площадь пшеницы с 2,8 милл. десятин в 1922 г. дошла до 4,4 милл. десятин в 1925 году, кукуруза достигла 1,3 милл. десятин, свекловичный клин расширился с 126 тыс. десятин в 1922 г. до 390 тыс. дес. в 1925 году, масличные культуры занимают площадь в 813 тыс. десятин в 1925 г. против 132 тыс. дес. 1916 года. Озимый посев текущего года дает новое расширение площади, примерно, на 500 тыс. десятин. По всем признакам тоже ожидается и в отношении ярового посева. Иными словами 1926 г. даст расширение посева, примерно, на 1 милл. десятин и новое усиление

удельного веса пшеницы, свеклы и прочих рентабельных культур в полеводческой продукции.

Однако, этот рост украинского сельского хозяйства резко упирается в недостаточность развития промышленности на сельскохозяйственном сырье, в недостаточность материально-технической организации рынка (холодильники, элеваторы, кукурузо-сушилки, предприятия по переработке продуктов животноводства и т. п.). Уже в текущем году значительные запасы кукурузы не имеют рыночного сбыта в виду отсутствия кукурузосушилок, специальных установок по перемолу кукурузного зерна и т. п. Это грозит сорвать внедрение в крестьянское хозяйство этой важнейшей для засушливых районов культуры. Не подлежит сомнению, что 1926 г. даст снижение посева кукурузы. В аналогичном положении находится картофельная культура в северных районах Украины. Значительно выросшему производству масляничных семян не противостоит сколько-нибудь серьезная маслобойная промышленность.

Эти отдельные противоречия не являются случайными и изолированными,—они вплотную подводят к вопросу о необходимости перестройки однородно-зернового хозяйства в сторону усиления в нем животноводческой продукции. В форсировании этого перелома заключена одна из центральных проблем сельскохозяйственного развития Украины. Усиленным чисто зерновым экспортом мы закрепляем на европейском рынке продуктов животноводства Германию—нашего крупнейшего в этом смысле конкурента. Между тем, уже в 1925 году свободный излишек продуктов животноводства, за покрытием потребностей сельского и городского населения, исчисляется на Украине около 5 милл. пудов в год. До войны не менее 4 милл. пуд. вывозилось за пределы Украины, теперь этот вывоз не превышает 1 милл. пуд., а экспорт исчисляется всего десятками тысяч пудов. Борьба за экспорт мясных продуктов из Украины и широкая организация холодильных и перерабатывающих предприятий уже стала актуальнейшей проблемой украинского сельского хозяйства.

Достигнутая стадия интенсификации сельского хозяйства Украины в важнейших своих частях резко сталкивается с неподготовленностью и неорганизованностью надлежащих рынков сбыта. Без преодоления этих противоречий, без широких материально-технических мероприятий по организации этих рынков невозможна дальнейшая интенсификация украинского сельского хозяйства.

Между тем, темп интенсификации украинского сельского хозяйства не только не может быть замедлен, но должен быть всемерно форсирован. Огромный избыток сельскохозяйственного населения (63 души на 10 десятин посева на Украине против 19 душ в РСФСР) давит в настоящее время на хозяйство с более чем в два раза сокращенным экспортом, с упавшей на $^3/_4$ винокуренной промышленностью, с сахарной промышленностью, поднявшейся едва на 50% довоенного уровня, с огромным уроном в рабочем инвентаре и скоте. Некоторые исследователи утверждают, что в больших районах правобережной (т.-е. граничащей с капиталистическим Западом) Украины около $^1/_3$ взрослого сельскохозяйственного населения не находит приложения своих рабочих рук. Городская индустрия не в состоянии подобрать весь этот резерв крестьянского труда. Это властно толкает на дальнейшую и безостановочную интенсификацию украинского сельского хозяйства.

Смягчения своего аграрного перенаселения Украина ждет прежде всего на пути рационализации и интенсификации сельского хозяйства,

проведения землеустройства, дальнейшего внедрения трудоемких культур и связанного с этим развития промышленности на сельскохозяйственном сырье. Однако, на ряду с этим в виде временно смягчающей меры перед Украиной остро стоит вопрос о переселении части правобережного с.-х. населения. Нужно помнить, что только в Сибирь за 10 лет с 1896 года по 1906 год из Украины выселилось около 350 тыс. душ, за 6 лет с 1906 года по 1912 год около 760 тыс. душ. Кроме того, Украина давала значительную массу переселенцев в Канаду. Внутри Украины колонизационный фонд в лучшем случае в состоянии обеспечить от 50 до 70 тыс. душ. Проблема межреспубликанской колонизации в общесоюзном масштабе с точки зрения Украины является чрезвычайно актуальной. Между тем, это дело в общесоюзном масштабе не поднято на надлежащую высоту. Если говорить в терминах плановых начинаний, то идея „дальне-восточного упора“ должна встретить со стороны Украины горячую поддержку.

Усиление сельскохозяйственного прогресса Украины и дальнейшее развертывание ее сельскохозяйственной продукции важно не только с точки зрения внутренних интересов самой Украины и СССР в целом. Несомненно с точки зрения развертывания пролетарской революции на Европейском континенте и неизбежно связанной с этим блокады Европы со стороны Америки вопрос о продовольственном снабжении новых западных пролетарских республик приобретает исключительно актуальное значение. Близкая к западным границам и портам Украина должна будет сыграть в этом деле не последнюю роль.

V. Общие проблемы индустриализации Украины

Индустриализация СССР стала генеральной линией нашей экономической политики. Как обстоит дело с применением этой линии на Украине? Нельзя отрицать того, что до самого последнего времени в отношении Украины господствует то мнение, что она является, с одной стороны, страной сельскохозяйственной по преимуществу, а с другой стороны, как приграничная, она не может в ближайшие годы претендовать на форсирование промышленного строительства в крупных масштабах. Есть все основания утверждать, что такое мнение стоит в существенном противоречии не только с народнохозяйственными перспективами, но и с политическими интересами Украины и Союза в целом.

В пользу широкой индустриализации Украины говорит, прежде всего, логика экономического развития СССР. При исчерпании старых основных капиталов промышленности и при планировании нового промышленного строительства в районах основного сырья и рынков сбыта едва ли нужно доказывать, в какой мере повышается роль Украины, как индустриального центра. Донецко-Криворожский бассейн с его легко мобильными запасами угля и руды, возможность создания огромного источника дешевой энергии на Днепровских порогах при том условии, что сама Украина и прилегающие страны Европы и Ближнего Востока гарантируют огромный потребительский рынок,—все это создает исключительно благоприятные предпосылки для нового промышленного строительства. С этой чисто экономической точки зрения Украина в праве претендовать на участие в новом промышленном строительстве СССР в порядке первой очереди. При бедности наших внутренних капиталов их надо вкладывать в промышленное строительство там, где это с наибольшей быстротой и с наибольшим эффектом рентируется. На Украине это гарантировано бесспорно.

С другой стороны, новое промышленное строительство на Украине должно развиваться тем энергичнее, чем быстрее поднимается сельское хозяйство и крепнет крестьянство. Сила украинского крестьянского движения, помноженная на национальный вопрос, нам хорошо известна из опыта гражданской войны. Здесь скрещиваются чисто экономические мотивы с крупнейшими политическими и стратегическими моментами. Не может быть оспорено то положение, что интересы укрепления пролетарского влияния на наиболее крестьянские районы Советского Союза требуют систематического развития в них очагов крупной индустрии. Это тем более обязательно там, где как на Украине чисто экономические предпосылки целиком совпадают с этой политической задачей. Богатейший опыт гражданской войны показал, что наиболее стойкими в военном отношении оказались районы с крупной индустрией, а наиболее легким путем для капиталистической интервенции были чисто крестьянские районы СССР. С точки зрения возможных крупных столкновений с капиталистическим Западом Советскому Союзу важнее иметь в своем составе Украину, сделавшую дальнейшие шаги по пути индустриализации и этим социально цементированную, чем Украину, задержанную на ее нынешнем, по преимуществу сельскохозяйственном, уровне развития. Политико-стратегические соображения заставляют не только сосредоточивать подальше от границы важнейшие промышленные предприятия, но и социально укреплять, пролетарски цементировать приграничные крестьянские районы.

VI. Промышленность на сельскохозяйственном сырье

К началу нынешнего хозяйственного года производство угля, чугуна, стали и проката в украинской тяжелой индустрии было восстановлено, примерно, на $^3/_4$ по сравнению с 1913 годом. Текущий хозяйственный год делает новый значительный шаг вперед. Промышленность, перерабатывающая важнейшее сельскохозяйственное сырье, восстановлена была к нынешнему году значительно меньше—сахарная около 50%, винокуренная около 30% и т. д. Это отставание в темпе восстановления промышленности на сельскохозяйственном сырье, стоит в непримиренном противоречии с бурным ростом и острейшими нуждами украинского сельского хозяйства. Несомненно в столь же остром противоречии это отставание стоит и с потребностями внутреннего рынка. Развертывание промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, не только ослабляет острейший вопрос аграрного перенаселения Украины, но и ведет к смягчению товарного голода.

Во главе этой промышленности должна быть поставлена сахарная. Перспективный шестилетний план составлен Сахаротрестом в двух вариантах—минимальный с продукцией к концу шестилетия в 90 милл. пудов и оптимальный с продукцией в 115 милл. пудов. Как по соображениям исключительной аграрной перенаселенности правобережной Украины, так и по соображениям потребностей внутреннего рынка должен быть принят к осуществлению именно оптимальный план развертывания сахарной промышленности. Это тем более необходимо сделать, что условия реализации сахара (акцизы) обеспечивают весьма быстрый возврат вкладываемых средств в государственную казну.

Этот перспективный план предусматривает стабилизацию нынешнего состава сахарных заводов на Правобережье и переустройство их, более энергичное строительство на Левобережье и некоторое общее перемещение сахарной промышленности на восток в РСФСР. Однако, наряду с этим в плане намечено пионерское строительство сахарных заводов на Кубани, в Туркестане, на Дальнем Востоке и т. д. Едва ли можно согласиться с тем, что ближайшие 5 лет будут подходящим периодом для нового крупного пионерского строительства. В эти годы капиталы в промышленное строительство должны вкладываться не там, где их своевременное рентирование проблематично, а в испытанных районах.

Само собой разумеется, что весь план развертывания сахарной промышленности, в особенности на Украине, должен отправляться от данного революцией факта крестьянского свеклосеяния, как основной базы советской сахарной промышленности. Всякая попытка сломать эту позицию в сторону усиления роли заводского свеклосеяния является вредной и срывает ту исключительно большую социальную роль, которую в ближайший период сахарная промышленность будет играть в районах острого аграрного перенаселения. Украина твердо стоит на крестьянском свеклосеянии, как основе советской сахарной промышленности.

Со спиртной промышленностью положение труднее. До войны на 595 заводах Украины выкуривалось около 22 милл. ведер спирта в 40 градусов. Вся масса этих заводов, за исключением 10—15, была расположена в Полесье и лесостепной Украине. Под этим углом зрения развивалась культура картофеля. Во многих районах Украины на винокуренных заводах перерабатывалось около 70% всего культивированного картофеля. Особенно важно это для тех частей Полесья, где нет сахарной промышленности. В текущем хозяйственном году выпускается около 9 милл. ведер спирта, т.-е. около 30% довоенного производства. С точки зрения сельскохозяйственного развития значительных районов Украины вопрос о расширении спиртовой промышленности представляется исключительно острым и неотложным.

В производстве масляничных семян и развитии маслобойной промышленности Украина пережила резкий сдвиг, начиная с 1916 года. До этого времени Украина давала не более 9% всего урожая маслосемян Европейской России. За последние 6 или 7 лет посев маслосемян на Украине поднялся с 132 до 813 десятин, что дает 33% площади посева маслосемян всей Европейской части (с Кавказом) Советского Союза. Маслобойная промышленность явно не поспевает за ростом посева маслосемян. Отсюда резкое колебание цен, а с другой стороны, необходимость экспортировать семена вместо масла, что разумеется менее рентабельно. Экспорт семян вместо масла ведет также к потере ценных для безлесной степи отбросов в виде кожуры, потребляемой здесь в качестве топлива. Это обстоятельство диктует необходимость срочно приступить к постройке ряда маслобойных заводов и, в первую очередь, маслобойного завода в Мариуполе, как единственное средство поддержать эту прогрессивную тенденцию в украинском сельском хозяйстве и значительно улучшить снабжение внутреннего рынка и экспорт в этой части.

Но особенно энергично надлежит подчеркнуть, что на ряду с развертыванием указанных отраслей обрабатывающей промышленности, острейшим вопросом для Украины является элеваторное, холодильное, кукурузо-сушильное и т. п. дело. Без преувеличения можно сказать, что в обрабатывающей сельскохозяйственное сырье промышленности и в материально-технических приспособлениях для реализации сельскохозяйственной продукции Украины заложены в полном смысле слова боевые задачи украинской экономики и политики.

VII. Тяжелая индустрия Украины

Тяжелая индустрия Украины—это, по существу дела, основа всей союзной промышленности и транспорта. Выше указан удельный вес украинской тяжелой индустрии в общесоюзной. С тем более настойчивым вниманием надлежит отнестись к ее проблемам и нуждам.

Задание Донбассу в 1,1 миллиарда пудов угля в текущем хозяйственном году, едва обеспечивающее наиболее неотложные нужды промышленности и транспорта, является, однако, при нынешнем состоянии основного капитала предельным и выполняется с огромным напряжением. Первое полугодие дает выполнение этой программы полностью, однако, запасы угля в самом Донбассе и у основных плановых потребителей снижаются, и мы идем к началу нового хозяйственного года без сколько-нибудь серьезных резервов топлива. С другой стороны, последний период дает нам втягивание в производство средних и даже мелких шахт, что с неизбежностью понижает рентабельность добычи угля. Между тем, намеченная программа по развертыванию новых шахт и механизации старых стоит под угрозой невыполнения в связи с сжатием импорта оборудования и перебоями в финансовом снабжении. Нужно со всей отчетливостью видеть, что уже ближайший период поставит нас перед необходимостью импорта английского и возможно польского угля, если не будет обеспечен надлежащий темп в развертывании топливодобычи в Донбассе.

Особенно следует подчеркнуть необходимость усиления внимания к расширению коксового производства, которое уже сейчас не в состоянии обеспечить нужды металлургии и в котором около 20% производства уже теперь ведется без улавливания побочных продуктов, т.-е. наименее рентабельно с общей народнохозяйственной точки зрения. В последнее время СТО уже утверждена программа сооружения на Украине коксовых печей с общей продукцией в 100 милл. п. кокса.

Развитие украинской металлургии за последние годы шло таким образом—по чугуну в 1922/23 г. 6,8 милл. п., в 1923/24 г. 22,6 милл. пуд., в 1924/25 г. 51 милл. п. и намеченная на 1925/26 г. программа—117 милл. п. В процентах к общесоюзной выплавке чугуна это означает—38%, 56,9% и 77%. Иными словами, Украина в 1925/26 году не только достигает довоенного удельного веса в общесоюзной выплавке чугуна, но и несколько его превышает. Нужно, однако, учесть, что опыт первого полугодия показывает невозможность выполнить намеченную по чугуну программу. Вероятно, реальное производство будет процентов на 15 ниже программы. Но даже и эта продукция добывается в условиях исключительно тяжелых. Предприятия Югостали работают с совершенно недопустимым напряжением своих технических возможностей и без всяких технических резервов. Вошедшие уже в норму большие и малые аварии срывают ход производства. С другой стороны, надо учесть, что в силу несоответствия между первоначальным размахом, реальным размахом и реальным производством, а также по ряду других обстоятельств украинская металлургия выходит ко второму полугодию в исключительно тяжелом финансовом положении. Проблема организационного улучшения и финансового санирования украинской металлургической промышленности все более заостряется.

Независимо от этого мы вплотную подошли к вопросу о строительстве новых металлургических заводов. Нет нужды вести полемику на тему—Урал и Украина. Потребуются, несомненно, усилия обоих металлургических районов. Но уже никакому сомнению не может подлежать, что из числа первых же вновь сооружаемых металлургических заводов известная часть их падет на Украину и именно на Криворожье. Мы колоссально запаздываем с этим делом,—ведь только проектировка крупного металлургического завода занимает не менее года или полутора лет. Нужно ускорить создание реальной программы развертывания украинской металлургии.

Само собою разумеется, что в полной связи с этим должны решаться и вопросы рудной промышленности. К началу этого хозяйственного года была угроза, что ЮРТ, который вместе со старыми запасами может обеспечить в текущем году не больше 200 милл. пудов руды, не удовлетворит потребности металлургии. Сжатость программы металлургии избавляет нас в этом году от этой неувязки. Но проблема развертывания добычи руды от этого не становится менее острой. Капитальные работы по расширению силового хозяйства ЮРТ (создание электростанции в первую очередь) и механизации его предприятий являются абсолютно неотложными, ибо без этого неизбежно будет разрыв между потребностями металлургии и реальной добычей руды.

Нужно со всей откровенностью подчеркнуть, что наиболее важный элемент индустриализации страны—крупное машиностроение—на Украине находится и в организационном и в финансовом отношении в наиболее тяжелом положении. Острота вопроса с вагоно- и паровозостроительством достаточно известна. Выпуск 15 тысяч большегрузных вагонов в год по Союзу является, видимо, минимальной установкой ближайшего периода. Между тем, вся мощность существующих заводов Союза едва ли в состоянии обеспечить более 9 тыс. С другой стороны, нужно считать потерявшими смысл еще недавние разговоры о том, что для 1930 года нам не понадобятся новые паровозы. По последним вариантам на 5 лет от 1925/26 г. до 1929/30 гг. необходимо будет построить не менее $3^1/_2$ тыс. новых мощных паровозов.

Все это вместе взятое поставит в ближайший период совершенно практически вопрос о сооружении, по крайней мере, 1 паровозного и 1 крупного вагоностроительного завода. Если стратегические соображения не встанут со всей решительностью против этого, то едва ли в Советском Союзе может быть найдено более удобное расположение этих заводов, чем в Донецко-Криворожском районе.

На ряду с этим в порядке индустриализации Украины в соответствии с решением важнейших промышленных задач Советского Союза в целом стоит вопрос о создании нового инструментального завода. Известно, что довоенная потребность в инструментах определялась по Союзу, примерно, в 15 милл. рублей в год, при чем 43% этой потребности покрывалось импортом, а из 57% внутреннего производства около 40% падало на предприятия, расположенные в отошедших от СССР областях (Польша, Литва и т. д.). Нет нужды доказывать, в каком вопиющем противоречии с нашими программами поднятия производительности труда стоит вопрос об имеющейся у нас изношенности стандартов и инструментов. Потребность Украины в текущем хозяйственном году в инструментах определяется, примерно, в 5 милл. руб. Между тем всесоюзное производство инструментов не превышает в ценностном выражении 6—7 милл. руб. Жизнь подводит нас вплотную к постановке вопроса о постройке нового инструментального завода на Украине. Примерно, в таком же положении находится и станкостроение.

VIII. Легкая промышленность Украины

Характерным в структуре украинской промышленности является то, что ее широкие рынки удовлетворяются за счет предприятий центральных районов Советского Союза. Текстиль, металл, керосин и целый ряд

других предметов широкого потребления производится вне пределов Украины. За время революции, вернее за период нарушения экономических связей отдельных районов произошла некоторая перестановка в этом отношении. Кожевенное производство, маслобойное, табачно-махорочное и некоторые другие за последний период значительно укрепились в пределах самой Укрианы. Нечто подобное начинает создаваться и в области производства металических изделий массового потребления. Эти обстоятельства делают затруднительным определение перспектив развития этих отраслей на Украине. Здесь нужна максимальная увязка с промышленным развитием других районов Советского Союза.

Однако, бесспорным является то, что в связи с исчерпанием старого основного капитала в отраслях промышленности, работающих на широком рынке, дальнейшее их развитие вовсе не обязательно должно пойти в рамках старого географического распределения. Одной из любопытнейших и ответственнейших задач планирования нашего промышленного строительства как раз и является необходимость ломать старую экономическую географию и производить перегруппировку предприятий по признакам близости к источникам сырья, дешевой энергии, рынкам сбыта при учете, разумеется, всех прочих политических и стратегических моментов. Под этим углом зрения некоторые плановые проблемы легкой индустрии встают с достаточной ясностью.

Прежде всего, в области сельскохозяйственного машиностроения. Машинизация сельского хозяйства Украины уже в довоенный период стояла значительно выше остальных районов бывшей Российской империи. Период войны и в особенности революции не только сопровождался колоссальным изнашиванием, но и огромным разрушением сельскохозяйственного инвентаря Украины. Является совершенно реальным фактом, что около 50% всех украинских крестьянских хозяйств в настоящий период оказываются безынвентарными. Этим определяются задачи сельскохозяйственного машиностроения. В 1913 году выпуск сельскохозяйственных машин на Украине определялся суммой около 30 милл. руб. В текущем хозяйственном году продукция намечена и, видимо, будет осуществлена в размерах около 45 милл. руб. Иными словами, довоенная норма превзойдена, но спрос только теперь во всей остроте начинает выявляться. Нет сомнения, что при неотложной необходимости постройки новых заводов сельскохозяйственного машиностроения в СССР, первая очередь в смысле выбора места должна быть признана за Украиной. Близость сырья, близость широкого потребительского рынка, удельный вес Украины в сел.-хоз. продукции СССР, навыки украинского сельского хозяйства к машинной обработке земли,—все это делает совершенно необходимым сооружение на Украине нового плужного завода с производительностью около 250 тыс. плугов в год, с последующим расширением, примерно, до $^1/_2$ милл. плугов.

Тот шумный успех, с которым внедряется сейчас в украинское сельское хозяйство трактор Форда, выдвигает также на очередь вопрос о тракторостроении.[1] Было бы в высшей степени интересным проработать вопрос о возможности привлечения Форда к созданию крупного завода тракторостроения на Украине.

Следующей группой легкой индустрии, на которую должно быть обращено особенно большое внимание, и которая имеет несомненно большую перспективу, является химическая промышленность Украины. В районировании химической промышленности Советского Союза есть несомненные пробелы. Нельзя приспособлять создание новых химических производств к тем центрам, где находятся институты, профессора и т. п. Донбасс, как крупнейший очаг химической промышленности,—это несомненно реальная перспектива ближайшего будущего.

[1] В настоящее время в крестьянском хозяйстве Украины работает около $3^1/_2$ тыс. тракторов.

В довоенное время содовое производство Донбасса давало около $7^1/_2$ милл. пуд., т.-е. около $^3/_4$ всего производства содовых продуктов быв. Российской империи. В настоящее время Украина дает около 80% общесоюзного содового производства. Учитывая то обстоятельство, что в ближайший же период общесоюзная потребность в соде даст не менее 15 милл. пуд., и что значительная часть спроса центрально-промышленного, украинского и северо-кавказских рынков будет тяготеть к донецкой содовой промышленности, надлежит теперь же поставить вопрос о дальнейшем развертывании содового производства в Донбассе. Нужно при этом не забывать, что дорога нашей соде проложена в страны Ближнего Востока, прежде всего в Турцию.

Одной из важнейших задач в промышленном строительстве Украины является создание суперфосфатных заводов. Это целиком увязывается с перспективами восстановления сахарной промышленности. Наша зависимость от импортного суперфосфата, с одной стороны, и совершенная нерентабельность снабжения украинских полей суперфосфатом из Урала—с другой, со всей настойчивостью ставит вопрос о развертывании существующих и строительстве новых суперфосфатных заводов на Украине.

IX. Транспортные проблемы Украины

Выше уже было отмечено, что Украина, занимая 2% общесоюзной территории, сосредоточивает у себя около 18% всей железнодорожной сети и около 30% железнодорожных перевозок. Казалось бы, обладая такой развитой железнодорожной сетью, Украина не в праве пред'являть к Союзу новые требования по части железнодорожного строительства. Однако, это не так, Украина обязана своевременно, сезонно включить в общесоюзную экономику огромные массы своей продукции. И это в огромной мере заостряет проблему железнодорожного транспорта Украины.

Здесь нет нужды говорить о недостатке вагонов, паровозов, об изношенности шпал, рельс и т. п., Все это беды общесоюзного характера и всем достаточно известны. Можно лишь в качестве иллюстрации указать, что за последнее пятилетие на Украине сменено около 400 верст рельс вместо подлежащих смене $2^1/_2$ тыс. верст.

В соответствии с общим характером трактуемых нами проблем нужно особенно настойчиво подчеркнуть недостаточность выходных путей из Донбасса, иными словами, необеспеченность питания продукцией украинского народного хозяйства центрально-промышленного и северного районов СССР. Уже в нынешнем году при пониженном против предположенного вывозе хлеба транспорт Украины не справлялся с топливными и хлебными перевозками на север. Дальнеший под'ем в следующем году обострит это положение. Развитие Харьковского железнодорожного узла, Лимана, Ясиноватой и ряда других властно диктуется интересами не только украинской, но и общесоюзной экономики. На ряду с этим Екатерининская железная дорога, питающая топливом не только Екатеринославскую группу заводов и передающая топливо сахарной промышленности Правобережья, но и обеспечивающая обратное движение руды, явно исчерпывает свои возможности. Проблема усиления этого направления в форме ли постройки сверхмагистрали Демурино—Марганец или

в форме окончания линии Гришино—Ровно и, таким образом, разгрузки Екатерининской дороги—становится неотложной. Необходимость окончания линии Мерефа—Херсон очевидна. Черниговский край не может быть выведен на путь экономического под'ема без окончания линии Новобелица—Чернигов и Нежин—Прилуки. После того как усилием местных организаций пущена в прошлом году линия Нежин—Чернигов, окончание этой работы при незначительных, сравнительно, затратах действительно открывает новую страницу в развитии северных районов Украины. Наконец, к числу железнодорожных проблем Украины надлежит отнести и вопрос об окончании целого ряда сети под'ездных путей, начатых еще в довоенный период и направляемых к важнейшим очагам хлебной, свеклосахарной и животноводческой продукции.

Особо должна быть подчеркнута проблема водного транспорта Украины. Независимо от судьбы Днепростроя не может быть терпимо дальше такое положение, когда крупнейшая водная магистраль Советского Союза—Днепр—явно гибнет. Из 138 тыс. пог. саженей гидротехнических сооружений на Днепре едва 5% находится в сколько-нибудь удовлетворительном состоянии: не менее 10% размыто совершенно и более 60% подлежит капитальному ремонту. Нужно в общесоюзном масштабе поставить вопрос о поддержке Днепровской водной магистрали и об обеспечении грузооборота по ней. Это тем более необходимо в тот период, когда железнодорожный транспорт отстает в своем развитии от быстро подымающегося народного хозяйства.

Наконец, к числу транспортных проблем должен быть отнесен также и вопрос о портах Украины. Одесса, Херсон, Николаев, Бердянск, Мариуполь, — все это порты, которые живейшим образом связаны с нуждами общесоюзного экспорта и импорта.

X. Жилищное строительство на Украине

К числу острейших нужд Украины должны быть отнесены вопросы городского и в особенности рабочего жилищного строительства. Несколько кратких цифр дают представление об остроте потребности и о размерах задач. Вся полезная жилая площадь украинских городов определяется, примерно, в 6,5 милл. кв. сажен. При расчете средней нормы в 18 кв. саж. на человека нужда городского населения Украины определяется в 9,5 милл. кв. саж.; а к концу текущего 10-летия достигает 12 милл. кв. саж., Иными словами, в течение предстоящего 10-летия для нормального удовлетворения жилой площадью городского населения Украины нужно удвоить ее городской жилищный фонд.

Эти расчеты ни в какой мере не являются преувеличенными. Жилая площадь в среднем по Украине измеряется в 11,5 кв. аршин на человека, падая по Донбассу до 9,4 кв. арш., по Подолии до 8,7 кв. аршин. С другой стороны, процент удовлетворения рабочих жилищами в важнейших отраслях государственной промышленности таков: — рудная промышленность 50%, химическая 57,5%, металлургия—40%, коксобензол—47%, Донуголь—77%, Сахаротрест 36%. Без преувеличения можно сказать, что жилищный вопрос на Украине является фактом, который делает почти невозможным нормальную миграцию населения.

Предварительные расчеты определяют необходимость вложения в ближайшее десятилетие в жилищное строительство около 1½ миллиарда рублей. В текущем хозяйственном году вложение в жилищное строительство определяется в 50 милл. руб. и сверх того в коммунальное строительство около 25 милл. руб. Это явно недостаточно. Жилищная проблема на Украине обостряется и требует к себе внимания.

XI. Приграничная полоса

В прошлом году на Тифлисской сессии Союзного ЦИК'а белоруссами был поднят вопрос о западных границах Советского Союза. Нельзя не согласиться с тем, что эта постановка является совершенно правильной и до крайности своевременной. Украинская приграничная полоса является наиболее малоземельной, наиболее аграрно-перенаселенной, наиболее бедняцкой, к тому же наиболее подвергнувшейся ударам гражданской войны и интервенции. Нельзя вести соревнование социалистического общества с капиталистическим и на стыках с капиталистическими государствами держать нищие, перенаселенные, страдающие от избыточной рабочей силы районы. Проблема устроения приграничной полосы является не только экономической, но и глубокой социальной и политической проблемой.

Наиболее скромные исчисления показывают, что на ближайшие три года в приграничную полосу Украины нужно вложить около 68 милл. р. бюджетных и кредитных ассигнований для доведения этих районов до среднего украинского уровня экономического благосостояния и культурного развития. В текущем году вместо намеченных по этому плану 10—12 милл. рублей отпущено лишь около 2 милл. рублей. Это явно недостаточно. Не в порядке случайных политических нажимов, а в порядке планового предвидения и плановой работы нужно поставить в общесоюзном масштабе во весь рост проблему западной приграничной полосы СССР.

XII. Заключение

Таковы важнейшие плановые проблемы украинского народного хозяйства. Нечего говорить, что здесь подчеркнуты наиболее важные направления и моменты, и что это изложение ни в какой мере не может претендовать на исчерпывающую характеристику основных проблем сложного и противоречиво развивающегося украинского народного хозяйства.

Мы сделали за последние годы в общесоюзном масштабе значительные достижения в смысле осознания наших народнохозяйственных возможностей и путей, в смысле накопления богатого эмпирического материала для оценки отдельных народнохозяйственных групп. Вся эта работа шла в основном по вертикальным разрезам отдельных народнохозяйственных отраслей в общесоюзном масштабе. Уголь, металл, транспорт, машиностроение и т. п. представлялись в общесоюзном разрезе без надлежащего учета того, какие социальные пласты и группы, какие национальные республики и области они прорезывают и как это прорезывание сказывается на экономическом и общественном укладе последних. Настало время представить народнохозяйственное развитие Союза и в другом аспекте, учесть уклад отдельных народнохозяйственных районов (республик и областей). Такое, условно говоря, горизонтальное рассмотрение народнохозяйственных вопросов в Советском Союзе, наряду с принятым до сих пор вертикальным, является совершенно необходимым по самой природе нашего Советского Союза, как союза народов.

Г. Черданцев

Проблемы хозяйственного строительства[1] национальных автономных республик и областей (АССР и АО)

1. Постановка вопроса

Формы национально-территориальных образований, представляя полное выявление принципа национального самоопределения, обеспечивают возможность национально-культурного и национально-государственного строительства трудящимся Союза, начиная от самых мелких национальных групп до наиболее крупных национальных образований. В ряду многообразных форм — от простейших до законченных (национальные сельсоветы, национальные районы, округа, автономные области, автономные ССР и союзные ССР) — особое внимание в смысле разработки привлекают проблемы хозяйственного строительства национальных АССР и автономных областей.

Линии хозяйственного строительства союзных республик и проблемы реконструкций их хозяйства естественно выявлены более четко и непосредственно увязаны с общесоюзным планом, определяя собою в основном его масштаб и характер. Хозяйственное строительство наиболее мелких национально-территориальных образований (национальных сельсоветов, районов, округов), в целом, находит место и разрешается в своей чисто экономической основе системой хозяйственного строительства более крупных административно-хозяйственных и государственных образований (губерний, областей, республик). В отличие от этих высших и низших по своей структуре форм национальных образований, автономные ССР и автономные области требуют особой разработки и выяснения стоящих перед ними задач восстановления и реконструкции хозяйства. Здесь нет пока, по вполне понятным причинам, той четкости задач и ясности линий, какие могут быть даны уже теперь союзными республиками, нет и той непосредственной увязки с общесоюзным планом и определяющего значения для его основных черт. Но вместе с тем здесь уже априори должен быть ряд своих особых, более частных проблем с точки зрения общесоюзного плана, без разработки и разрешения каковых общесоюзный план не только потерял бы весьма существенные черты, но и в порядке разработки, и в порядке осуществления оказался бы в несоответствии с многообразием живой хозяйственной действительности.

Разработка вопросов, связанных с проблемами хозяйственного строительства национальных автономных республик и областей, ставит прежде всего общий вопрос подхода к этим проблемам и определения

[1] Предварительная работа по изучению проблемы хозяйственного строительства нац. авт. республик и областей проделана группой работников Госплана СССР. Помещая первые две статьи т.т. Черданцева и Козловского, редакция в следующем номере журнала намерена поместить остальную (большую) часть работы в целях обсуждения ее на страницах журнала. Ред.

их органического места в системе генерального плана реконструкции хозяйства всего Союза. Этот подход может быть найден, исходя из хозяйственной ситуации автономий и их экономических взаимоотношений с окружающими их территориально-хозяйственными комплексами, а также всесоюзным целым.

При этом в основе должен быть учтен и критически поверен опыт предыдущей плановой работы по данному вопросу, как эмпирический материал, на основе которого может быть разрешен и выработан правильный общий подход, другими словами, найдено органическое место в системе генерального плана.

Вместе с тем должна быть проработана с достаточной определенностью и та система конкретных предпосылок по отдельным автономиям и их территориальным группам, которая только и может обеспечить планомерную разработку отдельных конкретных мероприятий в их общей увязке и определенной системе.

2. Масштабные показатели

Те усилия, которые направлены трудящимися нацавтономий на скорейшее восстановление и реконструкцию своего хозяйства, требуют всемерной поддержки по соображениям как политического, так и экономического порядка. Но и независимо от изложенного общего положения, масштаб хозяйственного значения национальных автономных республик и областей может быть выявлен в показателях как количественного, так и качественного порядка. Суммарные количественные данные определяют масштаб этих 30 нацавтономий (16 АССР и 14 автономных областей) тем, что в совокупности они занимают 9.024 тыс. кв. километров, т.-е. 42,5% всей территории Союза и об'единяют 20.882,1 милл. населения (около 15% всего населения СССР). Их посевная площадь составляет 14,6% всей посевной площади Союза, общее поголовие скота дает 20,7%, а общая площадь лесов около 69% всех лесов СССР. Но не менее существенны, чем эти количественные показатели, даваемые ниже подробно и в различных разрезах, являются моменты качественного порядка. Эти 30 автономий расположены в 15 из 21 района по сетке Госплана (нет автономий данного рода в Западном, в Центрально-Промышленном, Центрально-Черноземном, Обском, Енисейском и Приморском районах).

Обширнейшие территории, ими занимаемые, в целом наименее обследованные, однако, и по имеющимся весьма неполным данным заключают в себе ряд богатейших полезных ископаемых, из которых многие имеют и в еще большей степени будут иметь всесоюзное значение (залежи цветных металлов, в частности, полиметаллических руд, а также золота, марганца и т. д.). Зональные условия многих из этих автономий таковы, что они обеспечивают за ними или возможность выращивания особо ценных культур (на юге и крайнем юге) или наличие возможности особых промысловых занятий (север). Следует отметить и то обстоятельство, что водные энергетические рессурсы только трех районов расположения национальных автономий (Кавказ, Средняя Азия и Якутия) составляют уже 80% всех гидроэнергетических рессурсов Союза (30.550 тыс. лош. сил.).[1] Но основной момент хозяйственной ситуации этих национальных автономий лежит, впредь до основной реконструкции всего их хозяйственного уклада, в ценности их важнейших энергетических рессурсов, живой рабочей силе и специфических трудовых навыках их на-

[1] В средоточиях свыше 10.000 лош. сил.

селения (северные и южные кочевники, северные звероловы, оазисные земледельцы и земледельцы горных районов, садоводы, бахчеводы и т. д.). Использование существующих условий естественно исторической обстановки при данных формах хозяйства сплошь и рядом может иметь место только при наличии этих специальных трудовых навыков населения национальных автономий (сухие безводные степи, тундры севера, высокогорные области, поливное хозяйство в районах жаркого климата и т. д.).

3. Формы территориальных сочетаний

Территориальное размещение национальных автономий дает нам, в географической их локализации комплексные пятна — на Северном Кавказе и Закавказье, в Средней Азии, в Волжско-Уральском ядре—и отдельные единицы или пары на севере и юге Европейской части Союза и Сибири. Эта комплексность ставит соответствующие группы автономий в условия одинаковой естественно исторической обстановки. Уже тем самым их основные хозяйственные проблемы связываются с судьбою крупнейших экономических ландшафтов и территориально-хозяйственных образований. Формы их территориального сочетания с другими как территориально-хозяйственными единицами, так и государственными, разнообразны. Если подойти к нацавтономиям с точки зрения законченности занимаемого ими экономического ландшафта и завершенной функциональности их хозяйственной структуры, то мы получим три случая: 1) Национальная автономная республика или автономная область расположена в части единого экономического ландшафта и тем самым не представляет законченной хозяйственной единицы с точки зрения общесоюзного разделения труда. Этот случай наиболее типичен, по крайней мере количественно, и подавляющее большинство данных автономий относится сюда. 2) Нацавтономия об'единяет в себе черты единого экономического ландшафта и представляет с точки зрения всесоюзного разделения труда законченное функциональное целое. Такой случай мы имеем в лице Якутской АССР. 3) Нацавтономия заключает в себе черты различных экономических ландшафтов и поэтому в системе союзного хозяйства отражает черты сложной функциональности с точки зрения всесоюзного разделения труда (Казакстан). Из изложенного характера соотношений между автономиями и экономическими ландшафтами с присущими им функциями определенных хозяйственных задач возникает ряд проблем разнообразных форм увязки хозяйственного строительства нацавтономий, с одной стороны, и хозяйственных планов более крупных территориально-хозяйственных комплексов—с другой. Эти формы увязки будут разнообразными в зависимости от изложенных территориально-хозяйственных соотношений национальных автономных республик и областей к масштабности всесоюзного плана и планов крупнейших территориально-хозяйственных комплексов.

Здесь необходимо отметить, что то или другое сочетание хозяйственно-плановой увязки, разумеется, не всегда будет совпадать с увязкой государственно-правовой, но надо иметь в виду, что это государственно-организационное начало, не изменяя ничего по существу экономической проблемы, будет влиять лишь в моментах технической организации разработки и проведения плана.

Наконец, нельзя упускать из вида и того соображения, что говоря о хозяйственных проблемах национальных автономий, мы всегда считаемся с исторической обусловленностью как настоящего хозяйственного положения, так, разумеется, и перспектив хозяйственного развития в будущем.

4. Общие моменты хозяйственного положения автономий

Предшествующие положения общего вводного характера выдвигают на очередь вопрос о фактической хозяйственной ситуации национальных автономных республик и областей, по сравнению с общим положением хозяйства Союза и входящих в него союзных республик. Более деталированная характеристика будет дана в ряде статей, но здесь необходимо отметить, что основным положением для подавляющего большинства национальных автономий является отсталость хозяйственного развития таковых, об'ясняемая условиями исторического прошлого, грубой антинациональной политикой дореволюционного режима. Усилия, которые были проявлены нацавтономиями для ускоренного доразвития своего хозяйства за истекшие годы, равно как и содействие Союза в этом отношении, разумеется, не могли еще к настоящему моменту исправить то, что создавалось в течение столетий. Если мы обратимся к отдельным показателям даже самого общего характера, то они ярко подтверждают это общее для громадного большинства автономий положение хозяйственной отсталости.

Средняя арифметическая плотность населения национальных автономных республик и областей в 3 раза меньше средней плотности населения по всему Союзу (2,2 челов. на 1 кв. километр против 6,6 всесоюзной). Процент городского населения в среднем составляет по всем этим автономиям только 9,7% при среднем по Союзу в 16,4%. В отдельных территориальных комплексах он падает до 3,8 (Сибирский север) и только для Закавказья и юга Европейской части Союза мы имеем выше-средние нормы. Развитие транспортных связей по всем автономиям дает 0,9 километра жел. дорог на 1000 кв. километров территории против 2,7 километра по РСФСР, [1] при чем в целом ряде автономий железных дорог вообще не имеется. Сельское хозяйство характеризуется для большинства автономий чертами значительной отсталости и примитивности форм. Вместе с тем значительно ниже и процент привлеченной к сельскохозяйственной эксплоатации земли. Так, процент распаханных земель ко всей площади автономии составляет около 2,5 против 12,2 по РСФСР. [2] Промышленное развитие нацавтономий находится в зачаточной форме, и фабрично-заводской промышленности в ряде национальных автономий или не существует вообще или она представлена единичными предприятиями. Разумеется, по отдельным национально-территориальным комплексам и автономиям все эти показатели будут варьировать, но общая характеристика остается типичной для подавляющего большинства.

Кроме того, в результате разрушений прошлых лет и ряда стихийных бедствий в отдельных автономиях, обнаруживается замедленный восстановительный процесс. Здесь встает ряд проблем по реконструкции этого хозяйства с ускоренным завершением восстановительного процесса, в частности, задача улучшения транспортных связей с внешним миром и весьма сложная проблема его индустриализации.

Вся совокупность хозяйственного положения нацавтономий свидетельствует о том, что этап сколько-нибудь заметного развертывания хозяйственных сил еще впереди, и что использование природных богатств даже в масштабе среднесоюзных норм—дело будущего. Одновременно и в связи с этим встает задача изучения и исследования этих специальных районов с определенной целевой хозяйственной установкой на скорейшее развертывание их естественных производительных

[1] По Украине—30,7 километра ж. д.
[2] 70,5% по Украине.

сил. Прежде всего это положение учитывается руководящими работниками и массами населения самих национальных автономий. Та связь, которая установлена местами со Всесоюзной Академией Наук в целях исследования естественных производительных сил, и те обследования и экспедиции местного характера, которые ставятся руководящими органами нацавтономий, ярко свидетельствует об этом.

5. Предшествующий плановый опыт

Опыт прошлого планового строительства шел при попытках разрешения этой задачи со стороны центра по двум линиям: 1) прямого бюджетного воздействия в форме отпуска средств на отдельные хозяйственные мероприятия, выдвигавшиеся отдельными автономиями и 2) косвенного содействия облегчению восстановительного хозяйственного процесса путем предоставления разнообразных налоговых и иных льгот, а также возможного устранения последствий от бед стихийного характера. Со стороны самих же национальных автономий живая работа по восстановлению и скорейшему развитию своего хозяйства выражалась в разработке планов отдельных хозяйственных мероприятий, обеспечивавших, по мнению данной автономной республики или области, наилучшие условия ее скорейшего хозяйственного развития, а также в стремлении скорейшего изжития и устранения тех разрушений и дефектов хозяйства, которые были оставлены, как наследие тяжелого прошлого.

Этот плановый опыт показал, что плановое строительство и бюджетные ассигнования могут быть вполне эффективными только при условии разработки автономиями общего плана их хозяйственного развития на более или менее длительный срок с обязательным учетом общей линии хозяйственного развития Союза и увязки с основными реконструкционными мероприятиями его хозяйственного плана. Только такая увязка может дать хозяйственному плану национальных автономий ту согласованную систему мероприятий, которая должна обеспечить максимальную эффективность хозяйственного развития. Что же касается мероприятий по устранению всех пережитков тяжелого прошлого и остатков бедствий стихийного характера, то их влияние сказывалось лишь частично, и не столько в сторону прямого развития хозяйства, сколько в сторону предохранения от деградации и устранения помех на путях его развития.

В целом же, опыт планового строительства прошлого показал, что развитие этого хозяйства может быть достигнуто только изжитием элемента случайности, переходом на действительное плановое строительство, в котором роль центра и мест была бы рационально распределена, и плановому строительству мест было бы найдено органическое место в системе крупнейших реконструкционных мероприятий хозяйственного строительства всего Союза.

Бюджетные ассигнования национальным автономиям за 1923/24 г., 1924/25 гг. и в назначениях на 1925/26 г. показывают, что бюджетное состояние национальных автономий в целом совершенно правильно улучшалось. Так, если в 1923/24 году расход на душу населения по государственному и местному бюджету составлял, в среднем, 4 р. 61 к. то в 1924/25 г. он возрос до 6 р. 70 к. и на 1925/26 г. (условно) до 8 р. 85 к. Однако, в среднем, он оставался ниже показателей по РСФСР (соответствующие цифры 6 р. 95 к., 9 р. 15 к. и 11 р. 49 к.), а главное—колебания между отдельными автономиями достигали десятикратных и более размеров.

6. Общая ориентировка в проблеме

Все изложенное ставит основную проблему выправления линий хозяйственного развития национальных автономий путем подтягивания такового к хозяйственному развитию всего Союза. Но это ускоренное доразвитие национальных автономий до средних союзных и всесоюзных норм не должно мыслиться, как механическое уравнение отдельных отраслей хозяйства национальных автономий по соответствующим средним индексным признакам Союза. В основе оно должно являться развитием и укреплением органической связанности целого в процессах географического разделения труда между районами, с усвоением отдельными автономиями и их территориальными комплексами тех черт, которые диктуются существующей естественно исторической обстановкой и характером хозяйства соответствующих территориально-хозяйственных комплексов. В пределах этой всесоюзной территорально-хозяйственной специализации труда нацавтономии должны определить свою, более частную специализацию, которая явится характерной, неотъемлемой чертой хозяйственной физиономии всего хозяйственно-законченного территориального комплекса. Эта специализация нацавтономий и должна быть обеспечена соответственно проработанными мероприятиями планов генерального развития.

Включение нацавтономий в общий темп всесоюзного развития в порядке генерального плана может быть достигнуто мероприятиями троякого порядка: 1) Необходимо найти органическое место данной автономии или их территориальному комплексу в крупнейших всесоюзных мероприятиях, касающихся более значительных по масштабу хозяйственных территорий. При этом необходимо должна быть разработана система всех тех подсобных мероприятий, которые имеют целью обеспечить полное влияние этих крупнейших мероприятий на реконструкцию хозяйства национальных автономий. В этой части работы находится вполне определенное место как для роли центра, так и мест. 2) Следует разработать совокупность мероприятий по подтягиванию всех тех отраслей местного хозяйства, которые в нацавтономиях представляются отсталыми по сравнению с типичными чертами окружающего их экономического ландшафта. 3) Учитывая, кроме того, значение разделения труда в масштабах функционально-законченного территориально-хозяйственного целого, необходимо обратить внимание и на те, уже специальные, особенности данной автономии, которые обеспечивают особые ее задания в системе основных хозяйственных функций соответствующего территориально-хозяйственного комплекса. Во всех мероприятиях, которые обозначены здесь п.п. 2 и 3, инициатива и живая творческая мысль национальных автономий находит полное выявление. Таковым должен быть, нам думается, общий подход к постановке вопроса о хозяйственном строительстве национальных автономий.

Что же касается отдельных конкретных предпосылок по единичным автономиям или их комплексам, а также вопроса индустриализации, то таковым предполагается посвятить специальные очерки в порядке исследовательского подхода и систематизации материала, который может быть учтен при составлении соответствующих планов.

Н. Козловский

Экономико-географические данные о национальных автономиях

I. Территория

Национальные автономии, области и республики, занимают 9024 тыс. *кв. клм*, что составляет 42,5% всей территории Союза ССР. Отдельно АССР занимают 8188,9 тыс. *кв. клм.* или 38,6%; авт. области 835,1 тыс. *кв. клм* или 3,9%.

По своему географическому положению нацавтономии находятся, главным образом, на окраинных границах Советского Союза: на Европейском и Сибирском севере, на юге Сибири, в Ср. Азии, Кавказе и юге Европейской России.

По географическому признаку все нацавтономии грубо можно свести в восемь следующих территориальных групп:

1. Север Европейской России: Карельская АССР, занимающая северную часть С.-З. района Госплана по границе с Финляндией и Коми (Зырянская) авт. область, примыкающая к северному отрогу Уральского хребта, составляющему восточную границу С.-В. района Госплана.

2. Сибирский север, который в данном случае представляется одной Якутской АССР, являющейся одновременно и экономическим районом по проекту Госплана.

3. Волжско-Уральская группа, состоящая из 7 автономных единиц, из коих АССР—Чувашская, Татарская и Башкирская, а также авт. области Вотская и Марийская представляют из себя граничащие друг с другом территории, расположенные в Средне-Волжском, Вятско-Ветлужском и Уральском районах. Автономии: АССР Немцев Поволжья и Калмыцкая авт. область расположены отдельно в Нижне-Волжском районе.

4. Юг Европейской России: Крымская АССР на Крымском полуострове (Южно-Горнопромышленный район) и Молдавская АССР на нижнем течении р. Днестра с центром в г. Балте (Ю.-Зап. район).

5. Южно-Сибирская группа: в состав Ю.-Сиб. группы входят две автономии—Бурято-Монгольская АССР и Ойратская авт. область.

Первая расположена в Ленско-Байкальском районе, за оз. Байкалом вдоль его восточного побережья, гранича на юге с Монголией и Народной республикой Танну Тува.

Вторая занимает юго-запад Кузнецко-Алтайской области между верховьем р. Оби и границей с Монголией.

6. Северо-Кавказская группа в составе автономий: Дагестанской АССР и авт. областей Чеченской, Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкасской и Адыгейской длинной полосой занимает предгорье и горную полосу Северного Кавказа по Кавказскому хребту. Все перечисленные автономии, за исключением Адыгейской, граничат между собой.

7. Закавказская группа (Кавказский р.) состоит из пяти автономных единиц: Абхазской договорн. ССР и Аджарской АССР, расположенных на западном побережье Черного моря; Нахичеванской АССР и авт. области Нагорного Карабаха на левом берегу р. Аракса по границе с Турцией и на южном склоне Кавказского хребта—авт. область Юго-Осетия.

8. Казакстан—Ср. Азиатская группа: Казакская АССР, Киргизская АССР, Таджикская АССР и Кара-Калпакская авт. область. Эта группа занимает обширную территорию, простирающуюся на восток от Каспийского моря и охватывающую собой целиком Западно-Киргизскую и Восточно-Киргизскую области, а также значительную часть Ср. Азиатской области.

Распределение указанной выше территории между установленными нами территориально-географическими национальными группами, отдельными автономиями, сравнение дробных территорий (авт. областей и республик) с территориями соответствующих союзных республик и районов Госплана, а также состав основных земельных угодий (удобные, неудобные земли, леса и т. д.) приводим в таблице № 1 (см. стр. 202—203) [1].

Как видно из таблицы, территория чрезвычайно неравномерно распределяется как между естественно-территориальными группами автономий, так и внутри их среди отдельных автономных образований.

Северо-Сибирская и Казакстан—Ср. Азиатская группы занимают 81,7% автономной территории, 35% территории Союза. Таким образом, остальным группам, включающим подавляющее большинство автономий (25 из 30) принадлежит меньше 20% площади автономий и лишь 7,5% площади Союза.

Еще более резкая неравномерность наблюдается в распределении территории между отдельными автономными единицами. Так, Казакская и Якутская АССР, занимающие каждая в отдельности свыше 3 милл. *кв. клм* в несколько раз превосходят всю территорию Германии и Франции, а большинство автономий Северного Кавказа и Закавказья занимают площади в 2,7—11,5 тыс. *кв. клм*, т.-е. значительно меньшие средних внутренних уездов Союза. По размерам территории все нацавтономии можно обобщить в три группы: 1) с большими площадями—автономии Европейского севера, Сибири и Средней Азии, 2) со средними—Волжско-Уральские и юга Европейской России и 3) с мелкими—Кавказские автономии.

Сопоставление автономий с соответствующими союзными республиками показывает, что за единичными исключениями (три случая), занимаемые отдельными нацобразованиями площади не превышают 5% территории своей союзной республики.

Иллюстрируем это следующими данными:

Число автономий	Занимаемая территория в %% к союзной республике.
18	< 1%
9	1 — 5%
2	15 —20%
1	42,2%

Нацавтономии, за исключением Якутии и отчасти Казакстана не представляют из себя законченного в экономическом смысле территориально-хозяйственного целого, а лишь являются небольшими составными частями или подрайонами установившихся экономических районов.

[1] Имеющиеся как в этой, так и в других таблицах цифры по состоянию материалов, их разнородности и разнокачественности не могут претендовать на безусловную точность и имеют в целом ориентировочный характер.

Таблица № 1

ТЕРРИТОРИЯ АВТОНОМИЙ

Таблица составлена на основании справочника НКВнудел по территориальному и административному делению СССР, статистическому справочнику ЦСУ за 1925г., местным материалам и друг.

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ АВТОНОМИЙ	Площадь в тыс. кв. км	В процентах к итогу	%-отношение к территории соответств. союзной республики	%-отношение к территории района или район. Госпл. СССР	Разделение территории автономий на основные угодья: Удобных земель в процентах	В числе удобных земель: Пашни в тыс. дес.	В процентах ко всем землям	Сенокоса в тыс. дес.	В процентах ко всем землям	Леса и кустарник в тыс. дес. (вся площадь)	В процентах ко всем землям	% неудобных земель
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	I. Европейский север												
1	Карельская АССР	146,3	1,6	0,74	31,7	63,5	64,6	0,5	172,2	1,3	8.164,9	61,3	36,5
2	Коми (Зырянская) Авт. Обл.	428,5	4,8	2,20	40,3	68,0	41,7	0,1	116,8	0,28	28.838,2	73,5	32,0
	Итого по Европ. северу	574,8 (2,5%)	6,4	—	—	—	106,3	0,2	289,0	0,6	37.003,1 (7,5%)	69,5	—
	II. Север Сибири												
3	Якутская АССР	3.769,0	41,8	19,15	100,0	н. св.	30,6 (пос. площ.)	—	—	—	255.000,0 [1]	80,0	—
	Итого по сев. Сибири	3.769,0 (18,0%)	41,8	—	—	—	30,6	—	—	—	255.000,0 (51,0%)	80,0	—
	III. Волжско-Уральская группа												
4	Марийская авт. обл.	18,9	0,2	0,10	9,5	98,0	542,5	28,1	53,4	2,8	1.242,8	64,5	2,0
5	Вотская „ „	29,9	0,3	0,20	15,0	93,6	1.120,1	41,2	165,5	6,1	1.166,4	42,7	6,4
6	Чувашская АССР	17,8	0,2	0,10	7,9	87,8	610,9	43,3	45,0	3,2	495,1	35,1	12,2
7	Татарская АССР	60,0	0,7	0,30	26,7	92,8	3.653,3	59,5	403,6	6,6	1.061,2	17,3	7,2
8	Башкирская АССР.	180,4	2,0	0,92	27,8	91,8	5.272,4	36,4	1.242,2	8,6	5.331,4	36,8	8,2
9	Немцев Поволжья АССР.	25,4	0,3	0,13	7,3	92,6	1.697,9	68,0	88,3	3,6	61,2	2,5	7,4
10	Калмыцкая авт. область	79,1	0,9	0,40	22,7	55,3 [2]	337,0	4,7	103,1	1,4	2,8	0,4	22,0 [3]
	Итого по Волжско-Ур.гр.	411,5 (1,8%)	4,6	—	—	—	13.234.1	35,0	2.101,1	5,6	9.360,9 (1,8%)	25,0	—
	IV. Юг Европейской России												
11	Крымская АССР	25,3	0,3	0,13	12,5	92,5	1.155,3	48,5	28,6	1,2	200,4	8,5	7,5
12	Молдавская АССР.	7,8	0,1	1,82	3,4	н. св.	560,0 (приблиз.)	79,0	н. св.	—	н. св.	—	н. св.
14	*Обратская авт. область*	*55,0*	*0,3*	*0,43*	*12,5*	*58,0*	*62,1*	*0,8*	*149,0*	*1,6*	*4.442,2*	*53,7*	*42,0*
	Итого по Южно-Сиб. гр.	*504,0 (2,4%)*	*5,5*	—	—	—	*425,1*	*1,8*	*390,5*	*1,7*	*13.491,1 (2,8%)*	*58,0*	—
	VI. Северо-Кавказская группа												
15	Дагестанская АССР	58,9	0,6	0,30	12,3	64,0	240,9 (приблиз.)	4,5	н. св.	—	174,0	3,5	36,0
16	Чеченская авт. область	10,1	0,1	0,05	2,1	97,0	254,7	27,5	121,2	13,1	296,9	32,2	3,0
17	Ингушская „ „	3,1	0,03	0,01	0,7	91,0	81,9	29,6	24,8	9,0	86,1	31,1	9,0
18	Северо-Осетинская авт. обл.	6,4	0,1	0,03	1,3	78,0	84,6	15,1	14,1	2,5	129,6	23,1	22,0
19	Кабардино-Балкарская „ „	11,3	0,1	0,06	2,4	79,0	236,4	24,7	89,6	9,4	71,3	7,4	21,0
20	Карачаево-Черкесская „ „	11,5	0,1	0,06	2,4	85,0	191,7	27,5	111,3	16,0	139,1	20,0	15,0
21	Адыгейская „ „	2,7	0,03	0,01	0,6	75,2	84,5	35,0	21,6	9,0	21,5	9,0	24,8
	Итого по Сев.-Кавк. гр.	104,0 (0,5%)	1,06	—	—	—	1.174,7	12,2	382,6	9,4	918,5 (0,2%)	9,7	—
	VII. Закавказская группа												
22	Абхазская договорн. ССР	9,4	0,1	4,90	2,0	н. св.	59,6	6,9	1,1	—	499,9	58,0	н. св.
23	Аджарская АССР	2,3	0,03	1,20	0,5	н. св.	10,7	5,1	1,1	0,5	185,0	88,0	н. св.
24	Нахичеванская АССР	6,5	0,1	3,40	1,4	н. св.	38,9	6,5	1,3	0,2	1,5	0,2	н. св.
25	Нагорн.-Караб. авт. обл.	4,2	0,06	2,80	0,9	н. св.	56,5	14,7	1,6	—	140,0	36,5	н. св.
26	Юго-Осетинская авт. обл.	3,7	0,05	1,92	0,8	н. св.	22,8	6,7	2,4	—	237,7	70,0	н. св.
	Итого по Закавказск. гр.	26,1 (0,14%)	0,34	—	—	—	188,5	7,8	7,5	—	1.064,1 (0,2%)	44,5	—
	VIII. Казакстан и Ср. Азия												
27	Казакская АССР	3.039,0	33,7	15,44	76,8	н. св.	2.951,3 (пос.пл.)	1,0	н. св.	—	25.616,2 [4]	9,2	н. св.
28	Киргизская АССР	285,8	3,2	1,50	16,5	н. св.	335,5	1,3	н. св.	—	1.822,9 [5]	7,0	н. св.
29	Таджикская АССР.	136,0	1,5	42,23	7,9	н. св.	226,2	1,8	н. св.	—	нет сведен.	—	н. св.
30	Кара-Калпакская авт. обл.	140,7	1,5	0,71	8,1	н. св.	26,9	0,2	н. св.	—	нет сведен.	—	н. св.
	Итого по Казакстану и Ср. Аз	3.601,5 (17,0%)	39,9	—	—	—	3.539,9	1,1	—	—	27.439,1 (5,6%)	9,0	—
	Всего по автономиям	9.024,0	100%	—	—	—	20.414,5	2,5	3.199,3	—	344.477,2	43,3	—
	%-отношение к СССР	42,5	—	—	—	—	—	—	—	—	69,1	—	—
	А. РСФСР	19.683,0	—	—	—	—	109.641,5	12,2	—	—	488.827,0	27,3	—
	Б. УССР	429,7	—	—	—	94,5	29.280,0	68,0	2.485,6	6,0	3.270,3	7,9	5,5
	В. ЗСФСР	193,0	—	—	—	61,3	2.738,8	15,5	294,1	1,7	3.415,0	19,4	38,7
	Г. Узб. ССР	322,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	СССР	21.210,5	—	—	—	—	—	—	—	—	499.391,0	25,5	—

В графах 3 и 12 в скобках показано отношение к СССР.

[1] По исчислению Управления Лесами НКЗ РСФСР 140 милл. десятин удобной лесной площади и 100 милл. дес. неудобной. [2] В том числе выгона—3.503,7 тыс. десятин. [3] Кроме того, 1.641,3 тыс. десятин (22,7%) земель, нераспределенных на удобные и неудобные. [4] В том числе удобной лесной площади—8.197,5 тыс. дес. [5] В том числе удобной лесной площади—777,7 тыс. десятин.

Это положение в полной мере подтверждается следующими цифрами, выражающими отношение автономий к районам Госплана.

Число автономий		Части территории районов Госплана
12	авт. занимают каждая	$<1/20$
17	„ „ „	$<1/10$
22	„ „ „	$<1/5$
28	„ „ „	$<2/5$
2	„ „ „	$>1/2$ до 1

Касаясь состава земельных угодий, следует указать на две характерных большинству автономий особенности: во-первых, большую лесистость и, во-вторых, незначительный процент пахотных земель. Леса на территории автономий в целом составляют больше 40% площади, а пашни всего 2,5%, при средней распаханности по РСФСР 12,2%. Здесь сосредоточивается около 65—70% общесоюзного лесного фонда, при чем около 60% лесов Союза и 83% лесов автономий находится в Карелии, Коми (Зырянской) области и Якутской АССР. При весьма низком проценте пашни, значительно меньшем одного, лесистость этих автономий весьма высока (61—80%).

Большой лесистостью отличается и ряд других районов и автономий: Южно-Сибирская группа (54—64%), часть автономии Волжско-Уральской полосы (17—64%), Северного Кавказа (20—32%) и Закавказья (37—88%). Однако, абсолютное значение лесов этих районов несравненно меньше, чем лесов указанных выше северных автономий. Относительное значение распаханных земель в общем составе угодий в перечисленных районах, кроме Волжско-Уральского, невелико—от 0,8 до 35%.

Ярко выраженное земледельческое меньшинство представляют автономии Волжско-Уральской группы и юга Европейской России, где пашни достигают 68—79% площади.

Наконец, совершенно отличную группу представляют из себя автономии Средней Азии и Казакстан с их пустынно-степной территорией.

Что касается административно-хозяйственного устройства территорий автономий, то в большинстве из них до последнего времени сохранилось старое административное деление на губернии, уезды, волости и т. д. По принципам экономического районирования районированы 12 автономий, расположенных, главным образом, внутри районированных областей. Так, районирована Якутская АССР, границы которой совпадают с границами экономического района; низовое районирование проведено в следующих автономиях: 1) Марийской (Вятско-Ветлужский район), 2) Немцев Поволжья (Нижне-Волжский район), 3) Крымской (Южно-Горнопромышленный район), 4) Молдавской (Юго-Западный район), 5) Ойратской (Кузнецко-Алтайский район) и 6) в Северо-Кавказских автономиях—Чеченской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Ингушской, Северо-Осетинской и Адыгейской (Кавказский район).

II. Физико-географические данные

Природные условия национальных автономий и их отдельных территориальных комплексов чрезвычайно разнообразны вследствие крайнего различия их географического положения. Поэтому мы встречаем в них все типы климатов от субтропического климата Закавказских автономий (Абхазская и Аджарская АССР) до самого сурового континентального климата (Якутская АССР), все типы почв и величайшие разнообразия растительного и животного мира. Зональные условия в их совокупности, высота над уровнем океана, особенности географического положения, близость или удаленность от морских бассейнов определяют многообразие природных условий национальных автономий. В этом разнообразии можно, однако, уловить одну общую черту—это исключительность природных условий национальных автономий по сравнению с типичными средними чертами природных условий РСФСР. Эта исключительность для громадного большинства национальных автономий находит свое выражение в контрастности их местоположения—на крайнем севере или крайнем юге нашего Союза—и обусловливается в значительной степени миграционными процессами прошлого.

Группа национальных автономий севера Европейской России и севера Сибири (автономии: Карельская АССР, автономная область Коми и Якутская АССР) своими северными границами примыкают к Северному Ледовитому океану и представляют все черты природных условий севера, приобретающих все большую и большую суровость по мере продвижения с запада на восток. Если в Карельской АССР январские изотермы дают—12° С., то в автономной области Коми они считаются до —20° —24° С., а в Якутии для района Верхоянска подходят до —48—50° С., образуя здесь замкнутую кривую (абсолютный полюс холода). Если отбросить районы вечной мерзлоты, то почвы этих автономий характеризуются, как грубые подзолы с валунами (в Карелии и Коми) и как подзолы на преобладающих твердых породах для Якутии. По условиям климата и почв земледелие возможно в южных частях этих автономий, почему промысловая и промышленная деятельность населения, а также северное скотоводство приобретают особое значение.

Из природных условий незонального порядка, могущих иметь большое влияние на хозяйственную деятельность населения, следует отметить наличие в северных автономиях полезных ископаемых: меди, железа, слюды, кварца и гранита—в Карелии; нефти, каменного угля, железа, графита и соли—в Коми (Зырянской) авт. области и многочисленнейших месторождений золота, платины, серебра, меди, серебро-свинцовых руд, железа, каменного угля, нефти, самоцветных камней и др.—в Якутской АССР.

Волжско-Уральская группа автономий—единственная группа, ближе подходящая к средним природным условиям РСФСР. При значительной меридианальной вытянутости этой группы по бассейну Волги январские изотермы дают здесь от —15° до—7° С., а июльские от +22° до +24°. Подзолистые почвы с валунами и лесные суглинки в Марийской и Вотской авт. областях сменяются черноземами Чувашской, Татарской и Башкирской АССР, переходят частью в каштановые почвы в АССР Немцев Поволжья и, наконец, заканчиваются на юге этой группы—в Калмыцкой авт. обл.—бурыми почвами с комплексами слабо солонцеватых, солонцеватых почв и солонцов. В целом эта группа—типичный земледельческий район, за исключением Калмыцкой автономии с ее экстенсивным животноводством. При этом засушливость климата составляет ту характерную отрицательную черту, которая находит все усиливающееся выражение по мере продвижения с северо-запада на юго-восток.

Полезные ископаемые отмечены лишь в двух автономиях данной группы: золото, марганец, полиметаллические руды и железо—в Башкирской АССР; фосфориты и горючие сланцы в Татарской АССР.

Группа южных автономий Европейской России, представленная Молдавской и Крымской АССР, наоборот, снова представляет отклонение от среднего типа, но уже в положительную сторону. Черноземно

каштановые почвы, средняя январская для Молдавской АССР—4° С., для Крыма от 0 до +4° (южный берег), достаточное увлажение и преимущество географического положения дают для этих автономий ряд весьма благоприятных зональных условий.

Горные богатства—железо и уголь—находятся на Крымском полуострове.

Группа Северо-Кавказских автономий—это предгорья Кавказского хребта. В подгорно-лесном и плоскостном районах распространены серые и темно-серые черноземы и подзолистые почвы, в высокогорном районе их сменяют горно-луговые и горно-тундровые почвы. Здесь для климатических и почвенных условий определяющее значение приобретает вертикальная зональность. Кроме того, по мере удаления на восток, климат приобретает черты более резко выраженной континентальности, а также засушливости. Поэтому, промысловая и промышленная деятельность населения, скотоводство и развитие поливного земледелия для соответствующих районов приобретают особое значение.

Ископаемые богатства Северо-Кавказских автономий составляются: из медных месторождений Северной Осетии, горючего природного газа Дагестана и, кроме того, в пределы Карачаево-Черкесской авт. области с севера вклинивается угольный район, а в пределы Адыгейской авт. области—нефтеносный майкопский район.

Что же касается Закавказских автономий (Абхазская, Аджарская АССР, Южно-Осетинская авт. обл., Нахичеванская АССР и авт. обл. Нагорного Карабаха), то в целом они являются по своим зональным условиям единственным районом в Союзе с субтропическим климатом (Абхазия и Аджария), при чем с запада на восток районы обильных осадков сменяются районами недостаточного увлажения. Фактор вертикальной зональности здесь имеет тоже определяющее значение. Если в нижнем ярусе более высоких температур мы имеем специальные субтропические культуры, то выше располагаются зерновые хлеба и еще выше горные летние пастбища. В основном закавказские автономии—это область специальных культур жаркого климата с весьма большим разнообразием. Этому разнообразию соответствуют и все основные зональные факторы. Так, мы здесь имеем низменно-болотисто-подзолистые, красноземно-подзолистые и лесные почвы (Абхазия и Аджария), горные черноземы и горнолуговые (Нахичевань и Нагорный Карабах), горнолуговые, разнообразные лесные почвы и выщелоченные черноземы (Южная Осетия). Такое же разнообразие будет в связи, главным образом, с вертикальной зональностью для климата, флоры и фауны.

Из азональных факторов отметим залежи каменного угля в Абхазии, месторождения меди в Аджарской и Нахичеванской АССР, в последней, кроме того, поваренную соль.

Южно-Сибирская группа (Ойратская авт. обл. и Бурято-Монгольская АССР), однако, лежит севернее 50° северной широты. Поэтому неудивительно, что здесь суровый континентальный климат (в Ойратии средняя январская—18° С., средняя июльская+24° С.), при чем северная тайга почти сливается с горными лесами Ойратии и заполняет значительную часть Бурято-Монгольской АССР. Почвенный покров характеризуется преобладанием черноземов и подзолов с наличием в Бурято-Монгольской АССР также каштановых почв и солонцов. Земледелие затруднено как горами, так и недостатком осадков (Бурято-Монгольская АССР).

Азональные факторы имеют большее значение для Бурято-Монгольской АССР в виде месторождений золота, железа, марганцевых руд и соли.

Наконец, Казакстан—Средне-Азиатская группа (Казакстан, Кара-Калпакская обл., Таджикистан и Киргизстан) характеризуется в основном тем, что это—район сухих степей и пустынь, ограниченный на юге высочайшими горами и образующий при переходе пустыни в значительное поднятие или при пересечении ее реками оазисные районы предгорий и речных долин. Обладая избытком солнечной энергии, эта группа автономий по своим естественным условиям является областью высоко ценных технических культур на базе искусственного орошения в оазисах и экстенсивного скотоводства в степях и полупустынях. Различные пустынные и полупустынные типы почв, леса и разнообразные горные почвы характеризуют почвенный покров этих автономий, а климатические их условия отличаются чертами жаркого континентального климата с недостаточным количеством осадков.

Громадное значение для автономий может сыграть развитие здесь добывающей промышленности на базе значительных запасов ископаемых: каменного угля, нефти, меди, марганцевых руд, золота, железа, соли, радия и др.

Главные месторождения сосредоточены в западной и северо-восточной частях Казакстана и на северной границе Киргизской АССР.

В целом, национальные автономии по своим зональным и азональным условиям и особенностям географического положения представляют контрастные черты исключительной естественно-исторической обстановки, а это, в свою очередь, обусловливает их хозяйственные особенности, выражающиеся как в отсталости хозяйства, так и в наличии редких хозяйственных форм.

Энергетические рессурсы. Важнейшие энергетические рессурсы нацавтономий заключаются в запасах древесины (леса), каменного угля, нефти и водной силе (белый уголь). Лесов, каменного угля и нефти в этой части придется коснуться поскольку это необходимо для характеристики общих запасов энергии, так как на них уже останавливались выше.

Водные бассейны автономии, как и бассейны Союза вообще, изучены весьма слабо. Наиболее крупные запасы водной энергии в Союзе сосредоточены на его окраинах—Севере, Урале, в Сибири, Туркестане и на Кавказе, т.-е. как раз в тех районах, где расположено большинство национальных автономий.

Север Европейской России располагает запасами водной энергии, исчисляемой миллионами лош. сил, в том числе реки Мурманского побережья и Карелии—1210,7 тыс. лош. сил., восток Северного Края (Коми)—248,0 тыс. лош. сил. Кроме того, отметим наличие в Коми (Зырянской авт. обл.) ухтинской нефти и каменного угля в бассейне реки Печоры, а также громадных лесных богатств как в авт. обл. Коми, так и в Карельской АССР.

Якутия с ее многочисленными и многоводными реками также располагает большими запасами белого угля, исчисляемыми в 6.000 тыс. лошадиных сил. Колоссальнейшими источниками энергии являются, вместе с тем, ее леса, занимающие первостепенное место в Союзе, а также значительные залежи угля и нефти.

Южно-Сибирские автономии (Бурято-Монгольская АССР и Ойратская авт. обл.) беднее энергетическими рессурсами, однако, и здесь имеется много небольших рек, которые могут быть использованы для будущих гидроэлектрических станций, сравнительно большие запасы древесины и залежи каменного угля в Бурято-Монгольской АССР.

Волжско-Уральская группа автономий является наименее обеспеченной в энергетическом отношении районом, по крайней мере, для боль-

шинства ее членов. Запасы водной силы исчисляются всего в несколько сот тысяч лош. сил, в том числе на Башкирию приходится 110 тыс. лош. сил на р. р. Уфе и Белой. Ограниченные запасы древесины и отсутствие источников минерального топлива ставят район в исключительное положение.

Для Южной группы Европейской части следует отметить крымский уголь.

Кавказские автономии, для своих небольших территорий, располагают огромнейшими энергетическими рессурсами в виде белого угля. Кавказский район—наиболее мощный из всех по своим запасам—16.000 тыс. лош. сил. Бассейны ряда небольших рек, протекающих в районе Северной Осетии, Чечни и Кабарды имеют 415 тыс. лош. сил, а небольшой Абхазско-Мигрельский район (Закавказье)—900 тыс. лош. сил. Значение кавказских нефтяных месторождений как для автономий Кавказа, так и для всего Союза общеизвестно.

Хотя Средне-Азиатские автономии и бедны текучими водами, но и здесь, особенно в течениях горных рек, берущих начало в хребтах Тянь-Шаня, Гиндукуша и Памира, неиспользованы многие и многие миллионы лошадиных сил. В целом, Туркестанский район второй по запасам белого угля в Союзе—12.550 тыс. лош. сил. Один бассейн реки Сыр-Дарьи насчитывает свыше 4.000 тыс. лош. сил. Запасы древесины в области невелики, но зато имеются значительные запасы нефти и каменного угля.

Казакская АССР насчитывает без своей южной части около 2.000 тыс. лош. сил белого угля, имея также свою нефть (Эмбинский район), и многочисленные месторождения каменных и бурых углей.

Из всех источников энергии, которыми располагают нацавтономии, наибольшее промышленное значение для ближайшего времени, вероятно, будут иметь леса—для северных, сибирских и части Волжско-Уральских автономий, а для остальных—каменный уголь, нефть, и белый уголь, значение которого, как наиболее дешевого, должно все время возрастать.

III. Население

Население нацавтономий составляет 15% населения Союза или 20.882,1 тыс. человек; в том числе население республик—17.818,9 тыс. человек (12,8%), автономных областей—3.063,2 тыс. человек (2,2%).

Сельского населения в среднем по всем автономиям насчитывается 90,3% против 83,6% по СССР. Городское население автономий, как видим, весьма незначительно, отношение его к сельскому почти в два раза меньше, чем по Союзу, т.-е. 9,7% против 16.4%. Среди сельского населения в некоторых районах встречается полукочевое, кочевое и бродячее. К числу таких районов принадлежат автономии Сибири, Коми-область, Казакстан, Средне-Азиатские автономии и отчасти Кавказские (полукочевые хозяйства). В Якутии полукочевые, кочевые и бродячие группы составляют свыше 10% всего населения; в Казакстане на каждые 100 хозяйств приходится полукочевых и кочевых вместе 88; в Киргизской АССР—52; в остальных кочевых районах чистые кочевые хозяйства не превышают 10% общего числа.

Плотность населения. Сопоставление населения отдельных автономий с соответствующими территориями показывает, что количество населения и его плотность обратно пропорциональны размерам территории. Большие территории населены весьма слабо. На огромной площади Европейского и Сибирского севера (Карелия, Коми, Якутия),

превышающей 4 милл. *кв. клм*, живет всего лишь 738 тыс. человек, составляющих 0,5% населения Союза. На ряду с этим на небольшой территории автономий Волжско-Уральской полосы, составляющей 411,5 тыс. *кв. клм*, расселяется свыше 8 милл. душ или 5,8% населения Союза, а лишь на 33,1 тыс. *кв. клм* Европейского юга России (Крым и Молдавия)—1.138,6 тыс. человек, 0,8%. Отношение населения остальных территориально-географических групп к населению СССР выражается в следующих процентных отношениях: Южно-Сибирская—0,4, Казакстан—Средне-Азиатская—5,7, Кавказские группы—1,8 (в том числе Северо-Кавказская 1,4%, Закавказская—0,4%). Лучшим доказательством слабой населенности больших национальных территорий служат показатели плотности населения, которые для северных групп ниже единицы. Средняя плотность по всем нацавтономиям 2,2 $\frac{\text{чел.}}{\text{кв. клм}}$ при средней по Союзу 6,6 $\frac{\text{чел.}}{\text{кв. клм.}}$. Но эта средняя плотность резко разнится в отдельных автономиях, изменяясь от 0,08 до 70 $\frac{\text{чел.}}{\text{кв. клм.}}$ (см. табл. № 2 на стр. 210-211).

Половой состав населения автономий в целом по сравнению с Союзом отличается более низким процентом женщин. Во всех азиатских нацавтономиях (Сибири, Средней Азии, Казакстане и Кавказе) преобладание мужского населения над женским особенно ярко выражено среди сельского населения, где количество женщин в отдельных случаях снижается до 46% при среднем по Союзу 51,8%.

Национальный состав населения автономий, относительное значение в нем основной национальности для различных автономий различны, что об'ясняется историческими условиями.

Некоторые национальные территории, лежащие в пределах существующих границ автономии, исторически оказались в большей или меньшей степени заселенными другими народностями; чем сильнее это заселение, тем меньше удельный вес национального населения на данной территории. Относительное значение национального населения в отдельных автономиях колеблется в пределах от 26,5% до 98,3%. Несмотря на сравнительно небольшую численность национального населения в некоторых автономиях, почти везде за ним обеспечено преобладание перед другими отдельно представленными национальными группами.

Относительно национальный состав постепенно убывает от окраин Союза по направлению к центру, как это видно из рассмотрения его по территориально-географическим национальным комплексам в следующей табличке:

Название территориального комплекса	% национального состава (основная национальность)
1. Север Европейской России	от 57,1 до 96,1
2. Север Сибири—Якутия	87,1
3. Волжско-Уральская группа	от 32,5 до 79,1
4. Юг Европейской России	26,5 (Крым)
5. Южно-Сибирская группа	от 42,6 до 49,0
6. Северо-Кавказская группа	от 46,4 до 98,3
7. Закавказская группа	от 58,8 до 94,5
8. Казакстан—Средне-Аз. группа	от 51,0 до 69,4

Таким образом, окраинные, экономически наиболее отсталые национальные районы больше сохранили свой национальный характер, чем внутренние области, достаточно втянутые в прошлом в общее русло хозяйственного развития страны.

К национальному составу, кроме основной национальности, следовало бы отнести и все местные национальные меньшинства, для отдельных автономий составляющие 37—52% их общего населения (Абхазия,

НАСЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ

Таблица № 2

Таблица составлена на основании статистического справочника ЦСУ за 1925 год, справочника НКВнудел по территориальному и административному делению СССР и местным материалам

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ АВТОНОМИЙ	Общее количество населения в тыс. человек	В процентах к итогу	В том числе в процентах		В том числе в процент.				Средняя арифметич. плотности населен. автон. на 1 кв. км.	% отношен. средн. арифм. плотн. к плот. район. Госплана	% национального населения ко всему населению	% грамотного населения среди основн. национальности
						Мужчины		Женщины					
				Городского	Сельского	Городского	Сельского	Городского	Сельского				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	I. Европейский север												
1	Карельская АССР	242,2	1,1	19,5	80,5	49,4	47,8	50,6	52,2	1,7	14	57,1	31,8
2	Коми (Зырянская) авт. область	210,5	1,0	4.2	95,8	49,0	46,8	51,0	53,2	0,5	23	96,1	28,4
	Итого по Европ. северу	452,7 (0,3%) [1]	2,1	12,5	87,5	—	—	—	—	0,8	—	—	—
	II. Север Сибири												
3	Якутская АССР	285,3	1,4	3,8	96,2	53,5	52,5	46,5	47,5	0,08	100	87,0 [2]	н. св.
	Итого по северу Сибири	285,3 (0,2%) [1]	1,4	3,8	96,2	—	—	—	—	0,08	—	87,0	—
	III. Волжско-Уральская группа												
4	Марийская авт. область	398,3	2,0	4,0	96,0	47,5	44,0	52,5	56,0	21,1	112	53,2	15,0
5	Вотская „ „	695,8	3,3	8,5	91,5	48,5	45,7	51,5	54,3	23,3	124	55,0	3,0
6	Чувашская АССР.	896,9	4,3	3,4	96,6	48,2	49,5	51,8	50,5	50,4	148	75,0	17,4
7	Татарская АССР	2.818,0	13,5	9,0	91,0	46,2	47,7	53,8	52,3	47,0	138	44,6	18,9
8	Башкирская АССР	2.559,5	12,3	8,0	92,0	46,8	47,0	53,2	53,0	14,2	148	32,5 [3]	9,2
9	Немцев Поволжья АССР	519,9	2,5	12,8	87,2	47,7	46,5	52,3	53,5	20,5	136	67,4	47,4
10	Калмыцкая авт. область	165,4	0,8		100,0	—	49,8	—	50,2	2,1	14	79,1	4,2
	Итого по Волжско-Ур. гр.	8.053,8 (5,8%) [1]	38,6	8,0	92,0	—	—	—	—	20,0	—	—	—
	IV. Юг Европейской России												
11	Крымская АССР	592,6	2,8	44,0	56,0	45,5	48,2	54,5	51,8	23,4	49	26,5	18,9
12	Молдавская АССР	546,0	2,7	11,8	88,2	н. св.	н. св.	н. св.	—	70,0	135	н. св.	н. св.
	Итого по югу Европ. России.	1.138,6 (0,8%) [1]	5,5	28,0	72,0	—	—	—	—	34,0	—	—	—
	V. Южно-Сибирская группа												
13	Бурято-Монгольская АССР	450,7	2,2	7,0	93,0	49,2	50,3	50,8	49,7	1,1	97	49,0	14,3
16	Чеченская авт. область	315,2	1,5	0,6	99,5	50,0	51,0	50,0	49,0	31,2	119	98,3	1,4
17	Ингушская авт. область	69,6	0,3	1,4	98,6	50,0	50,6	50,0	49,4	22,4	85	98,3	1,4
18	Северо-Осетинская авт. область	150,9	0,7	2,5	97,5	50,0	51,0	50,0	49,0	23,6	90	86,0	14,0
19	Кабардино-Балкар. „ „	198,9	0,9	8,0	92,0	49,5	50,8	50,5	49,2	17,6	67	65,0 [5]	2,1
20	Карачаево-Черкесская авт. область	167,3	0,8	10,5	89,5	46,5	50,8	53,5	49,2	14,6	55	31,6 [6]	5,0
21	Адыгейская авт. область	113,0	0,5	—	100,0	—	50,5	—	49,5	41,8	159	48,8	5,0
	Итого по Сев.-Кавказск. гр.	1.899,0 (1,4%)	8,9	8,0	92,0	—	—	—	—	18,3	—	—	—
	VII. Закавказская группа.												
22	Абхазская Догов. ССР	177,0	0,9	13,5	86,5	50,5	51,5	49,5	48,5	18,8	72	39,4 [7]	45,5
23	Аджарская АССР.	127,9	0,6	47,0	53,0	53,5	52,5	46,5	47,5	55,6	212	58,8 [8]	45,5
24	Нахичеванская АССР.	77,4	0,4	12,0	88,0	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.	11,9	45	90,0	н. св.
25	Нагорного Карабаха авт. область	137,0	0,6	1,0	99,0	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.	32,6	124	94,5	42,9
26	Юго-Осетинская авт. область	82,4	0,4	5,5	94,5	48,5	53,2	51,5	46,8	22,3	85	90,0	14,0
	Итого по Закавказской гр.	601,7 (0,4%) [1]	2,9	18,0	82,0	—	—	—	—	23,0	—	—	—
	VIII. Казакстан и Ср. Азия												
27	Казакская АССР	6.163,2 [10]	29,5	10,0	90,0	49,5	50,2	50,5	49,8	2,0	64	51,0	2,5
28	Киргизская АССР	731,1	3,5	8,0	92,0	54,1	54,0	45,9	46,0	2,6	55	69,4	2,5
29	Таджикская АССР	745,1	3,6	3,3	96,7	52,0	53,2	48,0	46,8	5,5	117	65,0	н. св.
30	Кара-Калпакская авт. область	274,0	1,3	10,0	90,0	52,6	52,5	47,4	47,5	1,9	41	39,1 [9]	н. св.
	Итого по Казакст. и Ср. Азии	7.913,4 (5,7%) [1]	37,9	9,0	91,0	—	—	—	—	2,2	—	—	—
	Всего по автономиям	20.882,1	100	9,7	90,3	—	—	—	—	2,2	—	—	—
	% отношение к СССР	(15,0%) [1]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	А. РСФСР.	96.746,3	—	15,8	84,2	48,2	47,5	51,8	52,5	4,9	—	—	—
	Б. УССР	27.663,9	—	18,3	81,7	48,0	48,5	52,0	51,5	64,5	—	—	—
	В. ЗСФСР.	5.421,0	—	21,5	78,5	50,0	51,0	50,0	49,0	28,0	—	—	—
	Г. Узб. ССР	4.803,6	—	15,0	85,0	52,0	53,6	48,0	46,4	15,0	—	—	—
	СССР.	139.753,9	—	16,4	83,6	48,5	48,2	51,5	51,8	6,6	—	—	—

[1] В скобках показано процентное отношение к населению СССР. [2] Кроме того, 6,8% местных национальных меньшинств. [3] Кроме того, около 20% местных национальных меньшинств. [4] Прочих кавказских народностей—33,2%. [5] Кроме того, 14,8% балкарцев. [6] Прочих закавказских народностей—23,8%. [7] Прочих кавказцев—36,6%. [8] Прочих кавказцев—14,7%. [9] Прочих местных национальностей—52,5%. [10] Население показано вместе с Оренбургской губ.

Кара-Калпакия и др.), что резко изменило бы соотношение между национальным и ненациональным населением в этих автономиях.

Характеристику грамотности национального населения за отсутствием новых материалов можно сделать лишь по переписи 1920 года, кстати сказать, уже достаточно устаревшей. По данным 1920 г. грамотность по национальным территориальным группам рисуется в следующем виде:

Название территориальных групп	Грамотность среди основной национальности.
1. Север Европейской России . . .	28,4—31,8%
2. Север Сибири—Якутия	нет сведений
3. Волжско-Уральская группа . . .	3,0—47,4%
4. Юг Европейской России	18,9 (крымские татары)
5. Южно-Сибирская группа	14,3—14,4%
6. Северо-Кавказская группа . . .	1,4—14%
7. Закавказская группа	14,0—45,5%
8. Казакстан—Средн.-Аз. группа. .	2,5% (Казакстан и Киргизия)

Грамотность национальностей в целом ниже как грамотности русского населения, определяемой по переписи 1920 г. в 33,4%, так и средней общей грамотности по СССР, равной 31,6%.

Таким образом, национальная политика старого режима, тормозившая развитие малых народов, наложила свой отпечаток и на народное образование национальностей.

Наиболее высокой грамотностью среди национальностей отличаются немцы Поволжья, карелы и народ Коми—на севере, армянские и грузинские народы Закавказья. Чрезвычайно низка грамотность среди мусульманских народов Кавказа, Казакстана и Средней Азии.

Подробные данные о населении отдельных автономий помещены в таблице № 2.

(Продолжение следует)

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Арслан

Двойная бухгалтерия коммуноидов

„. . . Сознательный пролетариат должен уметь критически относиться к становящейся на его сторону интеллигенции, должен научиться беспощадной борьбе с оппортунизмом в политике". Ленин (том VII, часть 2, стр. 94).

1. После московского визита

Известный идеолог и лидер сменовеховцев проф. Устрялов недавно приезжал из своего заграничного „беста" (Харбин) в СССР с целью ознакомиться с советской Москвой.

„Легче всего было вникнуть в настроение именно интеллигенции, спецовских кругов, также попутчиков". [1] Встретившись со старой гвардией сменовеховцев, проф. Устрялов усмотрел в ее нынешней политической позиции ряд уклонов и пришел к плачевным выводам о судьбе сменовеховской идеи... Вся беда, по мнению Устрялова, произошла от того, что „руководящая группа так поспешно и несолидно „соскользнула" влево, так безотрадно утратила свой самостоятельный облик, что скоро до тла растеряла всякое влияние в интеллигентских кругах и всякое внимание со стороны самой советской власти". [2] Но эволюция сменовеховцев, по мнению Устрялова, имела своим прямым результатом превращение их вовсе не в коммунистов, а лишь в коммуноидов, которым в качестве эпигонов сменовеховства предстоит выполнять его политическую миссию: „Сменовеховцы, превратясь в наканунцев, стали коммуноидами: этот выразительный термин я слышал в Москве и от спецов, и от коммунистов... В процессе обмирщения коммунизма как же обойтись без коммуноидов". [3]

Кто же эти коммуноиды? Какова их программа, и какой социальный слой они представляют? Устрялов огулом считает коммуноидами почти всю без изъятия советскую интеллигенцию. Мы, однако, знаем, что подавляющее большинство советской интеллигенции работает с ВКП и под ее руководством не за страх, а за совесть. Это готов признать и сам Устрялов... „Теперь об интеллигенции просто. Она... служит за совесть, лойяльно, сотрудничество уже давно перестало быть проблемой". Но: „Служа, отнюдь, не умирает духовно... Она интенсивно проделывает большую работу мысли. Только эта работа не воплощается в журналы, в газеты, мало объективируется вовне,—но зато в сердцах пишутся томы"...

Проведя смелую параллель между современной кружковщиной советской интеллигенции и кружковщиной в эпоху николаевской реакции (1840—1848), [4] Устрялов рассказывает со свойственной ему изыскан-

---

[1] Журнал „Новая Россия", № 3, стр. 26.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Кружки 40-х годов комплектовались из разночинной интеллигенции и носили либеральный, по тому времени очень прогрессивный, характер.

ностью: „Официальные каноны и догматы революции только на поверхности. Диктатура их только в служебные часы автоматически приемлется к руководству“ [1] (курсив мой. А.). А что же делается во внеслужебные часы, дома, на журфиксе, за чайком в своей среде, когда нет принудительных норм мысли и предуказанных форм слова“? Тогда узнается подлинное лицо коммуноидов, которые „так и живут двойной жизнью“. Ознакомившись пообстоятельнее и поглубже, Устрялов пришел к убеждению, что: „Отрадно признаться—никакой пропасти между ними и собой я совершенно не чувствовал. Те же вопросы, те же печали, те же, в сущности, варианты решений. Легко было с первых слов установить взаимопонимание“. [2] Констатируя, что у него нет никаких разногласий с настроениями советской интеллигенции, Устрялов рассказывает: „Конечно, на счет гражданских свобод и посейчас в России дело обстоит более, чем скромно... Не будем замалчивать фактов: она (интеллигенция. А.) переносит нынешний режим не без душевных страданий, особенно ей тяжело без свободы слова“. Мы, грешным делом, сомневаемся в том, чтобы огромное большинство советской интеллигенции исповедывало устряловское кредо, занималось бы двойной политической бухгалтерией и являлось бы выразителем сменовеховского течения. Но послушаем дальше устряловскую повесть...

„Побывав в Москве, я, признаться, не вижу оснований в чем-либо существенном, основном менять свои оценки последних лет. Так же, как и я, думают очень многие в России, но, конечно, никто не говорит всего того, что за границей выпало сказать на мою долю“. В этом умении молчать и не говорить всего ослепленный „вождь“ и видит всю разницу между собой и его московскими последователями—коммуноидами, признавая, что дружеский совет—помолчать, данный ему его учениками, „кажется самый серьезный совет и единственно серьезное возражение по моему адресу“ (курсив Устрялова).

В чем же, однако, состоит политическая программа коммуноидов, как эпигонов сменовеховства? Общий ответ на этот вопрос мы только что получили уже из уст самого Устрялова, который не обнаружил между своими и ихними взглядами никакой решающей разницы. Более тщательно можно изучить эту программу на страницах трех номеров журнала „Новая Россия“—этого литературного гнезда сменовеховских коммуноидов. Статьи этого журнала являют собою наглядную иллюстрацию политической тактики коммуноидов: заветные страницы „из томов, написанных в сердцах“ чередуются здесь с десятками строк официальной коммунистической словесности, той самой, которую, по мнению Устрялова, приходится исторгать коммуноидам из глубины сердец в определенные часы советской службы. Вот почему, вследствие такой двойственности, политическое содержание и классовые корни платформы коммуноидов становятся по форме расплывчатыми и водянистыми. Но классовое содержание не теряется.

II. Против национализации промышленности и за индустриализацию... по Дауэсу

Редактор журнала „Новая Россия“ И. Лежнев в статье „Нэп—национальная экономическая политика“ (№ 2) признает, что: „социалистическое хозяйство является более прогрессивной формой хозяйства по

[1] „Новая Россия“ № 3, стр. 27.
[2] Там же.

сравнению с капитализмом“. Тем не менее, он считает, что: „Это формальное суждение не должно затмевать оценок“. В чем же состоят реальные оценки? Ответом на этот вопрос является „новая“ Америка... о разбухших штатах, накладных расходах и тому подобных недугах нашего хозяйственного аппарата. Казалось бы, что избавление от последних состоит в уменьшении накладных расходов разбухших штатов, возросшей отчетности в проведении режима экономии. Но у Лежнева более „реальная оценка“. Чтобы уничтожить все эти недочеты он предлагает вместе с водой выплеснуть и ребенка: уничтожить национализацию и вернуть промышленность ее прежним частным владельцам, ибо ему еще неизвестно оправдала ли себя национализация промышленности исторически: „Требуется еще доказать, что такая система соответствует об'ективной необходимости, что она хозяйственно прогрессивна. Надо, стало быть, еще доказать, что система госпромышленности для нашего хозяйства ограничена“. [1] А так как за восемь лет революции система госпромышленности не доказала своего права на существование, исторически не оправдала себя в глазах Лежнева и его единомышленников, то: „Не будем увлекаться формулой: капиталист-тунеядец. Она имеет демагогический привкус... Часто он бывал организатором производства, и совсем не дурным... Что проку в том, что одного тунеядца заменяет 50 бездельников, переливающих из пустого в порожнее. [2] Итак, никакого проку от национализации промышленности нет и впомине. Экспроприация экспроприаторов есть, следовательно, не только исторически не созревшая необходимость, но, кроме того, демагогия расточительного пролетарского государства, не умеющего организовать отнятую у благодетелей капиталистов их собственную промышленность. Для Лежнева остается, понятно, совершенно незамеченным тот исторический факт огромного значения, что под руководством именно пролетариата разоренная национализированная промышленность за три с половиною года мирного развития достигла расцвета и почти довоенного уровня, удовлетворяя насущные нужды многомиллионных трудящихся масс без единого гроша посторонней помощи. Но кто эти 50 советских бездельников, переливающих из пустого в порожнее? Ответ прост „собирательный капиталист“. Таким образом, Лежнев представляет советское государство в виде коллективного капиталиста по отношению к национализированной промышленности со всеми вытекающими отсюда выводами. Лежнев ставит знак равенства между социалистическими или производственными отношениями на советской фабрике и старыми капиталистическими отношениями. Следовательно, вся система госпромышленности по Лежневу мало чем отличается от буржуазного государственного капитализма.

Лежнев вообще считает слишком искусственным путь русского промышленного развития. В самой системе советской госпромышленности он усматривает лишь продолжение „естественно-исторического“ пути русской индустрии, которая „стала насаждаться в России сверху, как исторически неизбежная военно-государственная дедукция, а не как растущая с низин хозяйства имманентная потребность“. Этот путь огосударствления индустрии (буржуазный государственный капитализм), как поясняет Лежнев, был искажен вмешательством иностранного капитала, и лишь „революция вернула ее к естественно историческому истоку: поставила на службу государству, его военным нуждам, его индустриализирующей страну воле“. Налицо грубейшая пародия на действительный

[1] „Новая Россия“, № 2, стр. 18.
[2] Там же.

процесс экономического развития России в XIX и XX в.в. Автор грешит неграмотностью по части понимания элементарных истин политической экономии и истории развития капитализма в России.

Если такие элементарные азы не доступны Лежневу и коммуноидам, то только лишь потому, что на деле они против национализации промышленности. Если же, на худой случай, они и готовы признать систему государственной промышленности, то лишь как своеобразную систему государственного капитализма, которая к тому же должна оправдать свою экономическую целесообразность.

И все же коммуноиды, следуя своему святому правилу—отдавать дань официальной догме, готовы, если не быть, то хотя бы казаться самыми ретивыми сторонниками индустриализации СССР с той только разницей, что эту индустриализацию они мыслят себе по линии... дауэсизации страны:

„Главное звено всей хозяйственной жизни: прибыльный экспорт—значит жатва иностранной валюты, т.-е. новые машины, новые фабрики и заводы, для безработных—работа, для деревни—товары. Для всей страны—ключ к индустриализации, к культурному под'ему на высшую ступень для государства—полная независимость".[1] Что прибыльный экспорт может дать нам заграничное оборудование—это бесспорно. Но, что это единственный и главный путь нашего индустриального развития, да еще к тому гарантия „полной независимости" СССР—этому пускай т.т. Сокольников и Шанин поверят. Общеизвестно, что это есть путь дауэсизации СССР, превращение его в аграрный придаток капиталистических стран.

За госкапитализм в промышленности и за индустриализацию по Дауэсу,—таков первый пункт неосменовеховской программы.

III. Против коммунистической кулакомании и за „независимую" кооперацию

Лежнев видит основной порок новой экономической политики в ее „двойственности": „Город повернулся лицом к деревне, начал развязывать ее производительную силу, но развязывающие руки трясет лихорадка кулакомании. Город хочет развязать середняка и связать кулака сразу. А граница между кулаком и середняком смутна и расплывчата. Какой межевой инженер установил ее? В самом деле, с какого волоса начинается лысина"?[2] Лежнев хочет убедить читателя, что кулака не существует. Но так как ему это не удается, то он делает вид будто не знает, что такое кулак и что такое середняк. Между тем, для определения кулака важно не столько установление высокого технического уровня данного крестьянского хозяйства и жизненного уровня его владельца, сколько с п о с о б а создания такого уровня. Здесь могут быть способы эксплоатации наемной батрацкой силы, ростовщичества, торговой спекуляции и других видов эксплоататорского угнетения среднего и бедного крестьянства (кабальная аренда инвентаря и пр.). Со времени написания „Развития капитализма в России" Лениным такие определяющие признаки кулака общеизвестны, в том числе и самим кулакам, не читавшим Ленина, и Лежневу, читавшему Ленина, но прикидывающемуся политической невеждой и требующему от нас готовых формул о кулаке для всего Союза. Между тем, каждый экономически сложившийся район в сельском хозяйстве имеет свою меру, свой уровень социального поло-

[1] „Новая Россия" № 1, стр. 10.
[2] „Новая Россия", № 2, стр. 26.

жения. В таком случае, какой же политический смысл имеет упрек Лежнева нашей партии в коммунистической кулакомании? Только один: дайте простор кулаку в деревне, не стригите его шерсти, не облагайте его крупным налогом.

Тогда, по мнению коммуноида, обильной рекой потекут в советские банки и сберегательные кассы не только кулацкие вклады, но и вклады всего крестьянства, спрятанные в кубышках: „Вопрос в том будет ли деревня, опасаясь зачисления в кулаки, припрятывать кубышки поглубже, утаивать добро, прибедняться или она безбоязненно понесет свои сбережения в банки... Мобилизация кубышек подспудных капиталов и подспудной энергии—вот задача времени... Но наши усилия разбиваются о порог двойственности... Город хочет развязать середняка и связать кулака сразу".[1](Курсив мой. А.) Вот какую перспективу внутреннего накопления и мобилизации денежных средств рисует нам Лежнев, если мы не станем делать никакого различия в нашей политике между кулаком и середняком. Мы знаем другой более верный путь для извлечения средств кулацкой верхушки: это прогрессивно-подоходный налог, на путь которого становится советская власть, увеличение специальных налогов и другие виды прямого обложения. Понятно, не исключена возможность привлечения кулацких средств посредством внутренних займов и повышения учетно-ссудного процента. Что касается среднего крестьянства, то заполучить его сбережения в качестве оборотных средств для пролетарского государства можно посредством поощрения кредитной кооперации, повышения учетно-ссудного процента и внутренних займов. Понятно, некоторое недоверие средних крестьян к советским банкам и сберегательным кассам имеется. Но причины его кроются вовсе не в боязни всей крестьянской массы быть зачисленной по штату кулаков. В лучшем случае такой страх могут испытывать лишь зажиточные слои среднего крестьянства (т.-е. 10%). Основная же масса крестьянства еще окончательно не убедилась на своем опыте в твердости нашей валюты и поэтому держит свои сбережения in natura, в хлебе, в сельскохозяйственных продуктах. Приток их средств в банки и сберегательные кассы (в настоящее время их всего 60 милл. руб.) усилится лишь после того, как исчезнут последние сомнения насчет длительности эпохи мирного развития: опыт обесценения более миллиарда рублей крестьянских вкладов в годы войны и революции осел резким рубцом в памяти широким крестьянских масс.

Но дело, оказывается, не только в том, чтобы уничтожить всякую разницу между кулаком и середняком. Гвоздь развязывания кулака по Лежневу состоит в том, чтобы заменить партийное и советское руководство в деревне полной независимостью крестьянской стихии с предоставлением ее себе самой: „Замена помещичьей усадьбы, церкви, церковно-приходской школы и исправника (этих четырех оплотов) деревенским комсомолом и чиновником самоновейшей формации не решает еще вопроса в достаточной мере. Надежным проводником советской государственности и культуры может явиться только подлинно широкая крестьянская общественность".[2] Однако, если ни компартия, ни советы, которые все же не годится сравнивать с церковно-приходской школой и исправником в виду полной противоположности их социального содержания, не могут быть проводниками советской государственности, то какая же это другая подлинно широкая крестьянская общественность должна выполнять советские

[1] „Н. Р.", № 2, стр. 26.
[2] „Н. Р." № 1, стр. 10.

государственные функции в деревне? Ответ прост: только „действительно оживленная крестьянская кооперация“.[1] Нет слов, крестьянская кооперация есть для деревни столбовая дорога к социализму. Но мыслимо ли было бы социалистическое развитие кооперации без руководства советов, партии и комсомола, да еще при замене социалистической промышленности госкапиталистической? Советы были и остаются узлом крестьянской общественности, а кооперация лишь под руководством советов и ВКП сможет осуществить свои социалистические производственно-потребительские задачи. Что же на деле означает лежневская постановка вопроса о независимой от советов и ВКП крестьянской кооперации? Такая постановка означает подмену лозунга—власть советам—лозунгом—вся власть кооперации, лозунга—кооперация под руководством ВКП—лозунгом—кооперация без коммунистов (ср. советы без коммунистов). И все это Лежнев и коммуноиды прикрывают плащом деловой лойяльности и советского патриотизма. Однако, нетрудно нащупать сквозь мантию этого дипломатического прикрытия „сжатые кулаки“... деревенских кулаков.

IV. Дорогу частному капиталу

В общем и целом, коммуноиды высказываются за тактику открытых дверей по отношению к частному капиталу. В туманно-витиеватой форме пламенного красноречия И. Лежнев комментирует эту позицию, сравнивая наш хозяйственный строй, сочетающий государственный и частный капитал, с двумя огненными конусами: „Один опрокинутый вниз, другой - обращенный острием вверх тянутся навстречу друг к другу...“[2] Но несмотря на то, что именно частный капитал тянется к государственному капиталу, все же и у Лежнева есть сомнение насколько такое тяготение является взаимным, и нет ли между ними больше элементов отталкивания и борьбы, чем взаимного тяготения: „На ряду с взаимным притяжением этих сил идет их взаимное отталкивание... Город обороняется от кулака. Растерявшийся в уловлении границ между кулаком и не кулаком крестьянин обороняется от города... утайкой, кубышкой“.[3] Все дело было бы слажено, если бы государственный и частный капитал сплелись вместе, т.-е., иначе говоря, если бы частный капитал был бы легально допущен на определенных правах в государственную промышленность: „все дело в конусах, в их действительном тяготении друг к другу, в их действительном слиянии“. В переводе на язык экономической политики эта „геометрическая эзопия“ означает, что в ВСНХ, в Текстильном синдикате, в Кожтресте должны заседать наравне с представителями пролетариата и представители частного капитала, допущенного в государственную промышленность.

Под таким углом зрения Лежнев готов толковать решения совещания при ГЭУ ВСНХ и Бюджетно-Финансовой секции Госплана о необходимости правильного использования частного капитала, вовлечения его в легальный оборот и в государственное плановое русло. Поэтому Лежнев, между прочим, высказывается против позиции партии за снижение розничных цен, непомерно вздутых частным капиталом и необходимости

[1] Там же.

[2] „Н. Р.“, № 2, стр. 23. „Сочетание частно-капиталистических отношений с госпромышленностью, которое являет нэп, есть система хозобороны... Из двух расплавленных конусов слагается нэп—из индустриализирующей воли государства и развязанных производительных сил“ (там же).

[3] Там же.

борьбы с последним.[1] В то время, как нэп в нашем понимании есть строй, переходный к социализму, вмещающий в себе известные пять типов экономического уклада, у коммуноидов нэп вовсе не является переходной формой к социализму: „Если бы мы были коммунистами мы видели бы и верили бы в большее: нэп переходная форма к социализму... Но прямота фактов фатально обращается к нам кривизной проблем. Ведь мы только беспартийные интеллигенты... Для нас трехбуквие „нэп“ расшифровывается: национальная экономическая политика“.[2] Судя по предыдущим рассуждениям коммуноида Лежнева национальная экономическая политика это есть прежде всего слияние государственного капитала с частным. Такая кривизна проблем обращается к нам прямотой вопроса, к какому же хозяйственному строю, если не к социализму, ведет такая национальная экономическая политика. Даже не изучавший политэкономии понимает, что такая национальная экономическая политика ведет к превращению нашего переходного строя в государственно-капиталистический, а последовательно социалистической промышленности в госкапиталистическую, при чем с той конечной разницей, что пролетарское содержание приставки „гос“ перерождается в кулацко-нэпмановское: на базе государственного капитализма, как господствующей системы всего народного хозяйства СССР, пролетарская диктатура не устояла бы. На такой базе неизбежно произошло бы поджидаемое сменовеховцами и коммуноидами перерождение пролетарской диктатуры и партии, эволюция ее в сторону власти трудящихся без руководящей гегемонии организованного рабочего класса, но зато с нарастающей гегемонией мелкобуржуазной стихии, при безусловной поддержке международного финансового капитала. Такая программа нэпа, как национальной экономической политики, мало чем отличается от прежнего толкования нэпа старосменовеховцами. Последние ждали просто возврата к капитализму и перерождения советской власти. Неосменовеховцы хитрее, скромнее, осторожнее, „эзопистее“: на первый раз они хотят только лишь государственного капитализма, как господствующей системы[3] в промышленности и во всем хозяйстве страны. Они надеются, что в конечном счете Октябрьская революция, благодаря такой экономполитике, потеряет свою международную окраску: с Октябрем произошла бы та самая устрялловская национализация,[4] которую мы называем национальной ограниченностью (забвение международных обязанностей СССР). Характерно, между прочим, отметить, что в то время, как некоторые готовы усмотреть признаки национальной ограниченности уже теперь, коммуноиды надеются ее заполучить лишь при реализации определенной экономической программы (госкапитализм).

Такая откровенная позиция коммуноидов в вопросе о задачах нэпа ни сколько не мешает Лежневу в другой статье („№ 1 „Н. Р.“ „Госшапка“) под фирмой кооперации и госучреждений вскрывать махинации частного капитала: „Мы видели как вредоносные бациллы проникают под госшапку и уютно укрываются там на паразитарных харчах“.[5] „Где же выход?“,—вопрошает Лежнев. „Упрощенный выход подсказывают справа: свобода, полная свобода хозяйственного и культурного самоопределения... Что несет с собою так называемая свобода конкретно в нынешней обста-

[1] „Н. Р.“, № 2, стр. 23 и 24.

[2] Там же.

[3] Элементы госкапитализма есть в нашем хозяйстве и теперь, но они являются далеко не господствующими, составляя не более 10—15% основных капиталов в промышленности (аренды, концессии, смешанные об-ва).

[4] „Н. Р.“, № 3 (ст. Устрялова „У окна вагона“).

[5] „Н. Р.“, № 1, стр. 34.

новке? Во внутренней экономике—буржуазную реставрацию во вкусе Устрялова. В политике это означало бы перелом к фашизму..." Как видите, совсем противоположный вышеизложенным взглядам Лежнева вывод, совсем почти лояльный, даже коммунистический. Вот как на протяжении двух статей лидер коммуноидов являет нам образец двойной бухгалтерии. Он и за борьбу с частным капиталом, и за мирное слияние его с государственным. Он и против буржуазной реставрации в духе сменовеховцев, и за реставрацию буржуазии в духе коммуноидов. Если вы ему зададите вопрос, за сохранение ли он национализации промышленности, за борьбу ли он с частным капиталом (кто, кого), за борьбу ли он против кулаков в деревне, за индустриализацию и т. д., то он ответит вам так же, как он мыслит и пишет: и да, и нет—по Гегелю, ибо он насквозь „диалектичен". Однако, диалектика Лежнева обращается против него самого: „перелицовка в пролетарии, примазывание к партии идет с подлинно трансформаторской ловкостью".[1] Вот почему так и хочется повторить вместе с Лежневым: „И нужно быть сахарниным Маниловым, чтобы не видеть в этой стихийной тяге к единственно правящей партии на ряду с другими мотивами—мотива социального приспособления, той же госшапки или, если угодно, партшапки..." Совершенно верно, гр. Лежнев. Мы не хотим быть сахарниными Маниловыми и, внемля вашему мудрому предостережению, заявляем вам и всем вашим коммуноидам: как бы вы старательно не надевали такую партшапку на свою „конусообразную" голову, ваши уши виднеются попрежнему.

V. Заключение

Итак, мы имеем следующие пункты политической программы коммуноидов: 1) индустриализация по Дауэсу, 2) против кулакомании и за кулацкую власть в деревне, 3) за преобладание госкапитализма во всем народном хозяйстве и в промышленности, 4) за буржуазное перерождение пролетарской диктатуры (на базе госкапитализма), 5) за национальную ограниченность.

Каковы же классовые корни такого рода ликвидаторской программы, скрывающиеся под фирмой лояльного советизма и двойной бухгалтерии? Мы видели как под микроскопом марксистского анализа из складок спасительных одежд, из-под леса квази-коммунистического словонасаждения вырисовываются первые ростки ясно складывающейся идеологии новой буржуазии. Последняя робко выпячивает свои классовые домогания, требуя, если не возврата промышленных предприятий старым владельцам, то хотя бы участия в ней. Она хочет иностранной товарной интервенции с ее дешевыми товарами для частной торговли, она тоже желает индустриализации аграрной страны, но лишь посредством смычки отсталого сельского хозяйства СССР с промышленностью капиталистического Запада. Кулак и новая буржуазия прекрасно понимают, что через советы они не могут обеспечить себе реализацию такого рода экономических перспектив. Поэтому они делают ставку на независимую от советов и коммунистов крестьянскую кооперацию, долженствующую выполнять все советские функции на селе. Все это должно по их классовому чутью с роковой неизбежностью повлечь за собою и уравнение политических прав рабочего класса и буржуазии, т.-е. буржуазную реставрацию. Надеясь оторвать от пролетарского руководства интеллигенцию и обеспечить себе этим путем некоторые „легальные возможности" для влияния на советский государственный аппарат, подчинив своему влиянию среднее и бедное крестьянство, захватив в свои руки кооперацию, соединившись с капиталистическим Западом, вторгнувшись в социалистическую промышленность, буржуазия и кулачество пытаются проложить себе этими средствами „путь к власти".

[1] „Н. Р." № 1, стр. 29.

Но почему именно буржуазно-кулацкую природу своей политической ориентации коммуноиды скрывают под маской лояльного советизма и уснащают каскадом почти коммунистического красноречия? Новая буржуазия пытается между строк невинно-деловых предложений и статей, под прикрытием пафоса лояльного сотрудничества втискивать свою ликвидаторскую программу в надежде, что позолоченные пилюли, начиненные такого рода снадобьем, легче и безболезненнее проглотить и переварить для нашей советской интеллигенции. В этом заключается вся тактическая мудрость двойной бухгалтерии современных коммуноидов.

Как должна наша партия реагировать на то, что новая буржуазия пытается оторвать часть советской интеллигенции от партийного влияния и руководства? Хотя огромнейшая часть советской интеллигенции работает в государственном аппарате, несомненно, не по Устрялову, работает честно и преданно, но даже и ту незначительную часть, которая работает по формуле Устрялова и Лежнева, партия не может не стремиться оторвать от новой буржуазии. Нас не может ведь удовлетворить иезуитская формула Лежнева: „Разница оценок не мешает общности работ. Мы гребем в одну сторону, а куда приплывем—это уже там видно будет". Как раз наоборот: мы гребем в разные стороны. Можно грести так, что от пролетарского государственного корабля останутся одни щепки и обломки, а можно и так, что удастся привести корабль в социалистическую гавань. Развитие сменовеховства продолжается в противоречивых формах. Часть сменовеховцев, пока незначительная, покидает свою прежнюю политическую платформу, но другая часть продолжает оставаться политическим выразителем классовых домоганий растущей буржуазии и кулачества, изменяя лишь свою тактику, что делает сменовеховство более опасным, чем раньше. Мы были бы хвостистами, если бы ограничились одной литературной критикой и отказались бы от политического вмешательства в этот противоречивый процесс развития сменовеховства. Здесь необходима длительная массовая разоблачительная и раз'яснительная кампания. Совершенно очевидно, что и Устрялов и Лежнев, говоря от имени советской интеллигенции, чрезвычайно переоценивают силу своего влияния на нее. Но если бы это было лишь самонадеянная политическая клевета г.г. Устряловых и Лежневых на советскую интеллигенцию, то следует учитывать и то, что и от клеветы кое-что останется. Во всяком случае, она может послужить поводом для стихийной переоценки некоторых ценностей в глазах, если не рабочих, то, по крайней мере, части старой интеллигенции. Вот почему необходима разоблачительная агитационная кампания в среде самой советской интеллигенции, участием ее около партийных и наиболее активных элементов советской ориентации. Вряд ли могут быть сомнения, что в такого рода разоблачительной кампании против сменовеховства примет участие сама советская интеллигенция, которая будет в состоянии дать достойную отповедь тем, кто от их имени, самозванно выставляет буржуазно-ликвидаторские вожделения.

Л. Н. Юровский. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. Изд. Наркомфина, стр. 50, Ц. 60 к.

Л. Н. Юровский. Современные проблемы денежной политики. 1926. стр. 191, Ц. 2 р. 50 к.

В первой книге профессор Л. Юровский пытается доказать, что обнаружившаяся диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, наличие которой признает и сам автор, вовсе не является конечной причиной хозяйственных затруднений: „Не диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством сама по себе является причиной наших хозяйственных затруднений (стр. 21). Причина последних, по мнению профессора Юровского, лежит в том, что город хочет расширить индустрию за счет валютного кредитования города деревней. Иначе говоря, проводимая ныне советским правительством политика индустриализация, не давая пока достаточного количества промышленных эквивалентов в обмен на с.-хоз. товары, имеет своим последствием нежелание крестьянства выступить в качестве поставщика экспортных продуктов (хлеб, сырье) в обмен на червонный эквивалент „и дожидаться того момента, когда на червонцы можно будет получить товары“ (стр. 21). Отсюда Юровский заключает, что причиной хозяйственных затруднений является „такой план борьбы с диспропорцией, который построен на намерении отодвинуть момент снабжения крестьянского рынка товарами с тем, чтобы вести пока работу по расширению промышленности (индустриализация. Л. Ю.) за счет валютного кредитования города деревней, т.-е. намерения расширить промышленное производство на основе кредитования, лишенного реальной базы, в виду нежелания крестьянства выступить в роли кредитора“ (стр. 21).

Из приведенной цитаты вытекает: 1) причина хозяйственных затруднений лежит в отсрочке насыщения крестьянского спроса; 2) индустриализация усложняет эти затруднения и будет проводиться за счет крестьянских рессурсов; 3) из такой индустриализации ничего не получится, так как крестьянство не хочет оказывать кредита городу.

Разберем все эти утверждения. Отсрочка немедленного удовлетворения крестьянского спроса является не причиной хозяйственных затруднений, а следствием их, внешним выражением этих затруднений. В самом деле. Нехватка промышленных товаров имеет место по причине коренного исторического „исконно-русского“ несоответствия (диспропорции) индустрии и сельского хозяйства. При чем эта диспропорция дополнительно усиливается, благодаря хорошему урожаю 1925 года и понижению крестьянских платежей после революции и общеизвестному просчету прошлого года. Насыщение же крестьянского спроса иностранным ввозом имело бы своим результатом еще большее усиление диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и повлекло бы за собой ряд отрицательных экономических и политических последствий для социалистического строительства (аграризация страны).

Считать же, как это думает профессор Юровский, что советское правительство, которое проводит политику индустриализации и не хочет безотлагательно насытить крестьянский рынок, повинно в текущих хозяйственных затруднениях, значит, отдалиться на почтительное расстояние не только от перспективы социалистического переустройства деревни и города, но и от реальной действительности. Об'ективно говоря, такая позиция профессора Юровского в полной мере соответствует интересам кулака: последнему подавай лишь в большом числе и немедленно дешевый заграничный товар, хотя бы ценой

замедления социалистической промышленности, расширение которой в форме индустриализации есть „не реальная затея“, проводимая за счет „обирания деревни“.

Тот путь ликвидации хозяйственных затруднений, который напрашивается профессору Юровскому, есть путь смычки отсталого сельского хозяйства с капиталистическим Западом, есть путь ликвидации индустриализации СССР, которая одна вопреки профессору Юровскому может приобщить нас к социализму и обеспечить нам экономическую самостоятельность и окончательную ликвидацию хозяйственных затруднений в настоящее время. Что же касается указания на то, что индустриализация проводилась и будет проводиться за счет крестьянских рессурсов, то это не совсем верно.

Понижение сельскохозяйственного налога и снижение промышленных розничных цен суть такие особенности нашей крестьянской политики, которые дают понять даже самым отсталым слоям крестьянства то, чего не хочет (или не может) понять профессор Юровский. Рессурсы для индустриализации будут почерпнуты, главным образом, за счет промышленного накопления, активного баланса и использования нового притока сбережений и вкладов всех слоев населения, в том числе и крестьянства, бюджетных средств и режима экономии.

Когда же, кроме того, профессор Юровский превращает наш план и нашу политику индустриализации из средства ликвидации хозяйственных затруднений в причину их возникновения, то он совершает насилие над фактами и логикой. В самом деле, хозяйственные затруднения возникли еще задолго до начала политики индустриализации, что же касается иностранного ввоза, которого так жаждет Юровский, то в истекшем году итог его мог бы доставить профессору некоторое удовольствие: благодаря просчету ввоз превысил вывоз на 110.000.000 рублей.

Теряя социалистическую перспективу, Юровский, как и некоторые другие советские экономисты, сплошь и рядом поддается соблазну поставить знак равенства между нашим и капиталистическим хозяйственным строем. Вот, например, в этой же брошюре проф. Юровский считает, что мы переживаем обычную фазу свойственного всем капиталистическим странам промышленного под'ема, лишь модифицированного советскими условиями экономического развития (стр. 22—23). Ставить знак равенства между динамикой капиталистической и советской хозяйственной кон'юнктурой—это не менее крупная теоретическая ошибка, чем, например, допустить, что в хозяйстве СССР закон стоимости действует без всяких ограничений. Если уже приходится стать на путь аналогий, то здесь уместно говорить лишь о внешнем сходстве видимой формы, но не о существе явлений.

Таковы основные ошибки проф. Юровского. Во всем остальном книжка проф. Юровского представляет собою схематическое изложение и обзор прошлогоднего состояния рынка и денежного обращения с общими рассуждениями на счет обстоятельств известного хозяйственного просчета. Автор несколько и здесь преувеличивает роль и размеры денежной и кредитной инфляции, на основе которой, по его мнению, создалась ложная высокая кон'юнктура (осенью прошлого года) и имели место некоторые грюндерские увлечения в промышленности и торговле. Не в „грюндерских увлечениях“ дело, а в отсутствии той самой плановой дисциплины, против которой борется Юровский, не говоря уже о последствиях прошлогоднего урожая и понижении крестьянских платежей. Тем не менее, было бы парадоксальным считать кредитную инфля-

цию (стр. 27) основой того, что немцы называют „Scheinkonjunktur“ (кажущаяся кон'юнктура). Основой высокой кон'юнктуры прошлого и текущего года является, несомненно, не кредитная инфляция, а бурный темп завершения восстановительного процесса в промышленности и сельском хозяйстве. Этот темп развития производительных сил в СССР доказывает, между прочим, что, несмотря на просчет и товарный голод, дело не дошло до кризиса, обычного для капитализма и следующего обыкновенно за под'емом и грюндерством. Такой бескризисный ход развития, совершающийся в обстановке несомненных затруднений, возможен лишь при условии преобладания социалистических элементов в нашей экономике над капиталистическими и госкапиталистическими, лишь при условии преобладания планового и регулирующего начала над стихийностью товарных отношений.

Об этом, как и обо многом другом, что отличает нашу экономику от капитализма, к сожалению, ничего не сказано проф. Юровским, хотя бы в той мере, в какой это было бы необходимо в прямой связи с главной темой его книжки.

В общем же следует признать, что в силу рассмотренных нами ошибок книга может представить лишь полемический интерес для хорошо подготовленного читателя. Издание ее без соответствующего критического предисловия редакции ведет к тому, что эта брошюра способствует внесению путаницы в понимание рядовым читателем причин, вызвавших наши хозяйственные затруднения.

Вторая книга „Современные проблемы денежной политики“ состоит из двух частей. Что касается первой части, то она не представляет собою в смысле оригинальности содержания ничего нового или оспариваемого по сравнению с тем, что было опубликовано автором в виде отдельных статей в 1924 году. Только одна 7 глава о хозяйственном плане на 1924/25 год обнаруживает у автора склонность к признанию возможности ликвидации наступивших хозяйственных затруднений лишь путем ввоза иностранных товаров для крестьянского рынка, каковая позиция была дана автором в более развернутом виде в его вышерассмотренной брошюре.

Что касается второй части о стабилизации английской валюты, то это совершенно самостоятельная работа, вовсе не стоящая в прямой связи с первой частью. Хотя эта работа и не является оригинальным исследованием, но все же представляет из себя довольно обстоятельный очерк исторического развития английской кредитной системы и денежного обращения до и после войны.

Последняя глава очерка посвящена денежной реформе в Англии в 1925 году.

В заключение следует отметить, что было бы гораздо лучше, если бы (в порядке режима экономии) старые скромные газетные статьи профессора Юровского не издавались под таким громким названием „Современные проблемы денежной политики“.

М. Б. Рубанов

Б. Гольдшмидт. Очерк хозяйственной и социальной политики Соединенных Штатов. Изд. „Плановое Хозяйство“. Москва, 1926, стр. 53. Ц. 55 коп.

Перед нами небольшой, живо и популярно написанный очерк экономического развития Соединенных Штатов за последнее 25-летие. Автор его—германский экономист—на основании „многомесячного пребывания в Америке“ (8) и официальных данных пытается дать характеристику наиболее существенных моментов американской экономики и социальной политики, являющихся в его представлении образцовыми и показательными для всей Европы.

Нужно воздать должное Гольдшмидту. В той части брошюры, которая посвящена экономике Соединенных Штатов, он дает достаточно отчетливую зарисовку динамических процессов в современном американском хозяйстве.

Цифры, касающиеся индустриального развития Америки в последнее десятилетие, в особенности в послевоенные годы, достаточно убедительно говорят об одном: Америка в отличие от всей Европы не попала в полосу послевоенного кризиса. Наоборот, в период 1919—1920 гг. да и в последующие годы, американская индустрия дала столь значительный скачок вверх, что довоенные нормы производства остались далеко позади. Правда, за 1919 годом последовал неблагополучный 1921 год, но в 1923 г. промышленность вновь приблизилась к размерам 1919 г. Аналогично положение во всех отраслях народного хозяйства Соединенных Штатов; особенно выделяется рост энергетических рессурсов страны.

Показательны для характеристики господствующего положения, занятого в мировом хозяйстве Соединенными Штатами, те немногие, но чрезвычайно отчетливые данные концентрации промышленности и ее организационных центров, которые удачно приводит Гольдшмидт.

Преобладаниие производства над внутренним потреблением, естественно, поставило перед Америкой вопрос о внешних рынках. В период войны этот вопрос, конечно, не возбуждался, но с исчезновением военного рынка, потребительная способность которого была огромна, положение определенно обострилось. Для Америки окончание войны не означало возвращение к довоенному status quo. Это противоречило экономическому росту страны и тем глубоким структурным изменениям, которые произошли в экономике Соединенных Штатов в военные годы. Отсюда вполне понятная активность Америки в деле завоевания иностранных рынков.

Буржуазно-наивен Гольдшмидт в своем утверждении, будто Америка застрахована от кризиса перепроизводства промышленных товаров. Он мотивирует это тем, что „во-первых, покупательная сила населения Соединенных Штатов постоянно растет; во-вторых, благодаря особенности среднего американца покупать предметы, которые кажутся ему нужными, какова бы ни была их цена“ (12). Редакция Издательства в соответствующем примечании правильно называет это положение иллюзорным, ибо „последние кризисы показали, в какой зависимости находится Америка от внешнего рынка“.

Обращаясь же к части брошюры, трактующей об общих положениях социальной политики Америки, нужно сказать, что и здесь автор обнаружил чрезвычайную узость суждения. Всю социально-политическую часть своей работы Гольдшмидт посвятил почему-то только вопросам об индексах и заработной плате. В преломлении буржуазного экономиста рабочий вопрос, взаимоотношения труда и капитала в эпоху классического расцвета страны,—словом, весь комплекс социально-политических факторов зиждется только на „едином хлебе“. Поскольку же из достаточно интересного цифрового материала о динамике заработной платы автор не делает абсолютно никаких выводов, вся эта часть может быть в лучшем случае расценена только как „беспристрастный цифровой материал“.

Впрочем, вся работа Гольдшмидта проникнута излюбленным буржуазными экономистами методом „беспристрастного“ изложения с напрашивающимися, однако, выводами, достаточно отчетливо характеризующими воззрения автора.

Тем не менее, мы считаем необходимым подчеркнуть полезность прочтения этой брошюры, рассчитанной на очень широкую читательскую аудиторию. Спорность и проблематичность отдельных положений автора нисколько не лишает интереса те данные, которые автор в ней приводит. Книжка, в общем и целом, дает полное, ясное, но недостаточно проанализированное представление о трактуемом предмете.

И. Браславский

П. Д. Крутиков. Состояние ирригации Узбекистана и ее перспективы. Труды VI Совещ. узбек. хлоп. деят. и орг. Ташкент, 1926 г., стр. 275—280.

Н. И. Бельков. Содоклад по ирригации сел.-хоз. отдела Узбекхлопка. Там же, стр. 280—284.

Доклад Узбекского Водхоза, сделанный инж. П. Д. Крутиковым на VI совещании узбекских хлопковых деятелей и организаций, отличался обширной программой. После ряда общих мест докладчик сообщил о подсчетах УПОЛСТО в Ср. Азии по хлопковому балансу в 1925/26 г. Недостаток хлопка в 1926 г. исчисляется в 10,6 милл. пуд.

Исходя из пятилетнего перспективного плана, разработанного ВСНХ СССР, докладчик приходит к выводу о необходимости форсирования ирригационных работ, указывая для этого два возможных пути: новое орошение на неосвоенных землях и коренное переустройство старых систем с введением в оборот перелогов и попутным орошением новых земель. При этом докладчик отметил, что первый путь „при значительных затратах не даст быстрого эффекта“. Второй путь признается им более целесообразным и поэтому положен в основу пятилетнего плана работ Узбекского Водхоза. Работы по этой программе потребуют в течение пяти лет 103 милл. рублей, в т. г. на содержание аппарата—10 милл. рублей.

В результате работ в 1930 г. орошаемая площадь Узбекистана достигнет 2.134 тыс. дес., дав прирост по сравнению с 1926 г. в 796 тыс. дес.

В заключение, докладчик указал, что в связи с маловодьем было созвано специальное совещание по установлению соответствующих мероприятий и прогноза на ближайшие месяцы по осадкам и расходам рек. На этом совещании, по словам докладчика, „метеорологи ничего определенного не заявили“.

Содокладчик, инж. Бельков Н. И., от Узбекхлопка, указав на программный характер основного доклада, сделал ряд весьма существенных добавлений, вытекающих из учета реальной обстановки. Содокладчик сообщил о намеченных в связи с маловодьем мероприятиях, принятых в Фергане на специальном совещании. На основе ряда вычислений содокладчик приходит к выводу, что нет иного выхода из создавшегося положения, кроме форсирования прироста орошаемой площади. Надо ускорить строительство по изолированным, сравнительно небольшим и наиболее изученным районам. Действительность последнего времени, по мнению содокладчика, к сожалению, показывает, что практика водохозяйственных организаций не всегда соответствует основной задаче момента—скорейшему увеличению орошаемой площади.

Наконец, инж. Бельков обратил внимание на вероятную непосильность для государственного казначейства финансировать ирригационное строительство в размерах, указанных инж. Крутиковым. Для возможности

засева в 1930 г. 937 тыс. дес. хлопчатника необходимо общее увеличение орошаемой площади по сравнению с текущим годом на 1.500 тыс. дес., из которых около 900 тыс. дес. должен поднять Узбекский Водхоз и около 600 тыс. дес.—УВХ Средней Азии. Поскольку такой прирост потребует громадных средств, постольку докладчик полагает, что наступило время изыскать другие, помимо бюджетных, источники финансирования ирригационных работ.

Мысль о постановке ирригационного доклада надо признать удачной. Оперативным хлопковым работникам весьма важно узнать из первоисточника о новых идеях и планах в ирригационном деле. С другой стороны, важно выяснить их опыт и знание местной экономики, поскольку повседневная работа хлопковиков знакомит их с новым кишлаком. Обе возможности достигнуты докладом в весьма скромной мере.

Доклад УВХ Узбекистана свидетельствует о застывшей концепции перспективных докладов по ирригации Ср. Азии. Эти доклады строятся следующим образом: за исходный пункт берется потребность в волокне Союза в 1930 году. Отсюда определяется число десятин хлопчатника, способных дать необходимый сбор. Далее устанавливается % хлопковой площади, затем вся орошаемая площадь, затем дефицит орошаемой площади. Дефицит орошаемой площади разверстывается между отдельными бассейнами и системами, определяется стоимость гидротехнических работ, запроектированных для производства, подбивается сумма затрат, и перспективный план ирригации готов, дехкане через 5 лет обеспечиваются плановой орошаемой землей, промышленность—хлопком, а союзное казначейство в перспективе освобождается от необходимости тратить иностранную валюту за импортируемое волокно.

Подобный способ составления планов является причиной их недолговечности. Построенные в ускоренном и облегченном порядке эти планы опрокидываются не столько критикой, сколько самой жизнью. Осенью 1925 г. был составлен первый перспективный хозяйственный план для всей Ср. Азии на 1926—30 гг., и не прошло полугодия, как несколькими учреждениями одновременно приступлено к составлению новых пятилетних планов по новой углубленной программе. Трудно признать при таких условиях своевременность выступления УВХ Узбекистана с докладом, методология составления которого уже признана не отвечающей сложности поставленной задачи. Этот план грешит тремя основными просчетами.

Просчет первый — выпадение экономических факторов. В цепи плановых построений есть крайне существенный пропуск—отсутствуют расчеты о будущем орошаемом хозяйстве. Урожай получается как бы непосредственно из распределителей ирригационной сети. Отсюда проистекает ряд сомнений—может ли это, неизвестное и незапроектированное хозяйство дать должное количество хлопка, будет ли оно устойчивым, как оно организует свою рабочую силу и инвентарь, какие элементы реконструкции оно будет иметь сравнительно с существующим туземным хозяйством, характерным высокой, но малопродуктивной затратой мускульного труда, какие культуры, кроме хлопчатника, оно будет засевать и т. д. и т. п. Отсутствие проработки будущего хозяйства на вновь орошенных землях (старых и новых) не только делает гадательными цифры о будущих хлопковых сборах, но и предоставляет трудное и большое дело землеустройства стихийному процессу.

Просчет второй—смещение календаря, принятие ожидаемого за настоящее, превращение генерального плана на 10—15 лет в пятилетний перспективный. Этот просчет происходит в силу принятия авторами плана возможности получения урожая в год окончания главнейших гидро-

технических работ, при чем загрузка оросительных систем принимается, повидимому, немедленная и стопроцентная, так как относительно этого нет никаких оговорок. На производство непосредственно питающей водой хозяйство периферийной части оросительной системы (мелкой и мельчайшей сети), на отвод участков переселенцам и расселенцам, на фактическое их осаждение на землю и освоение полностью или хотя бы на 70—90% прироста орошенных земель, на строительство шоссейных и грунтовых дорог, поселков, заводов и т. п.,—на все это в доложенном плане не дается никакого времени, вернее, об этом совсем не говорится.

Третий просчет—денежный. Расходы исчислены только на ирригационное строительство и связанные с ним изыскания и исследования, а также на содержание штата, в том числе и эксплоатационного. На заселение и освоение прироста орошаемых земель ни количество расходов, ни их источники в плане не предвидятся.

Опыт производства земреформы 1926 г. показал, что эта работа требует значительных средств. На землеустройство 67 тыс. хозяйств, из коих около 25 тыс. нуждающихся, было израсходовано 11 милл. руб. В дальнейшем абсолютные размеры этих расходов имеют перспективу увеличиться, поскольку самый масштаб землеустройства увеличится: он должен будет охватывать 180—300 тыс. дес. в год с насаждением 60—100 тыс. хозяйств ежегодно. Если предположить, что расходы по землеустройству и обзаведению хозяйством выразятся только в 100 руб. на 1 дес. или в 300 руб. на 1 хозяйство, то и в таком случае к исчисленным докладчиком ирригационным расходам необходимо будет добавлять ежегодно 18—30 милл. руб., а за все пятилетие до 150 милл. руб.

В настоящее время поднят и проводится в жизнь вопрос о плановой дисциплине. Было бы поэтому своевременно поднять вопрос и о плановой ответственности. Замалчивание просчетов плановой невоздержанности способствует увеличению планотворческого потока, качество которого развивается весьма медленным темпом.

С. Кондрашев

Бюллетень биржевой статистики. — Первый квартал и январь 1925/26 г., №№ 1—2 и 3, изд. Всесоюзного Совета С'ездов биржевой торговли.

Изучение товарооборота представляет значительные трудности, так как показатели этого элемента народнохозяйственной жизни основываются на недостаточных признаках, не могущих уловить всей массы подлежащих учету случаев, в то же время эти признаки об'единяют качественно различные явления.

Регистрация торговых сделок не может охватить всей суммы товарооборота в виду многообразия его путей, далеко не всегда подлежащих официальному учету. В то же время регистрируемые сделки обнимают и контрактовые сделки на срок, и сделки реализуемые немедленно; они суммируют сделки различных ступеней товарооборота—и продажи производителя и покупки из вторых и третьих рук и т. д. Все это в известной мере ослабляет значение данных о торговых сделках для характеристики товарооборота.

Но в то же время этот источник является одним из существеннейших способов нашего познания. В особенности это относится к данным о биржевых оборотах. По действовавшему до последнего (февральского) постановления СТО порядку биржи у нас учитывали все более или менее крупные сделки госорганов между собой, а также с кооперацией и частными лицами, за исключением некоторых видов синдикатских сделок. Теперь этот круг расширен и обнимает все сделки определенного ценза,

устанавливаемого местами, в которых участвуют госорганы или кооперация. Вне обязательного биржевого учета остаются только сделки первичной сельскохозяйственной и промысловой кооперации и частных лиц между собою.

Фактически этот круг даже несколько шире, так как контрагенты нередко регистрируют и не подлежащие обязательной регистрации на бирже сделки, как, например, сделки между частными лицами.

Таким образом, учитываемые биржевой статистикой сделки касаются подавляющей части оптового оборота. Поэтому можно только приветствовать выпуск периодического „Бюллетеня биржевой статистики", к которому приступил Всесоюзный Совет биржевой торговли. До сих пор эти данные, хотя и печатались, но по частям, не с такой детальностью, и пользование или представляло поэтому значительные трудности.

В первом (№ 1—2) выпуске, вышедшем в начале апреля, мы находим данные за I квартал текущего хозяйственного года, только в итогах подразделенные по месяцам. В дальнейшем предположено в каждом выпуске давать детальный материал за месяц, что мы уже и находим в январском выпуске (№ 3).

Программа издания, как она намечена редакцией и выполнена в первом выпуске, дает на ряду с комбинированием товаров и групп контрагентов по районам Госплана и более общие итоги. В 30 таблицах содержатся следующие данные: месячные и квартальные обороты 109 провинциальных бирж и МТБ; также по месяцам и за квартал даны обороты 70 провинциальных бирж с делением их по 12 группам товаров и основным группам контрагентов: квартальные обороты между разными группами контрагентов по 60 провинциальным биржам; затем, по тем же 60 биржам и по МТБ приведены порайонные общие размеры оборотов за квартал по контрагентам и группам товаров с выделением свыше 70 отдельных товаров, а также комбинированные данные об оборотах разных групп контрагентов по 11 группам товаров, об'единенных затем в две группы (с.-х. и промышленные товары); те же сведения даны и помесячно, но без деления по районам.

Условия расчета даны по тем же биржам. Здесь мы также находим порайонные данные за квартал по контрагентам и 7 группам товаров и те же сведения по месяцам, но без деления по районам. Кроме того, порайонно за квартал, с одной стороны, и помесячно в общих итогах приведены обороты со сроком сдачи свыше 4 мес. по 14 группам товаров.

Во всех таблицах данные по МТБ приводятся отдельно. Кроме абсолютных величин, даются и относительные (% к итогам, к предыдущим месяцам и т. д.), что значительно облегчает пользование таблицами.

К сожалению, в январском выпуске мы не находим уже полностью всей перечисленной выше системы таблиц. При этом отсутствуют основные сводки оборотов по с.-х. и промышленным товарам при наличии таблиц по более детальным группам, а также выделена топливная группа, хотя вес ее в январе в общем обороте почти удвоился. Наиболее сокращен отдел об условиях расчета, где вместо порайонных данных по 7 детальным и 2 сводным товарным группам, приведенных в первом выпуске, мы находим за январь только общую сводку по группам товаров, ранее отсутствовавшую.

Повидимому, необходимость экономить место побудила редакцию прибегнуть к этому сокращению программы. Но все же жертвовать итогами по основным товарным группам (с.-х. и промышленным) не следовало бы. Это деление является наиболее характерным районным признаком и должно проводиться систематически по всем частям программы.

Нельзя не выразить также сожаления по поводу полного отсутствия текстового изложения содержания таблиц, что делает их доступными только для исследователя. Между тем, уделив одну страничку описанию основных моментов биржевой торговли данного периода в сравнении с предыдущими, составители таблиц облегчили бы работу и не специалистам. И вместе с тем, они натолкнулись бы на необходимость некоторых оговорок и примечаний, об'ясняющих то или другое движение регистрируемых ими явлений.

Так, просматривая данные об условиях расчета, мы натолкнулись на исключительный рост кредита свыше 3 месяцев в ноябре и только после длительных сопоставлений выяснили, что рост этот об'ясняется ноябрьской сделкой с хлопком на 124 м. р., заключенной, повидимому, между ВТС и Главхлопкомом. Но ведь далеко не всегда такие исключительные сделки можно легко выделить по этим таблицам. Их следовало бы оговорить.

Кроме того, нужно пожелать, чтобы составителям удалось быстрее наладить более своевременный выход из печати этого „Бюллетеня", так как выход его через $2^1/_2$ месяца после окончания отчетного периода существенно умаляет его значение.

В заключение, с удовольствием отметим компактность построения и набора таблиц, что делает их легко обозримыми, несмотря на сложность некоторых из них.

Г. Шуб

Журнал „Народное хозяйство Центрально-Черноземной области", кн. I за 1924 г., II, III, IV, V за 1925 г. и VI за 1926 г. Г. Воронеж. Изд. Воронежск. Губплана (I и II кн.) и Облплана (III, IV, V и VII).

Народное хозяйство Центрально-Черноземной области характеризуется его резким сельскохозяйственным уклоном. Население области, состоящее на 92,5% из сельского и 7,5% из городского, в сильной степени переполнило область, плотность населения которой достигла 61 чел. на 1 кв. версту. Гражданская война, проявившаяся в острой форме в области, тяжело отразилась на ее народном хозяйстве. Полеводство упало как в отношении снижения посевов зерновых и трудоемких культур, так и в отношении строения его. Увеличение удельного веса посевов продовольственных культур за счет посевов трудоемких культур придало полеводству области продовольственный характер. Скотоводство по сравнению с довоенным его состоянием снизилось. Промышленность, тесно связанная с развитием интенсивных отраслей сельского хозяйства (свеклосеяния, посевов клубне корнеплодов и масличных культур), в значительной степени свернула свое производство. Общая хозяйственная и культурная отсталость местного населения, его избыточность, ожесточенная гражданская война и разруха привели хозяйство области к затяжному кризису, который встал грозным призраком для области и даже стал тормозящим фактором для народного хозяйства республики в целом. Промышленность Союза в 1925 году по сравнению с 1924 годом выросла на 74%, а аналогичная цифра для ЦЧО составила только 32%. Посевная площадь области сократилась на 600 тыс. дес. Таким образом, в 1924/25 году основная проблема,—проблема восстановления народного хозяйства ЦЧО,—встала во всем ее громадном значении и росте. Эта руководящая и организующая идея,—идея восстановления ЦЧО,—должна была лечь в основу областного журнала, и этой идеей должны быть проникнуты статьи по всем отраслям хозяйства. Организационный период существования области должен был придать соответствующий характер журналу.

Каков же в действительности общий характер рецензируемого журнала? „Нар. Хоз. ЦЧО" дает представление о состоянии хозяйства, его

динамике и перспективах. Он затрагивает по сельскому хозяйству вопросы полеводства, огородничества, садоводства, лесоустройства, скотоводства, землеустройства, сельскохозяйственного опытного дела и дает представление о социально-экономической структуре и динамике крестьянских хозяйств. В отношении промышленности по данным журнала можно составить представление о ее структуре, изменениях, происшедших в ряде последних лет, и общих перспективных построениях (пятилетний план). Транспорт, торговля, финансы и кредит также нашли отражение в ряде статей. Однако общий характер журнала все же носит, главным образом, описательный характер,—характер констатирования определенных экономических фактов, а не постановки хозяйственных проблем, попыток и путей их разрешения и построения реально обоснованных перспектив. Такой характер носит ст. Б. А. Петерса („Значение ЦЧО в экономике Европейской части СССР", кн. I), в которой автор сопоставляет хозяйство ЦЧО с хозяйством других 11 районов Европейской части СССР. Статья скорее представляет из себя доклад или отчет, чем постановку хозяйственной проблемы. В ней нет волевого организующего воздействия на хозяйство области. Такой же характер носит статья Б. А. Петерса „Промышленность ЦЧО". Обе статьи передовые. Они должны были бы дать тон, характер всему содержанию журнала, чего на самом деле нет. Несмотря, однако, на этот основной недостаток, указанные статьи изобилуют ценными и многочисленными цифрами и сопоставлениями. Жаль, что автор в первой статье не поставил проблемы восстановления ЦЧО, а во второй не отметил вопросов, связанных с восстановлением основного капитала, производительности труда, качества продукции и финансирования промышленности. Мы не указываем других статей, носящих такой же характер. Следует отметить статьи проф. Ив. Коновалова „О значении садоводства в ЦЧО" (кн. II), проф. П. Н. Першина „Землеустройство ЦЧО перед революцией" (кн. I), К. Н. Сазонова „Формы внутриселенного землеустройства" (кн. II); В. Г. Свитальского „Элеваторная система ЦЧО" (кн. III); Е. С. Полюты „Организация и методы кон'юнктурных наблюдений" (кн. I); Н. Н. Старова „Бэкон" (кн. IV), А. Н. Татарчукова „К вопросу о техн. статистике раб. бюджетов (кн. V) и проф. И. В. Якушкина „Массовые улучшения в полеводстве ЦЧО" (кн. VI). Все эти статьи проникнуты идеей восстановления ЦЧО. В них действительно отражается творческая идея экономического строительства, хотя последние две книги (V и VI) значительно лучше предшествовавших, однако, по общему характеру и построению журнал все же нуждается в большем проведении единой идеи восстановления ЦЧО, в установлении в плане журнала большей актуальности проблем и методов творческого воздействия на народное хозяйство.

Останавливаясь на отдельных отраслях народного хозяйства области, отраженных в журнале, следует сказать, что сельское хозяйство (особенно, в части интенсивных отраслей) нашло весьма малое освещение. Нет, напр., статей по свеклосеянию и слабо затронуты вопросы по клубне корнеплодам. Иначе говоря, самый стык сельского хозяйства с промышленностью ЦЧО и проблема поглощения избыточного населения области остались вне поля зрения журнала. В остальном сельское хозяйство освещено достаточно хорошо.

Следует особо остановиться на кредите и финансах. В статьях В. И. Введенского „Банки ЦЧО в 1923/24 г." (кн. III) и „Сельское хозяйство и с.-х. кредит в ЦЧО в 1923/24 г." (кн. II) и дается обзор деятельности банков (и о-ва сельскохозяйственного кредита) за 1923/24 г. В первой статье обзор обоснован цифровым материалом, взятым, главным образом, по „сальдо" на 1 число определенного месяца, а во вто-

рой вводится материал, уже отражающий обороты и операции. Обе статьи имеют богатый материал и дают ряд ценных выводов. Однако, автору следовало бы остановиться на плановом характере и политике банковской деятельности в условиях области, придать статье возможно более популярный и действенный характер.

По бюджетам имеются статьи Е. С. Полюты „Волостной бюджет и его построение в ЦЧО“ (кн. II), „Перспективы поступления доходов в 1924/25 бюджетном году“ (кн. I). В первой обстоятельной статье дается представление о волбюджете, его составе по приходной и расходной сметам в довоенное время и 1923/24 г. и дается ряд практических, имеющих актуальное значение, выводов. Однако, автору не следовало бы, приводя в качестве примера обзор коммун. единиц на Западе, уделять ему столь большое внимание и место, так как этот пример заслоняет собой анализ нашего бюджета. Разрозненный состав отдельных губернских бюджетов лучше было бы об'единить, поскольку возможно, в областные данные. Задача областного периодического органа—это, прежде всего, освещать хозяйственные проблемы областного же характера, ставить их в актуальной форме, а остального касаться постольку, поскольку оно имеет непосредственное отношение к вопросу.

Транспорт нашел достаточное отражение, а торговля затронута в „Кон'юнктурных обзорах“, которые составил Е. С. Полюта, и в статье В. И. Введенского „Биржевая торговля ЦЧО за два года (1923/24 и 1924/25)“, кн. VI. Кстати о „Кон'юнктурных обзорах“. Практическая ценность обзоров это: 1) дать своевременно представление о динамике хозяйства ближайшего прошлого (месяца, недели), чтобы они могли сигнализировать опять-таки своевременно об опасностях или путях и тенденциях народного хозяйства, которые неизбежно нужно использовать с целью восстановления хозяйства области; 2) дать ценный материал для изучения процессов народного хозяйства области уже в более длительные периоды (кварталы, полугодия, год). Первая задача обзорами не достигнута. Например, обзоры за сентябрь и ноябрь (составлены отдельно по месяцам) отпечатаны только в 1925 г. Вторая задача достигается только частично из-за перемены или невыдержанности основных кон'юнктурных показателей и трудности свести воедино квартальные и месячные обзоры. Автору следовало бы в таких случаях составлять квартальные обзоры. Тем не менее, по содержанию обзоры довольно богаты и дают представление о „кон'юнктуре“.

Районирование ЦЧО имеет отдел в журнале и нашло соответствующее освещение в нескольких статьях, характеризующих основные моменты районирования области и, в частности, в построении округов и волостей.

Благоприятное впечатление производит отдел журнала „Краеводческая работа“ как по построению его, так и по содержанию статей. Изучение области с целью практического применения результатов этого изучения в народном хозяйстве области для повышения его можно только приветствовать. Попутно, конечно, следует отмечать и социально-культурные достижения. Кооперация в журнале не освещена, что является большим недостатком.

В общем, журнал производит благоприятное впечатление и заслуживает внимания. В журнале принимают участие видные научные силы и работники области. Если ему будет придан более актуальный характер, то, несомненно, он будет хорошо выполнять роль научно-практического центра, организующего народное хозяйство области.

П. Горшечников

ОТДЕЛ VI

Статистика

Н. Вишневский

Продовольственный и кормовой балансы зерновых культур на 1925/26 г.

I

Хлебофуражные балансы, составляемые различными учреждениями и отдельными лицами, охватывают все зерновые культуры, вместе взятые. Подобный суммарный подход, несмотря на все свои недостатки, по состоянию статистических материалов являлся неизбежным.

В настоящее время хотя и без желательной в этом деле точности возможно произвести первую попытку составления баланса, если не по отдельным культурам, то, по крайней мере, по двум главнейшим их подразделениям — культурам преимущественно продовольственным (рожь, пшеница и крупяные) и культурам преимущественно кормовым (ячмень, овес, кукуруза и бобовые).

В дальнейшем излагаются результаты нашей попытки составить такого рода балансы, при чем предварительно дается обзор методов получения отдельных статей балансов.

В настоящей, первой части работы рассматриваются балансы по отдельным культурам, при чем все наши расчеты приурочены к Союзу ССР в целом. Вторая часть работы, посвященная районным балансам и находящаяся в стадии проработки статистических материалов, будет закончена с таким расчетом, чтобы ее результаты могли быть использованы при проектировании балансов на 1926/27 год.

Валовой сбор

Определение сбора зерновых продуктов по отдельным культурам обычно производится путем перемножения подесятинной урожайности на площадь посева. Для закончившегося сельскохозяйственного года, в отношении которого уже имеются данные, позволяющие определить размер отдельных видов расхода, вся сумма расходов, а затем и валовой сбор данного года могут быть исчислены „через потребление“, т.-е. путем исчисления размеров потребленного и накопленного, а также экспортированного за пределы страны хлеба, с одной стороны, и размера потребленного хлеба за счет запасов от прошлых лет и импорта—с другой стороны, и получения между суммами первых и последних элементов разницы, которая по сути дела и есть валовой сбор данного года.

Подобным методом, по инициативе С. Г. Струмилина, исчисляются отчетные балансы Экон.-Стат. секцией Госплана СССР, при чем его применение дало самые благоприятные результаты, позволив определять валовые сборы в размерах, близких к реальной действительности.

Постепенно к методу составления отчетных балансов „через потребление“ переходит и ЦСУ.

В настоящей работе мы ставим своей задачей рассмотрение методов составления не только окончательных, но и предварительных, в на-

чале сельскохозяйственного года проектируемых балансов, к которым метод исчисления „через потребление“ не применим, и потому в дальнейшем изложении мы останавливаемся на способах построения балансов обоих типов и предварительного, определяемого по данным о посевной площади и урожайности, и окончательного, исчисляемого „через потребление“.

Посевные площади выявляются в своем первоначальном виде ежегодными так называемыми весенними опросами, производимыми местными органами ЦСУ. Хотя эти опросы проводятся при помощи выборочного метода (опрашивается 5—7—10% всех хозяйств), но сопоставление даваемой ими пропорции культур с другими исследованиями массового характера показывает вполне достаточное взаимное их соответствие (репрезентативность).

Но правильное исчисление пропорции культур еще не гарантирует правильности абсолютных размеров посевных площадей, путем регистрации которых устанавливается пропорция. Так, например, ЦСУ, используя без поправок данные о пропорции культур, в то же время лежащие в их основе данные о посевах исправляет в таких значительных размерах как 15% в среднем по СССР и до 27% в отдельных районах. Госплан СССР поправляет данные о посевах еще больше—на 30% по СССР в целом, но исправленную площадь всех посевов (в части зерновых культур) считает возможным распределять так же, как и ЦСУ, по отдельным культурам, пользуясь пропорцией, установленной на основании данных, полученных от населения.

Условную правильность такого решения можно подтвердить следующими соображениями и расчетами.

При статистических опросах наиболее правильно учитываются по их относительному значению озимые культуры, благодаря тому что районы наибольшего их распространения имеют определенные системы полеводства, с ясным разграничением посевов по полям и нахождением в озимом поле обычно одной определенной (рожь или пшеница) культуры, при чем в определении относительного значения отдельных полей вряд ли возможна большая погрешность, так как именно сохранение правильных соотношений между полями придает „вранью“ населения внешне вполне правдоподобный и неуязвимый для критики вид. В силу последнего соображения население, давая преуменьшенные показания о посевах, в одинаковой пропорции уменьшает величину отдельных полей, благодаря чему доля озимых или яровых посевов по большинству районов устанавливается с вполне достаточной точностью.

Существующее по СССР распределение зерновых культур по отдельным полям (в 1925 г.) по данным ЦСУ таково:

		Милл. дес.	% к итогу
Озимое поле:	Рожь	24,6	33,9
	Пшеница	6,4	8,9
	Итого	31,0	42,8
Яровые поля:	Рожь	0,5	0,7
	Пшеница	13,2	18,2
	Ячмень	5,4	7,4
	Овес	10,7	14,8
	Гречиха	2,5	3,4
	Просо	5,2	7,1
	Кукуруза	2,8	3,8
	Прочие	1,2	1,7
	Итого	41,5	57,2
Посев всех зерновых		72,5	100,0
В том числе:	продовольств.	52,4	72,3
	кормовых	20,1	27,7

Согласно приведенным данным, из общего количества посевов преимущественно продовольственных культур в 52,4 милл. дес. на долю озимых посевов (учитываемых по их относительному значению среди всех посевов с максимальной точностью) приходится 31 милл. дес. или 59,2% всех посевов продовольственных культур. В частности, по ржи озимые посевы составляют 98% всех ее посевов, почему можно считать, что учет доли посевов ржи среди всех культур производится наиболее точно. По пшенице доля озимых посевов составляет 32,6% и яровых — 67,4%, наконец, исключительно в яровом поле сосредоточены посевы крупяных культур—проса и гречихи, а также все преимущественно кормовые культуры (озимые посевы ячменя ничтожны и о них можно не говорить). В общем по всем продовольственным культурам посевы в яровом поле составляют 40,8%, а по кормовым культурам—100%.

Как же может отразиться на относительной доле отдельных культур, находящихся в яровых полях, преуменьшенные против действительности показания населения?

Установим, прежде всего, возможную технику преуменьшения действительных размеров посевов, которую применяет население при статистических опросах. Техника эта может быть двояка. Население может преуменьшать посевы по каждой культуре строго пропорционально и в этом случае доля отдельных культур определяется правильно. Может быть и другой способ, практически более вероятный,—давая правильную пропорцию озимого и яровых полей, а также правильные показания о посевах под яровыми культурами с небольшой площадью (в озимом поле мелких культур как правило нет), население относит всю скрываемую им площадь на одну или две главнейших яровых культуры.[1]

Какое значение может иметь второй из указанных способов преуменьшения действительных размеров посевов для отдельных культур, хорошо видно на следующих ниже примерах трех районов. Приводимые четыре ряда цифр посевов отдельных культур (в тыс. десятин) отличаются друг от друга следующим: первый ряд цифр дает посевы, распределенные по культурам в соответствии с показаниями населения (без поправок на недоучет), второй ряд цифр—посевы, исправленные для приведения их в соответствие с действительностью, при чем считается, что население все преуменьшение посевов отнесло в части яровых посевов к одной наиболее распространенной культуре (пшенице), дав об остальных культурах правильные показания, третий ряд цифр—посевы также исправленные, но при предположении, что преуменьшение яровых посевов было отнесено к двум главнейшим яровым культурам (цифры по таким культурам подчеркнуты) и четвертый ряд цифр дает исправленную величину посевов при предположении, что преуменьшение по всем

[1] Такому способу преуменьшения посевов соответствует и довольно распространенный способ получения от населения данных о посевах при статистических опросах, сводящийся к тому, что прежде всего выясняется для каждого крестьянского хозяйства площадь пашни по отдельным полям. В части озимого поля спрашивается: а) был ли недосев или пересев и на какой площади и б) какой культурой была занята остальная площадь озимого—рожью или пшеницей, а в чисто ржаных или чисто пшеничных районах второй вопрос не предлагается совсем, в виду его ненужности, но и в том и в другом случае площадь посева определяется самим статистиком без участия опрашиваемого. В части яровых посевов, имея общую их площадь, статистик получает от крестьянина такой ответ—недосев был такой-то, под такой-то культурой было столько-то, под такой-то столько-то, а остальное под такой-то культурой (главной в данном хозяйстве яровой культурой), при чем площадь под ней определяется опять-таки самим статистиком (путем вычитания из общей площади ярового поля площадей недосева и второстепенных культур) без участия опрашиваемого.

культурам было одинаковым, т.-е. даются цифры, полученные методом, применяемым в настоящее время и ЦСУ и Госпланом.[1]

	Северный Кавказ				Южная Украина				Западная Сибирь			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Оз. рожь	369	517	517	517	2.089	2.507	2.507	2.507	456	638	638	638
Оз. пшеница . .	1.731	2.423	2.423	2.423	1.203	1.443	1.443	1.443	3	4	4	4
Гречиха и просо .	194	194	194	272	198	198	198	238	316	316	316	442
Яр. пшеница . . .	1.049	2.043	**1.609**	1.469	1.929	2.954	**2.412**	2.315	1.489	2.469	**2.200**	2.085
Итого продов. .	3.343	5.177	4.743	4.680	5.419	7.102	6.560	6.503	2.264	3.427	3.158	3.169
в т. ч. пшеница	2.780	4.466	4.032	3.892	3.132	4.397	3.855	3.758	1.492	2.473	2.204	2.089
Ячмень	818	818	**1.252**	1.145	2.173	2.173	**2.715**	2.607	77	77	77	108
Овес	70	70	70	98	220	220	220	264	568	568	**837**	795
Кукуруза	**353**	353	353	494	605	605	605	726	—	—	—	—
Итого корм. . .	1.241	1.241	1.675	1.737	2.998	2.998	3.540	3.597	645	645	914	903
„ озимых .	2.100	2.940	2.940	2.940	3.292	3.950	3.950	3.950	459	642	642	642
„ яровых .	**2.484**	3.478	3.478	3.478	5.125	6.150	6.150	6.150	2.450	3.430	3.430	3.430
Всего посевов .	4.584	6.418	6.418	6.418	8.417	10.100	10.100	10.100	2.909	4.072	4.072	4.072

Прежде чем рассматривать приведенные цифры необходимо установить, какой из вариантов преуменьшения яровых посевов является наиболее возможным в том случае, если население преуменьшает показания не пропорционально по всем культурам, а лишь по главной культуре, т.-е. распространяется ли „вранье“ только на одну культуру (в наших примерах вторые ряды цифр) или же на две, а возможно в отдельных районах, что и на три в одинаковой мере распространенных культуры (третьи ряды цифр). Возможность последнего случая представляется нам наиболее реальной, так как при наличии в том или ином районе двух или трех сильно распространенных культур одна часть хозяйств будет иметь как главную культуру, предположим, яровую пшеницу, другая часть хозяйств овес или ячмень, третья группа хозяйств еще какую-нибудь культуру, так что даже при условии отнесения всего преуменьшения в яровых посевах в каждом отдельном хозяйстве на одну главнейшую культуру, в пределах района обязательно окажется две—три таких главнейших культуры. Поэтому для дальнейшего анализа значения преуменьшения населением посевных площадей мы считаем наиболее правильным взять ряды цифр, значащиеся у нас в третьих графах.

Точно таким же образом, как это сделано выше, нами произведен подсчет еще по шести районам, при чем во всех девяти районах, вошедших в наш подсчет, посевная площадь составляет 77,3% всех посевов по Союзу ССР. Остальные 22,7% посевов распределяются по семнадцати районам, от кропотливого подсчета которых в виду их многочисленности мы отказались, считая, что данные по девяти крупнейшим районам с вполне достаточной ясностью выявят положение интересующего нас вопроса по СССР в целом.

[1] При внесении исправлений в первоначальные цифры (за 1924 г.) мы берем для каждого района поправку вдвое большую, чем принято для того или иного района ЦСУ, исходя из соотношения между размером поправки, принимаемой ЦСУ и Госпланом по СССР в целом (ЦСУ—15%, Госплан—30%).

В графе 1 мы берем площади посевов, уже исправленные ЦСУ, и условно считаем их неисправленными, благодаря чему цифры граф 2–4 выше, чем они должны быть в действительности, но так как нам нужны соотношения между ними, то их преувеличенность, одинаковая во всех графах, не имеет для нас значения.

Мы не останавливаемся при порайонном обозрении цифр подробно на всех культурах, так как по вышеприведенным данным простым глазом видно, что по культурам, имеющим второстепенное значение расхождение между интересующими нас третьей и четвертой графами достигает весьма значительных размеров до 30—40%. Другое положение имеется, когда мы сводим отдельные культуры в группы или берем главнейшие культуры. Вычисляя отношение цифр графы 4 к цифрам графы 3 (принимая последние за 100), мы получим следующие результаты:

	Все продовольств.	Пшеница и рожь	Пшеница (вся)	Крупяные	Все кормовые	Овес	Ячмень
Центр.-Пром. район . . .	102,7	100	(120)	(120,0)	95,6	92,8	(120)
Центр.-Земл. „ . . .	100,7	100	(130)	100,2	96,5	94,6	(130)
Волж.-Камск. „ . . .	104,4	100	(130)	(130,0)	92,8	90,3	(130)
Волжский „ . . .	99,0	99,3	97,9	98,9	107,7	101,7	(140)
Уральский „ . . .	100,0	98,8	96,5	(140,0)	100,0	97,3	(140)
Запад.-Сибирск. „ . . .	100,3	96,0	95,0	(140,0)	98,9	94,8	(140)
Север.-Кавказск. „ . . .	98,7	96,9	96,5	(140,0)	103,7	(140)	91,6
Северная Украина	100,5	99,5	98,6	104,4	98,6	97,2	97,3
Южная „	99,1	98,5	97,5	(120,0)	98,4	(120)	95,9
Итого . .	100,3	99,1	97,9	108,4	99,1	95,3	100,3

Приведенные соотношения между количествами посевов, определяемых ныне применяемым способом, и количествами посевов, которые должны быть, если население преуменьшает яровые посевы, лишь за счет наиболее распространенных культур, устанавливают весьма важное обстоятельство, что, в целом, по продовольственным и кормовым культурам как по взятым нами крупнейшим районам в отдельности, так и в общем итоге по ним, доля названных групп культур обоими методами определяется почти одинаково. По итогу всех районов разница между цифрами, полученными различными методами, составляет 0,3% по продовольственным и 0,9% по кормовым культурам. Для отдельных районов разница значительнее, но даже в виде исключения не превышает 4,4% по продовольственным и 7,7% по кормовым культурам.

Переходя к отдельным культурам, прежде чем остановиться на цифрах по районам, приведем более полные итоговые данные по девяти районам вместе взятым:

	Миллионов десятин посева		Цифры первого столбца в % к цифрам второго столбца (недоучет или переучет при ныне применяемом методе)
	При ныне применяемом методе	При отнесении преуменьшения посевов только к 2—3 главнейшим яров. культурам	
Рожь	24.902	24.902	100
Пшеница.	16.933	17.309	97,9
Рожь и пшеница .	41.835	42.211	99,1
Крупяные	7.113	6.561	108,4
Итого продов. . .	48.948	48.773	100,3
Ячмень	6.160	6.142	100,3
Овес.	10.645	11.169	95,3
Кукуруза	1.454	1.151	126,4
Итого кормовые .	18.287	18.462	99,1
Все посевы . . .	67.235	67.235	100

В итоге по девяти крупнейшим районам исправление первоначальных цифр посевов каждым из указанных способов приводит по большинству культур к чрезвычайно близким между собою результатам. Для ржи, культуры почти исключительно озимого клина (в яровом клину находится 2% всей площади под рожью), тот или иной способ уменьшения посевов, практикуемый населением, не имеет, по нашему мнению, значения, и поэтому каким бы путем из двух указанных выше мы не исправляли первоначальные данные о посевах, по ржи должна получиться приблизительно одна и та же цифра. Для пшеницы, частично находящейся в озимом поле (30% всей ее площади) и являющейся в яровом клину одной из главнейших культур, разница между двумя способами исправления в виде недоучета ее посевов при ныне применяемом способе достигает 2,1%. Овес также одна из главных культур ярового клина и потому по нему может иметься, при ныне применяемом способе исправления данных о посевах, недоучет в 4,7%. Культуры, имеющие в яровом клину второстепенное значение—крупяные и кукуруза, площадь которых население может давать без преуменьшений при исправлении данных о посевах первым способом (пропорциональное разнесение преуменьшения по всем культурам), оказываются преувеличенными на 8,4% по крупяным и на 26,4% по кукурузе. В отношении последней культуры надо оговориться, что в отличие от остальных зерновых культур, взятые нами девять районов совершенно не охватили районов, в которых кукуруза является одной из главных культур. Поэтому, если к девяти районам добавить Грузинскую и горские республики Сев. Кавказа, преувеличение по кукурузе уменьшится почти вдвое и составит лишь 14,1%. Но в действительности, для Союза ССР в целом преувеличение посевов кукурузы должно быть еще меньше. Мы условно считаем, что все посевы кукурузы расположены в яровом поле, где она занимает второстепенное место и сведения о ней даются населением вполне правильно, фактически же определенная часть кукурузы и на Украине и в Северо-Кавказском крае входит в специальный пропашной клин, являясь в этом клину главной культурой, так что сведения об этой части кукурузных посевов даются населением в преуменьшенном виде. Если считать, что в пропашном клине находится на Украине и Северном Кавказе четвертая часть всей площади кукурузы, то преувеличение в этом случае уменьшится с 14,1% до 10%, при нахождении же трети кукурузных посевов в пропашном клину ошибка опускается до 8,5%. Практически можно считать поэтому, что посевы кукурузы преувеличены при современном способе исправлений посевных площадей

(при условии нахождения в пропашном клину лишь четверти кукурузных посевов) максимум на 10% по Союзу в целом, на 9,5% по Украине (вместо 20%, если бы вся площадь под кукурузой входила второстепенной культурой в общий яровой клин), на 21,5% по Сев.-Кавказскому краю без горских республик (вместо 40%), а вместе с последними, т.-е. по краю в целом, преуменьшение составит лишь 6% и, наконец, с обычной для главных культур точностью, т.-е. с погрешностью в несколько процентов, исчисляются кукурузные посевы в горских республиках Сев. Кавказа и в Грузинской ССР.

Вернемся к районным цифрам по отдельным культурам. Целый ряд цифр нами заключен в скобки для того, чтобы отметить скрывающееся за нами незначительное абсолютное количество посевов и тем самым не дать возможности ложно истолковать даваемое ими большое расхождение между цифрами посевов, исчисленных различными методами.

Из всех семнадцати цифр, заключенных в скобки, в одиннадцати случаях стоящие за этими относительными числами абсолютные размеры посевов таковы, что составляют не более 3,5% всей зерновой площади данного района, в пяти случаях не более 5% и лишь в одном случае превышают 10% (Западно-Сибирск. район—10,7% под крупяными культурами). В виду малого значения культур с такими небольшими площадями в общем районном балансе, а для подавляющего большинства случаев и в районных балансах—продовольственном или кормовом—взятых в отдельности, в дальнейшем мы исключаем их из нашего рассмотрения. Приступая с такой оговоркой к оценке способа пропорционального разнесения по отдельным культурам имеющегося преуменьшения посевов, мы видим, что во всех тех случаях, когда та или иная культура имеет хоть сколько-нибудь значительную площадь, ныне применяемый метод дает весьма небольшие отклонения от действительности (считая, что последняя более правильно отражена вторым способом исправления данных о посевах).

Группировка всех случаев по величине разницы между двумя способами дает такие результаты:

Расхождения	Все продовольствен. культуры	Пшеница и рожь	Пшеница	Крупяные	Все кормов. культуры	Ячм.	Овес	Итого случаев
До 1%	6	5	—	1	1	—	—	13
1,1—3%	2	2	3	1	3	—	3	14
3,1—5%	1	2	3	1	3	2	—	12
5,1—10%	—	—	—	—	2	1	4	7
Итого . .	9	9	6	3	9	3	7	46

Группировка расхождений между посевными площадями, исчисленными различными методами, показывает, что в половине всех случаев (27 из 46) отклонения эти, находясь в пределах, не превышающих 3%, никакого существенного значения не имеют, приобретают некоторое значение (давая ошибку в 3—5%) в четвертой части всех случаев и носят существенный характер (при ошибке в 5—10%) лишь в шестой части случаев.

По отдельным яровым культурам лучше всего дело обстоит с пшеницей, как потому, что она является одной из главнейших культур в яровом поле, так и потому, что значительная часть ее площади находится в озимом поле. Ни в одном из районов разница двух методов исправления первоначальных цифр о посевах не превышает по пшенице 5%, равняясь в среднем по всем девяти районам 2,1%. Еще меньше разница по пшенице и ржи вместе взятым, так же, как и по продоволь-

ственным культурам в целом—здесь больше половины районов дают разницу, не превышающую 1% и разница в 3—5% является исключением. Хуже обстоит дело с кормовыми культурами, разница по которым значительно больше, чем по продовольственным культурам.

На основании всего изложенного выше можно прийти к следующим заключениям.

Применяемый ныне метод исправления первоначальных данных о посевах дает по отдельным культурам такие цифры, которые могут не во всех районах находиться в необходимом соответствии с действительностью.

Насколько можно судить по результатам произведенных нами прикидочных расчетов, наибольшей правильностью обладают цифры по ржи и пшенице, а также суммарные цифры по продовольственной и кормовой группе культур, при чем такое положение в части крупяных и кормовых культур, взятых в отдельности, будучи правильно (за исключением кукурузы) по отношению к СССР в целом и его крупнейшим полосам, для более дробных районов (например, районов Госплана или ЦСУ) может оказаться в ряде случаев не соответствующим фактическому положению вещей, так как по некоторым районам может иметь место отчасти преуменьшение, а главным образом, преувеличение посевов под отдельными кормовыми и крупяными культурами.[1]

В настоящее время, когда отдельные районы СССР имеют различную степень достоверности показаний населения о посевах и, следовательно, различный размер поправок к площадям посевов, исчисленных по прямым показаниям, для того, чтобы пропорция культур соответствовала действительности в итоге по всему СССР, необходимо правильно определить не только пропорцию культур по каждому отдельному району, но и столь же правильно определить, так сказать, пропорцию районов. Поправки на посевные площади отдельных районов должны быть исчислены так, чтобы исправленная площадь района составляла именно ту долю от общей площади посевов СССР, которую она составляет в действительности, так как в противном случае при больших различиях в пропорции культур отдельных районов, при преувеличении доли одних и преуменьшении доли других районов, может в конце концов получиться, даже из вполне правильных районных данных о пропорции культур, но при неправильном определении абсолютных размеров посевной площади, несоответствующая действительности пропорция культур по СССР в целом.

Система поправок, практикуемая ЦСУ, по всей видимости не сумела разрешить названную выше задачу, и по ряду косвенных показателей даже без детальной проверки всех цифр можно предполагать, что, например, посевная площадь по так называемому Советскому центру (потребляющий и производящий районы) преуменьшена, а по Украине преувеличена. Сказать что-либо определенное о других районах в настоящий момент довольно трудно, но должна быть подчеркнута настоятельная необходимость возможно скорой организации работ по проверке данных о посевных площадях по отдельным, возможно мелким районам СССР. Составление балансов по культурам и районам явится одним из лучших способов такой проверки.

[1] При расчете о влиянии способа исправления данных о посевах на исчисление абсолютных размеров площадей под отдельными культурами мы игнорировали наличие в яровых полях незерновых культур. Вводя в расчет все яровые культуры, мы получим почти те же самые результаты с увеличением разницы между площадями зерновых культур, исчисленных двумя способами на 0,5—1,0—1,5%, в зависимости от распространенности в различных районах незерновых культур.

В виду того, что данные о посевах, полученные от населения, являются преуменьшенными, то практикуемое увеличение первоначальных данных,—размер этого увеличения,—должен быть чрезвычайно серьезно обоснован. Размер поправки, применяемой в расчетах Госплана, обосновывается балансовым расчетом потребления и производства хлебов, при чем, исчисляя первоначально размеры фактически имевшего место потребления и учтя накопление и расходование запасов, Госплан в результате получает размеры производства хлебов. Зная сбор с одной десятины (довольно правильно определяемый ЦСУ), Госплан путем деления определяет ту площадь посева, которая может дать исчисленную через потребление величину производства. Так как получаемые при этих расчетах посевные площади, будучи сопоставленными с количеством посевных площадей, определенных по непосредственным показаниям населения, находились с ними на протяжении 5 лет (начиная с 1920 г.), примерно, в одном и том же соотношении, то последнее обстоятельство и является, по нашему мнению, достаточно серьезным доказательством правильности и балансовых расчетов Госплана и принятого им коэффициента поправки для первоначальных данных о посевах.

Установленную Госпланом общую цифру посевов под зерновыми культурами мы считаем чрезвычайно близкой к действительности. Но Госплан до настоящего времени прорабатывал свои хлебофуражные балансы лишь в общесоюзном масштабе, в этом же масштабе определялась им и величина посевной площади.

По более дробным территориальным подразделениям данные о посевах исчисляются ЦСУ. В основу своих исчислений ЦСУ берет данные ежегодно производимых выборочных опросов населения, которые затем исправляются (увеличиваются), при чем последнее производится в различных размерах для отдельных районов (до настоящего года в пределах 10—20%, а в 1925 г. в пределах 10—27%). Так как размер общесоюзной поправки принят ЦСУ в 15% а Госпланом в 30%, то поправки принятые ЦСУ по отдельным районам для разнесения общей площади посевов, исчисленной Госпланом, могут быть использованы в том лишь случае, если считать, что ЦСУ преуменьшило свои поправки по отдельным районам в одном и том же размере. Такой способ распределения общесоюзной посевной площади по отдельным районам может быть принят лишь как рабочая гипотеза, правильность которой должна быть доказана при построении районных хлебофуражных балансов, исходящих в своей левой доходной части из производства, определяемого по площади, полученной вышеуказанным способом, а в правой расходной части из отдельных статей, определяемых тем же путем, как и по СССР в целом, т.-е. по данным о потреблении.

Расход на обсеменение

При правильном исчислении посевных площадей под отдельными культурами и при имеющемся наличии вполне доброкачественных статистических данных о нормах высева на одну десятину, исчисление общего расхода на обсеменение является чисто технической операцией. Осложняется дело в том случае, когда в начале с.-хоз. года проектируется предположительный баланс, и расход на обсеменение должен исчисляться, исходя из площади посева, возможной в будущем с.-хоз. году. В первые годы восстановительного процесса, когда площадь посевов увеличивалась за один год на значительную величину, неправильное предположение о возможном росте могло отразиться и на определении расхода на обсеменение, что, правда, для баланса в его целом суще-

ственной ошибки представить не могло, так как при доле расходов на обсеменение в общей сумме расходов в 15—20% ошибка даже в 10% в части расхода на обсеменение к общему итогу расходов составляла лишь 1,5—2%. В настоящее время, когда рост посевов под зерновыми культурами будет происходить в значительно меньших размерах, не превышающих 3—5% в год, возможная ошибка в исчислении предполагаемого расхода на обсеменение опустится до 0,3—0,5% итога всех расходов, т.-е. окончательно потеряет какое-либо материальное значение.

Определяя предположительно прирост посевной площади под урожай 1926 г. в 3,5%, с величиной прироста под отдельными культурами в размерах указанных ниже, расход на обсеменение в 1925/26 с.-х. году будет равен (в милл. пудов):

	Расход на обсеменение под урожай 1925 г.	Изменение площади посевов от 1925 г. к 1926 г.	Расход на обсеменение под урожай 1926 г.
Рожь	261,8	+ 1%	264,4
Пшеница	189,6	+ 9,5%	207,4
Ячмень	54,0	+15%	62,1
Овес	146,6	+ 5%	153,9
Просо	13,7	—15%	11,7
Гречиха	22,1	—	22,1
Кукуруза	6,6	+ 5%	6,9
Бобовые и др. зерновые	15,5	—	15,5
Итого	709,9	+ 3,5%	744,0

Расход на продовольствие городского населения

Исчисление расхода на продовольствие городского населения может быть произведено по двум статистическим источникам — периодическим обследованиям питания и бюджетам на семьи рабочих и служащих.

О нормах хлебного продовольствия городского населения сколько-нибудь значительных разногласий между составителями балансов не имеется и всеми исчислителями по этой статье баланса даются, примерно, одни и те же цифры. Не учитывается до настоящего времени лишь то обстоятельство, что довольно значительная часть городского населения (как правило—чем меньше город, тем больше часть) участвует в производстве сельскохозяйственной продукции, и потому не весь хлеб, потребляемый городами, является товарным. Между тем, во всех ныне производимых исчислениях хлебофуражного баланса все потребление городов зачисляется в товарную часть, благодаря чему она определяется с некоторым преувеличением против действительности. Кроме того, исходя при исчислении общего расхода хлеба на продовольствие городского населения из норм, установленных при обследовании только губернских городов и не учитывая безусловно более высоких норм, существующих среди населения прочих городов, в которых значительная часть населения занята сельским хозяйством, общий расход на продовольствие городов современными исчислениями преуменьшается.

Городское население по переписи 1923 г. характеризуется по СССР (без ЗСФСР) следующими цифрами:

а) всего городского населения	21.890	тыс. чел.
в том числе в губ. городах	9.638	„ „
или	44%	
б) всего мужского самодеятельного населения	6.018	тыс. чел.
в т. ч. заняты сельским хозяйством[1]	756	„ „
или	12,5%	

[1] Население, проживающее в городах и занятое огородничеством в число лиц, занятых сельским хозяйством, нами не включено.

в) то же по типам городов (по РСФСР и УССР):

	Всего самодеятельных мужчин (тыс. чел.)	В том чис. заняты сельск. хозяйством (тыс. чел.)	% занятых сельск. хозяйством
Губернск. гор.	2.803,5	89,5	3,2
Уездные „	2.015,7	385,1	19,1
Проч. город. поселения.	954,6	265,7	27,8
Итого	5.773,8	740,3	12,8

При общем количестве городского населения по СССР для 1925/26 г. в 23 милл. и норме хлебного питания 11,8 п. на человека общий расход городов на продовольствие определяется в 271 милл. п.

Считая, что городские жители, занимающиеся сельским хозяйством, лишь немногим отличаются по размерам потребления хлеба от сельских жителей (возьмем условно понижение на 5%), а жители уездных городов и прочих поселений городского типа имеют норму, среднюю между сельской (14,8 п.) и губернского города (11,8 п.), мы получим, что при таких предположениях расход хлеба на продовольствие городов выразится в следующих количествах:

	Тыс. душ.	Норма	Общ. расход м. п.
Губернские гор.—население не занят. в сел. хоз.	9,8	11,8	108,6
Прочие города „ „ „ „	10,3	13,3	137,0
Все города „ „ „ „	2,9	14,1	40,9
Всего по городам.	23,0	12,4	286,5

Если наш предположительный расчет соответствует действительности, то при распространении нормы, полученной по одним губернским городам, на все городское население, происходит недоучет общего расхода хлеба на продовольствие городского населения в размере (15,5 м. п. от 286,5 м. п.) 5,4% и, следовательно, ныне исчисляемая величина расхода должна быть повышена на 5,7%.

Какую часть своей продовольственной потребности городские производители сельскохозяйственной продукции покрывают за счет последней, не прибегая к приобретениям на рынке, определить статистически не представляется возможным за отсутствием соответствующих материалов, но в порядке экспортной прикидки можно предполагать, исходя из распределения городского населения, занятого сельским хозяйством по отдельным районам СССР, что не менее 3/4 всего потребляемого им хлеба идет за счет собственного производства и лишь 1/4 приобретается на рынке. В таком случае общий расход городского населения на собственное продовольствие распределится так:

За счет приобретений на рынке	255,8 м. п.	или 89,3%
„ „ собственного производства	30,7 „	„ 10,7%
Итого	286,5 м. п.	или 100%

Следовательно, при практикуемом ныне отнесении всей потребности городов к товарной части, последняя преувеличена по сравнению с нашим расчетом (271 м. п. против 255,8 м. п.) на 15,2 м. п. или 5,5%.

Весь приведенный расчет потребностей городского населения (в части продовольственных расходов) исходит из продуктов, фактически потребленных, т.-е. муки и крупы. Для того, чтобы определить действительный расход зерновых продуктов, связанный с удовлетворением продовольственных потребностей городского населения, необходимо к исчи-

сленной выше цифре прибавить потери, связанные с производством муки и крупы и с их транспортированием в города. Для муки такими расходами будут—распыл при перемоле (0,75% от количества переработанного зерна) и потери при транспортировании (0,5%), а для крупы—распыл при переработке (0,75%), потери при транспортировании (0,25%), а также и отход лузги и ракуши (34%), которые для народного хозяйства хотя и не теряются, но к зерновым хлебофуражным продуктам (концентрированным кормам) не принадлежат и будет более правильным исключить их из хлебофуражного баланса и присоединить к мякине. Распределение общей суммы расхода зернопродуктов на продовольствие городского населения между отдельными продуктами можно произвести на основании данных обследований питания городского населения. По исчислению, произведенному проф. А. Е. Лосицким для губернских городов и нашей прикидке для всего городского населения им потребляются следующие зернопродукты:

	Губ. города	Все гор. население
	Проценты	Проценты
Мука пшеничная	53,0	42,6
„ ржаная	35,6	43,5
Крупы	8,6	9,1
Кормовые	2,8	4,8
Итого	100	100

При указанных выше общем количестве потребляемых городским населением хлебопродуктов, их составе и нормах потерь и отхода лузги,—общая сумма последних составит (в милл. пудов):

	Распыл и потери			Лузга		
	Товарн. потр.	Натур. потр.	Итого	Товарн. потр.	Натур. потр.	Итого
Пшеничная мука	1,47	0,13	1,60	—	—	—
Ржаная „	1,11	0,29	1,40	—	—	—
Крупы	0,23	0,04	0,27	11,2	2,4	13,6
Кормовые	0,22	0,03	0,25	—	—	—
Всего	3,03	0,49	3,52	11,2	2,4	13,6

Таким образом, общий расход зернопродуктов городским населением будет равен:

Само потребление	286,5 милл. пуд.,	в т. ч. товарное	245,6
Распыл и потери	3,5 „	„ „ „	3,0
Итого	290,0 „	„ „ „	248,6
Кроме того, отход лузги	13,6 „	„ „ „	11,2

Но приведенные цифры еще не характеризуют того количества зернопродуктов, которое должно быть отчуждено производителями с.-х. продуктов для удовлетворения потребностей городского населения. Чтобы получить количество зернопродуктов, отчуждаемое производителями, к названному выше количеству надо прибавить то количество отрубей, которое получается при перемоле потребляемой городским населением муки. Для пшеничной муки сортового помола отход отрубей составляет 22% от перерабатываемого зерна или 28,7% по отношению к получаемой при помоле муке, но так как в районах сильного распространения посевов пшеницы городским населением употребляется частично пшеничная мука и простого помола, то норма отхода отрубей должна быть нижена, примерно, до 23% потребляемой городским населением пше-

ничной муки в части покупаемой на рынке и до 14,3% в части потребления муки, получаемой из зерна собственного производства. Для ржаной муки отход отрубей по материалам обследований питания проф. А. Е. Лосицким определен в 10% от потребленной муки.

Соответственно этим нормам отход отрубей при указанных выше количествах потребленной муки, а также и общее количество зерна, необходимое для удовлетворения нужд городского населения, определяется следующими цифрами:

	Товарное потребление					Натуральное потребление					
	Потреб. муки или крупы	Распыл и потери	Отруби	Лузга	Итого зерна	Потреб. муки или крупы	Распыл и потери	Отруби	Лузга	Итого зерна	Всего зерна
Мука пшен.	111,6	1,4	25,7	—	138,8	10,5	0,1	1,5	—	12,1	150,9
„ ржан.	101,5	1,5	10,2	—	113,2	23,0	0,3	2,3	—	25,6	138,8
Крупы	21,5	0,2	—	11,2	32,9	4,5	—	—	2,4	6,9	39,8
Кормовые	11,0	0,2	1,1	—	12,3	2,9	—	0,3	—	3,2	15,5
Всего	245,6	3,3	37,0	11,2	297,1	40,9	0,4	4,1	2,4	47,8	345,0

(Продолжение следует)

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 18 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

под ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Кон'юнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

II. Промышленность

1. Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы
2. Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1924/25 и 1925/26 хоз. годах

III. Труд

1. Индекс производительности труда по месяцам за 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг.
2. Заработная плата промышл. рабочих и работников жел.-дор. транспорта в 1925/26 г.

IV. Транспорт

1. Месячные показатели грузооборота, средне-суточной погрузки и валового дохода железных дорог в границах СССР

VI—IX. Финансы, кредит, денежное обращение, индексы цен и цены

1. Сводная таблица за апрель и май 1925/26 г.
2. Покупательная сила червонца в товарных рублях 1925/26 г.
3. Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и оптовый индекс Госплана в 1925/26 г.
4. Заготовительные цены Хлебопродукта в 1924/25 и 1925/26 гг.

A. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

№№ по порядку	Показатели	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 г.	Кварталы 1924/25 г.				Месяцы 1925/26 г.						
					I	II	III	IV	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	I. Хлебные заготовки (средн. за месяц)														
1	Заготовка хлеба	Тысяч тонн	580	560	725	434	204	872	1.125	822	934	830	995	807	595
2	Заготовительная цена ржи	Товарн. коп.	28	48	37	47	68	54	43	44	45	49	—	—	—
3	То же	Червон. коп.	47	86	63	85	132	95	75	78	82	92	103	106	100
	II. Промышленность (средн. за месяц)														
4	Добыча угля	Тысяч тонн	1.315	1.338	1.434	1.432	1.121	1.366	1.915	1.918	2.092	2.026	2.116	2.266,1	2.173
5	Добыча нефти	» »	495	579	551	533	606	616	647	628	645	635	584	644	666
6	Выплавка чугуна	» »	55,0	108,6	79,7	96,8	120,2	137,8	159,2	153,4	171,1	181,2	163,3	189,2	189
7	Прокатка металла . . .	» »	57,5	111,2	105,9	111,6	121,1	126,2	166,8	153,6	165,4	168,0	177,0	194,1	199,0
8	Производ. хлоп.-бум. пряжи	» »	8,5	15,5	13,5	15,0	16,6	17,0	21,4	19,3	20,7	19,5	20,1	19,9	20,9
9	» » » ткани.	Милл. метров	69,6	124,2	111,1	124,0	132,8	128,8	175,5	158,0	170,3	163,2	169,4	174,7	192,0
10	Сумма продукции промышл.	Милл. черв. рубл.	278,6	388,7	350,8	383,5	398,1	418,2	552,4	535,5	583,6	567,1	594,5	(629,6)	(657,5)
11	» » » .	По довоен. ценам { милл. руб.	126,2	202,1	178,6	200,2	209,4	219,8	281,9	271,6	294,9	285,1	297,7	(313,7)	(329,9)
12	Выработка на 1 чел. в день.	по довоен. ценам { в рублях	—	7,39	6,44	7,43	7,97	7,73	7,47	7,64	7,79	—	—	—	—
	III. Труд (средн. за месяц)														
13	Число рабочих цензовой промышленности	Тысячи	1.615	(1.889)	1.794	1.800	(1.896)	(2.068)	(2.238)	(2231,1)	(2385,0)	(2.430)	(2.459)	—	—
14	Средн. дневная зарплата пром. раб. (реальн.) . .	В услов. моск. коп.	91,5	110,0	102,8	103,0	105,7	128,4	124,6	(128,9)	(125,0)	123,7	124,3	—	—
15	Средн. дневная зарплата пром. раб. (номин.) . .	В черв. коп.	155,3	189,9	172,0	180,7	192,0	215,1	217,3	(228,8)	(226,9)	230,2	236,3	—	—
	IV. Транспорт (средн. за месяц)														
	(средн. за месяц)														
19	*Оборот 70 провинц. бирж .*	*Милл. черв. руб.*	*121,9*	*283,5*	*239,4*	*218,9*	*277,1*	*398,6*	*552,1*	*409,1*	*403,1*	*364,5*	*359,3*	*(345,9)*	*(366,4)*
20	Оборот Моск. товар. биржи.	» » »	129,6	249,3	209,7	225,1	218,1	344,0	467,0	399,0	286,4	235,0	237,5	222,1	414,7
21	Реализация по 150 произв. об'ед. ВСНХ	» » »	74,1	122,2	111,7	105,4	111,6	160,2	166,0	125,2	(130,0)	(100,6)	(94,1)	(87,5)	86,0
22	Вывоз из СССР	» » »	—	42,3	39,8	37,2	39,7	52,6	76,5	53,9	42,4	(34,8)	43,2	57,4	—
23	Привоз в СССР	» » »	—	52,8	33,7	44,0	70,5	62,9	73,1	64,9	55,9	60,9	53,6	57,0	—
	VI. Финансы (средн. за месяц)														
24	Поступл. обыкн. доходов .	Милл. черв. руб.	122,6	196,1	203,7	184,6	180,9	215,2	268,4	262,8	294,5	290,2	268,8	—	—
	В т/ч. налогов и пошлин .	» » »	53,9	94,9	113,7	89,8	78,0	97,8	139,9	136,6	146,5	154,0	135,4	—	—
	VII. Кредит														
25	Сумма вклад. и тек. счетов по Госбанку и 4 акционерным банкам на 1 число месяца	Милл. черв. руб.	277	567	415	525	624	693	757	811	778	760	792	784	—
26	Остаток задолж. по учетно-ссудн. операциям на 1 число месяца	» » »	586	1.251	941	1.107	1.322	1.632	1.855	1.979	2.050	2.091	2.126	2.186	—
	VIII. Денежное обращение														
27	Денежная масса на конец месяца	Милл. черв. руб.	406	799	695	731	792	975	1.247	1.287	1.269	1.241	1.246	1.204	1.223
28	Денежная масса на конец месяца	» товар »	238	446	415	403	411	555	711	718	693	653	643	614	621
29	Эмиссия за месяц	» черв. »	49,9	43,3	38,5	7,7	26,8	98,9	104,0	39,8	—17,4	—27,9	4,4	—41,6	18,6
30	» »	» товарн. »	29,4	24,5	24,1	3,8	13,8	56,2	55,2	22,3	—9,6	—14,9	2,3	—21,3	19,4
	IX. Индексы цен (на 1 число мес.)														
31	Оптовые Госплана . . .	1913 = 100	170,2	179,2	167,0	180,7	193,5	176,9	174,2	175,3	179,3	183,3	190,2	193,9	196,2
	а) промышленный . . .	»	215,7	192,4	196,4	191,6	190,1	191,6	194,9	196,4	197,6	198,2	199,6	200,1	201,7
	б) сельскохозяйств. . .	»	134,2	166,9	142,0	170,6	193,9	163,5	155,6	156,3	162,6	169,4	181,3	187,8	190,8
32	Всесоюзный бюджетный .	»	195,7	202,0	195,6	201,1	215,9	194,4	192,3	201,0	205,3	209,9	219,9	224,5	298,8
	а) промышленный . . .	»	253,9	228,3	245,0	228,9	221,9	216,7	225,0	232,3	233,5	233,1	233,2	234,5	242,0
	б) сельскохозяйств. . .	»	163,2	187,5	167,5	187,1	212,2	183,0	174,0	183,4	189,5	196,8	212,5	218,9	221,3

1. Заготовка хлеба показана по 9 планов. организациям, учитыв. Наркомвнуторгом.
2. Источники помещаемых в сводной таблице данных и методологические указания см. в частных таблицах.

Б. ТЕКУЩИЕ ДИНАМИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица № 1

Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы (по данным ЦОС'а ВСНХ)

№№ по пор.	СРОКИ	Сред. мес. число раб. в тыс. чел.		Валовая продукция: В миллионах рублей — По довоен. ценам		В миллионах рублей — По соврем. ценам		В % к началу соот. года — По довоен. ценам		В % к началу соот. года — По соврем. ценам		В % к соот. пер. пред. года — По довоен. ценам		В % к соот. пер. пред. года — По соврем. ценам	
		1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6
	А. За месяц														
1	Октябрь	1.423	1.764	187,7	281,9	372,6	552,4	100	100	100	100	150	150	118	148
2	Ноябрь	1.424	1.823	179,2	271,6	351,6	535,5	94	96	94	97	150	152	125	152
3	Декабрь	1.429	1.866	198,3	294,9	386,0	583,6	106	105	104	106	162	149	138	151
4	Январь	1.444	1.901	206,0	285,1	397,7	567,1	111	101	107	103	159	138	136	143
5	Февраль	1.466	1.925	210,8	297,7	403,4	594,5	112	106	108	108	153	141	130	147
6	Март	1.487	(1.945)	222,6	(313,7)	423,8	(629,6)	119	111	114	114	164	140	146	149
7	Апрель	1.488	(1.939)	216,3	(323,9)	412,4	(657,5)	115	115	111	119	166	150	154	159
8	Май	1.500	—	220,4	—	418,6	—	117	—	112	—	161	—	152	—
9	Июнь	1.550	—	226,5	—	429,7	—	121	—	115	—	170	—	161	—
10	Июль	1.588	—	204,9	—	389,3	—	109	—	104	—	157	—	147	—
11	Август	1.626	—	223,2	—	426,3	—	119	—	114	—	161	—	152	—
12	Сентябрь	1.690	—	264,0	—	511,4	—	141	—	137	—	160	—	155	—
	Б. За квартал														
I	Октябрь—декабрь	1.425	1.818	565,2	848,4	1.110,2	1.671,3	100	100	100	100	154	150	127	151
II	Январь—март	1.466	(1.924)	639,4	(896,5)	1.224,9	(1.791,2)	113	106	110	107	159	159	137	161
III	Апрель—июнь	1.513	—	663,2	—	1.260,7	—	117	—	114	—	166	—	155	—
IV	Июль—сентябрь	1.635	—	692,1	—	1.327,0	—	122	—	120	—	158	—	150	—
	В. За год	1.510	—	2.559,9	—	4.922,3	—	—	—	—	—	160	—	142	—

Крупная госпромышленность учитывается ЦОС'ом ВСНХ и составляет около 80% цензовой промышленности. Валовая продукция оценена по методу целых отраслей (валовой оборот отрасли за вычетом потребленных в ней полуфабрикатов ее производства). Валовая продукция по современным ценам получена переводом из довоенной по средне-мес. пром. индексу Госплана. Цифры за оба года изменены по сравнению с таблицами в предыдущих бюллетенях в связи с пересчетом ЦОС'ом продукции и числа рабочих по сквозному ряду предприятий. Цифры за март и апрель 1926 г. предварительные.

Таблица № 2

Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1924/25 и 1925/26 хоз. годах

№№ по порядку	Срок	Добыча камен. угля и антрацита (в тыс. тонн)		Добыча нефти (в тыс. тон.)		Металлургическое производство						Хлопчатобумажное производство							
						Выпл. чугуна (в тыс. тонн)		Выпл. мартена (в тыс. тонн)		Прокатка металла (в тыс. тонн.)		Хл.-бумажн. пряжа (в тоннах)		Шерстян. пряжа (в тоннах)		Льняная пряжа (в тоннах)		Хл.-бумажн. ткань (в тысяч. метров)	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1921/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	А. За месяц																		
1	Октябрь	1.583,7	1915,4	580,9	647,9	79.955	159.204	131.814	226.670	98.008	166.808	13.577	21.375	2.336	3.038	4.296	5.101	114.083	175.358
2	Ноябрь	1.324,5	1917,5	556,8	628,2	74.233	153.434	121.678	208.265	91.631	153 559	11.812	19.260	2.051	2.719	3.516	4.593	101.532	157.900
3	Декабрь	1.396,9	2092,9	517,2	645,1	89.278	171.110	140.436	216.115	101.065	165.416	13.416	20.699	2.290	3.009	3.824	5.205	120.902	170.204
4	Январь	1.382,1	2026,0	518,6	635,4	91.113	181.241	149.121	233.965	109.022	167.968	14.040	19.480	2.308	2.756	4.015	5.260	122.436	163.160
5	Февраль	1.546,8	2115,6	506,4	583,9	89.025	163.283	141.950	226.685	109.500	177.014	14.277	20.105	2.317	2.868	4.084	5.623	123.664	169.413
6	Март	1.665,8	2266,1	574,0	643,9	106.747	189.194	160.302	263.869	112.225	194.111	14.662	19.910	2.300	2.878	4.170	5.926	127.338	174.737
7	Апрель	1.062,4	2173,0	585,0	666,0	105.079	189.000	148.041	252.000	113.902	199.000	15.275	20.900	2.252	2.878	4.072	6.542	130.985	192.000
8	Май	1.051,8	—	621,5	—	122.752	—	174.290	—	131.355	—	15.339	—	2.255	—	3.920	—	128.825	—
9	Июнь	1.255,1	—	615,2	—	128.305	—	174.960	—	127.780	—	17.040	—	2.327	—	3.912	—	138.790	—
10	Июль	1.275,3	—	615,6	—	123.957	—	157.772	—	113.655	—	12.461	—	1.983	—	3.090	—	100.790	—
11	Август	1.272,7	—	613,4	—	141.477	—	169.771	—	128.705	—	16.511	—	2.362	—	3.867	—	125.303	—
12	Сентябрь	1.566,2	—	656,0	—	146.600	—	198.207	—	153.355	—	20.066	—	2.884	—	4.770	—	164.372	—
	Б. За квартал																		
I	Окт.—сент.	4.305,1	5925,8	1654,9	1920,2	236.456	483.748	393.928	651.050	290.704	485.783	38.805	61.334	6.677	8.766	11.636	14.899	336.517	503.462
II	Янв.—март	4.294,7	6407,7	1599,0	1862,5	286.885	533.718	451.373	724.519	330.747	539.093	42.979	59.495	6.925	8.502	12.269	16.809	373.438	507.310
III	Апр.—июнь	3.369,5	—	1821,7	—	356.136	—	497.291	—	373.037	—	47.654	—	6.834	—	11.904	—	398.600	—
IV	Июль—авг.	4.114,2	—	1885,0	—	412.034	—	525.750	—	395.715	—	49.038	—	7.229	—	11.727	—	390:465	—
	В. За год	16.083,5	—	6960,6	—	1.291.511	—	1.868.342	—	1.390.203	—	178.476	—	27.665	—	47.536	—	1.499.020	—

Данные за апрель 1926 г. предварительные.

Отдел III.

Индекс производительности труда по

(Октябрь

руд

яцам 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг.
22/23 г. = 100)

Таблица № 1

Отрасли промышленности / Годы и месяцы	А. Добывающая					Б. Обрабатывающая																							
	Выработка на 1 чел.-день				Индекс производительности труда по все добывающей	Выработка на 1 чел.-день		Индекс производительности труда по силикатн. промышл.	Выработка на 1 чел.-день				Индекс производительности труда по текст. промышлен.	Выработка на 1 чел.-день			Индекс произв. труда по химич. промышлен.	Выработка на 1 человекодень			Индекс произв. труда по пищевой промышлен.	Выработка на 1 человекодень			Индекс произв. труда по обрабатывающей промышлен.	Индекс произв. труда по всей промышленности
	Каменноугольная	Нефтедобывающая	Рудная	Соляная		Силикатн. Цементная	Силикатн. Стекольная		Металлическая	Электротехническая	Текстильн. Шерстяная	Текстильн. Льняная и хлопч.-бумажная		Химическая Основная	Химическая Резиновая	Химическая Спичечная		Пищевая Табачная	Пищевая Махорочная	Пищевая Маслобойная		Деревообрабатыв.	Бумажная	Нефтеобрабатыв.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Кожевенная 15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
1922/23 г.																											
Октябрь . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Ноябрь . . .	116,4	96,3	108,7	84,6	111,0	91,9	100,9	107,0	100,9	101,7	96,9	98,7	98,4	98,1	127,9	106,5	101,5	111,2	93,4	90,9	91,0	92,0	92,0	91,1	106,2	99,5	101,7
Декабрь . . .	125,9	89,0	108,7	86,0	116,1	98,4	104,7	103,5	110,5	117,5	100,0	98,4	99,2	99,2	135,7	119,9	109,6	121,1	106,4	108,7	98,7	104,7	113,3	103,2	108,8	104,8	107,0
Январь . . .	115,5	85,1	115,2	56,6	107,4	112,4	114,8	114,3	120,6	88,5	98,1	99,4	104,7	99,2	134,6	88,9	108,0	106,7	103,9	100,6	88,1	99,1	129,2	102,8	106,5	108,0	107,9
Февраль . . .	127,6	76,2	118,5	58,8	113,6	147,8	106,3	113,2	121,9	77,1	107,9	104,2	107,7	103,7	131,3	106,5	105,9	113,7	114,4	101,0	98,4	108,0	131,6	110,3	93,3	111,5	111,9
Март	130,2	81,5	128,3	55,7	117,4	160,2	123,4	129,7	126,8	84,2	107,7	107,7	99,5	112,9	146,4	98,1	109,6	115,8	101,8	103,3	100,6	101,7	133,5	112,1	89,3	115,5	115,9
Апрель . . .	106,9	85,2	133,7	81,9	104,0	173,1	110,9	120,7	134,6	94,3	96,4	100,0	104,6	116,4	148,2	89,3	103,7	110,5	96,5	102,7	86,8	94,8	117,3	107,1	77,2	112,5	110,8
Май	120,7	74,7	138,0	63,3	110,6	175,3	133,6	140,7	135,1	91,3	111,5	103,5	108,2	124,0	151,3	90,3	105,2	112,1	105,2	105,0	98,7	103,5	133,3	112,4	68,7	117,1	115,8
Июнь	120,7	71,5	139,1	124,0	112,2	184,9	132,0	140,8	142,1	82,4	111,1	107,7	104,3	119,4	163,5	74,8	100,7	106,3	106,1	92,5	95,1	101,0	112,3	115,2	77,5	119,3	117,9
Июль	112,1	71,4	144,6	132,1	106,8	205,9	121,1	134,0	132,9	97,0	101,4	104,8	108,5	128,7	173,2	88,8	105,2	116,6	110,6	105,2	88,9	103,8	127,2	116,7	81,8	116,5	114,5
Август . . .	115,5	74,0	135,9	194,1	110,5	182,3	101,6	113,6	146,9	81,9	105,8	109,0	104,9	118,0	181,8	77,5	111,1	115,0	103,9	105,8	83,4	98,5	119,3	117,4	86,4	120,5	118,5
Сентябрь . .	125,9	71,5	147,8	200,0	117,9	171,5	115,6	124,6	166,2	78,6	103,1	105,2	103,2	120,8	189,8	64,2	111,1	109,3	110,6	103,9	76,6	99,7	133,5	122,3	83,9	124,8	123,4
В средн. за год	119,0	80,0	128,3	112,7	110,6	160,2	115,6	120,2	128,5	90,4	103,4	103,2		111,1	149,2	93,4	105,9	111,5	103,9	101,7	93,5	100,6	120,0	109,9	88,6	112,5	112,1
1923/24 г.																											
Октябрь . . .	147,4	65,4	166,3	106,3	129,2	162,9	114,8	122,7	142,5	83,0	114,7	105,2	106,5	112,7	198,2	73,0	128,1	121,5	103,7	87,2	101,0	100,3	128,7	120,6	45,7	118,9	120,9
Ноябрь . . .	159,5	65,6	196,7	82,4	137,7	162,9	110,9	119,3	142,1	80,2	115,9	104,5	106,1	114,2	196,4	75,2	130,4	123,1	85,5	80,7	101,7	88,6	119,0	118,8	52,9	117,7	121,4
Декабрь . . .	156,9	65,5	179,3	92,8	135,5	170,4	113,3	122,5	145,6	82,9	116,6	104,5	110,9	111,9	185,2	77,1	130,4	121,8	89,7	91,3	105,7	93,8	138,8	117,0	81,0	120,1	123,0
Январь . . .	162,9	70,9	194,6	123,1	143,2	158,0	115,6	122,7	132,5	77,3	120,2	109,4	114,9	115,1	174,0	62,3	133,3	111,7	88,5	92,5	112,0	94,6	140,7	117,4	111,8	118,5	123,1
Февраль . . .	169,0	68,8	197,8	114,5	146,2	175,3	126,6	134,7	144,7	74,9	126,0	113,2	112,3	113,3	164,8	82,4	135,6	121,6	97,6	105,8	120,7	104,3	145,3	124,8	115,2	125,4	129,3
Март	159,5	72,8	196,7	142,1	142,3	183,9	117,2	127,7	152,6	86,7	120,4	111,0	120,6	119,3	187,0	81,4	134,8	125,9	91,7	107,0	108,6	98,0	147,5	128,0	122,0	126,9	129,8
Апрель	146,6	67,8	213,0	159,3	133,7	202,7	128,1	139,8	162,3	78,5	128,4	119,4	120,5	124,5	182,8	78,2	141,5	125,2	95,0	115,3	125,7	105,1	146,0	141,5	108,9	134,4	134,2
Май	150,9	69,2	246,7	141,6	138,1	224,7	125,0	137,0	171,9	84,4	125,7	119,7	122,9	125,6	195,3	84,5	143,7	132,1	101,4	123,0	133,9	112,1	140,2	156,0	106,5	137,6	137,7
Июнь	156,0	73,4	253,3	163,3	143,8	215,6	115,6	130,2	175,4	78,6	135,1	121,0	124,9	124,2	199,5	102,1	144,4	142,2	127,3	149,1	131,0	131,3	133,0	159,2	106,9	139,9	140,7
Июль	160,3	84,5	252,2	181,4	150,5	224,7	121,1	136,5	161,4	88,8	135,8	123,2	123,3	129,1	215,6	103,7	148,1	147,8	132,2	134,0	113,1	127,3	144,3	170,2	115,0	138,7	141,0
Август . . .	154,3	83,9	257,6	248,5	147,8	259,1	119,5	138,5	161,0	91,8	129,8	122,3	128,6	133,3	224,2	92,1	168,1	149,9	121,3	129,0	91,7	114,0	138,6	158,5	118,6	137,0	139,1
Сентябрь . .	166,4	82,5	279,3	299,5	157,6	261,8	118,8	138,1	177,6	95,0	141,8	126,5	116,5	132,7	214,8	89,9	171,1	147,4	133,4	132,3	96,3	122,6	146,3	163,1	114,9	145,2	147,6
В средн. за год	157,8	72,4	220,7	171,4	142,1	201,1	118,8	130,8	155,7	83,9	125,7	115,2		120,3	193,8	82,2	139,3	130,8	106,2	113,0	113,8	107,7	139,3	139,7	100,1	130,0	132,3
1924/25 г.																											
Октябрь . . .	191,4	78,8	287,0	193,2	171,3	247,8	137,5	153,8	184,6	80,8	139,4	128,1	129,6	139,2	215,1	105,2	172,6	156,0	142,1	134,4	146,3	142,0	144,8	187,9	123,3	148,2	152,6
Ноябрь . . .	192,2	77,0	272,8	146,2	169,1	240,9	142,2	157,2	202,2	103,4	147,8	130,0	132,4	141,9	226,0	113,0	174,1	163,1	148,7	130,4	149,1	145,9	138,1	195,4	133,3	155,4	158,1
Декабрь . . .	205,2	73,7	260,9	170,6	176,3	240,3	140,6	155,7	204,4	110,2	154,6	131,6	134,6	143,0	239,1	117,6	181,5	170,8	152,0	134,0	157,7	150,5	179,0	207,1	118,5	160,2	163,3
Январь . . .	212,9	78,7	272,8	151,6	183,0	260,2	145,3	162,4	222,8	107,3	159,4	136,5	139,5	142,7	242,4	123,1	186,7	175,9	152,5	138,5	157,9	151,6	186,7	227,3	116,9	168,5	171,3
Февраль . . .	228,4	79,6	292,4	153,4	194,1	281,7	144,5	164,1	237,7	123,6	166,6	144,8	147,7	148,4	239,3	132,7	194,8	182,3	163,5	131,7	159,8	157,3	190,6	238,3	132,8	178,7	181,7
Март	229,3	86,1	306,5	157,9	198,1	299,5	150,8	171,9	249,6	125,1	166,8	145,2	148,1	145,1	256,8	132,9	194,8	186,6	170,6	154,7	154,4	163,9	185,1	240,1	134,9	182,7	185,7
Апрель . . .	200,0	90,1	325,0	173,3	182,0	340,3	150,0	175,4	240,8	118,5	166,3	148,1	150,5	153,7	262,2	136,5	191,9	188,7	173,8	152,8	160,2	166,9	168,2	219,1	142,6	181,1	181,3
Май	193,1	99,6	330,4	194,6	181,2	339,8	148,4	173,8	260,5	137,5	176,4	151,0	154,9	156,5	246,6	133,1	188,1	188,3	177,3	166,9	169,0	173,5	138,3	242,9	154,3	187,6	186,2
Июнь	214,7	101,0	333,7	205,9	196,6	343,5	132,0	158,4	261,8	124,1	181,5	154,2	157,8	152,1	260,4	119,5	206,7	184,4	189,1	167,7	143,8	173,1	176,6	231,2	143,7	190,5	191,7
Июль	206,0	96,7	377,2	229,9	192,0	310,2	128,9	152,4	239,5	123,5	172,8	140,3	144,6	156,9	265,9	122,9	197,8	180,2	162,3	162,3	136,7	155,3	166,7	250,4	137,3	177,1	179,9
Август . . .	212,1	95,7	400,0	242,1	197,1	326,9	128,1	153,2	240,4	123,2	191,8	145,8	151,6	150,3	260,4	115,2	188,1	176,4	188,5	153,0	112,0	159,8	168,4	265,6	128,8	180,7	183,8
Сентябрь . .	222,4	106,0	430,4	272,9	209,3	326,3	132,8	154,7	263,2	150,2	197,8	153,9	159,5	159,0	265,9	125,0	211,1	189,8	190,2	184,9	102,0	161,4	169,4	255,7	132,7	191,6	194,9
В средн. за год	208,6	88,1	332,6	201,4	187,5	302,2	139,8	161,0	235,1	119,7	168,0	142,9	145,8	150,7	248,7	123,6	191,1	178,6	167,4	151,1	152,6	158,4	168,0	230,1	133,1	175,2	177,5
1925/26 г.																											
Октябрь . . .	236,2	95,2	384,8	221,7	211,7	342,5	145,3	171,1	232,0	122,5	192,5	151,3	156,5	159,5	227,6	136,0	194,1	180,7	190,2	160,5	129,8	168,1	152,5	246,1	113,3	180,4	186,3
Ноябрь . . .	246,6	100,1	371,7	166,5	217,7	273,1	143,0	161,7	244,7	125,8	192,5	152,3	157,4	161,6	242,2	123,7	197,8	179,6	197,8	161,3	149,2	178,4	163,9	228,0	137,4	184,6	190,8
Декабрь . . .	245,7	99,1	328,3	162,9	214,4	272,6	136,7	155,9	255,7	123,2	196,9	153,2	159,7	158,6	248,2	131,4	210,4	188,6	191,9	180,1	151,5	178,9	171,3	233,7	149,7	188,5	193,4
Средн. арифм. за 36 месяц. чис. раб. в т.	162,7	35,8	18,4	6,7	223,7*	6,6	28,0	34,6*	299,9*	16,5	54,8	333,2	388,0	30,3	11,5	12,3	11,8	35,6*	14,1	3,6	6,1	23,8*	42,1	23,2	5,9	899,9*	1.123,6*

ПРИМЕЧАНИЯ: 1) Индексы производительности труда исчислены, как ср. геометрическая из отн. по средне-арифметич. за 36 мес. (1922/23 г.—1924 и 1925 гг.) числу рабочих по каждой отрасли промышленности показателей работы государственной промышленности» за 1924/25 и 1925/26 гг. ЦОС'а ВСНХ. 3) Число раб. 1924/25 — 88,0% всего числа рабочих, учитываемых ЦОС'ом ВСНХ. Это число рабочих: для 1922/23 г. равно довоенным ценам по ранее принятому ЦОС'ом методу) для тех же лет соответственно составляет 89,2; 8 Эта сумма для 1922/23 г. равна 1.149.706 т. руб., 1923/24 г.—1.479.918 т. руб., 1924/25 г. 1.471.739 т. руб. данн

* Сумма числа рабочих по данной группе.

ьных валовой выработки на человекодень в рубл. по довоенным ценам в % к октябрю 1922/23 г. и взвешены
2) Таблица составлена по данным II тома «Промышленность СССР в 1923/24 г.» и по данным «Динамических
средне-месячное) по приведенным 20 отраслям промышленности составляет для 1922/23—92,0%, 1923/24—92,1%,
т. чел., 1923/24 г. 1.196,2 т. чел., 1924/25 г. равно 1.471,1 т. чел. Валовая продукция (в тыс. руб. по
% суммы валовой продукции по всем непрерывным производствам, учтенным ЦОС'ом за упомянутые годы.
923/24 и 1924/25 г.г. взяты по кругу, сопоставимому с 1922/23 г.)

Таблица № 2

Заработная плата промышленных рабочих и работников жел.-дорожного транспорта в 1925/26 г.

Производственные группы и службы	В червонных рублях и коп.					В условных московск. руб. и коп.				
	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Рабочие крупной промышленности										
А. Месячная в рублях										
По металлообраб.	60,74	57,53	60,37	58,64	59,58	35,23	32,64	33,70	31,92	31,68
» текстильной	46,29	41,79	43,79	41,56	43,09	25,63	22,81	23,36	21,43	21,77
» горной . . .	51,62	48,94	50,59	49,11	—	30,77	28,79	28,37	27,61	—
» химической .	53,22	50,28	52,66	50,25	51,09	30,74	28,47	29,44	27,18	26,99
» кожевенной .	68,10	62,67	64,12	65,26	66,83	39,78	35,58	35,64	35,28	35,36
» полиграфическ.	78,94	75,70	78,66	74,95	74,21	41,32	38,35	39,72	37,40	35,50
» пищевкусовой.	63,99	62,67	67,34	60,98	62,68	34,68	32,81	35,24	31,25	30,77
» писчебумажи.	50,86	47,78	50,13	47,81	47,52	31,36	29,70	29,91	27,28	26,79
» деревообделоч.	57,80	52,92	51,56	49,38	—	33,14	30,25	29,17	27,26	—
» всей промышленности .	53,75	50,29	52,38	50,37	51,45	30,83	28,31	28,84	27,05	27,06
Б. Дневная в коп.										
По металлообраб.	247,1	261,4	261,4	265,4	274,7	143,3	148,3	145,9	144,4	146,1
» текстильной .	186,6	192,9	192,1	192,8	198,0	103,3	105,2	102,5	99,4	100,0
» горной	209,7	219,3	214,8	218,2	—	125,6	129,9	121,4	123,8	—
» химической	214,3	229,4	226,6	233,9	235,7	123,7	129,9	126,7	126,5	124,5
» кожевенной .	276,8	289,0	282,3	303,8	309,6	161,6	164,0	156,9	164,2	163,6
» полиграфическ.	315,4	344,2	336,6	339,3	333,8	165,2	174,4	170,0	169,4	159,7
» пищевкусовой.	260,7	289,4	288,3	286,7	291,1	140,2	151,0	152,1	146,9	142,9
» писчебумажн. .	205,2	208,4	213,1	213,2	216,1	126,4	129,5	127,1	121,6	121,8
» деревообделоч.	225,9	235,7	219,7	226,7	—	129,7	134,6	124,4	125,1	—
» всей промышленности .	217,3	228,8	226,9	230,2	236,3	124,6	128,9	125,0	123,7	124,3
II. Работники жел.-дор. транспорта										
Месячная в руб.										
Управление . . .	81,75	86,42	90,01	87,34	86,80	48,56	49,62	51,25	48,06	47,03
Тяга	70,79	69,99	70,44	70,68	70,97	44,24	42,55	42,28	40,89	40,44
Путь	43,14	42,26	43,16	43,13	43,77	27,40	26,16	26,38	25,38	25,42
Движение	49,79	51,64	51,17	52,27	51,24	31,10	31,43	30,82	30,29	29,29
Связь	53,59	54,47	54,66	54,87	54,95	33,51	33,14	32,91	31,81	31,42
По всем службам	58,16	58,46	59,10	59,29	59,28	36,33	35,52	36,48	34,30	33,81

Примечания: 1) Таблица составлена по данным Центрального Бюро Статистики Труда и ЦСК НКПС. Данные по заработной плате рабочих охватывают крупную промышленность (предприятия с числом рабочих в 250 человек и выше).
2) Условный московский рубль равен 0,1 стоимости бюджетного набора, по которому исчисляется бюджетный индекс Статистики Труда и Госплана.
3) Заработная плата полиграфической и пищевкусовой промышленности относится, преимущественно, к рабочим столиц.
4) Пищевая промышленность представлена производствами—табачным, кондитерским и пивоваренным.
5) Данные за февраль предварительные.

Таблица № 1

Месячные показатели грузооборота, средне-суточной погрузки и валового дохода железных дорог в границах СССР

Периоды наблюдения	Перевозка всех грузов в коммерческом движении	Общий пробег всех грузов	Средне-суточная погрузка	Перевозка чисто-коммерческих грузов	Пробег чисто-коммерческих грузов	Перевезено отдельных чисто-коммерческих грузов						Валовой доход
						Хлеб	Каменный уголь	Нефть	Дрова	Лесоматериалы	Прочие	
	Тыс. тонн	Милл. т.-клм.	Тыс. вагон.	Тыс. тонн	Милл. т.-клм.	В тысячах тонн						Тыс. черв. рубл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1924/25 год												
Октябрь—декабрь	6.601	3.670	16.339	5.192	3.185	841	852	230	601	329	2.334	72.332
Январь—март	6.332	3.868	16.408	4.687	3.309	903	605	254	600	399	1.924	72.834
Апрель—июнь	6.615	3.824	16.636	4.981	3.231	792	601	334	290	606	2.329	78.719
Июль—сентябрь	8.149	4.453	20.209	6.123	3.680	987	959	318	878	641	2.838	91.613
В среднем за 1924/25 г.	6.924	3.951	17.298	5.239	3.351	881	754	284	467	494	2.392	78.931
1925/26 г.												
Октябрь	9.971	5 215	25.114	8.227	4.512	1.311	1.187	297	551	562	4.319	101 524
Ноябрь	9.687	5.284	23.867	8.071	4.622	1.326	1.099	316	646	467	4.217	101.009
Декабрь	9.269	5.676	23.172	7.991	4.961	1.388	1.183	328	828	430	3.834	112.387
Январь	(9.053)	(5.788)	22.526	—	—	—	—	—	—	—	—	107.491
Февраль	(8.657)	(5.417)	23.818	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Март	(9.877)	—	24.594	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрель	(9.631)	(6.130)	24.624	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечания: 1) Данные «Ежемесяч. Бюлл. Трансп. Стат. ЦСК».
2) Данные в скобках предварительные.

Отдел VI—IX. ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ИНДЕКСЫ ЦЕН И ЦЕНЫ

Таблица № 1

Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за апрель и май 1925/26 г.
(в милл. черв. руб.)

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	Апрель	В % к одноименному сроку 1925 г. Апрель
1	2	3
I. Финансы		
Обыкновенные доходы	317,9	158,0
В том числе:		
1) Прямые налоги	40,1	141,2
2) Косвенные налоги	81,1	154,8
3) Пошлины	12,8	124,3
4) Неналоговые доходы	183,9	166,9
В том числе по п. 4		
НКПС	118,3	147,9
НКПиТ	12,3	155,7
II. Кредит		
Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акцион. банкам на конец месяца	851	
Остаток задолженности по учетно-ссудн. операциям по Госбанку и 4 акцион. банкам на конец месяца	2.260	
III. Денежное обращение		
Денежная масса на конец месяца . . . . . черв. руб.	1.222,3	157
» » » » » . . . . . тов. руб.	621,3	157
Эмиссия за месяц . . . . . черв. руб.	+ 18,6	130
» » » . . . . . тов. руб.	+ 9,4	117

Примечания: 1) Данные предварительные.
2) Пересчет в товарные рубли сделан по оптовому индексу Госплана.
3) С 1 мая 1926 г. в сумму вкладов и тек. счетов включены приписные кассы НКФ и особые средства Моссовета по Мосгорбанку и в сумму учетно-ссудных операций—учет тратт по Госбанку.

Таблица № 2

Покупательная сила червонца в товарных рублях в 1925/26 г.

ДАТА	В рублях			В % к одноименн. сроку 1924/25 г.		
	По бюдж. индексу		По оптов. индексу Госплана	По бюдж. индексу		По оптов. индексу Госплана
	Московскому	Всесоюзному		Московскому	Всесоюзному	
1	2	3	4	5	6	7
А. На отдельные числа мес.						
1 мая	4,12	4,19	5,08	85,1	91,7	99,8
11 »	—	—	5,10	—	—	99,6
15 »	4,22	4,21	—	82,9	91,5	—
21 »	—	—	5,17	—	—	100,0
1 июня	4,42	—	5,28	88,6	—	102,5
Б. В среднем за месяц						
Апрель	4,36	4,30	5,07	89,9	93,5	99,4
Май	—	—	—	—	—	—
В. В среднем за квартал						
Октябрь—декабрь 1925 г.	5,00	4,95	5,61	98,0	96,7	93,6
Январь—март 1926 г.	4,69	4,51	5,23	91,1	91,1	94,6

Таблица № 3

Всесоюзный бюджетн. индекс Статистики Труда и оптовый индекс Госплана в 1925/26 г. (1913 г. = 100)

Месяцы и даты	Общий индекс		Сельскохозяйствен. индекс		Промышл. индекс		Отношение к общему индексу				Отношение промышленного индекса к сельскохозяйств. индексу («ножницы»)	
							Сельскохоз. индекса		Промышлен. индекса			
	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. На отдельн. числа мес.												
1 мая	238,5	196,8	233,8	190,4	246,8	203,3	98	97	103	103	106	107
11 »	—	195,9	—	188,4	—	203,5	—	96	—	104	—	108
15 »	237,5	—	231,5	—	248,1	—	97	—	104	—	107	—
21 »	—	193,3	—	183,2	—	203,7	—	95	—	105	—	111
1 июня	—	189,3	—	175,9	—	203,5	—	93	—	107	—	116
Б. В среднем за месяц												
Апрель	232,5	197,1	225,9	191,3	244,1	203,0	97	97	105	103	108	106
Май	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В. В среднем за квартал												
Октябрь—декабрь .	202,1	178,2	185,8	161,1	231,4	197,0	92	90	114	111	125	122
Январь—март . . .	221,9	191,7	214,7	183,9	234,8	199,8	97	96	106	104	109	109

Таблица № 4

Заготовительные цены Хлебопродукта 1924/25 и 1925/26 г.г.

(За пуд)

№№ по порядку	Месяцы	В червонных копейках								В товарных копейках							
		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	В среднем за месяц																
1	Июль	78	111	112	129	94	118	69	72	45,0	60,4	64,6	70,2	54,2	64,2	39,8	39,2
2	Август	90	93	119	125	97	77	69	77	51,1	53,8	67,7	72,3	55,1	44,5	39,2	44,5
3	Сентябрь	65	87	98	131	70	78	62	76	38,8	50,0	58,6	75,3	41,8	44,8	37,1	43,7
4	Октябрь	53	77	89	119	52	70	60	62	32,3	43,9	54,2	67,9	31,7	39,9	36,5	35,4
5	Ноябрь	56	79	90	123	53	72	66	60	33,7	44,4	54,2	69,2	31,9	40,5	39,8	33,7
6	Декабрь	58	83	92	122	62	75	81	65	33,9	45,7	53,8	67,1	36,3	41,3	47,4	35,8
7	Январь	64	92	110	126	68	94	97	67	36,8	49,1	63,3	67,2	39,1	50,1	55,8	35,7
8	Февраль	78	103	133	131	89	104	117	68	43,4	53,5	94,0	68,1	49,4	54,1	65,1	35,4
9	Март	108	106	161	130	117	106	126	71	57,3	54,3	85,5	66,6	62,1	54,3	66,9	36,4
10	Апрель	134	100	185	127	131	91	140	64	68,4	50,7	91,4	64,4	66,8	46,2	71,4	32,5
11	Май	139	—	182	—	143	—	136	—	71,6	—	93,7	—	73,6	—	70,0	—
12	Июнь	126	—	165	—	112	—	124	—	66,2	—	86,7	—	58,8	—	65,1	—
	В среднем за год	84	—	118	—	83	—	85	—	48,2	—	66,3	—	50,1	—	47,7	—

Примечания: 1) Цены средние для районов заготовок Хлебопродукта и взвешены по сумме заготовок этих районов.
2) Пересчет в товарные копейки сделан по оптовому индексу Госплана.
3) Цифры за некоторые месяцы 1924/25 и 1925/26 изменены вследствие получения окончательных данных.

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВ

Бюллетень Сектора Мирового Хозяйства

Бюро Кон'юнктурного Совета Госплана

под редакцией С. А. Фалькнера

№ 5 (15) Июнь 1926 г.

Содержание бюллетеня № 5 (15)

А. Кон'юнктура мирового хозяйства

(Сводная таблица показателей)

Б. Диаграммы

Потребление и накопление в Соединенных Штатах в 1922—1925 гг.

Потребление и накопление в Англии в 1922—1925 гг.

Потребление и накопление во Франции в 1922—1925 гг.

Потребление и накопление в Италии в 1922—1925 гг.

Потребление и накопление в Германии в 1922—1925 гг.

Потребление и накопление в Японии в 1922—1925 гг.

В. Динамика отдельных отраслей

I. Сельское хозяйство

1. Посевные площади и оценка урожая хлебов на 1926 г.

II. Товарообмен

2. Движение индексов оптовых цен по 27 странам в 1919—1926 гг.

III. Денежное обращение и кредит

3. Запасы золота эмиссионных банков 41 страны за 1913—1925 гг.

Сводная таблица Сектора Мирового Хозяйства

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 год		1925 год							1926 год			
		Месячные средние				Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I. Промышленность	а) Соед. Штаты [1]																	
1. Общий об'ем продукции крупной промышленности (Индексы %% к 1913 г.)	а) добывающ.	100	103,0	142,0	133,3	126,8	142,0	142,0	147,2	153,9	135,5	143,1	134,4	132,2	131,2	122,5	140,9	—
	b) обрабатыв.	100	119,7	141,0	133,9	154,0	151,7	150,5	152,9	143,4	144,6	161,2	145,8	144,6	144,6	142,2	160,0	—
	б) Англия [2] по 7 отр.	100	80,9	88,8	90,9	87,0	87,0	87,0	81,2	81,2	81,2	88,8	88,8	88,8	90,8	90,8	90,8	—
	» 11 »	100	82,5	85,9	90,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	в) Франция [3]	100	—	96,4	112,3	109,8	108,5	109,8	112,3	112,5	123,0	132,8	116,4	119,1	131,6	129,5	—	—
	г) СССР [4] . . .	100	—	35,0	48,7	71,6	73,0	75,0	67,8	73,9	87,4	93,3	89,9	97,6	94,4	98,6	103,9	—
2. Добыча угля (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	43.088	36.057	49.376	43.213	37.154	39.346	40.590	43.431	48.542	42.851	48.326	46.204	48.153	48.716	44.143	49.829	43.963
	б) Англия . .	24.336	21.133	23.450	22.646	20.415	20.735	17.864	21.551	16.726	19.010	21.231	20.690	22.882	21.939	21.657	24.235	22.200
	в) Франция [5] .	3.654	2.595	3.140	3.675	3.835	3.754	3.799	3.851	3.791	3.967	4.186	4.079	4.085	4.251	4.088	4.566	—
	г) Германия [6] .	11.782	9.929	5.185	9.902	10.362	10.437	9.891	11.240	11.061	11.355	11.950	11.189	11.367	11.190	10.611	11.424	10.086
	д) СССР . . .	2.642	865	1.075	1.259	1.063	1.052	1.255	1.275	1.273	1.566	1.915	1.917	2.092	2.026	2.116	2.266	2.173
	е) Мировой показатель [7]	95.058	78.240	91.730	90.178	82.718	84.877	82.420	90.177	90.581	88.145	98.231	94.007	98.911	98.182	92.406	102.796	—
3. Добыча нефти (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.880	6 462	8.489	8.275	8.544	9.469	9.273	9.363	9.303	9.000	8.950	8.548	8.476	8.297	7.589	8.413	—
	б) СССР . . .	715	399	435	516	585	622	615	616	613	656	646	628	645	635	583	644	666
4. Выплавка чугуна (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.601	2.276	3.391	2.632	3.311	2.978	2.716	2.707	2.747	2.770	3.071	3.071	3.302	3.369	2.970	3.497	3.505
	б) Англия . . .	869	415	630	620	579	584	518	501	452	456	481	502	511	542	510	578	530
	в) Франция [5] .	757	440	453	638	686	706	703	724	713	717	739	740	748	763	707	772	768
	г) Германия [6] .	910	783	411	651	896	961	941	886	766	735	742	760	717	689	631	716	668
	д) СССР . . .	351	17,0	32,5	62,2	105,1	122,8	128,5	124,0	141,5	146,6	159,2	153,4	171,1	181,2	163,3	189,2	189,0
	е) Мировой показатель [8]	6.160	4.328	5.383	5.141	6.162	5.957	5.522	5.399	5.274	5.280	5.703	5.724	5.932	6.005	5.479	6.364	—
5. Выплавка стали (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.564	2.927	3.682	3.117	3.645	3.514	3.259	3 137	3.479	3.549	3.955	3.970	4.040	4.220	3.856	4.560	4.190
	б) Англия . . .	649	494	718	696	607	662	595	600	485	650	663	664	617	646	715	797	675
	в) Франция [5] .	581	373	415	576	587	596	600	625	617	632	668	647	659	661	630	726	683
	г) Германия [6] .	981	976	525	820	1.064	1.115	1.109	1.031	899,5	880	928	876	764	791	816	950	869
	д) СССР . . .	354	29,8	61,7	95,0	128,0	174,3	175,0	157,8	169,8	198,2	226,7	208,3	216,1	234,0	226,7	263,9	252,0
	е) Мировой показатель [9]	5.797	5.284	5.982	5.952	7.796	6.841	6.406	6.167	6.248	6.541	7.156	6.979	6.925	7.125	6.858	8.043	—
6. Хлопчатобумажная промышленность	а) Соед. Штаты (потреб. хлопка в тыс. кип) . .	465	507	543	459	597	532	494	484	449	483	544	543	575	583	567	635	576
	б) Франция [10] . выраб. хл.-бум. пряжи в тыс. м. т.	—	17,14	17,49	17,37	18,11	17,19	17,75	17,47	18,13	18,53	19,08	18,06	19,27	—	—	—	—
	в) СССР	25,30	4,86	6,45	9,78	15,95	16,00	17,77	12,87	17,20	20,90	22,10	19,94	21,43	20,19	20,80	19,82	—
	г) Англия [11] . . . (эксп. хл.-бум. тканей в миллион. кв. м)	—	291,8	288,5	309,7	278,4	310,2	282,6	310,2	287,6	301,0	306,8	272,6	319,4	297,7	306,0	336,9	236

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 год		1925 год							1926 год			
		Месячные средние				Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
7. Судостроение[13] Строящийся тоннаж (в тыс. брутто тонн)	а) Соед. Штаты	148	139	42	42	—	—	68	—	—	70	—	—	89	—	—	—	—
	б) Англия . . .	1.957	1.469	1.395	1.297	—	—	1.094	—	—	1.009	—	—	885	—	—	843	—
	в) Франция . .	229	189	111	197	—	—	169	—	—	150	—	—	167	—	—	156	—
	г) Германия . .	545	416	324	355	—	—	407	—	—	307	—	—	234	—	—	—	—
	д) Мировой показатель[12]	3.179	—	2.580[13]	2 546[13]	—	—	2.370	—	—	2.027	—	—	2 070	—	—	—	—
II. Товарообмен 1. Движение оптовых цен (в золотом исчислении) индексы: 1913 г. = 100[14]	а) Соед. Штаты (Bradstreet) . . .	100	132	145	140	145	148	150	155	153	154	155	156	152	149	145	142	140
	б) Англия (Economist)	100	146	152	158	167	165	162	165	165	164	160	160	158	156	154	152	150
	в) Франция (Statistique gén.) . .	100	139	130	135	138	135	129	136	136	136	125	122	120	124	121	114	111
	г) Германия (Stat. Reichsamt)) . . .	100	82[15]	95[15]	123	131	132	134	135	132	126	124	121	121,5	120	118	118	123
	д) СССР (Госплан)	100	—	135	174	197	191	190	175	173	174	175	179	183	190	194	196	197
2. Движение стоимости жизни Официальные индексы: 1913 г. или 1914 г. = = 100	а) Соед. Шт.[16]	100	169	171	171	173	173	173,5	—	—	—	—	—	178	—	—	—	—
	б) Англия[16] . .	100	181	174	175	173	172	173	173	174	176	176	177	175	173	172	168	167
	в) Франция[17] .	100	297	327	364	—	390	—	—	401	—	—	421	—	—	451	—	—
	г) Германия[18] .	100	42[15]	59[15]	115	137[20]	136	138	143	145	145	144	141	141	140	139	138	140
	д) СССР[19] . .	100	—	149	201	219	214	211	194	187	192	201	205	210	220	225	229	—
3. Внешняя торговля (ценность в милл. зол. ден. единиц) а) Привоз (только для потребления внутри страны)	а) Соед. Штаты (доллары) . . .	146,4	253,9	309,6	292,1	339,4	319,3	317,3	317,6	332,9	342,3	366,4	369,1	388,8	407,7	381,4	433,6	398,0
	б) Англия (фунт. стерл.)	54,9	68,3	76,6	86,1	96,4	89,5	100,3	87,3	78,1	87,0	95,5	101,2	119,6	105,9	83,6	94,8	91,2
	в) Франция (фр.)	701,8	835,1	848,6	903,9	820,2	795,9	738,6	738,1	802,3	1.052,9	1.026,7	941,2	1.055,5	875,6	1.000,0	948,3	884,5
	г) Германия (марки)	897,5	516,7	512,0	759,1	1.006,9	993,3	1.007,2	1.154,1	1.178,5	1.054,5	1.074,1	855,4	757,6	707,5	661,7	645,3	723,1
	д) СССР (руб.)[21]	101,7	22,5	12,0	18,2	36,1	47,9	34,9	36,5	27,0	43,2	48,5	38,7	31,7	36,5	32,8	37,0	—
б) Вывоз (только товаров внутренней продукции)	а) Соед. Штаты (доллары) . . .	204,0	313,8	340,9	374,8	391,6	362,8	315,4	331,6	372,5	412,7	482,9	439,4	459,5	388,1	345,8	364,9	388,0
	б) Англия (фунт. стерл.)	43,8	54,6	60,1	60,6	60,0	63,0	58,8	64,7	60,9	60,5	67,1	61,0	65,8	60,4	62,8	66,4	52,7
	в) Франция (фр.)	573,4	720,4	790,0	933,7	983,2	975,9	865,8	847,8	792,8	939,0	1.003,4	862,8	897,0	755,5	791,1	923,1	767,0
	г) Германия (марки)	841,4	330,8	508,5	545,7	670,0	728,0	685,7	742,9	724,6	776,6	846,5	791,1	793,9	795,5	783,0	923,1	779,3
	д) СССР (руб.)[21]	118,4	6,8	17,2	25,2	18,8	21,7	32,0	26,7	37,0	47,5	55,4	36,9	24,9	23,6	28,7	36,2	—
III. Денежное обращение[13] 1. Количество всех видов денег в обращении в милл. ден. единиц (на конец месяца)	а) Соед. Штаты (доллары)[22] . .	2.575	4.733	4.951	4.993	4.725	4.774	4.734	4.720	4.784	4.827	4.901	4.972	5.008	4.740	4.814	4.806	4.854
	б) Англия (фунт. стерл.)[23]	29,6	398,3	397,8	397,6	384,2	390,4	386,2	391,3	384,5	381,5	378,3	376,4	385,3	373,0	372,5	381,8	382,1
	в) Франц. (фр.)[23]	5.714	36.359	39.114	40.885	43.050	42.703	43.800	44.496	45.445	46.354	46.679	49.184	51.085	50,618	50.991	52.127	52.208
	г) Германия (зол. мар.)[22]	6.070	1.293,5 мрд. бум. м.	2.274	4.274	4.503	4.771	4.775	4.891	4.983	5.056	5.066	4.977	5.181	4.846	4.924	5.062	5.030
	д) СССР (черв. руб.)[22]	2.299,6	117,6	322,0	742,7	780,0	791,5	846,1	915,2	1.015,6	1.142,9	1.246,9	1.286,7	1.269,3	1.241,4	1.245,8	1.204,2	1 222,8

Отрасли хозяйства	Страны \ Сроки	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 год		1925 год							1926 год			
		Месячные средние				Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2. Валютные курсы	а) Соед. Штаты	100[24]	100 [13]	100 [13]	100 [13]	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	б) Англия . . .	100[24]	95,2[13]	89,3[13]	97,0[13]	98,5	99,7	99,9	99,9	99,8	99,6	99,5	99,6	99,7	99,8	99,9	99,9	99,9
	в) Франция . .	100[24]	37,6[13]	26,9[13]	28,0[13]	26,9	26,9	24,7	24,4	24,3	24,5	23.0	20,6	19,4	19,6	19,1	18,6	17,6
Индексы курсовой цен. данной валюты на Нью-Йоркской бирже	г) Германия . .	100[24]	0,06 [13]	—	100 [13]	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	д) СССР . . .	100[24]	—	—	—	100,8	100,2	100,2	100,2	100,2	101,1	100,2	100,1	100,1	100,1	100,1	100,1	100
	е) Мировой показатель[25]	100[24]	62,1	60,5	75,6	79,3	79,8	79,6	79,7	79,7	79,9	79,7	79,5	79,2	79,8	—	—	—
3. Обороты расчетных палат (в миллиардах ден. единиц)	а) Соед. Штаты (Нью-Йорк, долл.	7,89	18,16	17,83	20,82	22,85	23,85	24,02	23,40	20,22	21,77	25,95	23,48	26,96	27,10	21,45	28,09	25,96
	б) Англия (Лондон, фунт. стерл.)	1,37	3,10	3,05	3,29	3,30	3,32	3,32	3,50	3,04	3,00	3,63	3,25	3,55	3,49	3,14	3,49	3,31
	в) Франция (Париж, франки) . .	1,53	13,14	19,89	30,67	27,89	25,29	33,90	29,45	24,28	24,72	39,81	42,10	46,38	37,29	37,77	47,47	—
	г) Германия (Рейхсбанк, з.м.)	6,10	—	—	2,52	4,17	4,10	4,30	4,61	4,43	4,38	4,65	4,22	4,40	4,18	3,89	4,41	4,47
	д) СССР (О.В.Р. Правл. Госбанка. Черв. рубл.) .	—	—	0,02	0,06	0,24	0,27	0,30	0,30	0,28	0,34	0,41	0,37	0,41	0,43	0,43	0,50	0,51
IV. Транспорт																		
1. Погрузка жел. дорог. (месячная — в милл. тонн, кроме Соедин. Штатов и Франции)	а) Соед. Шт.[26] (в тыс. груженых вагонов)	—	3.601	4.151	4.045	4.031	4.207	4.285	4.211	4.648	4.655	4.798	4.436	4.007	3.838	3.965	4.200	4.112
	б) Англия . . .	33,78	25,45	29,00	28,38	26,6	27,2	24,4	29,0	22,4	26,0	28,3	27,5	28,8	28,2	27,9	—	—
	в) Франция (суточная — в тыс. гружен. вагон.)[27]	—	44,3	50,4	53,2	51,5	51,1	51,6	49,9	51,8	55,6	58,2	57,5	55,7	53,0	57,7	58,6	—
	г) Германия[28] .	35,00	33,25	20,02[29]	21,70	29,30	30,03	28,94	32,90	31,32	32,07	35,35	31,46	27,61	(24,81)	25,36	—	—
	д) СССР . . .	18,09	—	5,07	5,85	6,35	6,48	6,79	7,06	8,04	8,84	9,95	9,24	9,16	9,05	8,66	9,88	9,57
2. Судооборот морских портов (в тыс. регистровых тонн)	а) Соед. Штаты	8.923	10.836	11.073	11.427	11.056	11.259	13.068	13.530	13.532	12.376	12.912	11.788	10.748	9.124	8.902	10.324	—
	б) Англия . . .	9.741	8.590	10.149	10.045	9.300	9.940	10.186	10.618	9.631	10.099	10.788	9.866	9.631	9.509	8.601	9.775	9.843
	в) Франция . .	5.052	5.183	6.047	6.268	6.793	7.346	7.156	7.545	7.379	6.856	7.521	6.503	6.229	6.165	5.463	6.729	—
	г) Германия . .	4.435	3.735	5.106	5.104	5.428	6.049	6.610	6.002	6.234	5.854	5.983	5.494	5.113	4.813	4.501	5.142	—
	д) СССР . . .	2.599	308	428	500	1.963[31]	2.275[31]	2.367[32]	2.678[31]	3.072[31]	3.342[31]	2.852[32]	2.260[30]	1.641[30]	1.408[31]	1.524	—	—
	е) Мировой показатель[33]	56.313[34]	54.093	60.786	64.145	66.225	70.540	72.790	74.287	74.000	71.784	—	—	—	—	—	—	—
V. Труд																		
1. Безработица	а) Соед. Штаты (индекс числа занят. раб. в промышл.)	100[35]	89,4	101,1	91,3	92,1	90,9	90,1	89,3	89,9	90,9	92,3	92,5	92,6	93,8	94,3	93,7	(93,0)
	б) Англия %%[36]	—	14,0	11,6	10,3	10,9	10,9	11.9	11,2	12,1	12,0	11,4	11,0	10,5	11,1	10,5	9,8	9,2
	в) Герман. %%[37]	2,9	1,5	10,2	14,2	4,3	3,6	3,5	3,7	4,3	4,5	5,8	10,7	19,4	22,6	22,0	21,4	(18,4)
	г) Франция (в тысяч.)[38] . . .	—	5,5	1,3	0,7	0,9	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,6	0,5	0,8	0,5	0,4
	д) Вся Европа (в тыс.)[39] . .	—	—	—	—	2.344	2.171	2.201	2.092	2.282	2.330	2.373	2.776	3.645	4.364	4.257	—	—
2. Реальная заработная плата Индексы в %% довоенной	а) Соед. Штаты (шт. Нью-Йорк[40]	100	118	126	128	125	127	127	126	126	125,7	126,0	125,6	126,3	(127,1)	(125,9)	(128,5)	—
	б) Англия[41] . .	100	107,9	99,0	101,1	104,6	105,2	104,6	104,0	103,4	102,3	102,3	101,7	102,9	104,0	104,7	107,1	107,8
	в) Франция (углекопы)	100	104	107	106,3	—	102,7	—	—	98,8	—	—	—	—	—	—	—	—
	г) Германия[42] 1) необуч. рабочих	100	80,8[43]	79,5	6	91,9[44]	94,6	94,3	93,0	93,2	94,1	95,4	98,6	98,8	99,8	100,6	101,0	99,6
	2) обуч. рабоч.	100	62,2[43]	62,2	85	86,2[44]	189,0	88,6	87,5	87,4	88,5	89,8	92,8	93,0	93,9	94,7	95,0	93,9
	д) СССР[45] . .	100	31,5	53,7	—	74,8	78,0	82,8	96,3	95,3	100,4	101,1	92,9	94,6	(89,5)	(89,5)	—	—

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 год		1925 год							1926 год			
		Месячные средние				Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
3. Стачки и локауты	а) Соед. Штаты																	
	А	—	1.083	1.506	1.227	153	155	104	103	121	105	—	—	—	—	—	—	—
	Б	—	1.608	774	654	42	34	20	13	26	161	—	—	—	—	—	—	—
А—число конфликтов	б) Англия																	
	А	1.459	576	628	709	70	81	79	78	75	69	80	72	62	63	62	63	68
Б—число участн. (в тысячах)	Б	664	552	405	612	25	27	34	216	218	44	43	50	37	26	22	37	51
	В	9.800	19.850	10.670	8.320	122	202	281	1.857	2.813	413	440	575	629	412	366	460	424
В—число потерян. человеко-дней (в тыс.)	В) Франция																	
	А	1.219	—	—	105	95	77	54	78	72	63	—	—	—	—	—	—	—
	Б	229	—	—	20	10	6	10	29	8	5	—	—	—	—	—	—	—
VI. Денежный и канит. рынок																		
1. Учетный процент центральн. эмиссионных банков	а) Соед. Штаты	3,5	4,21	4,43	3,63	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	4	4	4	3,5
	б) Англия . . .	4,77	3,70	3,49	4,0	5	5	5	5	4,5	4,5	4	4	5	5	5	5	5
	в) Франция . .	4	5,0	5	6,0	7	7	7	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	г) Германия . .	5,87	6,58	39,5	10,0	9	9	9	9	9	9	9	9	9	8	8	7	7
	д) СССР. . . .	6	12	10	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
2. Эмиссия ценных бумаг (в милл. долларов)	а) Соед. Штаты	—	358,7	358,7	466,1	516,7	492,2	564,7	598,3	297,2	462,6	423,1	571,5	683,7	652,3	534,0	608,8	—
	б) Англия . . .	100,7	215,7	109,0	89,3	102,1	241,3	135,6	90,3	12,9	163,3	127,8	154,6	110,2	142,3	129,5	108,2	79,8
	в) Франция . .	42,4	113,4	59,2	23,6	16,3	21,4	31,7	15,7	5,7	8,1	26,9	10,2	7,8	10,0	13,1	12,9	8,1
	г) Германия . .	24,5	3,7	2,4	5,4	10,4	14,4	11,8	20,5	10,1	10,6	25,7	15,6	133,1	17,3	8,2	8,6	—
Вся эмиссия	Мировой показатель [46] . .	—	586,7	568,3	630,4	705,0	817,4	824,9	789,8	344,3	671,6	670,9	—	—	—	—	—	—
В том числе внешняя эмиссия (включая колониальн.)	а) Соед. Штаты	—	52,6	22,9	83,8	43,4	20,4	135,8	160,8	35,0	85,1	85,8	181,4	82,6	85,4	61,2	50,6	—
	б) Англия . . .	80,1	54,1	49,6	49,9	16,3	95,4	10,3	54,6	7,0	3,7	46,7	100,5	54,6	93,5	19,1	53,5	35,8
3. Курсы акций	а) Соед. Штаты (Annalist, 25 пром. акций.	100	169	185	198	233	245	248	256	272	280	300	300	305	309	309	271	249
Индексы	б) Англия (Lond. and Cambr. Ec. S. 20 пром. акций) .	100	133	162	160	179	178	180	172	178	177	185	192	187	191	187	182	177
	в) Франция (Lond. a. Cambr. Ec. Serv.—10 металлопром. акций) .	100 [47]	117	151	136	96	96	90	100	107	102	97	93	91	96	99	102	97
	г) Германия (W. u. St. — Общий индекс). . . .	100	9,4	16,2	26,4	33,0	30,7	27,1	26,4	24,3	25,7	24,5	22,4	21,6	24,0	26,4	28,0	—
4. Банкротства (число)	а) Соед. Шт. .	1.213	1.868	1.597	1.643	1.667	1.572	.437	1.451	1.353	1.234	1.407	1.462	1.628	2.073	1.700	1.882	1.743
	б) Англия . . .	294	423	451	422	369	476	451	479	315	352	404	398	390	445	387	—	—
	в) Германия . .	815	84	22	504	687	807	766	797	751	914	1.164	1.343	1.660	2.092	1.998	1.871	1.303

Примечания к сводной таблице

[1] Индексы Survey of Current Business, перечисленные по основанию 1913 г.=100.

[2] Индексы London and Cambridge Economic Service.

[3] Индексы Société d'études et d'informations économiques.

[4] По данным о крупной промышленности, подведомственной ВСНХ.

[5] В послевоенных границах (включая Эльзас-Лотарингию).

[6] В послевоенных границах (без Эльзас-Лотарингии, Саарской области и Польской части Верхней Силезии). Для довоенной Германии месячная средняя 1913 г. составляла 15.843 тысячи метрических тонн угля, 1.397 тысяч метрических тонн чугуна и 1.429 тысяч метрических тонн стали. Цифры за 1924 и 1925 гг. по данным журнала «Stahl und Eisen».

[7] Добыча 12 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Голландии, Франции, Саарской области, Германии, Польши, Чехо-Словакии, Брит. Индии, Южной Африки и СССР.

[8] Продукция 10 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Люксембурга, Польши, Франции, Германии, Швеции, Канады и СССР.

[9] Выплавка 11 стран: Соед. Штаты, Англия, Франция, Бельгия, Люксембург, Италия, Швеция, Германия, Польша, Канада и СССР.

[10] Приближенные цифры, исчисленные нами на основании данных Statistique générale de la France.

[11] Экспорт хлопчато-бумажных тканей составляет около 80% общего итога их продукции.

[12] По Соединенным Штатам, Англии, Ирландии, Английским колониям, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Дании, Германии, Данцигу, Японии и проч. странам.

[13] Годовые показатели относятся к концу года.

[14] Индексы на конец месяца, кроме Германии, для которой дана месячная средняя.

[15] В золот. исчислен. по курсу доллара.

[16] Индексы на конец квартала (Соед. Штаты, 1913 г.=100) или месяца (Англия, июль 1914 г.=100).

[17] Квартальный полный индекс г. Парижа. 1 января—30 июня 1914 г.=100.

[18] Месячная средняя; 1913/14 г. = 100.

[19] Конец месяца; 1913 г.=100.

[20] С февраля 1925 г. новый расширенный индекс (приблизит. на 10% выше старого).

[21] Только по Европейской границе; в милл. рублей по ценам 1913 г.

[22] Все виды денег, включ. звонк. монету.

[23] Только бумажные деньги: банкноты (Франция), банкн. и казнач. бил. (Англия).

[24] Паритет=100.

[25] Индекс Wirtschaft und Statistik, взвешенный по доле участия отдельных стран и частей света в мировой торговле в 1913 г.

[26] Месячные показатели, полученные путем умножения недельной средней за данный месяц на 4 1/3.

[27] Средняя погрузка по главным железным дорогам, включая государственные (кроме Эльзас-Лотарингии).

[28] В послевоенных границах без ж. д. Эльзас-Лотарингии, в границах сети современных Reichseisenbahnen.

[29] Неполные цифры, вследствие оккупации Рура.

[30] Кроме портов Тихого Океана.

[31] Кроме Владивостока.

[32] Кроме Ленинграда и Владивостока.

[33] Исчислено по 28 странам.

[34] Без судооборота Греции, Чили и Палестины.

[35] Данные Bureau of Labor Statistics, перечисленные по основанию июнь 1914 г.=100.

[36] % безработных среди застрахованных рабочих.

[37] % полных безработных среди членов профсоюзов.

[38] Число безработных, получающих пособие от государства.

[39] Только безработица, учитываемая официальной статистикой—по 17 странам: Англии, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Австрии, Венгрии, Ч.-Словакии, Польши, Финляндии, Латвии, Эстонии.

[40] Исчислено по индексу стоимости жизни гор. Нью-Йорка.

[41] Исчислено по индексам о номинальной плате проф. Боули (8 производств).

[42] До сентября 1924 г. исчислено по индексу стоимости жизни за период реализации платы (с 7 числа отчетного месяца по 7 число следующего месяца), а за последующие сроки—по индексу соответствующего месяца.

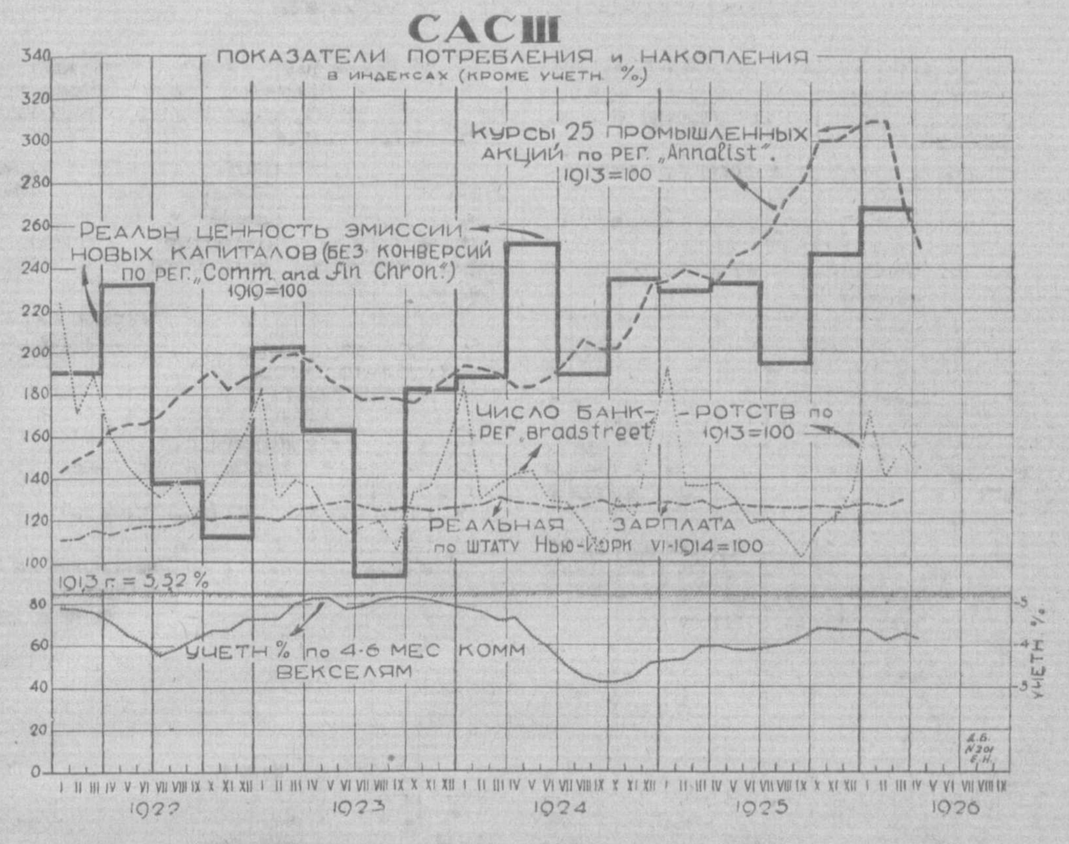
[43] Средняя за апрель, июль, октябрь, ноябрь и декабрь.

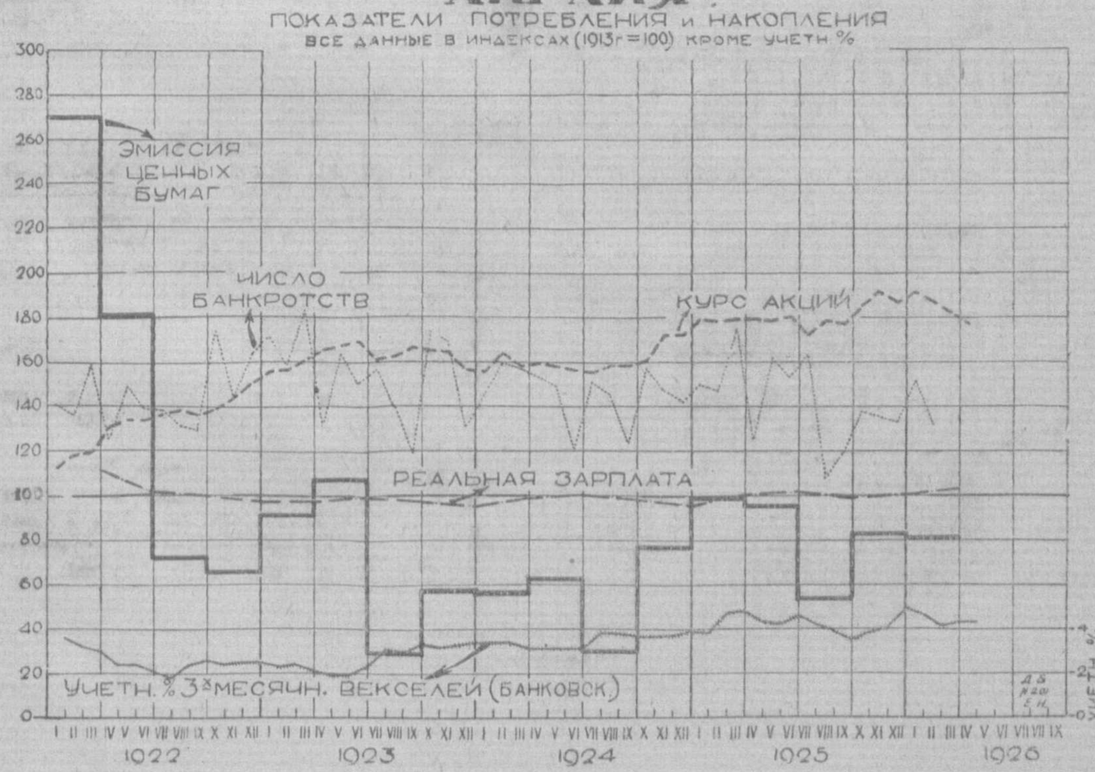
[44] С февраля 1925 г.— по новому индексу стоимости жизни (см. выше примечание 20).

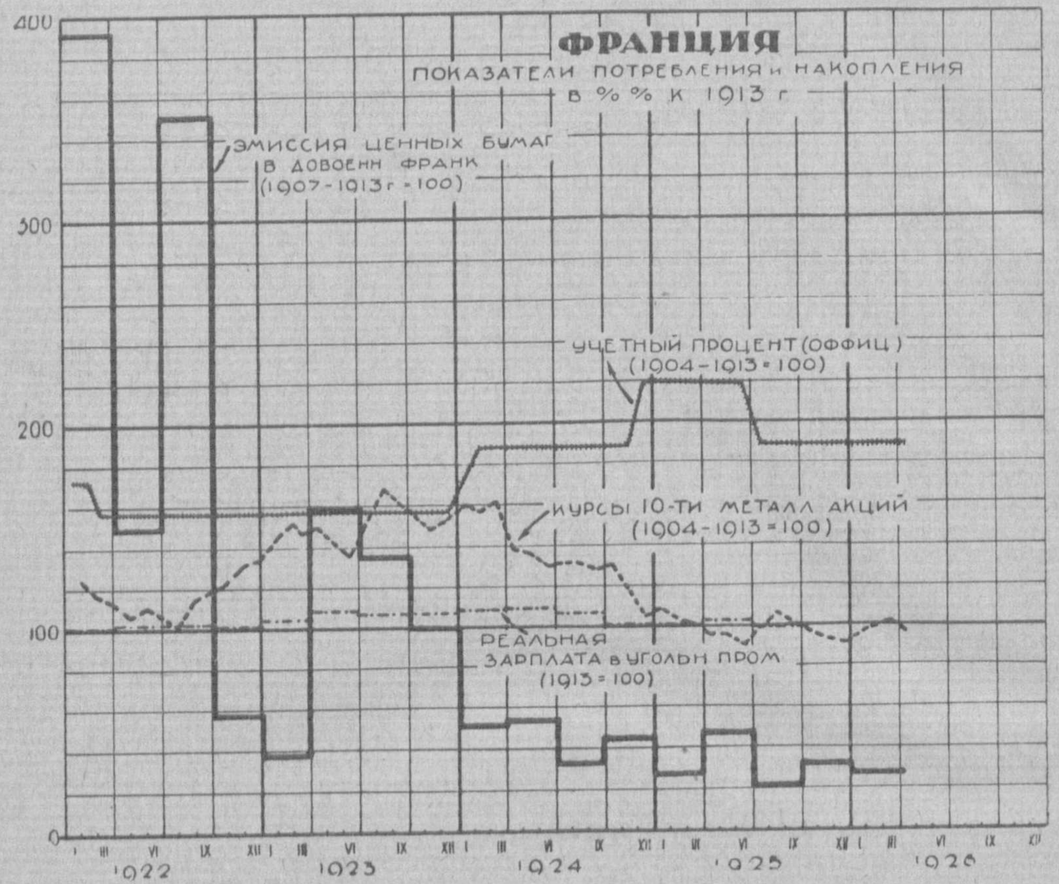
[45] Данные Ц. Б. Статистики Труда.

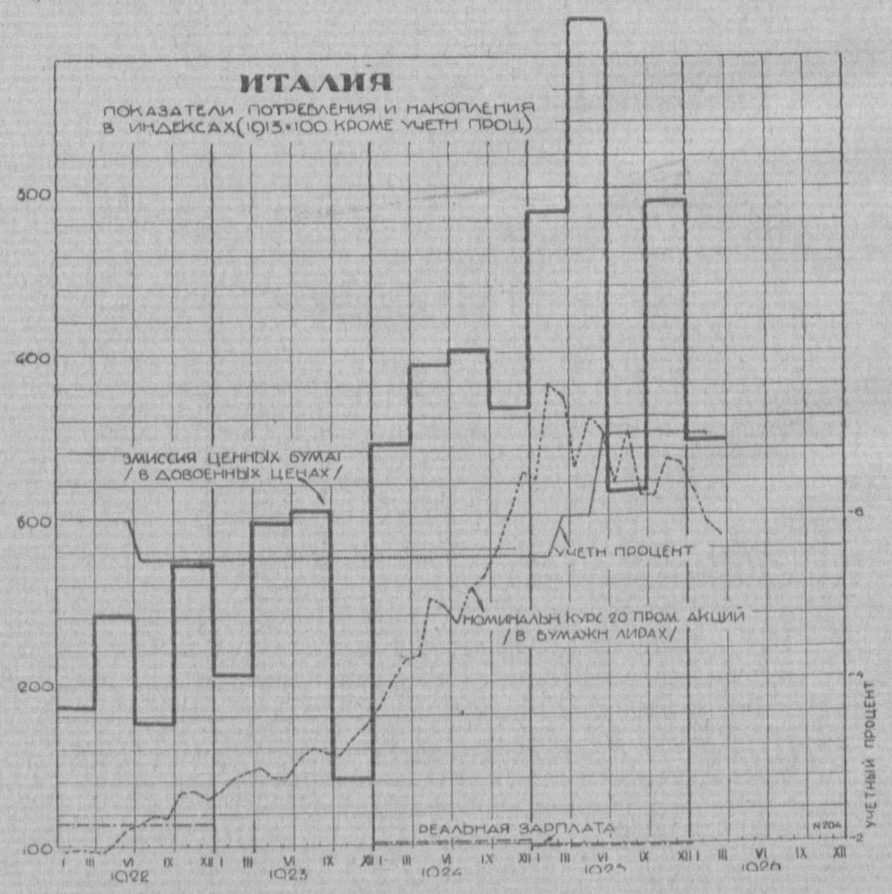
[46] Эмиссия 9 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Дании и Германии.

[47] Средняя за 1904—1913 гг.=100.






ФРАНЦИЯ
ПОКАЗАТЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ и НАКОПЛЕНИЯ
В % % К 1913 г
ЭМИССИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ
В ДОВОЕНН ФРАНК
(1907-1913 г = 100)
УЧЕТНЫЙ ПРОЦЕНТ (ОФФИЦ)
(1904-1913 = 100)
КУРСЫ 10-ТИ МЕТАЛЛ АКЦИЙ
(1904-1913 = 100)
РЕАЛЬНАЯ
ЗАРПЛАТА В УГОЛЬН ПРОМ
(1913 = 100)
400
300
200
100
0
1922
1923
1924
1925
1926


ИТАЛИЯ
ПОКАЗАТЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И НАКОПЛЕНИЯ
В ИНДЕКСАХ (1913=100 КРОМЕ УЧЕТН ПРОЦ)
ЭМИССИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ
/В ДОВОЕННЫХ ЦЕНАХ/
УЧЕТН ПРОЦЕНТ
НОМИНАЛЬН КУРС 20 ПРОМ АКЦИЙ
/В БУМАЖН ЛИРАХ/
РЕАЛЬНАЯ ЗАРПЛАТА
УЧЕТНЫЙ ПРОЦЕНТ
N 204
500
400
300
200
100
8
2
1922
1923
1924
1925
1926

ГЕРМАНИЯ
ПОКАЗАТЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ и НАКОПЛЕНИЯ
В % % К 1913 г
ЧИСЛО
БАНКРОТСТВ
ЭМИССИЯ АКЦИОНЕРНОГО
КАПИТАЛА
(по Wirtschaft und Statistik).
НОВЫЙ ИНДЕКС
РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ
(СРЕДН ДЛЯ КВАЛ и
НЕКВАЛ РАБОЧ)
СТАРЫЙ ИНДЕКС РЕАЛЬНОЙ
ЗАРПЛАТЫ (СРЕДН для КВАЛИФ и НЕКВАЛ
РАБОЧИХ).
КУРС АКЦИЙ
200
100
0
1922
1923
1924
1925
1926

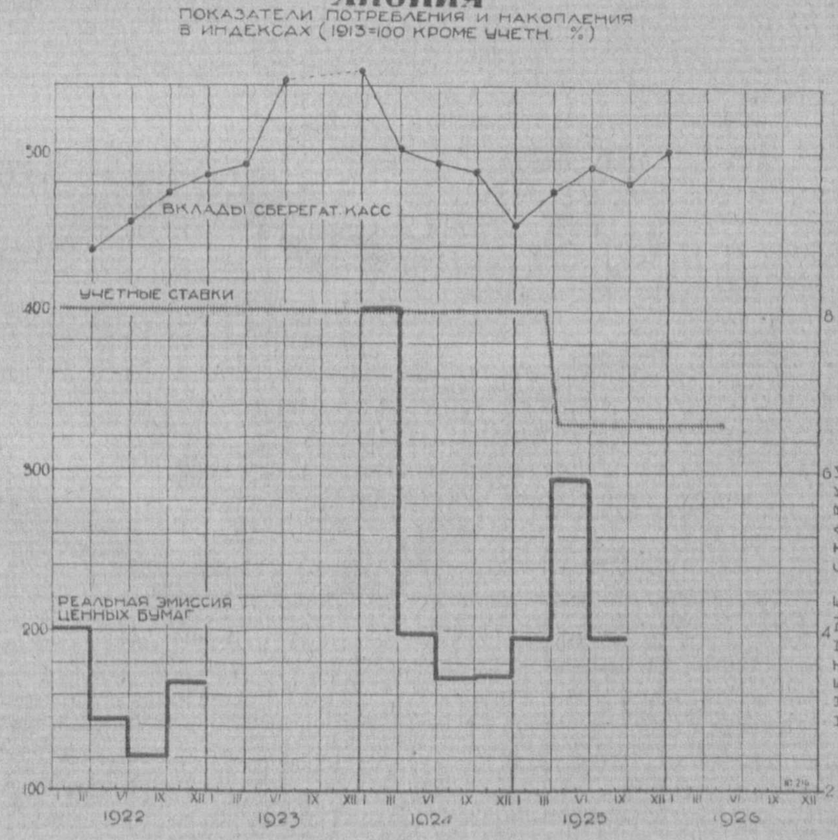

Япония
ПОКАЗАТЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И НАКОПЛЕНИЯ
В ИНДЕКСАХ (1913=100 КРОМЕ УЧЕТН. %)
ВКЛАДЫ СБЕРЕГАТ КАСС
УЧЕТНЫЕ СТАВКИ
РЕАЛЬНАЯ ЭМИССИЯ
ЦЕННЫХ БУМАГ
УЧЕТНЫЕ СТАВКИ
500
400
300
200
100
8
6
4
2
1922
1923
1924
1925
1926

Таблица № 1

Отдел I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Посевные площади и оценка урожая хлебов на 1926 г.

СТРАНЫ	1926 г.	1925 г.	В среднем за 1920/1924 гг.	Процентное отношение 1926 г. к 1925 г.	Процентное отношение 1926 г. к средн. за 1924 г.	ОЦЕНКА УРОЖАЯ: По данным Римского Института ** 1 мая 1926 г.	По данным Римского Института ** 1 апреля 1926 г.	По данным Римского Института ** 1 мая 1925 г.	По данным соответствующей страны 1 мая 1926 г.	По данным соответствующей страны 1 апреля 1926 г.	По данным соответствующей страны 1 мая 1925 г.
	Тысячи гектаров.										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ЕВРОПА	Озимая пшеница										
1. × Германия	—	1.357,8	1.231,0	—	—	—	—	—	3,3	3,2	3,6
2. × Австрия *	—	197,2	191,1 [4]	—	—	—	—	—	3,7[1]; 3,6[2]	3,5 [1]	3,6
3. Бельгия	136,4	151,9	128,8	89,8	105,9	95	100	—	4,0; 3,0	4,0	—
4. Болгария *	1.026,4	1.026,8	928,5	100,0	110,5	138	135 [1]	127	—	5,0	5,0
5. × Ирландия *	—	9,0	14,5	—	—	—	—	—	4,0	—	—
6. Юго-Славия	1.690,6	1.709,3	1.513,2	98,9	111,7	—	—	—	—	—	—
7. Финляндия	9,0	15,0	13,2	60,0	68,3	—	—	—	—	—	—
8. Франция *	5.446,0	5.571,0	5.362,2	97,8	101,6	—	—	—	3,5	—	3,9
9. × Великобритания.											
× Англия *	—	606,9	736,7	100,0	—	—	—	—	—	—	—
× Шотландия *	—	19,7	23,7	—	—	100	—	100	3,0	—	3,0
× Ирландия Сев. *	—	1,5	2,6	—	—	100	—	—	4,0	—	—
10. Италия *	4.850	4.723,7	4.645,4	102,7	104,4	—	—	—	4,0	4,0	4,0
11. Литва	60,0	75,0	71,2 [5]	80,0	84,2	—	73	—	—	2,2	3,4
12. Люксембург *	11,2	8,8	9,5	127,3	118,3	—	—	—	3,6	3,4	3,4
13. Норвегия *	8,9	8,9	12,3	100,0	72,4	—	—	—	—	—	—
14. × Голландия	—	51,2	55,8	—	—	105	—	117	4,0	—	4,4
15. Польша	1.042,1	1.031,6	997,9 [5]	101,0	104,4	—	—	—	3,2	3,1	3,4
16. Румыния	2.861,7	2.928,4	2.160,1	97,7	132,5	—	—	—	—	—	—
17. × Швейцария	—	41,0	42,1 [7]	—	—	96	97	100	—	—	—
18. Чехо-Словакия *	623,8	617,7	620,5	101,0	100,5	—	—	—	3,4[1]; 3,5[2]	3,2 [1]	—
АМЕРИКА											
19. Канада	304,7	321,2	325,1	94,9	93,7	89	—	—	—	—	—
20. Соед. Штаты [3]	15.007,9	12.654,3	16.251,1	118,6	92,4	100	106	90	84,0	84,1	77,0
АЗИЯ											
21. Ливан *	52,0	55,0	47,5 [4]	94,5	109,5	—	—	—	—	—	—
22. Брит. Индия	12.099,5	12.866,4	11.687,2	94,0	103,5	—	—	—	—	—	—
23. × Япония *	—	467,6	696,7	—	—	—	—	—	4,0 [1]; 3,0 [2]	4,0 [1]; 3,0 [2]	3,0
24. Сирия *	364,7	425,0	418,2 [4]	85,8	87,2	120	120	—	5,0	5,0	—
25. × Турция Евр. и Аз.	829,4	1.034,9	—	80,1	—	—	—	—	4,0	—	—
АФРИКА											
26. Алжир *	1.441,5	1.378,6	1.309,7	104,6	110,1	—	90	—	—	3,0	—
27. × Египет *	—	558,3	576,2	—	—	101	99	102	—	—	—
28. Марокк. Франц. *	1.066	1.030,1	868,6	103,5	122,7	110	90	80	3,0	3,0	3,0; 2,0
29. × Триполи	10,0	—	5,0 [8]	—	200,0	—	—	—	5,0	—	—
30. Тунис *	650,0	610,0	533,9	106,6	121,7	150	—	100	4,0	—	3,0
Общий итог	48.752,4	47.208,7	47.904,1	103,3	101,8	—	—	—	—	—	—
ЕВРОПА	Озимая рожь										
1. × Германия	—	4.327,2	4.167,8	—	—	—	—	—	3,1	3,2	3,5
2. × Австрия *	—	381,2	361,9 [4]	—	—	—	—	—	3,5 [1]; 3,7 [2]	3,5	3,7
3. Бельгия *	229,0	230,8	222,6	99,2	102,9	95	100	—	3,0	4,0	—
4. Болгария *	172,6	183,2	179,3	94,2	96,2	143	135 [1]	126	—	5,0	5,0
5. Юго-Славия	166,1	167.5	164,4	99,2	101,1	—	—	—	—	—	—
6. Финляндия	230,0	230,0	233,7	100,0	98,4	—	—	—	—	—	—
7. Франция *	857,4	880,7	888,8	97,3	96,5	—	—	—	3,5	—	3,6
8. Италия *	130,0	126,0	122,5	103,2	106,1	—	—	—	4,0	4,0	4,0
9. Латвия	235,5	261,7	243,8 [6]	90,0	96,6	—	—	90	—	—	—
10. Литва	442,0	532,5	555,0 [5]	83,0	79,6	—	73	123	—	2,5	—
11. Люксембург *	6,3	6,8	7,8	92,6	80,7	—	—	—	3,6	3,6	2,5
12. Норвегия	9,0	9,0	12,5	100,0	71,5	—	—	—	—	—	—
13. × Голландия	—	200,6	202,3	—	—	96	—	108	3,4	—	4,1
14. Польша	4.978,8	4.942,6	4.801,0 [5]	100,7	103,7	—	—	—	3,0	3,1	3,4
15. Румыния	257,7	237,1	244,1	108,7	105,6	—	—	—	—	—	—
16. × Швейцария	—	18,5	19,3 [7]	—	—	97	98	100	—	—	—
17. Чехо-Словак. *	841,7	847,0	874,0	99,4	96,3	—	—	—	3,4[1]; 3,5[2]	3,2 [1]	—
АМЕРИКА											
18. Канада	264,3	284,4	378,1 [5]	92,9	69,9	97	—	—	—	—	—
19. Соед. Штаты [3]	1.442,7	1.654,4	2.007,2	87,2	71,9	90	93	96	81,5	80,2	86,8
АЗИЯ											
20. × Турц. Евр. и Аз.	79,4	100,0	—	79,4	—	—	—	—	4,0		—
Общий итог	10.263,1	10.593,7	10.934,8	96,9	93,9	—	—	—	—	—	—

Примечания: Условные обозначен.: 5 = отлично; 4 = хорошо; 3 = удовлетворительно; 2 = плохо; 1 = очень плохо. [1] Озимые. [2] Яровые. [3] 100 = нормальные сборы. [4] Средняя 1922—24 гг. [5] Средняя за 1923/24 г. [6] Средняя за 1921—24 гг. [7] 1920, 1923 и 1924 гг. [8] 1924 г. [9] Страны, обознач. знаком ×, в итог не входят. *—Озимые и яровые. **—100 = средн. за последние 10 лет.

Отдел II.

Индексы оптовых цен по

ТОВАРООБМЕН

27 странам в 1919—1926 гг.

Таблица № 2

Даты	1. Соед. Штаты		2. Англия		3. Франция	4. Бельгия	5. Италия	6. Голландия	7. Швейцария	8. Испания	9. Швеция	10. Норвегия	11. Дания	12. Германия	13. Австрия
	Индекс «Bradstreet's (1)	Индекс Bureau of Lab. Statist. (2)	Индекс Economist'a	Индекс Board of Trade (2)	Индекс Statistique Générale de la France	Индекс Min. de l'Ind. et de la Preve Publique (4)	Индекс Prof. Bacchi	Индекс Bureau Central de St. (2)	Индекс Neue Züricher Zeit (1)	Индекс Direct. Gen. de Estadistica	Индекс Kommers-Kollegium (2)	Индекс Economisk Revue (3)	Индекс «Finanstidende» (1)	Индекс «Statictidsches Reichsamt» (2,5)	Индекс «Statist. Nachrichten» (6)
	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	Апрель 1914 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	Июль 1914 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	31/XII-13 г. 30/VI-14 г. = =100	VII-1913 г. VI-1914 г. = =100	1913 г. = =100	1 сем. 1914 г. = =100
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1919 г.															
Мес. средн. . . .	204	206	235	—	356	—	364	304	—	204	—	322	294	97	—
Максимум	—	—	274	—	—	—	457	—	—	—	—	—	—	134	—
Минимум	—	—	230	—	—	—	338	—	—	—	—	—	—	72	—
1920 г.															
Мес. средн. . . .	197	226	283	307	509	—	631	292	—	221	359	382	382	106	—
Максимум	227	—	310	—	—	—	670	296	—	—	—	425	—	148	—
Минимум	137	—	220	—	—	—	602	233	—	—	—	333	—	71	—
1921 г.															
Мес. средн. . . .	122	147	181	197	345	366	577	182	190	190	218	298	250	83	—
Максимум	134	170	209	246	407	374	642	213	230	219	272	344	341	95	—
Минимум	115	140	162	168	325	347	509	165	176	183	188	269	186	54	—
1922 г.															
Мес. средн. . . .	134	149	160	159	327	367	562	160	168	176	173	233	179	82	—
Максимум	150	156	133	164	362	408	601	165	175	180	181	260	182	93	—
Минимум	124	138	156	154	306	344	523	152	162	172	163	220	176	67	—
1923 г.															
Мес. средн. . . .	145	154	162	159	419	497	575	151	180	172	163	232	201	95	1.789
Максимум	151	159	170	163	459	545	588	157	183	176	168	244	210	139	—
Минимум	139	150	155	154	387	434	563	142	173	170	160	220	181	65	—
1924 г.															
Январь	143	151	173	165	495	580	571	156	183	178	161	250	223	117	1.875
Февраль	140	152	173	167	544	642	573	158	180	180	162	262	227	116	1.916
Март	137	150	172	165	499	625	579	155	181	180	162	266	228	121	1.912
Апрель	136	148	172	165	450	555	579	154	180	184	161	267	225	124	1.946
Май	134	147	168	164	459	557	571	153	178	179	160	263	219	122	1.916
Июнь	133	145	168	163	465	565	566	151	173	179	158	264	220	116	1.828
Июль	137	147	173	163	481	566	567	151	171	182	157	271	233	115	1.913
Август	139	150	172	165	477	547	572	151	170	182	160	274	231	120	2.014
Сентябрь	141	149	176	167	486	550	580	158	169	184	163	275	234	127	1.937
Октябрь	145	152	180	170	497	555	602	161	169	186	167	276	231	131	2.009
Ноябрь	147	153	179	170	504	569	621	161	170	181	167	277	232	128	2.077
Декабрь	151	157	180	170	508	566	640	160	171	198	168	278	234	131	2.075
1925 г.															
Январь	151	162	177	171	515	559	657	160	171	191	169	279	234	138	2.118
Февраль	150	163	177	169	516	551	660	158	170	192	169	281	230	137	2.108
Март	149	161	174	166	514	546	659	155	166	193	168	276	220	134	2.055
Апрель	145	156	169	162	513	538	658	151	162	190	163	267	216	131	2.006
Май	148	155	166	159	521	537	660	151	162	191	162	260	216	132	1.985
Июнь	150	157	161	158	543	552	683	153	161	187	161	258	206	134	2.036
Июль	155	160	165	157	558	559	707	155	160	188	161	254	289	135	1.968
Август	153	160	165	157	559	567	731	155	159	184	159	245	168	132	1.882
Сентябрь	154	160	164	156	556	577	721	155	159	185	157	231	163	126	1.834
Октябрь	155	158	161	155	573	575	716	154	157	187	154	221	158	124	1.830
Ноябрь	156	158	161	154	606	569	712	154	157	186	155	217	160	121	1.795
Декабрь	152	156	158	153	633	565	715	155	155	187	156	218	157	121	1.806
1926 г.															
Январь	149	156	157	151	634	560	707	153	154	186	153	214	151	120	1.755
Февраль	145	155	154	149	636	556	704	149	151	183	152	211	145	118,4	1.721
Март	142	151	152	144	632	583	693	145	148	183	149	204	141	118	1.709
Апрель	140	151	150	144	651	621	689	143	147	—	150	198	141	123	1.709
Май	—	—	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.706

Даты	14. Венгрия	15. Чехо-Словакия	16. Польша	17. Финляндия	18. Болгария	19. Канада	20. Перу	21. Австралия	22. Новая Зеландия	23. Япония	24. Китай	25. Брит. Индия	26. Южн. Афр. Союз	27. Египет
	Индекс Office Central de St. (5)	Официальный индекс (1)	Индекс Office Centr. de Statist. (3,5)	Central Bureau of Statistics	Direct General of St. (2)	Dominion Bureau of Statist.	Direction General de Estadistica	Commonwealth Bureau of Census & Statistics	Census & Statistics Office	Banc of Japan (2)	Официальный индекс Шанхая (3)	Индекс Labour Office (Bombay)	Office of Census & Statis.	Département de Statistique
	1913 г. = =100	Июль 1914 г. = =100	Январь 1914 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	1913 г. = =100	Июль 1914 г. = =100	1913 г. = =100	I-1913 г. VII-14 г. = =100
	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
1919 г.														
Мес. средн. . . .	—	—	—	—	—	209	220	189	178	236	—	222	165	226
Максимум	—	—	—	—	—	223	—	—	—	—	—	—	—	—
Минимум	—	—	—	—	—	198	—	—	—	—	—	—	—	—
1920 г.														
Мес. средн. . . .	—	—	—	1.183	1.940	243	238	228	212	259	152	216	223	299
Максимум	—	—	—	—	—	257	—	247	—	—	—	—	—	—
Минимум	—	—	—	—	—	217	—	206	—	—	—	—	—	—
1921 г.														
Мес. средн. . . .	—	—	—	1.263	2.006	172	205	175	201	200	150	199	161	180
Максимум	—	—	—	1.364	2.437	202	221	205	216	219	—	207	—	214
Минимум	—	—	—	1.182	1.680	154	190	153	189	190	—	190	—	166
1922 г.														
Мес. средн. . . .	—	1.334	—	1,219	2.473	150	190	162	178	196	146	187	129	146
Максимум	—	—	—	1.263	2.695	152	—	170	186	206	152	190	—	167
Минимум	—	—	—	1.140	2.172	145	—	153	173	183	140	181	—	144
1923 г.														
Мес. средн. . . .	—	997	—	1,095	2.525	153	189	179	175	199	156	181	127	131
Максимум	—	—	—	1.134	2.828	157	—	189	177	212	159	188	—	141
Минимум	—	—	—	1.070	2.263	151	—	169	174	184	153	176	—	120
1924 г.														
Январь	—	1.029	—	1.071	2.711	157	—	183	175	211	156	188	131	133
Февраль	—	1.036	—	1.078	2.658	157	—	180	180	208	160	188	—	135
Март	—	1.022	110	1.094	2.612	154	—	175	180	206	158	181	—	136
Апрель	125	1.015	109	1.095	2.798	151	—	174	178	207	154	184	126	133
Май	119	981	104	1.090	2.551	151	—	173	179	205	154	181	—	135
Июнь	133	965	101	1.088	2.811	152	—	171	180	199	152	185	—	131
Июль	145	986	102	1.085	2.737	154	192	170	180	195	152	184	125	132
Август	145	982	109	1.111	2.853	157	193	169	181	200	149	184	—	143
Сентябрь	142	999	112	1.117	2.848	154	190	170	181	206	149	181	—	147
Октябрь	149	1.013	116	1.114	2.988	157	192	171	180	213	153	181	133	156
Ноябрь	154	1.024	117	1.120	3.132	158	191	171	181	214	155	176	—	158
Декабрь	160	1.045	118	1.139	3.181	161	185	173	181	213	157	176	—	156
1925 г.														
Январь	159	1.048	119	1.140	2.275	165	199	171	178	214	160	173	130	167
Февраль	152	1.034	121	1.137	3.309	165	194	170	175	210	159	173	—	161
Март	145	1.020	122	1.131	3.272	162	206	168	175	204	160	171	—	155
Апрель	144	1.006	119	1.133	—	156	206	166	175	202	159	165	—	154
Май	141	998	118	1.122	—	159	200	167	174	199	158	164	—	151
Июнь	141	1.009	119	1.129	—	159	200	170	175	200	157	160	—	150
Июль	136	992	120	1.118	—	158	198	170	175	198	163	158	—	151
Август	134	996	124	1.142	—	159	200	170	176	200	160	160	—	151
Сентябрь	135	989	127	1.133	—	156	205	170	175	201	160	157	—	152
Октябрь	131	977	128	1.121	—	157	205	171	176	200	159	158	—	153
Ноябрь	129	977	136	1.118	—	161	204	173	176	197	158	160	—	145
Декабрь	130	—	135	—	—	163	203	168	176	194	158	155	—	140
1926 г.														
Январь	127	966	142	1.120	—	164	206	169	175	192	164	155	124	134
Февраль	125	950	146	1.094	—	162	205	168	175	188	163	152	—	132
Март	123	938	146	1.091	—	160	204	171	174	—	164	150	—	—
Апрель	—	923	167	1.081	—	—	203	176	—	—	—	—	—	—

Источники: Bulletin Mensuel de l'Office permanent. Institut International de Statistique La Haye 1926 г. Bulletin Mensuel de Statistique, Société des Nations Genève 1926 г.

Запасы золота эмиссионных банков 41 страны с 1913 по 1925 гг.

(в тыс. долларов по паритету)

Конец года	Соединенные штаты			Великобритан.	Франция	Бельгия	Италия	Голландия	Швейцария	Испания
	Всего	Казначейство и Федер. резервные банки	В обращении	Казначейство и Английский Банк	Французский Банк	Национальный Банк	Итальянский, Сицилийский и Неаполитанск. банки и Гос. казначейство	Нидерландский Банк	Национальный Банк	Испанский Банк
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913 г. . .	1.924.361	262.443	1.661.918	170.245	678.856	59.131	288.103	60.898	32.801	92.490
1914 г. . .	1.815.976	504.672	1.311.304	428.221	802.591	56.619	299.759	83.663	45.922	110.444
1915 г. . .	2.312.444	758.595	1.553.649	389.205	967.950	50.759	293.453	172.530	48.275	166.414
1916 г. . .	2.864.842	973.233	1.891.609	402.970	652.885	50.759	255.772	236.217	66.585	241.424
1917 г. . .	3.040.439	1.770.347	1.270.092	422.594	639.682	50.759	238.931	280.689	69.025	379.597
1918 г. . .	3.080.510	2.243.895	836.615	523.632	664.017	51.145	243.566	277.155	80.041	430.072
1919 г. . .	2.787.714	2.091.054	696.660	583.211	694.847	51.417	203.441	256.204	99.779	472.041
1920 г. . .	2.928.848	2.216.154	712.694	762.912	685.517	51.438	204.362	255.729	104.780	474.228
1921 г. . .	3.656.989	3.021.266	635.723	763.719	690.141	51.451	210.739	243.600	106.058	484.984
1922 г. . .	3.933.476	3.201.540	731 936	751.679	708.403	51.901	217.284	233.880	103.283	487.278
1923 г. . .	4.247.201	3.249.852	997.349	754.400	709.479	52.204	215.699	233.876	103.669	487.841
1924 г. . .	4.547.407	3.118.636	1.428.771	757.033	710.394	52.543	218.382	202.854	97.642	489.292
1925 г. . .	4.408 696	2.870.328	1.538.368	703.482	710.968	52.855	218.825	178.080	90.140	489.631

Португалия	Швеция	Норвегия	Дания	Германия	Австро-Венгрия	Австрия	Венгрия	Чехо-Словакия	Польша	Данциг	Финляндия
Португальский Банк	Риксбанк	Норвежский Банк	Национальный Банк	Рейхсбанк	Австро-Венгерский Банк	Национальный Банк	Национальный Банк	Банковский департамент Министерства Финансов	Польский Банк	Данцигский Банк	Финляндский Банк
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
8.760	27.372	12.846	19.666	278.687	251.421	—	—	—	—	—	6.948
9.261	29.088	11.181	24.506	498.508	213.757	—	—	—	—	—	8.299
9.261	33.385	18.028	29.833	581.954	138.758	—	—	—	—	—	8.299
9.261	49.183	33.027	42.847	599.873	58.759	—	—	—	—	—	8.299
9.261	65.613	31.214	46.611	572.758	53.717	—	—	—	—	—	8.299
9.263	76.532	32.691	52.159	538.861	53.074	—	—	—	—	—	8.299
9.266	75.350	39.590	60.807	259.519	45.111	—	—	—	1.667	—	8.299
9.266	75.516	39.472	60.992	260.028	11 [1]	—	—	4.053	2.858	—	8.299
9.267	73.631	39.475	61.192	237.102	16 [1]	—	—	12.545	5.955	—	8.299
9.267	73.428	39.474	61.173	227.436	9 [1]	—	—	20.874	4.769	—	8.371
9.267	72.853	39.472	56.171	111.247	—	1.313	—	22.574	13.078	—	8.242
9.267	63.508	39.457	56.145	180.939	—	1.560	7.460	31.745	19.949	5.645	8.354
9.267	61.646	39.456	56.085	287.763	—	2.087	10.365	30.575	25.793 [3]	6.424	8.357

Конец года	Латвия	Литва	Румыния	Болгария	Югославия	Греция	СССР	Канада	Аргентина	Бразилия
	Казначейство и Латвийский Банк	Литовский Банк	Национальный Банк	Национальный Банк	Национальный Банк	Национальный Банк	Государственный Банк	Министерство Финансов и Эмиссионные банки	Казначейский Конверсионный фонд	Фонд обеспечения денежного обращения
	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
1913 г.	—	—	29.242	10.615	—	5.211	786.800	142.517	224.989	53.202 [4]
1914 г.	—	—	29.714	10.615	—	7.527	803.400	137.872	213.906	26.601 [4]
1915 г.	—	—	36.264	11.773	—	11.194	831.200	169.128	228.939	14.598 [4]
1916 г.	—	—	22	13.124	—	11.580	758.396	176.064	251.158	14.598
1917 г.	—	—	—	12.159	—	12.159	667.041 [2]	195.172	252.390	14.598 [4]
1918 г.	—	—	2	12.352	—	10.422	—	190.688	269.628	15.571
1919 г.	—	—	200	7.141	—	11.001	—	192 265	299.119	15.571
1920 г.	—	—	329	7.141	12.352	11.001	—	175.187	450.057	19.464
1921 г.	—	—	329	7.334	14.282	10.808	—	154.723	450.057	25.303
1922 г.	—	1.500	7.585	7.415	12.354	6.058	2.607	222.050	450 057	27.401
1923 г.	—	1.600	24.563	7.565	13.286	7.250	45.043	171.191	454.035	48.665
1924 г.	4.630	3.100	26.020	7.792	13.965	7.680	73.050	192.504	435.880	53.799
1925 г.	4.630	3.200	26.735	7.932	14.657	8.875	94.095	203.495	435.880	56.451

Чили	Уругвай	Перу	Австралия	Новая Зеланд.	Япония	Южная Африка	Египет	Индия	Ява	Всего
Казначейский Конверсионный фонд	Банк Республики	Резервный Банк	Федеральный Банк	Резервные банки	Запас Японского Банка и Гос. Казначейства [9]	Акционерные банки и Резервный Банк	Египетский Банк	Казначейский Резерв Обеспечения рупии	Явский Банк	
33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43
—	10.826	—	21.899	25.306 [5]	64.963	39.905 [6]	10.381	72.780	10.027	5.421.248
1.330	13.483	—	38.932	27.739	64.062	43.799 [6]	21.750	30.202	12.418	5.921.145
1.330	22.530	—	73.484	33.092	68.187	44.772 [6]	35.096	41.361	18 804	6.862.300
1.330	33.251	—	78.351	36.012	113.411	34.066 [6]	29.164	38.636	28.984	7.190.850
9.039	42.003	—	85.650	39.419	229.981	30.172	19.278	86.712	37.051	7.641.923
23.413	46.718	131.396	104.143	39.419	225.821	33.579	16.312	63.842	51.600	7.355.923
24.384	56.756	160.595	116.796	38.932	349.947	35.525	16.312	96.205	69.817	7.138.829
32.893	57.307	209.261	115.326	37.472	551.840	50.612	16.807	116.249	88.214	7.879.831
34.025	59.494	209.261	113.389	37.472	610.663	57.911	16.807	118.341	58.728	8.634.090
34.025	56.807	209.261	116.499	38.357	605.678	50.782	16.619	118.341	61.306	8.981.647
34.025	56.812	214.127	121.088	38.294	600.194	51.838	16.510	108.609	62 869	9.216.150
34.025	56.809	214.127	130.904 [7]	37.581	585.738	52 441	16.510	108.609	53 726	9.608.466
34.025	56.811	214.127	164.828 [8]	37.589	575.768	43.594	16.510	108.609	73.394	9.571.780

Источники: Federal Rererve Bulletin Washington, 1926. Recueil Mensuel de l'Institut International du Commerce, Bruxelles, 1926.

Примечания: [1] Только по Австрии. [2] Окт. 16—29. [3] Включая 54.948.87 злот. (810.598.000) за границей. [4] Конверсионный фонд. [5] 31 марта 1914 г. [6] Включая небольшое количество золота за границей. [7] Включая 9.704.000 долл. банковского отдела. [8] Включая 36.990.000 долл. банковского отдела. [9] Кроме золота за границей.

Замеченные в настоящем номере опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
48	13 сверху	него	нас
55	10 »	асимптотическн	асимптотически
71	13 »	методом,	методом;
72	8 снизу	$a_n - 1$	a_{n-1}
»	7 »	$a\ (1+v)$	$a_{n-1}\ (1+v)$
78	20 »	было	было бы
90	13 сверху	26 интервалов	24 интервала
»	19 »	пяти интервалов, т.-е. в течение лолутора лет,	четырех интервалов, т.-е. в течение 16 месяцев,
93	18 снизу	I_{pt}	e_{-pt}
139	5 сверху	Частый	Частный
139	16 снизу	инфляции, ограждавшие	инфляция, ограждавшая
141	4 сверху	спекуляции, антиципируя экономическую погоду, а свидетельствуют	спекуляции, но, антиципируя экономическую погоду, свидетельствуют
146	23 снизу	и обрекало	обрекало

Кроме того, в диаграмме XIX ст. В. А. Базарова (стр. 92) пропущены условные знаки:

——— Отношение между темпами роста ден. массы и грузооборота;
- - - - - - - - Та же кривая, выравненная по формуле и т д.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

в № 4 (14) Бюллетеня Динамики Мирового Хозяйства

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
307	6	7 снизу	696,9	596,9
291	17	10 сверху	424	11.424
»	16	11 »	2.119	2.116
»	17	11 »	2.297	2.266
»	16	12 снизу	164,0	163,3
»	17	12 »	190,6	189,2
»	17	11 »	5.364	6.364
»	16	2 »	20,10	20,80
»	17	2 »	19,90	19,82
»	17	1 »	366	336,9
293	16	13 »	1.000,9	1.000,0
»	17	9 сверху	123,1	118
295	15	11 »	4.838	3.838
»	16	18 снизу	9,57	8,66
»	17	10 сверху	4,41	4,09
297	17	12 снизу	129	12,9

Издательство „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

МОСКВА, ВОЗДВИЖЕНКА, 5, ТЕЛ. 1-35-42.

ИЗ КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В ПРОДАЖУ в 1925 и 1926 гг.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Журнал „Плановое Хозяйство“—1925 г. №№ 1—12. Ц. комплекта 15 р.
Журнал „Плановое Хозяйство“ —1926 г. №№ 1—5. Ц. экз. в перепл. 2 р. 50 к.
Бюллетень Русской Экономической Прессы. Редактор А. Михайлов. 1925 г. №№ 1 — 16. Ц. комплекта 2 р.
Информбюллетень Госплана СССР. Редактор З. Миндлин. М. 1926 г. №№ 1—5. Ц. номера 40 к.
Обзор Союзной и Иностранной Экономической Прессы. Ред. Дм. Бухарцев и А. М. Михайлов. 1926 г. №№ 1—11. Ц. экз. 75 к.

ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ ГОСПЛАНА

Л. Бернацкий. Сверхмагистраль и сверхмагистрализация железнодорожного транспорта СССР. М. 1925 г. 260 стр. Ц. 4 р. 50 к.
С. Бобров. Индексы Госплана. М. 1925 г. 120 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Б. Гухман. Продукция и потребление СССР. Предисл. С. Г. Струмилина. М. 1925 г. 140 стр. Ц. 1 р. 40 к.
Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г. III изд. М. 1926 г. 102 стр. Ц. 75 к.
А. Костяков. Перспективы мелиораций в СССР (Европейская часть). М. 1925 г. 375 стр. Ц. 3 р. 50 к.
Лесные богатства СССР. Ред. С. Г. Струмилин. Пред. В. А. Базарова. М. 1925 г. 80 стр. Ц. 75 к.
Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Обзор Кон'юнктурного Совета Госплана. М. 1926 г. Ц. 3 р. 20 к.
Народное хозяйство СССР в I полугодии 1924/25 года. Обзор Кон'юнктурного Совета Госплана. М. 1925 г. 415 стр. Ц. 4 р.
Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Обзор Кон'юнктурного Совета Госплана. М. 1926 г. Ц. 3 р. 20 к.
Современная кооперация и ее проблемы. Сборник статей с предисл. И. Т. Смилги. М. 1925 г. 243 стр. Ц. 1 р. 75 к.
С. Струмилин. Рабочий быт в цифрах. М. 1925 г. 134 стр. Ц. 1 р. 60 к.
Проблемы планирования (Итоги и перспективы). М. 1926 г. Ц. 3 р. 50 к.

ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Л. Бернацкий. Ближайшие задачи строительства. М. 1926 г. 70 стр. Ц. 80 к.
Вопросы современного жилищного и промышленного строительства. М. 1926 г. 316 стр. Ц. 3 р.
Временные технические условия и нормы проектирования и возведения железобетонных сооружений. М. 1926 г. Ц. 1 р. 20 к.

ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

А. Горев. Силы природы и труд человека. М. 1926 г. Ц. 1 р. 50 к.
А. Горев. Электрификация Франции. М. 1926 г. Ц. 2 р.
А. Горев и Е. Горева. Хозяйственное и политическое значение электрификации в СССР. Выпуск I. М. 1926 г. 24 стр. Ц. 30 к.
А. Горев и Е. Горева. Достижения электрификации за границей и в СССР. Выпуск II. М. 1926 г. 32 стр. Ц. 40 к.
А. Горев и Е. Горева. План электрификации СССР. Выпуск III. М. 1926 г. 32 стр. Ц. 40 к.
С. Кукель. Мировая электрификация. М. 1925 г. 124 стр. Ц. 65 к.
С. Кукель. Электрификация деревни. М. 1926 г.
Г. Кржижановский, А. Горев и В. Есин. Четыре года электрификации СССР. М. 1926 г. 60 стр. Ц. 60 к.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1926 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

В журнале имеются следующие отделы:

1. **ЭКОНОМИКА и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**. — Руководящие статьи по основным вопросам экономической политики, теории и практики планового хозяйства, экономические исследования и проч.

2. **ЭКОНОМИКА и ТЕХНИКА**. — Энергетика. Наши реконструктивные достижения. Новейшие достижения техники как иностранной, так и союзной и проч.

3. **ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ**.— Статьи и обзоры по вопросам мировой экономики.

4. **ПО РАЙОНАМ**.—Статьи по вопросам экономического развития районов. Районирование.

5. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ**.—Систематические обзоры вновь выходящей экономической литературы.

6. **СТАТИСТИКА**.—Статистические исследования. Статистический бюллетень народного хозяйства СССР, под редакцией С. Г. Струмилина. Статистический бюллетень мирового хозяйства, под редакцией С. А. Фалькнера.

Подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ на 1926 г.:

На 12 мес. без переплета . . . . . **18** руб.
„ 6 „ „ „ . . . . . **10** „

Цена отдельного номера без переплета—**2** руб.

На 12 мес. в переплете . . . . . **22** руб.
„ 6 „ „ „ . . . . . **12** „

Цена отдельного номера в переплете—**2** р. **50** к.

Для заграницы подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ и на приложения повышается на 50%.

16013

Цена 2 р.

Издательство Госплана СССР
МОСКВА, Воздвиженка, д. 5. Тел. 1-35-42